ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПЛЕННИЦА ГОРА

ДЖОН НОРМАН

ПЛЕННИЦА ГОРА

Предыдущие книги серии:

ДЖ. НОРМАНА

ГОР

ТАРНСМЕНЫ ГОРА

СТРАННИКИ ГОРА

УБИЙЦА ГОРА

ПИРАТЫ ГОРА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДЖОН НОРМАН

ПЛЕННИЦА ГОРА

РОМАН

Москва
АРМАДА
1996

ББК 84.7 США
Н 82

John Norman
CAPTIVE OF GOR

Перевод с английского
А. Захарченко

Рисунок на переплете
П. Гуляева

Иллюстрации
К. Правицкого

Н $\frac{4703040100\text{-}34}{9С3(03)\text{-}96}$ Без объявл.

ISBN 5-7632-0109-4

© Художественное оформление, АРМАДА, 1996
© Перевод, Захарченко А., 1996

1
КЛЕЙМО

Это повествование написано по распоряжению моего хозяина, Боска из Порт-Кара, крупного торговца, некогда принадлежавшего, как я полагаю, к касте воинов.

Зовут меня Элеонора Бринтон. Прежде я была довольно богата и вела жизнь беззаботную, полную всяческих наслаждений.

Во всем, что со мной произошло, для меня очень много непонятного, поэтому я оставляю за читателем право самому доискиваться до истинной сути моих приключений.

История моя, как я подозреваю, далеко не единственная в своем роде и вовсе не столь удивительна, как это может показаться на первый взгляд. По меркам Земли я была женщиной в высшей степени красивой. Здесь же, в этом мире, я являюсь девушкой стоимостью в пятнадцать золотых монет, более привлекательной, чем многие другие, но значительно уступающей некоторым женщинам, о поразительной красоте которых я могу только мечтать. Я была приобретена для работ на кухне в доме Боска, моего нынешнего хозяина. Торговцы людьми, как я успела узнать, проложили путь между этим миром и Землей и регулярно курсируют по нему, доставляя сюда рабов. Среди прочих товаров женщины продаются

и покупаются на рынках этого странного мира, как самая обычная вещь. Если вы красивы и способны пробудить в мужчине желание, вам следует опасаться за свою судьбу и держаться настороже, где бы вы ни находились.

Жители здешнего мира оставляют за собой право поступать с землянками как им заблагорассудится. И тем не менее я считаю, что современную женщину может ожидать и гораздо более печальная участь, нежели перспектива оказаться в этом удивительном мире, пусть даже вас доставили сюда в качестве беспомощной игрушки для здешних мужчин.

Хозяин приказал мне не описывать этот мир во всех подробностях. Он потребовал остановиться на том, что со мной произошло, и уделить особое внимание моим мыслям и переживаниям. Причины его желаний мне не известны, но я постараюсь их выполнить с максимальной точностью. Мне и самой этого хотелось. Однако даже если бы это шло вразрез с моими желаниями, я все равно должна повиноваться: в данных условиях мое мнение не имеет большого значения.

Я получила хорошее, если не сказать отличное образование. Я провела мучительно долгие годы в закрытых пансионах и затем окончила один из лучших женских колледжей северо-западной части Соединенных Штатов. Сейчас все это время кажется мне потраченным напрасно, выброшенным впустую. В процессе учебы мне не доставляло труда получать высокие оценки. Уровень моего интеллекта позволял легко справляться с заданиями, требовавшими от моих подруг серьезных усилий. Мои родители были очень богаты, и заведения, в которых я обучалась, нередко получали от них крупные подношения. Мне никогда не приходилось сталкиваться с людьми, выказывавшими ко мне какое-либо нерасположение. Наоборот, преподаватели и наставники стремились угодить мне во всем. Помню, однажды я провалилась на экзамене по французскому. Принимала экзамен молодая женщина. Декан факультета, как он часто поступал в подобных обстоятельствах, отказался утвердить выставляемую оценку. Мне предложили пересдать экзамен другому преподавателю, и я без труда получила высший балл. В том же году женщина, принимавшая у меня эк-

замен, вынуждена была оставить школу. Мне было жаль ее, но она сама знала, что делает.

У меня, девушки из богатой семьи, никогда не было недостатка в друзьях и знакомых. Я пользовалась всеобщим вниманием и любовью. Но окружающие, как правило, не вызывали у меня интереса. Обычно я даже не могла припомнить, с кем разговаривала на очередной вечеринке. Каникулы я чаще всего предпочитала проводить в Европе.

Я могла позволить себе одеваться со вкусом. Волосы у меня всегда лежали так, как мне хотелось, даже когда казались чуть-чуть растрепанными, что, я знала, придает мне еще большее очарование. Ленточка, стягивающая их на затылке, дорогая, высшего качества губная помада, красивая блузка, изысканные, удобные и модные туфли и узкий, в тон юбке, плетеный кожаный поясок — все было тщательно продумано и отобрано из лучших образцов: мелочей в одежде для меня не существовало. Одежда вообще имела для меня чрезвычайно большое значение. Когда мне нужно было получить отсрочку для сдачи письменных домашних заданий, я нередко надевала самые демократические вещи, обходясь поношенными мокасинами, джинсами и каким-нибудь свитером. В особо важные моменты я даже не боялась измазать себе пальцы краской с ленты пишущей машинки. И всегда добивалась разрешения на отсрочку. Сама я, конечно, не перепечатывала своих работ, но выполнять их мне обычно нравилось самостоятельно. Это доставляло мне удовольствие. Выполненные мной работы казались мне лучше тех, которые я могла приобрести за деньги. Как-то один из преподавателей, у которого я только что добивалась отсрочки для сдачи очередных контрольных работ, не смог узнать меня в тот же вечер, когда мы встретились с ним на концерте симфонической музыки. Его место было двумя рядами впереди меня, и, занимая его, он окинул меня недоумевающим взглядом. В перерыве он попытался было подойти и заговорить, но я сделала вид, что мы не знакомы, и он ретировался, пылая от стыда и являя собой оскорбленную добродетель. На мне тогда, помню, была тонкая черная вуаль, нитка жемчуга, длинные белые перчатки и рос-

кошное вечернее платье. Этот тип больше не осмелился на меня даже посмотреть.

Я не знаю, когда я попала в поле зрения моих будущих похитителей. Это могло произойти и на оживленных улицах Нью-Йорка, и в тенистых скверах Лондона, и в каком-нибудь уединенном парижском кафе. А может, это случилось на пляжах Ривьеры или в загородных лагерях моего колледжа. Это могло произойти где угодно! На меня обратили внимание, и моя судьба была решена.

Я не стеснялась демонстрировать свою красоту и богатство. Я знала, что я лучше многих из тех, кто меня окружает, и не боялась этого показать. Интересно отметить, что какие бы чувства ни испытывали ко мне эти люди, они никогда не выказывали ни злобы, ни раздражения. Казалось, мое поведение, мое богатство окончательно подавляло их волю, воспринималось ими как должное, вызывало робость и желание повиноваться. Они всеми силами старались угодить мне в каждой мелочи. Я нередко забавлялась, притворяясь рассерженной или делая вид, будто забыла об их существовании, наблюдая тем временем за их реакцией. Они шли на все, чтобы добиться моего прощения. Они казались счастливыми при малейшем знаке моего внимания. Как я их презирала! Я просто использовала их в своих интересах. Их присутствие меня утомляло. Я была красива, богата и свободна в своем волеизъявлении. Они же были полным ничтожеством.

Мой отец нажил состояние на торговле недвижимостью в Чикаго. Ничто, кроме бизнеса, его не интересовало. Я не могу припомнить, чтобы он когда-нибудь меня обнял или поцеловал. Я даже не помню, чтобы он хоть раз в моем присутствии приласкал мою мать или она ответила ему тем же. Мать также была из очень богатой чикагской семьи, владевшей крупными земельными участками на побережье. Мне даже кажется, отца больше волновали не деньги, нажитые им в результате какой-то проведенной операции, а тот факт, что рядом всегда найдется человек более богатый, чем он. Это не давало ему покоя. Он был несчастным, не знавшим покоя человеком. Весь дом держался на матери; она же по-

стоянно устраивала приемы и вечеринки, которые очень любила. Отец, помню, говорил, что моя мать — лучшее вложение его капиталов. В его устах это звучало как серьезный комплимент. Мать была красивой, но своенравной женщиной. Как-то она отравила моего пуделя за то, что он порвал ее ночную рубашку. Мне тогда было семь лет, и я, помню, очень плакала. Собака была единственным существом, которое я по-настоящему любила. Когда я закончила колледж, ни отец, ни мать не присутствовали на торжественной церемонии вручения дипломов. К тому времени это был второй раз в моей жизни, когда я плакала навзрыд. У отца была назначена какая-то деловая встреча, а мать находилась в Нью-Йорке — где она в то время подолгу отдыхала — и в этот день давала обед для кого-то из своих друзей. Она прислала мне поздравительную открытку и дорогие часы, которые я тут же подарила одной из подружек.

В тот же год отец, которому едва перевалило за сорок, скончался от сердечного приступа. Мать, насколько мне было известно, поселилась в Нью-Йорке, на Парк-авеню, в окружении неизменной свиты прихлебателей. По завещанию она получила наше поместье в пригороде и всю недвижимость в Чикаго, мне же остались только ценные бумаги суммой, наверное, в три четверти миллиона долларов, стоимость которых периодически менялась в зависимости от конъюнктуры рынка — и иногда весьма существенно.

Однако была ли я владелицей трех четвертей или только полумиллиона долларов, меня, откровенно говоря, не очень интересовало.

По окончании обучения я начала жить самостоятельно и сняла пентхауз на крыше одного из небоскребов Нью-Йорка на Парк-авеню. Мы с матерью никогда не видели друг друга.

У меня не было особого желания продолжать учебу. Целыми днями я бездельничала, курила, но наркотиками не баловалась: это казалось мне глупым и совершенно бездарным времяпрепровождением.

Мой отец имел множество деловых связей в Нью-Йорке, а у матери было много влиятельных друзей. Несколько недель спустя после окончания колледжа я сде-

лала один из своих редких звонков матери, ожидая, что она может оказаться мне хоть в чем-то полезной. Я полагала, что новые знакомства будут мне приятны и сумеют меня развлечь. Уже через два дня после этого звонка я получила приглашение в два агентства для прохождения собеседования, которое оказалось простой формальностью. Я рассчитывала стать фотомоделью, однако девушек для подобного амплуа повсюду хватало в избытке. Среди сотен тысяч претенденток, предлагавших свои услуги, красота сама по себе не имела большого значения. При таком обилии выбора красота уже не являлась основным критерием и на первое место выступали совершенно иные качества, отличные от истинной привлекательности. Так получилось и в данном случае. Мне удалось выйти победительницей и в этом виде соревнований, хотя большого удовольствия это мне не доставило.

Мне нравилось работать фотомоделью, но продолжалось это всего несколько недель. Приятно было носить красивые наряды. Мне нравился сам процесс демонстрации одежды, хотя иногда это было довольно утомительно. Ассистенты и фотографы казались людьми утонченными, интеллигентными, несмотря на то что временами некоторые из них позволяли себе вульгарные шуточки. Они были профессионалами, а я любителем, и этим все сказано. Как-то один из них назвал меня кривляющейся стервой. В ответ я только рассмеялась.

Предложения сыпались на меня со всех сторон. Наиболее соблазнительным мне казалась демонстрация отдельных частей купальных костюмов, разрабатываемых одной очень известной компанией, название которой упоминать я не хочу, поскольку оно не служит целям настоящего повествования.

В понедельник вечером мне пришло очередное приглашение от этой компании. Я должна была участвовать в демонстрации новых моделей в среду утром. Вторник у меня оставался свободным. Свою цветную служанку я отпустила до среды, рассчитывая управиться с хозяйством самостоятельно. Мне хотелось побыть дома одной, почитать и послушать пластинки.

Во вторник я решила поспать подольше.

Проснулась я, когда солнце уже вовсю пробивалось сквозь задернутые шторы. Я лениво потянулась в кровати. День был теплым и ласковым. Я спала обнаженной, и свежие простыни приятно обнимали тело. Я протянула руку к стоящему у кровати журнальному столику и взяла лежащие на серебряном подносе сигареты. В комнате все было как обычно. Мягкие комнатные тапочки из шкуры коалы стояли на ковре у прикроватной тумбочки. Книги лежали на своих местах. Ночник слабо горел, как я и оставила его накануне. Будильник я не заводила, и часы продолжали идти, не подавая сигнала. Вкус сигареты показался мне неприятным, и я ее затушила. Полежав еще немного, я спустила ноги с кровати и привычным движением сразу попала в комнатные тапочки. Поднявшись, я набросила на себя пеньюар и направилась в ванную комнату.

Здесь я сбросила с себя халатик и, подвязав волосы, забралась под душ. Тугие струи горячей воды приятно забили по телу. Теплый солнечный день обещал быть наполнен негой и ласковой ленью. Я стояла под душем, запрокинув голову и закрыв глаза, позволяя воде ласкать мое тело. Затем я намылилась и начала растираться мягкой мочалкой.

Когда мои руки коснулись левого бедра, что-то меня неприятно поразило. Я нащупала на бедре нечто такое, чего раньше там не было. Я смыла с себя мыльную пену и наклонилась посмотреть, что вызвало у меня такое удивление.

Внезапно в глазах у меня все потемнело. Сердце бешено забилось. Я едва могла перевести дыхание. Меня всю трясло.

Боли я не чувствовала.

Еще вчера на ноге у меня ничего не было.

Теперь высоко на бедре виднелась глубокая отметина. Она была дюйма в полтора длиной, изящная и посвоему даже красивая. Я знала, что она не могла появиться в результате естественного ранения. Она была для этого слишком аккуратной, слишком утонченной. Ее могли поставить только сознательно, тщательно выбрав для этого место.

Все поплыло у меня перед глазами. Я пошатнулась и вынуждена была опереться о стену. Двигаясь, словно во сне, я смыла с себя остатки мыльной пены и закрутила краны с водой. Выйдя из ванной комнаты, я, как была — мокрая, босиком,— пошатываясь, побрела в спальню, где напротив кровати у стены стояло большое, в полный рост человека, напольное зеркало. Здесь мне снова показалось, будто земля уходит у меня из-под ног. На поверхности зеркала отчетливо виднелся еще один знак, который я, проснувшись, не заметила. Он был нарисован моей самой яркой губной помадой прямо посредине зеркала на уровне моего лица. Размером он был в полтора фута и в точности повторял изящную отметину у меня на бедре.

Отказываясь поверить в реальность происходящего, я снова и снова смотрела на себя в зеркало. Я трогала отметину на бедре и сравнивала ее со значком, изображенным на поверхности зеркала губной помадой.

Я почти ничего не знала о подобных вещах, но в назначении глубокой, отчетливо вырисовывающейся отметины у меня на бедре трудно было ошибиться.

В глазах у меня потемнело. Я потеряла сознание и упала на ковер.

На теле у меня стояло клеймо.

2

ОШЕЙНИК

Не знаю, сколько времени я так пролежала. Судя по положению солнца, пробивающегося в комнату сквозь задернутые шторы, прошло, наверное, не меньше часа.

Наконец я кое-как поднялась на четвереньки и снова посмотрела на себя в зеркало.

Из груди у меня вырвался дикий крик.

Я начинала сходить с ума!

Я поднесла руки к лицу и что было сил затрясла головой.

Я рвала на себе ошейник — узкую металлическую полосу, надетую на меня, пока я была без сознания. Я дергала его с остервенением, но тускло поблескивающая

полоска металла лишь больно впивалась мне в горло. Я начала задыхаться.

Собрав остатки воли в кулак, я отпустила ошейник. Дышать стало легче. Теперь я могла рассмотреть надетую мне на шею узкую полоску металла. Застежки на ней не было видно. Наверное, она находилась сзади. Я начала медленно поворачивать на себе ошейник, внимательно разглядывая его. Только в одном месте мне удалось обнаружить небольшое утолщение с крохотным отверстием, предназначенным, очевидно, для миниатюрного ключа. Эта штука была защелкнута, замкнута у меня на шее!

Полоска металла была сплошь испещрена какими-то знаками, буквами, которые я не могла прочитать, тем более в зеркале. Вероятно, это была надпись на неизвестном мне языке.

В глазах у меня снова потемнело. Все вокруг закачалось. Я отчаянно пыталась остаться в сознании.

В квартире должен был находиться кто-то, надевший на меня этот ошейник. Он непременно все еще должен быть здесь!

Я принялась растирать себе виски и до боли закусила губу. Я не должна потерять сознание! Мне нужна ясная голова!

Блуждающим взглядом я медленно обвела комнату. Она была совершенно пуста.

Сердце у меня колотилось так, словно готово было вот-вот выскочить из груди.

Опираясь на руки, я поползла к стоящему на ночном столике телефону. Меня душил страх, и я старалась двигаться беззвучно.

Гудка в телефонной трубке не было. Потянув за провод, я увидела, что он оборван. На глаза у меня навернулись слезы.

В гостиной был еще один телефонный аппарат, но он находился по ту сторону закрытой двери. Мне страшно было даже подумать о том, чтобы ее открыть. Я бросила взгляд на ванную комнату. Она также вызывала у меня панический ужас. Я не знала, кто может там скрываться.

У меня был маленький револьвер. Я никогда им не пользовалась, но едва лишь мысль о нем пришла мне в

голову, я мигом вскочила на ноги и подбежала к стоящему у стены комоду. Выдвинув верхний ящик, я сунула руки под сложенное белье и почувствовала прикосновение холодной стали. Я едва не закричала от радости. Я вытащила из ящика оружие и чуть не выронила его от неожиданности. Я не верила своим глазам. Потрясение было столь велико, что я разрыдалась. Я не могла понять, что произошло. Револьвер был изломан так, что уже ни на что не годился. Я бессильно уронила руки и бросила оружие обратно в ящик. Пошатываясь, я поднялась на ноги и посмотрела на себя в зеркало. Я чувствовала себя совершенно беспомощной. Все во мне оцепенело от ужаса.

Но это был не просто ужас.

Все, что со мной произошло, выходило за рамки знакомого мне, привычного мира. Происходящее напоминало, скорее, какой-то кошмарный сон.

Я подбежала к шторам, закрывающим окно спальни, и отдернула их.

За окном простирался залитый солнечным светом, утопающий в сизоватом дыму выхлопных газов огромный город. Насколько хватало глаз, он разбегался длинными улицами, образующими запутанный лабиринт из стекла и бетона. Со всех сторон на меня смотрели тысячи окон, перемигивающихся отраженными в них солнечными лучами.

Это был мой город, мой мир.

Я не могла оторваться от вида столь привычного мне Нью-Йорка.

Сомнений не было: это был мой мир!

Но я смотрела на него, стоя обнаженной перед окном, в надетом на меня ошейнике из какой-то темной стали, а на бедре у меня стояло клеймо!

— Нет! — вырвалось у меня.— Нет! Этого не может быть!

Я оторвалась от окна и на цыпочках подкралась к двери в гостиную. Дверь была приотворена. Я собралась с духом и приоткрыла ее еще на пару дюймов. Замирая от страха, я заглянула внутрь комнаты. У меня отлегло от сердца. Гостиная была пуста. Все лежало так, как я оставила вечером накануне.

Я побежала на кухню, примыкающую к гостиной, рывком выдвинула ящик стола и схватила лежавший там широкий разделочный нож. Держа его перед собой, я резко обернулась, но никто меня не преследовал.

С ножом в руках я почувствовала себя спокойнее. Почти не дрожа, я вернулась в гостиную, где на столе стоял второй телефонный аппарат. Подняв трубку, я с ужасом обнаружила, что шнур у него также оборван.

Я обследовала весь дом. Двери были надежно заперты. Снаружи, на террасе, никого не было.

Сердце у меня бешено колотилось, но я испытывала настоящее ликование. Я была одна! Я могла бежать отсюда. Скорее одеться и — бежать! Я должна обратиться в полицию...

Я бросилась к платяному шкафу, и в эту секунду в дверь постучали.

Я замерла от неожиданности, прижимая нож к груди.

Стук в дверь повторился.

— Откройте,— потребовал мужской голос.— Полиция!

У меня вырвался вздох облегчения. Все еще сжимая нож в руках, я подбежала к двери.

И тут меня пронзила страшная догадка.

Я не вызывала полицию!

Я замерла на месте, оцепенев от ужаса.

Отсюда, с крыши небоскреба, из пентхауза, никто не должен был услышать моих сдавленных вскриков. Обнаружив поврежденные телефонные аппараты, я не пыталась привлечь к себе чье-то внимание. Я хотела только выбраться из дома.

Кто бы ни был этот человек у входной двери, он не мог быть полицейским!

Стук в дверь повторился с новой силой. В висках у меня заломило.

— Откройте! — Голос человека звучал с большей настойчивостью.— Это полиция!

Я попыталась взять себя в руки.

— Одну минутку,— произнесла я как можно спокойнее.— Я сейчас открою. Подождите, пожалуйста. Я одеваюсь.

Стук прекратился.

— Хорошо,— ответили из-за двери.— Поторопитесь!

— Да-да,— ворковала я, изо всех сил стараясь сдержать дрожь в голосе.— Одну секундочку!

Я вбежала в спальню и торопливо оглянулась по сторонам. Затем сорвала с кровати простыни, вытряхнула из комода еще какие-то постельные принадлежности и, поспешно связывая их все вместе, выскочила на террасу. Перегнувшись через парапет, я почувствовала, как у меня моментально закружилась голова. Однако пятнадцатью футами ниже я увидела небольшую террасу, что-то вроде лоджии, десятки которых украшали стены здания. На террасу выходили апартаменты, расположенные этажом ниже.

Дрожащими руками я принялась торопливо привязывать конец простыни к каменному парапету, ограждающему мою выходящую на крышу небоскреба террасу. Второй конец связанных вместе простыней я перебросила через перила. Если бы я не была настолько испугана, у меня никогда не хватило бы смелости решиться на то, что я задумала.

В дверь забарабанили с новой силой. В частых ударах кулака чувствовалось едва сдерживаемое нетерпение стучавших.

Я кинулась в спальню, чтобы набросить на себя что-нибудь из одежды, но тут дверь задрожала под градом обрушившихся на нее ударов.

Я натянула первое, что попалось мне под руку, какую-то пижаму,— и тут сообразила, что не смогу взять с собой нож, так как при спуске мне придется держаться за простыни обеими руками. Наверное, я смогла бы зажать нож в зубах, но в тот момент я была настолько охвачена паникой, что мне это просто не пришло в голову.

Мощные удары срывали дверь с петель. Времени у меня не оставалось. Я швырнула нож на кровать, под подушку, и выскочила на террасу. Стараясь не смотреть вниз, я кое-как перелезла через парапет и, едва сдерживая подступающую к горлу тошноту, начала медленно спускаться по простыням. Моя голова уже скрылась за каменными плитами террасы, когда я услышала грохот

сорванной с петель двери и топот ворвавшихся в квартиру людей. Если бы только я успела добраться до нижней террасы, от которой меня отделяло каких-нибудь несколько футов, я была бы спасена. Я сумела бы привлечь внимание живущих там людей или выбила бы чем-нибудь стеклянную балконную дверь и через квартиру выбралась бы наружу.

Сверху, на моей террасе, раздались гневные голоса.

Снизу до меня доносился шум улицы, но в эту сторону я боялась даже посмотреть.

Мои ноги коснулись каменных плит нижней террасы.

Я была спасена!

Внезапно у меня перед глазами мелькнуло что-то мягкое, белое и плотно затянуло мне рот. Еще один кусок белой материи опустился мне на голову, и я почувствовала, как чьи-то руки затягивают повязку у меня на затылке.

Я попыталась закричать, но у меня не вырвалось ни звука.

— Она в наших руках,— услышала я чей-то голос.

3

ПУТЫ ИЗ ШЕЛКОВЫХ ВЕРЕВОК

Я с трудом пошевелилась. Все это напоминало кошмарный сон.

— Нет, нет,— бормотала я, изо всех сил стараясь сбросить с себя чудовищное наваждение. Мне казалось, что тело не слушается меня, что я двигаюсь не так, как бы мне хотелось. Это ощущение мне не нравилось. Оно меня раздражало.

Внезапно я проснулась.

Ощущение скованности во всем теле не проходило. Я решила сесть, но едва приподнялась на кровати, как меня отбросило назад.

— Она проснулась,— сообщил кто-то у меня над головой.

Рядом с моей кроватью стояли двое мужчин. Лица их были закрыты масками. Из гостиной через распах-

нутую дверь до меня доносились голоса еще каких-то людей.

Стоявшие у кровати мужчины в масках обменялись взглядами и вышли из спальни в гостиную.

Я ожесточенно заворочалась, пытаясь освободиться. Ноги у меня в щиколотках были стянуты шелковистыми веревками. Руки были туго связаны за спиной. Наброшенная на шею веревочная петля прижимала к спинке кровати и не давала подняться.

Кое-как мне удалось повернуться на бок и посмотреть в зеркало. На его поверхности все еще отчетливо виднелся странный знак, нарисованный моей губной помадой. Из глубины зеркала на меня смотрело бледное лицо с наполненными ужасом глазами и торчащим изо рта кляпом.

В груди у меня родился вопль отчаяния. Я снова попыталась ослабить веревки, но через несколько секунд услышала шаги возвращающихся в спальню мужчин и оставила тщетные усилия. Сквозь открытую дверь гостиной мне были видны спины двух человек в полицейской форме.

Мужчины в масках вошли в комнату и наклонились над моей кроватью.

Я хотела разжалобить их, пробудить в них сострадание, но мне не удалось издать ни звука. Тогда я плотнее сжала ноги и согнула их в коленях, чтобы хоть как-то прикрыть свою наготу.

Один из мужчин, ростом поменьше, протянул ко мне руку, словно хотел погладить по бедру, но второй бросил ему резкую, отрывистую команду. То, что это именно команда, я догадалась сразу, но язык, на котором она прозвучала, был мне незнаком.

Я заметила, что находившиеся в доме люди не разорили мою квартиру. Картины и репродукции, как прежде, висели на стенах, дорогие восточные ковры все так же устилали пол. Все оставалось на своих местах.

Отдавший приказ рослый мужчина вытащил из кармана странный предмет, по форме напоминавший толстую авторучку. Он отвинтил с обеих сторон корпуса

длинные колпачки, и я с изумлением обнаружила, что это вовсе не ручка, а тонкий короткий шприц.

Я испуганно замотала головой. Я не хотела никаких уколов!

Не говоря ни слова, рослый человек наклонился надо мной и глубоко ввел иглу мне в ягодицу.

Укол был болезненным, но никаких последствий я не испытывала.

Я лежала на боку и наблюдала за тем, как мужчина навинчивает защитные колпачки на корпус шприца и убирает его в кожаный футляр. Спрятав шприц в карман пиджака, он посмотрел на часы и заговорил со вторым мужчиной — на этот раз по-английски. Он говорил с ярко выраженным странным акцентом, не похожим на те, что мне доводилось слышать.

— Мы вернемся сюда после полуночи,— сказал он.— Тогда это будет легче сделать. Мы сможем добраться до пункта «Р» за пять часов. Ночью движение не будет таким интенсивным. К тому же сегодня вечером у меня еще есть кое-какие дела.

— Хорошо,— ответил низкорослый мужчина.— К полуночи все будет готово.

В его манере говорить не было заметно ни малейшего акцента. Английский, несомненно, являлся для него родным. Вероятно, ему трудно было общаться с первым мужчиной на родном для того языке. Однако когда первый отдал ему команду на том странном языке, он понял ее и немедленно подчинился. Я догадалась, что он побаивается рослого мужчину, своего начальника.

Делавший укол мужчина наклонился и нащупал у меня пульс. Некоторое время он молча считал удары, затем отпустил мою руку.

Вокруг все постепенно погружалось в темноту. Я ощущала приятное, обволакивающее тепло и легкую сонливость. Мне с трудом удавалось держать глаза открытыми.

Окинув меня внимательным взглядом, первый мужчина оставил комнату. Второй подошел к ночному столику, взял мою сигарету и прикурил ее от тонкой, изящной спички, которые я совсем недавно купила в

Париже. Бросив спичку в пепельницу, коротышка вернулся к моей кровати и с противной ухмылкой погладил меня по ноге. У меня не было возможности сопротивляться. Я едва не теряла сознание. Видя мою беспомощность, коротышка затянулся сигаретой поглубже и выпустил дым мне в лицо.

Донесшийся голос рослого человека показался мне приглушенным и далеким.

Коротышка поспешно отскочил от кровати.

В спальню вошел рослый мужчина, и я, насколько смогла, повернула голову, чтобы на него посмотреть. В открытую дверь гостиной мне было видно, как люди в полицейской форме оставили квартиру. Коротышка побежал за ними. Когда он выходил из комнаты, он снял с лица маску, но лица его рассмотреть я не успела.

Рослый мужчина смерил меня изучающим взглядом. Я изо всех сил старалась остаться в сознании.

— После полуночи мы вернемся,— сообщил мужчина — голос у него был сухим и сдержанным.

Я снова попыталась вытолкнуть изо рта кляп, но мне это не удалось. Сил у меня совсем не осталось. Единственным желанием сейчас было закрыть глаза и поскорее уснуть.

— Ты, наверное, хочешь знать, что с тобой будет? — спросил мужчина.

Я слабо кивнула.

— Кейджера не должна проявлять любопытство,— заметил мужчина.

Я ничего не поняла.

— Ты можешь быть за это строго наказана.

Я совершенно не способна была сейчас соображать.

— Скажем просто, что мы вернемся сюда после полуночи,— продолжал мужчина; в прорезь маски мне было видно, как его губы растянулись в улыбке. Глаза его, казалось, тоже смеялись.— Тебе будет снова введен наркотик,— сказал он.— А после этого мы подготовим тебя к транспортировке.

Он наклонился надо мной, вгляделся в лицо и вышел из комнаты.

Я проснулась в своей кровати все еще связанная.

Было темно. Сквозь открытую балконную дверь доносился шум ночного города. За отдернутыми шторами виднелись тысячи окон, за многими из которых еще горел свет.

Моя постель была влажной от пота. Я не имела ни малейшего представления о времени. Знала только, что сейчас ночь. Я оглянулась, чтобы посмотреть на будильник, но он был повернут к стене, и стрелок не было видно.

Я отчаянно заворочалась в стягивающих меня путах. Я непременно должна вырваться отсюда!

Я изо всех сил пыталась ослабить веревки, но лишь понапрасну потратила несколько драгоценных минут.

Внезапно меня пронзила спасительная мысль.

Нож!

Перед тем как эти люди ворвались в мой дом, я бросила его под подушку.

Я перекатилась на другой бок и зубами приподняла подушку. У меня вырвался стон облегчения. Нож лежал там, где я его оставила. Извиваясь всем телом, толкая нож то подбородком, то затылком, я отчаянно пыталась подсунуть его к связанным за спиной рукам. Это было мучительное занятие, требовавшее много сил и всей моей настойчивости. Нож упал на пол, и я застонала от досады и безнадежности моего положения. Веревочная петля все туже стягивала мне горло. Я задыхалась, едва не теряла сознание, и все же мне удалось опустить связанные ноги на пол. Теперь мне нужно было дотянуться до ножа и ступнями ног подвинуть его к себе. Это была чрезвычайно трудная задача. От меня потребовалось огромное мужество и настоящая виртуозность. Я проклинала веревку, привязывающую меня за шею к спинке кровати. Я рыдала от изнеможения. Я задыхалась. Сознание уплывало, и я словно сквозь ватную пелену слышала доносящиеся с улицы звуки ночного города. Пытке, казалось, не будет конца. И все же я каким-то чудом ухитрилась захватить нож связанными в щиколотках ногами и подтащить его к себе. Изгибаясь всем телом, я подсунула нож под спину и толкала его все выше, к связанным за спиной рукам. Еще несколько томительных

минут — и рукоять ножа коснулась моих ладоней. Радости моей не было предела.

Но тут оказалось, что я не могу дотянуться до стягивающих занястья веревок. Нож был у меня в руках, но воспользоваться им я не могла! Я готова была снова разрыдаться от отчаяния. Я снова и снова пыталась половчее ухватить широкое лезвие, но у меня ничего не получалось. И тут меня осенило! Я воткнула острие ножа в деревянную спинку кровати и навалилась на рукоятку плечом, сильнее вгоняя ее в дерево. Теперь я могла дотянуться до лезвия и принялась что было сил тереть об него стягивающие мне руки веревки. Четырежды лезвие соскакивало с веревок, и я больно ранила себе ладони, но каждый раз я снова устанавливала нож и опять принималась за работу. Наконец руки у меня были свободны. Я схватила нож и разрезала им веревки у себя на ногах и на шее.

Не теряя ни секунды, я вскочила на ноги и подбежала к часам. Сердце у меня едва не остановилось. Было половина первого ночи!

Перед глазами у меня все поплыло. Сказывалось длительное напряжение. Я вытащила изо рта кляп, и тут меня стошнило. Я опустилась на пол и, стоя на четвереньках, бесконечно долго приходила в себя.

Наконец мне удалось поднять голову.

На часах было уже тридцать пять минут первого!

Я поднялась на ноги и кое-как доковыляла до платяного шкафа. Распахнув дверцы, я схватила первое, что попалось мне на глаза — коричневые поношенные слаксы и черную широкую блузку.

Все во мне еще дрожало. Прижав одежду к груди, я испуганно огляделась.

И вдруг все внутри меня словно оборвалось.

В глубине комнаты в призрачном свете огней засыпающего города я увидела девушку. Она была обнажена и что-то держала, прижимая к груди. На шее у нее тускло мерцала узкая металлическая полоса, а на левом бедре отчетливо виднелось крохотное клеймо.

— Нет! — закричали мы в один голос.

Я замерла, дрожа от испуга. Силы окончательно оставили меня. Я опустилась в кресло и дрожащими рука-

ми с трудом натянула на себя слаксы. Надела блузку и заправила ее в брюки. Здесь же, под креслом, отыскала пару сандалий и устало бросила взгляд на часы.

Было тридцать семь минут первого.

Я подбежала к шкафу, вытащила небольшой чемодан и бросила в него пару платьев. Затем отыскала свою сумочку и поспешила в гостиную, где в маленьком сейфе за одной из картин у меня лежали кое-какие деньги: тысяч пятнадцать долларов и драгоценности я обычно держала дома. Я открыла дверцу сейфа и выгребла его содержимое в сумочку.

Вид разбитой входной двери привел меня в ужас.

На часах стрелка приближалась к сорока минутам первого.

Мне было страшно выходить через дверь. Я вспомнила про нож и побежала в спальню. Отыскала его и бросила в сумочку. Затем, дрожа от страха, выбежала на террасу. Простыней, по которым я спускалась на балкон этажом ниже, на парапете уже не было. Я снова вернулась в спальню. Простыни лежали здесь, отвязанные одна от другой и смятые, словно их приготовили отдать в прачечную.

Глаза у меня метнулись к зеркалу, и тело покрылось липким потом. Я поспешно подняла воротник блузки и застегнула его на верхнюю пуговицу, прикрывая сжимающую мне горло полоску металла. С поверхности зеркала на меня зловеще смотрел сделанный моей губной помадой странный знак. Подхватив сумочку и маленький чемодан, я выскочила через разбитую дверь и остановилась перед крохотным частным лифтом, расположенным в холле у входной двери.

Здесь я секунду помедлила и вернулась в спальню, чтобы взять свои наручные часы. Стрелки показывали сорок две минуты первого.

Я ключом открыла дверь лифта и спустилась этажом ниже, в зал, где находились лифты общественного пользования. Не теряя ни секунды, я нажала все кнопки вызова лифтов и подняла глаза на расположенные над дверьми указатели.

Два лифта уже поднимались вверх. Один из них находился на семнадцатом этаже, другой — на девятнадцатом. Они шли не на мой вызов!

У меня вырвался глухой стон.

Я бросилась к лестничной площадке и тут же замерла. Снизу доносилось пыхтение и звук шагов поднимавшихся по ступеням людей.

Я снова побежала к лифтам.

Один из них остановился на моем этаже. Я застыла, прижавшись спиной к стене.

Из лифта вышла пожилая пара — очевидно, муж с женой.

Я моментально оторвалась от стены и скользнула в кабину.

Женщина удивленно оглянулась, заметив, с какой поспешностью я нажимаю кнопку отправления лифта.

Когда двери моей кабины уже медленно закрывались, я услышала шум остановившегося на этой же лестничной площадке соседнего лифта и увидела спины выходящих из него мужчин в полицейской форме.

Медленно, невыносимо медленно мой лифт начал спускаться вниз. На четвертом этаже он остановился, и в кабину вошли три семейные пары и один мужчина с «дипломатом» в руках. Я едва дождалась, пока кабина остановится на нижнем этаже, и не успели двери лифта открыться, как я выскочила и поспешила в центральный холл. Однако сделав несколько шагов, я заставила взять себя в руки и оглянулась по сторонам.

В холле находилось несколько человек. Одни сидели, явно ожидая кого-то, другие просматривали газеты. При моем появлении ожидающие окинули меня безразличным взглядом. Какой-то мужчина, с трубкой в зубах, поднял над газетой голову и с любопытством посмотрел на меня. Может, он один из тех? Сердце у меня учащенно забилось. Через секунду мужчина вернулся к чтению газетного листка.

Мне нужно было добраться до подземного гаража, но я не хотела идти через вестибюль к противоположной стороне центрального холла. Я пройду по улице.

Приветствуя меня, швейцар на выходе прикоснулся к козырьку фуражки.

Я одарила его дежурной улыбкой.

Только на улице я в полной мере осознала, насколько душной выдалась сегодняшняя ночь. Ну и жара!

Я машинально потянулась к воротнику, чтобы его расстегнуть, и в ту же секунду вспомнила, что он закрывает стягивающую мне горло полоску металла.

Какой-то прохожий остановил на мне внимательный взгляд. Я невольно замерла на месте. Неужели он знает о надетом на меня ошейнике?

Нет! — встряхнула я головой. Какая глупость! Я даже рассердилась на себя за эти приходящие в голову мысли.

Стараясь держаться свободно и раскованно, я поспешила вдоль по улице ко входу в подземный гараж.

Ночь была жаркой. Очень жаркой.

Встретившийся прохожий окинул меня с головы до ног оценивающим взглядом.

Я прибавила шаг. Пройдя несколько метров, я оглянулась. Он смотрел мне вслед.

Я попыталась отбить у него охоту провожать меня взглядом и посмотрела на него с холодной пренебрежительностью, оскорбительной для любого мужчины.

Взгляда он не отвел.

Это меня испугало. Я смущенно опустила голову и поспешила прочь. Почему мне не удалось заставить его отвернуться? Почему он так пристально наблюдал за мной? Почему он не отвел посрамленно глаза, как это сделал бы любой другой на его месте, и не поторопился оставить поле проигранного сражения? Вот и сейчас он настойчиво продолжает провожать меня взглядом. Неужели он знает об отметине у меня на бедре? Может, он догадывается о ее существовании? Каким-то образом ощущает ее наличие? Может, она незаметно изменила мою манеру держать себя? Изменила меня саму? Сделала меня в чем-то отличной от остальных женщин этого мира? Неужели я никогда больше не смогу отвадить от себя назойливых мужчин? Чем это может для меня обернуться? Каким образом эта крохотная отметина способна так повлиять на всю мою будущую жизнь?

Внезапно я ощутила свою полную беспомощность, словно впервые в жизни по-настоящему почувствовала себя женщиной — подвластной и ранимой. Это ощущение было настолько сильным, что я на мгновение даже остановилась.

С трудом стряхнув с себя мучительное оцепенение, я вошла в помещение подземного гаража. Отыскала в сумочке ключи от машины и с вымученной улыбкой протянула их дежурному служащему.

— Вам нехорошо, мисс Бринтон? — участливо поинтересовался он.

— Все в порядке,— ответила я.

Даже он, казалось, смотрел на меня высокомерным взглядом.

— Пожалуйста, поторопитесь,— попросила я.

Служащий прикоснулся к козырьку фуражки и поспешно удалился.

Секунды ожидания потянулись для меня как годы.

Наконец из необъятных глубин гаража выплыла моя машина — маленький спортивный «Мазератти» с откидным верхом — и, мягко урча мотором, замерла в двух шагах от меня.

Я протянула служащему пять долларов.

— Благодарю вас,— учтиво поклонился он.

Он показался мне чем-то озабоченным, проявляющим ко мне излишнее внимание, даже любопытство.

Проходя мимо него, я невольно покраснела и с раздражением бросила на заднее сиденье чемодан и сумочку. Кипя от негодования, я села в машину и не с первой попытки пристегнула ремни безопасности.

Он захлопнул за мной дверцу и наклонился над опущенным стеклом.

— С вами все в порядке, мисс Бринтон? — снова спросил он.

Мне показалось, что он стоит слишком близко от меня.

— Да! Да! — воскликнула я, с силой вдавливая педаль газа.

Взревев мотором и оставляя на цементном полу следы покрышек, машина рванулась вперед и в одно мгновение пролетела несколько десятков футов, отде-

лявшие меня от входной двери. Здесь я задержалась, ожидая, пока служащий нажатием кнопки поднимет металлическую дверь, и через секунду уже выезжала на оживленную магистраль — в душную августовскую ночь.

Я опустила крышу автомобиля. Хотя ночь действительно была невыносимо душной, рвущийся навстречу горячий воздух мчался с такой скоростью, что приятно освежал мое пылающее лицо.

Внутри меня все пело и ликовало.

Мне удалось убежать!

На перекрестке я заметила полицейского и уже хотела было остановить машину, чтобы обратиться к нему за помощью, но в последний момент передумала. Те, ворвавшиеся в мою квартиру, тоже были в полицейской форме. Услышав мой рассказ, этот постовой наверняка решит, что я сошла с ума. А может, меня разыскивает именно полиция? Но за что? Кто эти преследующие меня люди? Чего они от меня хотят? Они могут быть где угодно. Нет, мне нужно бежать. Бежать как можно дальше отсюда!

Меня терзали мрачные мысли, но бьющий в лицо освежающий воздух придавал новых сил.

Главное — мне удалось убежать!

Я неслась по автостраде, выжимая из машины полный газ. Встречные машины уступали мне дорогу, провожая возмущенным ревом клаксонов. Я запрокинула голову и громко рассмеялась.

Вскоре я оставила город позади и, промчавшись по мосту Джорджа Вашингтона, повернула на север. Через несколько минут я уже пересекала границы штата Коннектикут.

Я посмотрела на часы. Стрелки показывали час сорок шесть.

Я радостно рассмеялась. Я снова была Элеонорой Бринтон — женщиной уверенной в себе и хладнокровной!

Мне пришло в голову, что лучше, пожалуй, держаться подальше от центральных магистралей и искать дороги с менее оживленным движением. Я свернула со скоростной магистрали в два ноль семь. За мной напра-

вилась еще одна машина. Вначале меня это не взволновало, но когда я оглянулась, выехав на параллельную дорогу, и увидела, что та машина по-прежнему следует за мной, меня охватил жуткий страх. Я резко прибавила газу. Преследователь также увеличил скорость.

У меня вырвался вопль отчаяния. Я больше не чувствовала себя Элеонорой Бринтон — женщиной богатой и уверенной в себе, гордой и высокомерной, отличавшейся тончайшим вкусом и изысканными манерами. Я была всего лишь до смерти перепуганной девчонкой, удиравшей неизвестно от чего,— девчонкой со странным клеймом на левой ноге и со стягивающей горло полоской металла.

— Нет! — кричала я вслух.— Я буду, буду Элеонорой Бринтон!

Внезапно у меня словно открылось второе дыхание. Я повела машину ровно и спокойно, выполняя сложнейшие повороты и перестроения с холодной решимостью и мастерством. Если они хотят гонок, я доставлю им такое удовольствие. Голыми руками Элеонору Бринтон им не взять! Кем бы они ни были, охота за Элеонорой Бринтон не покажется им пустой забавой!

В течение сорока пяти минут я шла впереди моих преследователей, иногда отрываясь от них, иногда, наоборот, теряя свое преимущество. Один раз им даже удалось приблизиться ко мне ярдов на сорок, но постепенно, фут за футом, я увеличила дистанцию между нами.

Наконец, когда нас разделяло уже больше двухсот ярдов, я выключила фары, резко свернула на обочину и остановила свой «Мазератти» за рядом тянувшихся вдоль дороги густых деревьев. Дорога в этом месте изобиловала частыми поворотами и ответвлениями. Мои преследователи, несомненно, решат, что я направилась по одному из них.

Я сидела в машине с потушенными огнями, прислушиваясь к ударам своего сердца.

Через несколько секунд преследовавшая меня машина пронеслась мимо и, скрипя тормозами, вписалась в ближайший поворот.

Я просидела в ожидании еще секунд тридцать и затем снова вывела машину на дорогу. Несколько минут я ехала с потушенными фарами, держась освещенной лунным светом разделительной полосы. Достигнув пересечения с более оживленным шоссе, я свернула на него, включила свет и продолжила движение.

Я перехитрила своих преследователей!

Я вела машину на север. Они, полагала я, конечно, решат, что, оторвавшись, я повернула назад, на юг. Они не смогут предположить, что я продолжу движение в прежнем направлении. Для такого решения они сочтут меня недостаточно сообразительной. Но я оказалась гораздо умнее их самих!

Было десять минут пятого.

Я остановилась в маленьком мотеле, состоящем из разбросанных вдоль шоссе бунгало — одноэтажных летних коттеджей с открытой верандой. Я выбрала один из тех, которые не были видны с дороги. Я уже не боялась своих преследователей. Они, конечно, не ожидают, что я могла остановиться сейчас, в такое время, вместо того чтобы продолжать удирать от них со всех ног. Поблизости от мотеля располагалась небольшая закусочная. Ее яркие неоновые огни манили меня с непреодолимой силой. Я не ела весь день и сейчас буквально умирала от голода.

В закусочной из посетителей никого не было. За стойкой стоял только мальчик-подручный.

— Присаживайтесь к стойке,— пригласил он.

Я потребовала меню. Пробежав глазами список блюд, я выбрала два сандвича с холодным ростбифом на поджаренном хлебе, кусок оставшегося с вечера яблочного пирога и чашку горячего шоколада с молоком.

В другое время подобная еда вызвала бы у меня только отвращение, но сейчас все показалось мне необычайно вкусным.

Вскоре я уже сняла на ночь бунгало — то самое, позади которого я оставила свою машину.

Я внесла вещи в коттедж и заперла за собой дверь. Я валилась с ног от усталости, но внутри меня все пело и ликовало. Я была в высшей степени горда собой и тем, как я вела дело.

Постель выглядела очень заманчиво, но я чувствовала себя грязной, несвежей и не могла позволить себе забраться в кровать не помывшись. Мне хотелось принять душ.

В ванной комнате я внимательно осмотрела странную отметину у себя на бедре. Она интриговала меня, приковывала к себе внимание. Несмотря на раздражение, которое она во мне вызывала, я не могла не отдать должное ее изяществу и законченности форм. Однако сам факт ее наличия на моем теле являлся для меня вызовом — вызовом, брошенным всей моей сущности, моей гордости и достоинству! Они пометили меня! Пометили, как какое-нибудь животное! Но сделали это, надо признаться, красиво.

Я посмотрела на себя в зеркало. Удивительно, но факт: эта отметина непонятным, невероятным образом только подчеркивала мою красоту.

Я была вне себя от ярости!

Кроме того, я поймала себя на мысли, что у меня вызывает любопытство этот след, оставленный прикосновением мужчины. Это открытие еще больше меня разозлило. Мужчины никогда меня особенно не интересовали, и это любопытство теперь, в такой момент вывело меня из себя. Я заставила себя выбросить из головы подобные мысли. Я — Элеонора Бринтон! Я не какая-нибудь бегающая за мужчинами девчонка!

Кипя от негодования, я осмотрела надетую у меня на шее полоску металла. Надпись на ней я, конечно, не смогла разобрать. Эта письменность, исполненная курсивом, была мне совершенно незнакома. Утолщение для запора на ошейнике было небольшим, но сам запор, очевидно, являлся довольно надежным. Металлическая полоса плотно прилегала к горлу, но неприятных ощущений не вызывала.

Рассматривая себя в зеркало, я поймала себя на мысли, что этот ошейник, как и отметина у меня на бедре, вовсе не столь уж непривлекателен. Он подчеркивал нежность моей кожи и стройность шеи. К тому же я все равно не могла его снять.

На секунду я почувствовала себя беспомощной пленницей, подвластной чужой воле, чьей-то законной соб-

ственностью. В моем сознании промелькнула странная картина: я, в ошейнике, с клеймом на ноге, совершенно обнаженная, лежу в объятиях какого-то дикаря.

По телу у меня пробежала крупная дрожь. Я поскорее отбросила от себя это наваждение. Никогда прежде подобных чувств или мыслей у меня не возникало.

Я поспешно отвернулась от зеркала.

Завтра же этого ошейника на мне не будет!

Я шагнула под душ и вскоре уже напевала, стоя под тугими горячими струями воды.

Приняв душ и закрутив краны, я насухо вытерлась полотенцем. Выйдя из ванной комнаты, я чувствовала себя пусть уставшей, но совершенно счастливой.

Я была в безопасности.

Я разобрала постель и взглянула на часы. Было без четверти пять.

Я завернулась в мягкие простыни и потянулась к тонкой цепочке торшера, чтобы выключить свет.

В эту секунду я его и увидела...

На призеркальной тумбочке лежала губная помада, вытащенная из моей сумочки, пока я принимала душ. На поверхности зеркала был нарисован тот же знак — странный и изящный,— который я носила на своем бедре.

Я потянулась к телефону. Аппарат молчал.

Входная дверь была незаперта, хотя я отлично помнила, что запирала ее. Теперь даже сам замок едва держался на шурупах.

Я подбежала к двери и захлопнула ее, прижавшись спиной. Из глаз у меня покатились слезы. Начиналась истерика.

Я бросилась к своей одежде и быстро натянула на себя штаны и блузку.

Может, у меня еще есть время? Может, они ушли? Или дожидаются снаружи? Я терялась в неизвестности, и это пугало меня больше всего.

Я бросилась к сумочке, где у меня были ключи от машины, и побежала к двери.

Здесь я остановилась. Мне страшно было прикоснуться к сломанному замку. Они, должно быть, дожидаются меня у выхода из коттеджа!

Я попятилась от двери, выключила свет и застыла посреди комнаты, погруженной в темноту. Затем я потихоньку подкралась к окну в задней части комнаты и осторожно отодвинула занавеску. Окно было закрыто на шпингалет. Я отодвинула задвижку. Рама, к моему облегчению, бесшумно скользнула вверх. Я выглянула наружу. Здесь, казалось, никого не было. Значит, у меня еще есть время. Но они могут дожидаться у входной двери! Или же они ушли, рассчитывая, что я не обнаружу нарисованный на зеркале знак раньше наступления утра? Нет, они, должно быть, ждут у входа.

Я вылезла в окно.

Чемодан я оставила в бунгало, взяв с собой только сумочку. Здесь у меня лежали пятнадцать тысяч долларов, драгоценности и — самое главное! — ключи от машины.

Я потихоньку открыла дверцу машины и села за руль. Мне нужно было включить зажигание и сразу же гнать на полной скорости, чтобы никто не мог меня остановить. Двигатель был еще теплым. Он заведется немедленно.

«Мазератти» ожил с пол-оборота ключа зажигания, взревел всей мощью своего двигателя и, расшвыривая камешки из-под колес, рванулся с места.

В одну секунду я обогнула угол своего бунгало, в щепы разметала ограждающий его низкий заборчик и, круто заложив руль в сторону, выскочила на автостраду. В темноте ничего не было видно, и мне пришлось включить фары.

Навстречу проносились редкие машины. Я не могла даже поверить, что мне удалось спастись, но никто меня не преследовал.

Выжимая полный газ, я одной рукой застегивала пуговицы на блузке, а другой вела машину. В сумочке я отыскала свои часы и надела их на руку. Стрелки показывали четыре пятьдесят две. Все еще было темно, но до рассвета оставалось уже недолго: в августе светает рано.

Повинуясь какому-то внезапному импульсу, я свернула на одну из пересекающих автостраду узких шос-

сейных дорог, добрую дюжину из которых я уже успела оставить позади. Если за мной кто-то гонится, им нелегко будет определить, какую именно из них я выбрала.

Однако преследования заметно не было.

Я начала успокаиваться. Постепенно сбросила скорость. Посмотрела в зеркальце заднего вида. Затем обернулась, чтобы рассмотреть дорогу получше.

То, что я увидела, не было похоже на машину — и оно двигалось за мной по дороге не маскируясь.

Сердце у меня едва не остановилось. В горле моментально пересохло.

Объект в нескольких сотнях ярдов позади меня двигался довольно медленно. У него, казалось, была только одна фара, но она широким лучом освещала дорогу не только впереди самого объекта, но и под ним, что создавало впечатление, будто он парит над залитым густым желтым светом бассейном, двигающимся вдоль дороги. Когда объект приблизился, я невольно вскрикнула. Перемещался он совершенно бесшумно. Не было слышно ни шума работающего двигателя, ни какого-либо другого исходящего от него звука. Он был черным, круглым и приплюснутым, очень маленьким — наверное, футов семи или восьми в диаметре и не больше пяти футов в высоту. Двигался он, не касаясь земли,— летел над дорогой.

Я выключила фары и поспешно съехала с шоссе, продолжая двигаться за скрывающими меня стволами густых деревьев.

Поравнявшись с тем местом, где я свернула с дороги, объект секунду помедлил и, к моему несказанному ужасу, двинулся в том же направлении, в котором ехала я. В желтом круге отбрасываемого им света я ясно различала след, оставленный на земле моей машиной.

Напуганная до предела, я повернула машину в поле и помчалась по бездорожью, усеянному бесчисленными рытвинами и колдобинами. Я была не в состоянии о чем-то думать и гнала машину, ежесекундно рискуя перевернуться.

Плавно перемещающийся объект двигался неторопливо, даже лениво, и тем не менее неуклонно сокращая расстояние между нами.

Внезапно мой «Мазератти» ударился передним бампером о выросший из темноты большой камень. Двигатель заглох, и я напрасно снова и снова пыталась его завести. Он только жалобно стонал в ответ, отказываясь проявлять какие-либо признаки жизни. Я же, не зная что делать, продолжала механически поворачивать ключ в замке зажигания. Внезапно машина оказалась в широком круге света, и я испуганно вскрикнула. Этот желтый мерцающий свет наполнил меня неизъяснимым ужасом.

Я выскочила из машины и бросилась в спасительную темноту.

Свет медленно перемещался по земле, но меня уже не захватывал.

Я добежала до деревьев. Спрятавшись под густыми ветвями, я испуганно наблюдала, как черный дискообразный предмет кружит над брошенной в поле машиной.

Вдруг из чрева этого аппарата вырвался узкий луч голубовато-серебристого света и коснулся моей машины. «Мазератти» при его прикосновении, казалось, вздрогнул, съежился и — к моему безграничному ужасу — внезапно исчез, словно испарился.

Я застыла, прижавшись спиной к стволу дерева, не в силах пошевелиться.

Вскоре серебристо-голубой луч пропал, и на его месте вновь появился круг желтого света.

Дискообразный объект развернулся и начал медленно двигаться в моем направлении.

Я заметила, что сжимаю в руках свою сумочку. Каким-то образом я инстинктивно прихватила ее, выскакивая из машины. В ней лежали все мои деньги, драгоценности и разделочный нож, который я сунула в сумочку, когда оставляла дом. Сбросив с себя оцепенение, я побежала, прячась под густыми ветвями деревьев. Вокруг стояла непроглядная темень. Я потеряла сандалии. Ноги у меня были разбиты в кровь. Блузка разо-

рвана. Жесткие ветви хлестали по лицу, путались в волосах. Я напоролась плечом на толстый сук и невольно вскрикнула от боли. Следующий обломок ветки оцарапал мне щеку. Я бежала не останавливаясь. Круг света настигал меня, но не мог поймать. Я ускользала от него, продираясь сквозь кусты и ветви деревьев. Временами он, казалось, захватывал меня, проходя в каком-нибудь футе от моих ног или над головой, но каждый раз мне удавалось спрятаться и убежать. Я едва держалась на ногах от усталости. Задыхаясь, ловила ртом горячий воздух. Ноги у меня подкашивались, но я продолжала сжимать в руках свою сумочку, спасая ее от ударов ветвей, царапавших мне лицо.

Я больше не могла бежать. Споткнувшись о какой-то корень, я упала и, задыхаясь, прижалась щекой к земле.

Круг света снова развернулся в моем направлении.

Я с трудом поднялась с земли и на подкашивающихся ногах побежала от него прочь.

Внезапно впереди, ярдах в пятидесяти от себя, на поляне, открывавшейся за стволами деревьев, я увидела россыпь ярких огней и бросилась к ним.

Каким-то образом мне хватило сил добежать, и я, едва не падая с ног, шагнула на поляну.

— Доброе утро, мисс Бринтон,— произнес у меня за спиной чей-то знакомый голос.

Я замерла, пораженная до предела.

В ту же секунду я почувствовала, как мне заламывают руки и скручивают их у меня за спиной.

Я слабо попыталась вырваться и тут же зажмурила глаза от окатившего меня со всех сторон яркого желтого света.

— Добро пожаловать в пункт «Р»,— сказал мужчина.

Теперь я узнала этот голос. Он принадлежал тому рослому человеку, который находился среди ворвавшихся в мой дом людей. Сейчас на нем не было маски. Я подняла на него глаза. У него были темные волосы, черные глаза, правильные, по-мужски красивые черты лица.

— Вы доставили нам много хлопот,— произнес мужчина и добавил, обращаясь к одному из стоявших рядом людей: — Принесите мисс Бринтон ее ножной браслет!

4

ТРАНСПОРТИРОВОЧНАЯ КАПСУЛА

Меня подвели к дальнему краю поляны.

Желтый свет потух, и на поляну мягко опустился черный дискообразный аппарат.

Вокруг все еще было темно, но до рассвета оставалось не так уж много времени.

В свете прожекторов я увидела, как на верхней части приземлившегося диска открылся люк и из него показался человек. Он был в черной тунике, одетый точно так же, как все те, кого я видела на поляне.

Постепенно поляну начал заливать свет включаемых прожекторов.

Я невольно раскрыла рот от изумления.

В центре поляны находился большой дискообразный аппарат — гораздо больший по размерам, чем только что приземлившийся, но не отличающийся от него по конфигурации. Он был футов тридцати в диаметре и футов семи-восьми в высоту. Сделан он был из какого-то черного металла. Расположенный на обращенной ко мне стороне люк был открыт, и от него отходил широкий трап, по которому могла производиться загрузка корабля.

— Кто вы? — прошептала я.— Что это такое?

— Можете ее отпустить,— сказал человек державшим меня людям.

Я почувствовала, что руки у меня свободны.

На другой стороне поляны я увидела грузовик. Люди в черных туниках сгружали с него различные ящики и складывали их рядом с кораблем.

— Тебе нравится твой ошейник? — поинтересовался выделяющийся своим ростом мужчина.

Руки у меня невольно потянулись к горлу.

Мужчина повернул меня к себе и расстегнул у меня на блузке верхнюю пуговицу. Я почувствовала, как он вставил ключ в замок надетой мне на шею металлической полосы. Мягко щелкнула пружина.

— У тебя, конечно, будет другой ошейник,— сказал мужчина, протягивая снятую с меня полоску металла стоящему рядом человеку.

Я стояла, теребя в руках свою сумочку.

— Отпустите меня, пожалуйста,— пробормотала я.— У меня есть деньги. Вот, здесь. И драгоценности. Возьмите! У меня есть еще. Все они — ваши. Отпустите меня, прошу вас!

Я раскрыла сумочку и вложила в руки мужчине пачку денег и пригоршню драгоценностей. Он посмотрел на них и отдал стоящему рядом человеку. Они были ему явно не нужны.

Я обреченно уронила голову.

Мужчина поднял мою левую руку и снял с нее часы.

— Они тебе больше не понадобятся,— сказал он, протягивая часы кому-то у себя за спиной.

Я успела заметить, что стрелки показывают без четверти шесть.

Разгружавшие машину люди начали снимать крышки со сложенных у люка корабля больших деревянных ящиков.

Меня охватил ужас.

Внутри каждого ящика находилась девушка, привязанная ко вделанным в доски металлическим кольцам. Все девушки были обнажены. Все были без сознания. Рты у них были заткнуты кляпом, а горло стягивали железные ошейники.

Мужчины отвязывали девушек, снимали с них ошейники, вытаскивали изо рта кляпы и застегивали у них на левой лодыжке нечто напоминающее полоску фольги или какого-то мягкого металла. После этого находящихся без сознания девушек стали переносить на корабль.

Я закричала и бросилась бежать.

Какой-то мужчина поймал меня за руку. Я выхватила из сумочки разделочный нож и полоснула им державшего меня по плечу. Мужчина вскрикнул и схватился рукой за рану. Его туника быстро влажнела от крови. Я вырвалась и снова побежала, но люди в черных одеяниях уже окружили меня плотным кольцом. Я замахнулась, готовясь ударить ножом каждого, кто посмеет ко мне приблизиться, но тут меня каким-то непонятным образом словно парализовало. Все тело онемело, и меня захлестнула волна боли. Я даже пальцем не могла

пошевелить. По щекам у меня побежали слезы. Люди в черных туниках отобрали у меня нож и подтащили меня к рослому мужчине.

Я подняла на него залитое слезами лицо. Он убирал в карман небольшой плоский предмет, напоминавший карманный фонарик.

— Боль скоро пройдет,— сухо поставил меня в известность мужчина.

— Пожалуйста,— бормотала я.— Прошу вас!

— В своей ярости ты была просто великолепна,— добавил он.

Я смотрела на него, не в силах отвести глаза.

Рядом, с кривой усмешкой на лице, стоял человек, которого я полоснула по плечу ножом.

— Пойди, пусть тебе перевяжут руку,— сказал ему рослый мужчина.

Человек согласно кивнул, еще раз усмехнулся и направился к грузовику.

К нам подошел один из людей, обслуживавших малый — тот, что меня преследовал,— черный дискообразный корабль.

— У нас мало времени,— сказал он.

Рослый мужчина кивнул. Он не спешил, не казался чем-то обеспокоенным.

— Стань прямо,— приказал он мне. Его тон был мягким, но не терпел возражений.

Я постаралась выпрямиться. Тело едва повиновалось. Шок от боли еще не прошел.

Человек прикоснулся рукой к продолжающей кровоточить царапине у меня на плече, оставленной веткой, на которую я напоролась, затем приподнял мне подбородок и внимательно осмотрел царапину у меня на щеке.

— Это нехорошо,— с неудовольствием заметил он.

Я промолчала.

— Принесите заживляющую мазь,— распорядился он, обернувшись к кому-то из помощников.

Через минуту принесли какую-то склянку, и мужчина нанес мазь на обе мои царапины. Мазь была без запаха. К моему удивлению, впиталась она почти мгновенно.

— Тебе следует быть более осторожной,— предупредил мужчина.

Я по-прежнему молчала.

— Ты могла выколоть себе глаз или нанести тяжелое увечье.— Он протянул склянку своему помощнику.— Но не беспокойся: после этой мази от твоих царапин не останется и следа.

— Отпустите меня! — воскликнула я.— Пожалуйста, отпустите!

— У нас мало времени,— напомнил человек в черной тунике.

— Принесите ее сумочку,— со спокойной вежливостью распорядился рослый мужчина.

Ему подали сумочку, валявшуюся на траве там, где я ее бросила, когда попыталась бежать.

— Может, тебе интересно узнать, каким образом нам удавалось следить за твоими перемещениями? — спросил мужчина.

Я молча кивнула.

Мужчина вытащил из моей сумочки плоский предмет.

— Как ты думаешь, что это? — спросил он.

— Моя компактная пудра,— ответила я.

— Нет,— рассмеялся мужчина.— Во всяком случае, здесь не только пудра.

Он перевернул пудреницу и отвинтил закрывающую ее нижнюю сторону крышку. Внутри находился крошечный цилиндр, впаянный в миниатюрную серебристого цвета плату, покрытую тончайшими медными волокнами.

— Этот прибор,— продолжал мужчина,— передает сигнал, который наше оборудование способно уловить на расстоянии более ста миль. Такой же прибор,— он снова рассмеялся,— мы установили под днищем твоей машины.

Я горько разрыдалась.

— Через шесть ен начнет светать,— сообщил человек в черной тунике.

Я догадалась о смысле непонятного термина, увидев, что небо на востоке посветлело.

Рослый мужчина кивком подал знак человеку в черной тунике. Тот поднял правую руку. Почти одновременно малый дискообразный корабль поднялся в воздух и стал медленно приближаться к большому кораблю. В верхней части большого корабля бесшумно открылся люк, и малый корабль, на секунду зависнув над ним, опустился вниз. Какое-то время мне были видны силуэты людей в черных туниках, крепящих внутри большого корабля его уменьшенную копию, затем люк стал на место. Рабочие убрали в кузов грузовика пустые деревянные ящики. На поляне тут и там сновали люди, собирающие оборудование, которое они также помещали в обтянутый плотным брезентом кузов грузовика.

Я уже могла потихоньку шевелить рукой. Онемение постепенно проходило.

— Но ваш корабль, этот маленький диск, кажется, не мог меня отыскать,— сделала я попытку возразить.

— Это он тебя и нашел,— заверил меня мужчина.

— Но ведь луч его прожектора ни разу меня не коснулся!

— Ты считаешь, что случайно вышла к месту нашей стоянки?

Не совсем понимая его вопрос, я удивленно кивнула.

Он рассмеялся.

— Ты все время старалась ускользнуть от луча и бежала в прямо противоположном от него направлении,— пояснил мужчина.

У меня вырвался глухой стон.

— Это мы привели тебя сюда,— добавил он.

Я разрыдалась с новой силой.

— Вы принесли ножной браслет для мисс Бринтон? — обернулся он к своему помощнику.

Ему протянули две круглой формы узкие полоски металла. Они были соединены тонким шнурком, в данный момент их защелки были открыты.

Я стояла, не в силах пошевелиться.

— Обрати внимание,— указал мужчина на черный корабль.

Поверхность корабля словно высветилась бесконечным множеством тускло мерцающих огней, появляю-

щихся, казалось, прямо из черного металлического корпуса, который буквально на глазах стал менять свою окраску, постепенно превращаясь в серо-голубой с белыми прожилками.

В это время я заметила на востоке первые проблески зари.

— Это способ маскировки с использованием светового поля,— пояснил рослый мужчина.— Довольно примитивный, откровенно говоря. Камуфлирование при помощи искажения сигнала радарной волны по своим возможностям более эффективно, но оно значительно сокращает способность ориентации нашего корабля в пространстве. К тому же обычно мы используем большой корабль только для длительных перелетов или для доставки грузов. Малые корабли имеют более широкое применение, хотя используются только ночью и в довольно ограниченных областях. Они, естественно, тоже оборудованы устройствами для маскировки как при помощи светового поля, так и с искажением сигнала радарной волны.

Я мало что поняла из его объяснений.

— Одежду с нее снимать? — спросил один из помощников.

— Не нужно,— ответил рослый мужчина.

Он обернулся ко мне.

— Ну что, пойдем на корабль? — спросил он.

Я не двинулась с места.

— Поторопитесь! — крикнул человек в черной тунике с борта большого корабля.— Через два ена начнется рассвет!

Я посмотрела на рослого мужчину.

— Кто вы? Что вы от меня хотите? — воскликнула я с мольбой в голосе.

— Кейджере не должно быть свойственно проявлять любопытство,— сказал он.— Ты можешь быть за это наказана.

Я смотрела на него в полном недоумении.

— Быстрее! Быстрее! — поторапливал человек в черной тунике.— У нас запланирована еще одна встреча!

— Прошу,— пригласил рослый мужчина, широким жестом указывая на корабль.

Я молча повернулась и на негнущихся ногах стала подниматься по спущенному на землю железному трапу. Колени у меня дрожали.

— Поторопись, кейджера,— напутствовал меня мужчина с мягкой настойчивостью.

Я поспешно поднялась по трапу и, стоя на борту корабля, обернулась.

Рослый мужчина остался на земле.

— Запомни этот день,— сказал он.— Сегодня солнце взошло над Землей в шесть шестнадцать по местному времени.

Я увидела, как край солнечного диска показался из-за горизонта и озарил небосвод на востоке своими розовыми лучами. Это был первый восход солнца, который я наблюдала в своей жизни. Я, конечно, не раз видела утреннюю зарю, когда просыпалась в кровати, чтобы перевернуться на другой бок и тут же заснуть. Но вот так, после долгой ночи, я встречала восход солнца впервые.

— Прощай, кейджера,— бросил мне напоследок рослый мужчина.

Я вскрикнула и протянула к нему руки, но тут трап пошел вверх, стал на свое место в пазах на корпусе, люк у меня над головой закрылся и наглухо замуровал меня в утробе корабля.

Я разрыдалась.

Меня подхватил сзади за руки один из людей в черных туниках. Обернувшись, я заметила у него на правой щеке крохотную татуировку в форме трезубца. Я пыталась сопротивляться, но он потащил меня по переходам, заполненным бесконечным переплетением каких-то труб и проводов. Затем он втолкнул меня в небольшое помещение с округлыми стенами, где в широких нишах располагались длинные прозрачные цилиндры, сделанные на вид из толстой пластмассы. В них находились девушки, которых на земле, прежде чем перенести их на корабль, снимали в деревянных ящиках с грузовика.

Один прозрачный цилиндр оставался пустым.

При моем появлении находившийся в помещении человек в черной тунике начал свинчивать крышку с верхнего конца пустого цилиндра.

К краям каждого цилиндра, как я успела заметить, подходили два шланга, тянувшиеся к укрепленному в стене непонятному устройству.

Я продолжала отчаянно сопротивляться, но двое мужчин — один держа меня за руки, другой сжимая мне ноги в коленях — втиснули меня в цилиндр. Моя прозрачная тюрьма была, наверное, дюймов восемнадцати в диаметре. Я кричала во весь голос и изо всех сил пыталась разбить толстую оболочку цилиндра.

Мужчины, кажется, не обращали на меня никакого внимания. Один из них начал навинчивать на цилиндр металлическую крышку.

Мне стало трудно дышать. Я начала задыхаться.

Закрепив крышку, мужчина присоединил длинный шланг к крошечному отверстию в цилиндре, расположенному у меня над головой.

Капсула начала заполняться кислородом. Дышать стало легче.

Второй мужчина подтянул шланг к отверстию, находящемуся у меня в ногах. Послышался легкий, едва уловимый звук удаляемого из капсулы отработанного воздуха.

Внезапно меня охватило ощущение, будто я нахожусь в кабине быстро поднимающегося скоростного лифта. Меня с силой прижало к стенкам цилиндра, и какое-то мгновение я не могла даже дышать. Я догадалась, что корабль оторвался от земли и взлетает. По тому, к каким частям цилиндра меня прижимает, я определила, что корабль набирает высоту, поднимаясь практически вертикально.

Все это время я не испытывала большого потрясения или беспокойства. Ощущение было пугающим своей неожиданностью, но не болезненным. Я не слышала ни какого-либо шума, ни звука работающих двигателей.

Через минуту-другую оба мужчины, держась за протянутые вдоль стен поручни, вышли из комнаты.

Странное ощущение продолжалось еще некоторое время, затем на несколько минут меня снова прижало к задней стенке цилиндра — на этот раз гораздо сильнее. И тут, к своему ужасу, я вдруг перестала ощущать на се-

бе действие каких-либо сил тяжести. Мое тело оторвалось от задней стенки цилиндра и медленно поплыло к противоположной, к передней. По прошествии какого-то времени легкая, почти незаметная сила развернула меня и подтолкнула к правой стенке цилиндра, которую я с удивлением для себя воспринимала теперь как нижнюю. Вскоре после этого в комнату вошел человек в черной тунике. На ногах у него были надеты башмаки с металлическими подошвами, при каждом его шаге словно прилипавшими к пластинам, которыми были выложены все стены этого странного помещения. Двигался человек тоже странно: он шел по стене комнаты, которая раньше была слева от меня, а теперь воспринималась мной как пол.

Человек подошел к механизму, от которого отходили тянувшиеся к капсулам шланги, и напротив одной из светящихся шкал передвинул на доске управления какой-то рычажок.

Через секунду я заметила, что в составе воздуха, заполняющего мою капсулу, что-то изменилось.

Светящиеся шкалы и набор кнопок к ним занимали всю верхнюю часть приборной доски, и каждая, конечно, соотносилась с определенной капсулой и находящейся в ней девушкой.

Внимание у меня начало рассеиваться. Я пыталась докричаться до этого человека в черной тунике, но он, по-видимому, меня не слышал. Или не хотел услышать.

Затуманивающимся сознанием я смутно уловила, как какая-то сила медленно развернула меня и прижала спиной к другой стенке цилиндра. Прежние «пол» и «потолок» снова стали на свои места.

Человек в черной тунике уже покинул комнату. Или мне это только казалось?

Блуждающим взглядом я смотрела сквозь прозрачный пластик цилиндра. Подняла руки и уперлась в толстые, прочные изогнутые стенки моей крохотной тюрьмы.

Элеоноре Бринтон — гордой и надменной — не удалось убежать.

Она — пленница, вспыхнула последняя мысль в моем затухающем сознании.

5

ТРИ ЛУНЫ НА ЗВЕЗДНОМ НЕБЕ

Мне трудно судить о том, что происходило дальше.

Не знаю, как долго я пробыла без сознания.

Под щекой я ощущала жесткую траву, а руками вцепилась в какой-то корень. Я попыталась закричать, но у меня не было сил даже пошевелиться. В сознании промелькнули события душной августовской ночи, показавшиеся мне кошмарным сном. Нужно поскорее снова уснуть и проснуться, уже лежа на мягкой постели в своей квартире, в пентхаузе на крыше небоскреба. Я сильнее зажмурила глаза, но прикосновение к щеке жесткой травы говорило мне, что я больше не в своей квартире, где все мне так близко и знакомо.

Я перевернулась на бок.

В лицо ударил солнечный свет. Он показался мне необычным.

Я приподнялась, упираясь руками в землю, и тут же испуганно вскочила на ноги.

Меня окружал не мой мир, привычный и родной; этот мир был каким-то странным, незнакомым — чужим!

Однако воздух показался мне удивительно чистым, прозрачным. На траве, густой и сочной, празднично сверкали капельки росы. Среди стеблей травы выглядывала желтая головка цветка, покачивающегося на тонкой ножке. Я наклонилась поближе. Я еще никогда не встречала таких цветов. Вокруг расстилалось зеленое поле, но в отдалении виднелись деревья — неожиданно высокие и черные. Еще дальше, в стороне от них, я увидела целый лес — тоже состоящий из деревьев, но не с зеленой или черной кроной, а с желтовато-коричневой, на удивление яркой. Где-то в отдалении слышалось журчание ручья.

Все было очень красивым, но я чувствовала себя испуганной.

Из травы взметнулась в воздух крохотная птичка с малиновым оперением, и я вздрогнула от неожиданности.

Вдалеке, у рощи с желтоватыми деревьями, я увидела неторопливо идущее грациозное животное с такой же

коричнево-желтой окраской. Оно было от меня очень далеко, и я не смогла его хорошенько рассмотреть, но мне оно показалось небольшим оленем или газелью. Животное пощипывало траву и вскоре скрылось среди деревьев.

Я оглянулась.

В сотне ярдов от себя я увидела груду искореженного черного металла, глубоко ушедшего в развороченную вокруг землю.

Это все, что осталось от дискообразного корабля.

Я заметила, что у меня на щиколотках уже нет узких полосок металла. Я не знала, когда их с меня сняли.

На мне все еще была одежда, в которой меня поймали: поношенные слаксы и широкая черная блузка. Сандалии я потеряла еще на Земле, когда пыталась убежать от преследовавшего меня малого дискообразного корабля.

При этом воспоминании я снова напряглась и приготовилась бежать куда глаза глядят, но вокруг не было заметно ни малейшего признака цивилизации.

Я почувствовала, что умираю от голода.

Осторожно пробираясь среди высокой травы и поминутно оглядываясь, я отыскала неширокую речку и, наклонившись, зачерпнула воды.

При моем приближении то, что я приняла за качающийся на поверхности цветок, внезапно разлетелось в разные стороны и оказалось стайкой крохотных желтовато-серебристых рыбешек.

Не переставая удивляться, я напилась свежей холодной воды.

Меня не оставляло желание убежать от корабля подальше; где-нибудь непременно должны быть люди, которые мне помогут. Однако корабль казался совершенно мертвым, неподвижным. Над ним беззаботно кружилось несколько ярких пичужек.

Я решила, что мне ничто не угрожает, зато на корабле могли оставаться какие-то запасы провизии.

Очень медленно, осторожно, шаг за шагом я приблизилась к кораблю. Подойдя к нему ярдов на двадцать, я обошла его со всех сторон. Он напоминал бесформен-

ную груду металла — искореженного, разорванного и местами оплавленного.

Признаков жизни на корабле заметно не было.

Тогда я подошла к нему поближе и заглянула внутрь через один из больших разрывов в корпусе. Края металла, образующего разрыв, были оплавлены. Внутри корабля, насколько хватало глаз, все было развороченo. Бегущий изнутри вдоль корпуса корабля трубопровод ощетинился обрывками торчащих во все стороны труб. Разбитые панели управления открывали взгляду обгоревшие платы каких-то сложных приборов и беспорядочное переплетение проводов. Пол был усеян осколками разбитых защитных экранов.

Стараясь о них не порезаться и не зацепиться о рваные края искореженного металла, я, сдерживая дыхание, забралась внутрь корабля.

Здесь, казалось, не было ни одной живой души.

Организация внутренней части корабля поражала рациональностью расположения многочисленных приборов и экономией свободного пространства. Однако сейчас сложная техника представляла собой сплошное месиво развороченного металла, пробираясь среди обломков которого мне нередко приходилось опускаться на четвереньки.

Я обнаружила помещение, служившее, очевидно, рубкой управления. Внутри помещения находились два кресла, расположенные перед широким, во всю стену, экраном. Еще четыре кресла, чуть поодаль, были обращены к бесформенной массе пластика и металла, прежде представлявшей собой, вероятно, панель управления. Машинный зал я не смогла отыскать. По-видимому, он находился в нижней части разрушенного корабля, добраться куда у меня не было никакой возможности. Какая бы сила ни приводила корабль в движение и каким бы оружием ни пользовались пилоты — если, конечно, на борту корабля вообще имелось оружие — управление им производилось именно из этого помещения.

Отыскала я и отсек, где находились прозрачные капсулы из тяжелого, толстого пластика или стекла, внутрь одной из которых на время перелета была помещена и

я. Сейчас крышки с капсул были сняты. Все они были пусты.

Внезапно я услышала за спиной какой-то шорох.

Мимо меня пробежало небольшое, покрытое пушистой шерстью существо с шестью ногами.

Я поспешно забралась на торчащие из стены обломки труб и замерла, затаив дыхание.

Зверек скрылся в густой темноте соседних помещений, но я уже не ощущала прежнего спокойствия.

Я никого не обнаружила внутри корабля.

Но где же все люди, которые на нем находились во время перелета? Корабль потерпел крушение, но на нем не было тел погибших. Если после аварии некоторые из членов экипажа остались в живых, куда они делись? Может, они скоро сюда вернутся?

Я снова прошла в центральный отсек корабля и осмотрела проломы в его корпусе. Они показались мне не похожими на результат простого крушения в результате аварии. Таких проломов в корпусе было четыре. Один, в днище корабля, достигал, наверное, футов трех в диаметре. Два других, в боковой части, были размером поменьше. Разрыв, через который я проникла на корабль, был самым большим. Он выглядел так, словно обшивочный лист был сорван и сила взрыва или ударная волна выгнула его края наружу. При этом в самой широкой части разрыв достигал девяти футов, а в самой узкой — никак не меньше четырех. На корпусе наверняка имелись и другие повреждения, но, как мне казалось, большинство из них, вероятнее всего, являлись результатом аварии корабля при соприкосновении с землей. Проломы же в корпусе, и особенно их правильная форма и оплавленные края, наводили на мысль, что корабль, вполне вероятно, подвергся нападению.

Это испугало меня больше всего, и я бросилась искать какие-нибудь запасы провизии или оружие.

Я отыскала комнату отдыха членов экипажа. Здесь я увидела несколько встроенных в стену шкафчиков, большое зеркало и шесть подвесных коек, прикрепленных к стене попарно, одна над другой. Дверцы шкафчиков были разломаны, сами шкафчики — пусты. На одной из кроватей виднелись следы крови.

Я поспешно оставила комнату.

В соседнем помещении находился крошечный камбуз. В дальнем углу, согнувшись, что-то вынюхивало существо величиной со средних размеров собаку. Обернувшись на звук моих шагов, животное подняло хищную морду и злобно зашипело. Длинная жесткая щетина у него на холке и на спине вздыбилась, и животное прямо у меня на глазах увеличилось, казалось, раза в два.

Я испуганно закричала.

Шкура у животного была густая, шелковистая, темно-коричневого цвета, с подпалинами. Налитые кровью глаза пылали злобой. Пригнувшись, словно для прыжка, животное снова оскалило пасть и зашипело, обнажив два ряда близко посаженных острых, как иглы, зубов. С двух пар верхних и нижних клыков стекала густая желтая слюна. У него было четыре ноги, в отличие от того, более мелкого, шестиногого существа, которое встретилось мне раньше. На голове, позади черных, тускло сверкающих глаз, виднелись два толстых рогоподобных отростка.

Животное сидело, нагнувшись над круглым металлическим предметом, который вполне мог служить экипажу корабля тарелкой, миской или другим столовым прибором.

Я снова почувствовала, что умираю от голода.

Нащупав рукой дверцу расположенного рядом с дверным проемом шкафчика, я потянула ее на себя и обнаружила, что на полках шкафчика ничего нет, за исключением нескольких железных кружек. Схватив пять-шесть кружек, стоявших ближе других, я, топая ногами, с истерическими воплями стала бросать их в напряженно замершее в углу животное.

Ударяясь о пластиковое покрытие стен, кружки с грохотом падали на вымощенный металлическими плитками пол.

Животное оскалило зубы и, прижимаясь к полу, бросилось в дверной проем. На мгновение я почувствовала, как его шелковистая шерсть скользнула по моим ногам. Я даже успела заметить его волочащийся по полу длинный розовый безволосый хвост.

Не в силах сдержаться от отвращения, я закричала во весь голос.

Едва животное скрылось в мрачных переходах корабля, я тут же захлопнула за ним двери камбуза.

Немного успокоившись, я открыла все находившиеся в комнате шкафы, ящики и коробки. Все, что было на корабле съестного, было унесено.

Значит, мне суждено умереть от голода!

Я обессиленно опустилась на пол и разрыдалась.

Наплакавшись вволю, я подползла к плоской металлической посудине, из которой ело это отвратительное, мерзкое существо, и, глотая слезы, сдерживая подступающую тошноту, подобрала оставшиеся объедки.

Это было жареное мясо. По вкусу оно напоминало говядину, но по жесткости и волокнистости мяса я поняла, что это нечто другое.

Пальцами, ногтями я соскребла с посудины все остатки еды. На тарелке не осталось ни крошки. Я даже облизала пальцы.

С пола я поднялась несколько окрепшей. Мне все еще хотелось есть, но сил у меня прибавилось.

Я снова обыскала все шкафы. На полках оставалась кое-какая посуда, но я не нашла ни ножей, ни чего-либо, что можно было использовать как оружие.

Тут мне показалось, что я нахожусь на корабле слишком долго. Я не обнаружила тел погибших, но в одном месте, на кровати, в комнате отдыха членов экипажа, мне попались на глаза следы крови. Если после аварии есть оставшиеся в живых, они могут вернуться.

Страх охватил меня с новой силой. В своих поисках съестного я забыла обо всем, даже о собственной безопасности.

Я осторожно приоткрыла двери камбуза и прислушалась.

Снаружи доносились птичьи трели.

Я открыла дверь пошире.

Птичка была маленькой, размером с воробья, но больше напоминала крохотного совенка с торчащими над глазами пучками волос. Крылья и хвост у нее были темно-красного цвета. Она сидела на обломке трубы и при моем появлении окинула меня удивленным, изуча-

ющим взглядом. Секунду-другую она смотрела на меня своими черными, навыкате, глазами и затем, словно чего-то испугавшись, быстро взмахнула крыльями и через пробоину вылетела из корабля.

Я тоже поспешила оставить эту мертвую груду железа.

Снаружи все казалось спокойным. Я остановилась и внимательно осмотрелась. За кораблем в отдалении возвышались черные деревья. По левую от меня сторону простирались поля. Еще чуть левее, вдали виднелась роща деревьев с желтоватой кроной, которую я заприметила часом раньше. Солнце на небосводе изменило свое положение, и тени стали длиннее. Судя по всему, день в этом мире клонился к вечеру. Было тепло, но в воздухе ощущалась легкая прохлада. Если на этой планете имелось деление на времена года — без чего природе трудно обойтись,— сейчас, наверное, стояла поздняя весна. Интересно, подумалось мне, как долго здесь продолжается год?

Рядом с кораблем я обратила внимание на примятую траву, словно здесь еще совсем недавно стояли ящики или нечто подобное. В другом месте я обнаружила клок женских волос. Чуть дальше по траве тянулась цепочка темно-бурых следов засохшей крови.

Нужно скорее убираться отсюда!

Я направилась было к темнеющей вдали роще желтоватых деревьев, но ее подавляющая мрачность вызвала у меня непреодолимый страх.

Внезапно с той стороны донесся приглушенный расстоянием хриплый рев какого-то крупного животного.

Это решило мои сомнения. Я побежала по заросшему густой травой полю, протянувшемуся до самого горизонта.

Не успела я отбежать достаточно далеко, как впереди, высоко в небе, я заметила быстро перемещающийся серебристый дискообразный объект. Он приближался, двигаясь в моем направлении. Я бросилась на землю, в траву, и закрыла голову руками.

Секунды тянулись одна за другой, но ничего страшного не произошло.

Я осторожно подняла голову. Серебристый диск опускался на землю рядом с обгоревшими остатками черного корабля.

Сам черный корабль в это время пылал ярко-красным светом. Через несколько секунд свечение прекратилось.

Тогда люки на верхней части серебристого корабля открылись, и на землю спустились люди. В руках у них были трубочки или трости — возможно, какое-то неизвестное мне оружие. Они, как и люди с черного корабля, были одеты в туники, но не черного, а ярко-алого цвета. Головы у них были гладко выбриты. Некоторые из этих людей рассыпались вокруг черного корабля, другие с оружием в руках забрались внутрь.

И тут, к моему ужасу, из серебристого диска показалось громадное темно-золотистого цвета шестиногое существо, двигавшееся на четырех длинных задних конечностях и державшееся при этом прямо, высоко подняв крупную голову. У него были большие выпуклые глаза и похожие на антенны длинные усики. Выбираясь из диска, оно двигалось очень ловко, с изяществом и даже грациозно и, спустившись на землю, быстро скрылось внутри черного корабля. Некоторые из людей последовали за ним.

Через минуту, не больше, существо и сопровождавшие его люди снова показались из черного корабля и перебрались на серебристый диск. Люки за ними тут же закрылись, диск беззвучно оторвался от земли и поднялся в воздух на несколько сотен футов. Он облетел останки черного корабля и завис прямо над ними. Внезапно все вокруг озарилось вспышкой невыносимо яркого голубого света, сопровождавшейся волной докатившегося до меня жара. Я поспешно опустила голову в траву. Когда я снова подняла глаза, серебристый диск уже улетел. Не было видно и останков черного корабля. Когда страх у меня улегся, я вернулась к месту его крушения. Земля вокруг на несколько десятков футов была опалена, но от самого корабля мне не удалось отыскать даже следа: ни куска обгоревшего металла, ни мотка проволоки, ни осколков стекла — ничего!

Откуда-то издалека снова донесся рев крупного животного.

Я поспешно оставила это наводившее на меня ужас место и побежала по заросшему травой полю.

Добравшись до речки, из которой я пила утром, я вошла в воду и стала переходить ее вброд. Вода в ручье доходила мне до пояса.

Внезапно что-то ударило, а затем ужалило меня в ногу.

Я закричала и, бросившись в воду, поплыла, работая руками и ногами изо всех сил.

Выбравшись на берег, я снова побежала.

Должно быть, я бежала, а затем, выбившись из сил, брела в течение нескольких часов.

Наконец я остановилась, чтобы передохнуть. Я упала и утонула в густой, сочной траве. Глаза у меня были закрыты. Внезапно я услышала шелест и какой-то легкий хруст. Я быстро подняла голову и открыла глаза. Увиденное наполнило меня таким ужасом, что у меня от страха волосы зашевелились на голове. Растение представляло собой толстую лиану с усиками, покрытую широкими мясистыми листьями. Конец лианы, его безглазая стручкообразная голова, расщепленная посередине, поднималась с земли и медленно раскачивалась из стороны в сторону. В разинутой пасти виднелись неправдоподобно длинные изогнутые зубы-шипы.

Я испуганно вскрикнула и вскочила на ноги. Причудливое растение внезапно рванулось вперед и достало меня. Оно намертво вцепилось мне в штанину на правой ноге. Я изо всех сил дернула ногой, оставляя у него в зубах кусок оторванной материи. Оно бросалось снова и снова, очевидно ощущая мое присутствие по запаху или теплу моего тела. Однако оно было прикреплено к уходящему в землю корню и поэтому не могло до меня дотянуться.

Меня охватил такой ужас, что я едва могла пошевелиться. Я стояла, закрыв лицо руками, и кричала во весь голос. Вдруг до меня донесся шорох, раздавшийся сзади, у меня за спиной.

Я испуганно оглянулась и увидела, как еще одно растение поднимает с земли свою усеянную зубами голову, а рядом шевелится еще одно, и еще одно, и еще..

Не переставая кричать, не разбирая дороги, я бросилось прочь отсюда.

Вскоре я выбралась из опасного места.

Я продолжала бежать, а потом идти еще несколько часов.

Стало темно. Заметно похолодало.

У меня больше не было сил. Я упала в траву.

Ночь была темной, ветреной, невыразимо прекрасной. По небу неторопливо плыли силуэты облаков. Я давно успокоилась и зачарованно смотрела на звезды. Никогда еще я не видела таких крупных, таких ярких, сияющих так близко.

«Как красив этот удивительный мир,— подумалось мне.— Как он прекрасен!»

Я лежала на спине, положив руки под голову, и любовалась звездной россыпью, сияющей на черном бархате неба, и тремя полными, заливающими землю желтым мерцающим светом лунами.

Вскоре усталость взяла свое, глаза у меня закрылись, и я забылась тяжелым, тревожным сном.

6

Я СТАЛКИВАЮСЬ С ТАРГО, ОКАЗЫВАЮЩИМСЯ РАБОТОРГОВЦЕМ

Я проснулась еще до рассвета. Было очень холодно, пасмурно и сыро. Я вся окоченела. Каждая клеточка моего измученного тела ныла и стонала от боли. Есть хотелось сильнее, чем прежде. От выпавшей росы одежда у меня промокла насквозь и не согревала. Я чувствовала себя брошенной и несчастной. А главное — одинокой. Я была совершенно одна! Голодная, холодная, одинокая в этом чужом, враждебном мире!

Мне не оставалось ничего другого, как закрыть лицо руками и разрыдаться.

Мне теперь казалось, что я была в этом мире единственным живым человеком. Здесь разбился доставивший

меня корабль, но эта планета, вполне возможно, не является родным для него миром. Для второго, серебристого корабля, пришедшего уничтожить первый, этот мир также мог быть чужим. Я не нашла никого, кто уцелел после крушения первого корабля. Второй корабль тоже улетел. Обстоятельства складывались так, что я действительно могла оказаться в этом мире единственным живым разумным существом.

Я тяжело вздохнула и поднялась на ноги.

Вокруг, насколько хватало глаз, тянулись заросшие густой травой степи. Они тускло сверкали каплями росы и в серой предрассветной мгле выглядели совершенно необитаемыми.

И среди этих безбрежных унылых полей я была совершенно одна!

Я побрела куда глаза глядят.

Где-то над головой, приветствуя приближающийся восход солнца, защебетала одинокая птица. Заслышав мои шаги, приподнялся на задние лапы какой-то крохотный пушистый зверек с двумя длинными, выступающими над губой передними зубами. Он окинул меня изучающим, неодобрительным взглядом и тут же скрылся в траве.

Я продолжала идти, не разбирая дороги.

Наверное, скоро мне суждено умереть от голода. Здесь совершенно нечего есть.

По щекам у меня сами собой покатились слезы.

Бросив взгляд вверх, я увидела пару кружащихся в вышине больших белых ширококрылых птиц. Они тоже казались брошенными и одинокими в этом сером, неприветливом небе. Они, наверное, тоже хотят есть, подумалось мне.

Я не могла понять, что со мной произошло. Все было просто необъяснимо. Мне вспомнилось, как я проснулась в то злосчастное августовское утро, как принимала душ, вытиралась полотенцем. Вспомнились люди, вломившиеся в мой дом, мои тщетные попытки от них убежать, их стоящий на поляне черный корабль и прозрачный цилиндр, в который они меня зачем-то поместили. Затем на память пришло мое пробуждение уже здесь, в этом мире, на поле, заросшем густой жесткой

травой, и обломки врезавшегося в землю черного корабля. А потом прилетел этот второй, серебристый корабль и уничтожил останки первого.

И вот теперь я совсем одна!

Подумать только: Элеонора Бринтон в полном одиночестве бредет по бескрайним полям этой чужой, незнакомой планеты, о которой она никогда даже слыхом не слыхивала!

Я тяжело вздохнула и продолжала идти.

Наверное, через два часа после восхода солнца я набрела на выступающие из земли скалы. Здесь в небольшом каменном углублении скопилось немного дождевой воды, и я с жадностью напилась.

Поблизости, к моей несказанной радости, я обнаружила несколько кустиков с крупными красными ягодами. Ягоды оказались даже довольно приятными на вкус, и я почувствовала какую-то симпатию к этой дикой планете.

Солнце продолжало свой неспешный дневной путь, заметно потеплело. Раз или два начинал накрапывать мелкий дождь, но я к нему уже привыкла. Воздух был чистым и свежим, трава зеленой, а по синему небу безмятежно ползли густые пушистые облака.

Когда солнце поднялось уже высоко над головой, мне посчастливилось отыскать еще несколько кустов с красными ягодами, и на этот раз я наелась вволю. Неподалеку в другой скальной гряде я нашла в расщелине столько дождевой воды, что мне хватило не только напиться, но даже умыться.

После этого я снова двинулась дальше.

Теперь я уже была не столько напугана, сколько раздражена всем происходящим. Мне казалось невозможным, что я здесь выживу.

Хотя все здесь так красиво!

Я даже пробежала по траве, чувствуя, как легкий ветерок развевает мои волосы. Радуясь, что никто меня не видит, я высоко подпрыгнула в воздух, затем еще раз и весело рассмеялась. Я никогда не позволяла себе так скакать с тех пор, как была маленькой девочкой.

Затем я пошла с большей осторожностью, так как заметила в траве похожие на лианы растения с широкими

мясистыми листьями и длинными гибкими усиками. Я остановилась у одного растения и стала наблюдать, как оно реагирует на мое присутствие. Этот хищник растительного мира с тихим шорохом изогнулся, и с земли начала медленно подниматься его приплюснутая стручковидная голова с усеянной острыми зубами раскрытой пастью.

Однако я уже не боялась этих хищников. Я знала, что они опасны и от них следует держаться подальше.

Я продолжала путь.

Животных я не видела.

Время от времени мне попадались кустики с красными ягодами и скальные останцы, где я почти неизменно находила природные резервуары с дождевой водой.

Но я со все большей остротой ощущала свое одиночество.

Когда солнце начало клониться к заходу, я опустилась на траву отдохнуть, выбрав для этого небольшую ложбину между двумя пологими холмами.

Интересно, подумалось мне, насколько у меня велики шансы спастись?

И главное — кто мне в этом поможет?

Я давно поняла, что этот мир для меня чужой. Доставивший меня сюда корабль — насколько я могла судить по своим скромным познаниям — по своим возможностям намного превосходил все достижения современной земной техники. Люди, захватившие меня, как и те, что управляли кораблем, были, несомненно, человеческими существами или, по крайней мере, были на них похожи. Даже те, кого я видела возле серебристого корабля, за исключением высокого, грациозного шестиногого существа, очень походили на людей.

Но черный корабль разбился, а серебристый улетел, и, возможно, на другую планету.

Но я хочу, чтобы меня спасли! Я должна быть спасена!

Эти мысли неотвязно преследовали меня, однако большого страха я не испытывала.

Я могла прожить в этом мире.

Но я чувствовала себя очень одинокой.

«Здесь нечего бояться,— убеждала я себя.— Здесь есть вода, отыщется и какая-нибудь пища. Я уже нашла ягоды, найду и еще что-нибудь съедобное — фрукты или лесные орехи».

Я даже засмеялась, настолько мне приятна была эта мысль.

И тут же опять загрустила, вспомнив, что я здесь совсем одна. Если мне суждено погибнуть в этом мире, я, конечно, умру не от голода, а от одиночества.

От этой безрадостной мысли у меня уже начали снова наворачиваться слезы на глаза, как вдруг порыв ветра донес до моего слуха приглушенный расстоянием звук, ошибиться в природе которого было невозможно: это был звук человеческого голоса.

Я мгновенно вскочила на ноги и что было сил побежала к ближайшему пологому холму. Взобравшись на вершину, я лихорадочно огляделась и тут же бросилась по склону вниз — размахивая руками, спотыкаясь, падая и поднимаясь вновь. По щекам у меня текли слезы радости.

— Стойте! — кричала я.— Подождите!

Это были люди! Я буду спасена! Они дадут мне пищу и укрытие! Они спасут меня! Спасут!

— Стойте! Подождите! — рвалось из меня отчаянное желание быть услышанной.

По полю двигался фургон. Возле него шагали семь или восемь мужчин. В фургон не было запряжено какого-либо животного. Перед ним двигались пятнадцать — двадцать девушек, все обнаженные. У каждой через плечо был надет широкий ремень. Рядом с ними шагали двое мужчин. Сам фургон выглядел довольно потрепанным. Его навес из полосатой сине-желтой материи местами был разорван. На скамье в передней части фургона сидел низкорослый полный мужчина в одеянии того же цвета, также рваном.

Вся процессия остановилась и с изумлением обернулась в мою сторону.

Я бежала к ним по склону холма, захлебываясь от радости.

Двое мужчин кинулись мне навстречу. Двое других, огибая холм с противоположных сторон, начали взби-

раться на его вершину. Эти последние не обращали на меня внимания.

— Я Элеонора Бринтон,— представилась я поспешившим встретить меня мужчинам.— Я из Нью-Йорка. Планета Земля. Я заблудилась.

Один из мужчин схватил меня за левую руку, другой завел мне за спину правую. Подталкивая меня отнюдь не дружелюбно, они повели меня вниз, туда, где дожидались сбившиеся вокруг фургона люди.

Через минуту в сопровождении крепко державших меня за руки мужчин я уже стояла возле фургона.

Развалившийся на скамье толстый коренастый человек в сине-желтом разорванном до самой груди одеянии едва удостоил меня взглядом. Все его внимание было устремлено на вершину холма, куда продолжали взбираться двое мужчин. Поднявшись на вершину, они стали осматривать окрестности. Еще двое людей из числа сопровождавших фургон отошли к соседним холмам, отстоящим на несколько сотен ярдов, и начали что-то искать там. Стоящие неподвижно перед фургоном девушки с широкими ремнями на плечах, казалось, понимали смысл происходящего.

Я же отказывалась что-либо понимать и только беспомощно оглядывалась вокруг.

У восседающего на скамье толстого мужчины в ушах покачивались массивные золотые серьги, украшенные крупными сапфирами. Его волосы, темные и длинные, казалось, не знали хорошего ухода. Они были грязными, жирными и нечесаными, стянутыми на голове такой же несвежей желто-синей шелковой лентой. На ногах у него были кожаные сандалии, ремни которых усыпали крупные жемчужины. Стопы, ремни и сандалии были запыленными. Некоторые жемчужины на ремнях отсутствовали. Маленькие пухлые руки мужчины были унизаны кольцами. Под давно не стриженными ногтями чернел слой грязи. По тому, как он держался, я догадалась, что этот коротышка, должно быть, отличается высокомерием и привередливостью, но сейчас он выглядел уставшим и чем-то озабоченным.

Вскоре вернулся один из мужчин, отправлявшихся на поиски к дальним холмам. Судя по его огорченному

виду, поиски оказались безрезультатными. Обращаясь к сидящему на скамейке толстому человеку, он назвал его Тарго.

Тарго выслушал его доклад и снова обернулся к вершине холма. Заметив его вопросительный взгляд, находившийся там мужчина покачал головой и в патетическом жесте воздел руки над головой. Он тоже ничего не нашел.

Тарго вздохнул с видимым облегчением.

Он посмотрел на меня.

Я постаралась улыбнуться ему поприветливей.

— Большое вам спасибо за то, что вы меня спасли,— обратилась я к нему.— Меня зовут Элеонора Бринтон. Я живу в Нью-Йорке, это такой город на планете Земля. Я бы хотела туда вернуться, и как можно быстрее. Я довольно богата и обещаю, что, если вы поможете мне вернуться, я вас щедро отблагодарю.

Тарго смотрел на меня изумленно. Он абсолютно ничего не понимал.

Мне же отчего-то казалось, что раз мои похитители на Земле говорили по-английски, то и здесь хоть кто-нибудь должен понимать этот язык.

Вернулся еще один мужчина. Я думаю, он доложил, что его поиски тоже ничего не принесли. Тарго выслушал его и куда-то отправил — должно быть, в оцепление. Кто-то из его помощников позвал одного из находившихся на вершине холма, приказав ему спускаться. Второй так и остался на вершине — тоже, вероятно, на посту.

Я несколько раздраженно, но достаточно терпеливо повторила свои слова толстому человеку. Я говорила медленно, отчетливо произнося каждое слово, чтобы ему проще было меня понять. Кроме того, я потребовала, чтобы вцепившиеся в меня мужчины убрали подальше свои грязные руки. Я уже начала подробнее излагать ему предмет своих желаний, как он внезапно перебил меня самым грубым образом, бросив мне в ответ что-то резкое и, вероятно, гневное.

Я едва сдержала раздражение.

Он даже не попытался меня понять!

Я попробовала освободить руки, но мужчины еще сильней сжали их.

Тогда заговорил Тарго. Я, разумеется, ничего не поняла из того, что он сказал, но разговаривал он со мной так, как можно говорить только со своим слугой. Это меня возмутило.

— Я вас не понимаю,— холодно ответила я ему.

Тарго с заметным усилием сдержал прорвавшееся было у него нетерпение. Очевидно, тон моего голоса привел его в полное недоумение. Казалось, он начал догадываться, что в чем-то заблуждался на мой счет. Он спустился с фургона и стал внимательно ко мне приглядываться. Теперь и я смогла разглядеть его получше. В его голосе появились заискивающие нотки. Он теперь явно старался снискать мое расположение. Меня даже позабавило, как быстро мне удалось одержать эту маленькую победу. Теперь он уже казался мне не таким высокомерным и противным, как прежде.

Ничего, он еще научится обращаться с Элеонорой Бринтон подобающим образом!

Но я, конечно, ничего не понимала из того, о чем он говорит.

Тем не менее в его речи что-то показалось мне странно знакомым, хотя я так и не сумела определить, что именно.

Меня больше поражала его недоуменная самоуверенность: он словно отказывался поверить, что я могу его не понимать.

Он наконец начал говорить очень медленно, внятно, отчетливо произнося каждое слово. Однако все его усилия так и пропали даром, поскольку я, естественно, не смогла разобрать ни слова из того, что он говорил. Это наконец стало вызывать у него раздражение. Я тоже начала терять терпение. Тарго, вероятно, ожидал, что любой, с кем он ни встретится, должен знать этот странный язык, на котором он разговаривал, независимо от того, является этот язык для человека родным или нет. Тарго был либо недоумком, либо закоснелым изоляционистом.

Он долго пытался объясниться со мной, но все безрезультатно. Потом он обернулся к одному из своих лю-

дей и задал ему вопрос. Парень ответил ему одним словом и отрицательно покачал головой.

Я на секунду опешила от неожиданности. Мне уже приходилось слышать это слово. Когда я в своем доме, в пентхаузе, лежала на кровати связанная, находившийся рядом коротышка попытался, я помню, погладить меня по ноге. Вот тогда-то рослый мужчина его и остановил, бросив ему это самое слово.

Тут я поняла, что показалось мне знакомым в языке, на котором говорил Тарго. Мне уже приходилось слышать пару слов из этого языка. Мои похитители общались исключительно на английском. Думаю, для них всех — или, по крайней мере, для подавляющего большинства — английский был языком родным. Но я хорошо помню акцент того рослого человека, который ими руководил. Его манера говорить выдавала в нем иностранца. Вот и сейчас я слышала тот же акцент, ту же манеру произносить слова, ту же интонацию, но здесь, в этом мире, в устах общающихся между собой людей этот прононс воспринимался уже как неотъемлемая особенность их родного языка.

Это меня испугало.

Язык окружавших меня людей хотя и поражал непривычностью своего звучания, не казался неприятным на слух. Он был звучным, темпераментным и воспринимался как красочный и насыщенный. Я, повторяю, была напугана, но вместе с тем ощущала прилив энтузиазма.

Тарго заметил перемену в моей манере держаться и удвоил свои старания найти со мной общий язык. Однако понять его я, конечно, так и не смогла.

Пугало меня то, что на этом языке — или очень на него похожем — разговаривал руководитель похитивших меня людей и, вероятно, кто-то из его помощников, которых я не видела. Обнадеживал же тот факт, что раз эти сопровождающие фургон люди говорят на том же языке, что и мои похитители, значит, они должны обладать и техническими знаниями, достаточными для того, чтобы вернуть меня на Землю.

Хотя в это трудно было поверить.

У окружающих меня людей, я заметила, не было ни пистолетов, ни ружей, ни маленького парализующего приборчика, который использовал руководивший похитителями рослый человек, ни тонких, похожих на трости аппаратов, которые держали в руках люди, спустившиеся с серебристого дискообразного корабля. Вместо этого сопровождавшие фургон стражники были вооружены короткими мечами. Это меня удивило и позабавило. У двоих через плечо на ремне висели арбалеты, довольно похожие на те, что я видела в парижских и лондонских музеях. Четверо держали в руках копья, толстые и длинные, на вид очень тяжелые, которые я, наверное, не смогла бы даже поднять.

На всех мужчинах, за исключением Тарго, были надеты длинные грубые туники и железные шлемы. Шлемы полностью закрывали лицо, оставляя открытыми лишь глаза и рот, сплошная прорезь для которых напоминала английскую букву «Y». Меч в ножнах они носили за спиной, надетым через левое плечо. На ногах у них были толстые сандалии, подвязанные длинными, несколько раз перекрещивающимися на голени ремнями. У большинства из них, помимо короткого меча за плечом, на поясе висел длинный широкий нож. Здесь же, на поясе, они носили кожаные кошели.

Я с облегчением отметила, что эти люди, кажущиеся столь примитивными в своем развитии, не могли принадлежать к группе моих похитителей с их замысловатой, не поддающейся объяснению техникой. С другой стороны, это же и беспокоило. Тарго и его спутники не смогут вернуть меня на Землю.

Однако раз уж они свалились мне на голову, нужно было извлечь из нашей встречи максимальную пользу.

Главное — я была теперь спасена. Где-то на этой планете, несомненно, должны находиться люди, обладающие возможностями организации космических перелетов, и мне необходимо их отыскать. Главное то, что я теперь в полной безопасности.

Охранники, державшие меня, не причиняли мне боли, и я смогла внимательно осмотреть фургон оттуда, где стояла.

Он оказался довольно большим. В некоторых местах на нем виднелись глубокие царапины, словно по нему били острыми предметами, а кое-где доски были даже проломлены. Интересно, а где тягловые животные, какие-нибудь быки, которые должны были тащить этот тяжелый фургон? Я заметила, что борта фургона помимо царапин носили и другие следы повреждений. Краска на них местами облупилась, пошла пузырями и почернела. Судя по всему, фургон побывал в огне. Навес из желто-синего шелка, как я уже писала, кое-где был разорван, обильно закопчен сажей и покрыт грязно-серыми разводами. Все это свидетельствовало о его долгом пути под пылью и дождем. Мне также пришло в голову, что Тарго сейчас только выглядит таким изможденным и озабоченным, в обычное же время это человек важный, высокомерный и тщеславный, судя по его склонности к обилию всевозможных украшений. Не думаю также, что он был любителем пеших прогулок, одну из которых ему, очевидно, пришлось совершить, судя по грязи, покрывавшей его ноги, и по нескольким недостающим — вероятно, потерянным в дороге — жемчужинам, украшавшим его сандалии. К тому же и обеспокоенность этих людей при моем появлении, и та тщательность, с которой они обследовали близлежащие холмы и поля, проверяя, нет ли со мной еще кого-нибудь.

Они явно кого-то боялись!

Тарго спасался бегством. А до этого они все подверглись нападению врагов.

В фургоне я заметила несколько больших ящиков и сундуков.

Я посмотрела на стоящих перед фургоном девушек. У каждой через плечо были надеты широкие кожаные ремни, напоминающие конскую упряжь.

Их было девятнадцать. Десять стояли по одну сторону центрального, протянутого от фургона ремня, девять — по другую.

Все они были полностью обнажены.

Я смотрела на них, чувствуя, как во мне закипает раздражение. Они были невероятно красивы. Я привыкла считать себя очень красивой женщиной, какие встречаются, наверное, одна на десять тысяч. Одно время я

ведь даже работала фотомоделью. А здесь, к моему удивлению и, надо признаться, негодованию, по крайней мере, одиннадцать девушек были безусловно красивее, чем я. На Земле — во всяком случае, лично — мне не приходилось встречать женщину, которую я с полной откровенностью считала бы красивее себя. А здесь таких девушек было сразу одиннадцать! Каким образом их можно было собрать всех вместе? Я была потрясена. Однако, пыталась я себя успокоить, я превосхожу их всех и по умственному развитию, и своим богатством (только где оно?), и утонченностью вкуса, и изяществом манер. Все они, конечно, обычные дикарки. Я даже попыталась было вызвать в себе чувство жалости к этим несчастным. Но как же я их ненавидела! Ненавидела их всех!

Они смотрели на меня так, как я привыкла смотреть на окружавших меня женщин Земли — с безразличием, как на пустое место, не видя в них достойных соперниц, способных сравниться со мной по красоте. Куда бы я ни приходила, я не могу припомнить, чтобы мне встречалась хоть одна женщина, более красивая, чем я. Я привыкла ловить на себе восхищенные взгляды мужчин и полные злобной зависти взгляды женщин. А эти дикарки осмеливались смотреть на меня так, словно я была для них пустым местом — пугалом в этой степи! Они меряли меня изучающими, оценивающими взглядами, какими обычно обмениваются впервые встретившиеся женщины, и я видела, как их глупые физиономии наливаются неприкрытым самодовольством. Эти дикарки считали себя красивее меня! Меня, Элеоноры Бринтон!

При этом я отлично понимала, что, если хочу в чем-то превзойти их, мне придется на первый план выдвигать какие-то иные свои качества — не красоту! — как если бы я была простой деревенской девчонкой, неказистой, уродливой, вынужденной добиваться внимания окружающих при помощи всевозможных убогих ухищрений, а не своей природной привлекательности! Как же я ненавидела этих самодовольных, надменных сучек! «Я все равно красивее их всех! — убеждала я себя.— Я лучше их! Я богаче! Ни одна из них не

способна вызвать к себе ничего, кроме ненависти и презрения!»

Черт с ними со всеми!

Самое главное — что я спасена, что я в безопасности и скоро смогу оплатить свое возвращение домой, на Землю.

Скоро непременно — не здесь, так в ближайшем городе — найдется кто-нибудь понимающий по-английски; он поможет мне отыскать людей, способных посодействовать моему возвращению.

Сейчас это не важно. Главное — я не одна, я среди людей, я в полной безопасности.

Но этот Тарго совершенно не способен был что-нибудь понять. Он начал меня раздражать.

К тому же мне надоели эти двое мужчин, вцепившихся в меня, как будто я была какая-нибудь преступница.

Я снова попыталась вырваться, но мне это не удалось. Как я ненавидела всех мужчин с их слоновьей силой!

Тарго тоже, я заметила, начал терять терпение.

— Отпустите меня! — крикнула я ему.— Отпустите немедленно!

Этот осел, конечно, опять ничего не понял. Вместо этого он снова начал что-то говорить, медленно, тщательно проговаривая каждое слово.

Нет, подумалось мне, он все-таки идиот, самый настоящий упрямый идиот. Они все здесь идиоты! Это, наверное, компания странствующих идиотов! Никто из них, казалось, никогда в жизни не слышал английской речи. А ведь, по крайней мере, один из людей, находившихся на черном корабле, знал английский. Я слышала, как он разговаривал с тем рослым человеком. И я уверена, что таких людей должно быть много на этой планете, много!

Я устала от Тарго и от его бесполезных усилий.

— Я вас не понимаю,— сказала я ему, произнося каждое слово с величайшим презрением и холодностью. После этого я окинула его равнодушным взглядом и отвернулась: пусть знает свое место, невежественный дурак!

Он что-то приказал одному из своих подчиненных.

В ту же секунду с меня сорвали одежду.

Я закричала.

Девчонки с широкими кожаными ремнями на плечах весело засмеялись.

— Кейджера! — воскликнул стоящий рядом мужчина, показывая пальцем мне на бедро.

Каждая клеточка моего тела залилась краской стыда.

— Кейджера! — смеялся Тарго.

— Кейджера! — хохотали остальные.

Девчонки аж согнулись от смеха и весело хлопали себя руками по коленям.

У Тарго даже слезы брызнули из глаз.

Внезапно он стал очень сердитым.

Он снова заговорил; на этот раз его речь была резкой и гневной.

Меня бросили лицом на землю. Державшие меня мужчины завели мне руки за голову и крепко прижали меня к земле. Двое других мужчин широко развели мне ноги и своими коленями также придавили их к земле.

— Лана! — позвал Тарго.

Один из мужчин подошел к группе девушек. Я не видела, что он делает, но хорошо слышала смех девчонок. Через минуту одна из них отделилась от остальной компании и подошла, остановившись у меня за спиной.

В детстве я была капризным, избалованным ребенком. Гувернантки и воспитатели нередко бранили меня, но никто из них никогда не поднял на меня руку. Он был бы немедленно уволен. За всю мою жизнь я не помню случая, чтобы меня ударили.

А тут меня выпороли.

Девчонка ударила меня плетью изо всех сил и продолжала наносить удары один за другим — жестокие и беспощадные. Я кричала во весь голос, вырывалась, захлебывалась слезами. Удары сыпались на меня безостановочно. Я не могла дышать. Слезы застилали мне глаза. Я кричала и рыдала, пока окончательно не обессилела. А удары продолжались, отвешиваемые умелой, безжалостной рукой. Все вокруг превратилось для меня в сплошную боль, стоны и жгучие слезы.

Я думаю, в действительности наказание продолжалось несколько секунд, не больше минуты, но эта минута показалась мне вечностью.

Наконец Тарго что-то сказал этой девчонке, Лане, и град сыпавшихся на меня ударов прекратился.

Мужчины отпустили мои ноги, а те двое, что навалились мне на плечи, подняли меня с земли.

Я, наверное, находилась в состоянии шока. Перед глазами все плыло. Смех девчонок у фургона доносился словно сквозь густую ватную пелену. Я едва держалась на ногах. Меня стошнило. Чьи-то руки подхватили меня, отнесли в сторону и уложили на траву.

Не знаю, сколько я так пролежала, не в силах пошевелиться.

Вскоре мне стало немного легче.

Меня снова подняли с земли, подвели к Тарго и поставили перед ним на колени.

Я с трудом подняла на него глаза.

Он рассматривал мою одежду. Я ее едва узнала. В руке он держал кожаную плеть — очевидно, ту самую, которой меня избивали. Лана уже вернулась на свое место у фургона, и стоящий рядом мужчина что-то делал с ее кожаным ремнем. Я вся дрожала от боли и отчаяния. Вся задняя часть тела у меня — спина, ноги, плечи, руки — пылала огнем. Я не могла отвести глаз от плети в руках Тарго.

Поставившие меня перед ним на колени мужчины отошли в сторону.

— Кейджера,— указывая на меня, произнес Тарго, одновременно многозначительно поднимая плеть.

Я уронила голову.

Он жестом указал на свои ноги. Я догадалась, что надо сделать, чтобы спасти свою жизнь, опустилась на траву и лбом коснулась его сандалий.

Все тело у меня сотрясалось от едва сдерживаемых рыданий.

Я сделаю все, что угодно, лишь бы только он больше не велел меня избивать!

За спиной у меня раздался многоголосый женский смех.

Пусть смеются. Я сделаю все, что он потребует, только бы меня больше не били!

Я снова коснулась лбом его покрытых пылью сандалий.

Я должна добиться его расположения! Я сделаю все, лишь бы он был мной доволен!

Он бросил короткую, отрывистую команду, круто развернулся, взмахнув своим желто-синим шелковым одеянием, и быстрыми шагами отошел прочь.

Я с трудом оторвала голову от земли и, захлебываясь от рыданий, посмотрела ему вслед.

Двое мужчин, которые прежде держали меня за руки, подхватили меня, подняли с земли и повели, толкая перед собой. Я смотрела в спину удаляющемуся Тарго. Я даже не осмелилась его окликнуть. Он же больше не замечал меня. Он потерял ко мне всякий интерес.

Мужчины подтащили меня к передку фургона, туда, где по одну сторону от протянувшегося по земле длинного центрального ремня стояли десять девушек, а по другую — девять.

Я увидела, что избивавшая меня девушка, Лана, стоит далеко от меня впереди. И вдруг я с содроганием осознала, что она впряжена в этот тяжелый, неуклюжий фургон. Что широкий ремень, переброшенный у нее через левое плечо, соединен с длинным центральным ремнем, прикрепленным к передку фургона, и что ее к тому же удерживает короткий тонкий ремешок, который завязан у нее на левой руке и также соединен с центральным ремнем. Я с ужасом заметила, что и остальные девушки впряжены подобным образом. Мне на руку тоже завязали тонкий кожаный ремешок, а через плечо перекинули широкую кожаную петлю.

Я разрыдалась. У меня едва хватало сил держаться на ногах. Колени у меня дрожали. Спина и плечи горели от побоев, а лицо было мокрым от слез.

Стоящая напротив меня невысокая девушка с темными волосами, черными блестящими глазами и очень яркими, словно накрашенными, губами посмотрела на меня и улыбнулась.

— Юта,— сказала она, показывая на себя. Затем она указала в мою сторону и спросила: — Ла?

Я заметила, что у каждой из впряженных в фургон девушек на левом бедре стояло такое же клеймо, как у меня. Я застонала и попыталась освободиться. Все тщетно: тонкий кожаный ремешок надежно удерживал меня на месте.

— Юта,— повторила черноглазая девушка, указывая на себя.— Ла? — спросила она, протягивая руку в мою сторону.

— Элеонора,— прошептала я.

— Эли-нор,— медленно повторила девушка и с радостной улыбкой повернулась к своим товаркам.— Элинор,— представила она меня.

Теперь я даже была ей весьма признательна за то, что ей, моей новой подруге по несчастью, понравилось мое имя.

Большинство других женщин обернулись и посмотрели в мою сторону без малейшего любопытства. А та девчонка, которая меня избивала, Лана, вообще не повернулась. Она стояла задрав нос и с презрительным видом глядя прямо перед собой.

Другая девушка — высокая, со светлыми волосами, стоящая через два человека впереди меня, слева — повернулась ко мне с широкой, дружеской улыбкой.

— Инга,— сказала она, показывая на себя.

Я выдавила из себя измученную улыбку.

Тарго отдавал какие-то указания, озабоченно оглядываясь по сторонам.

Один из его помощников что-то крикнул.

Девушки налегли на надетые на них ремни, стараясь сдвинуть с места фургон.

Двое мужчин навалились плечом на заднюю часть громоздкой повозки.

Фургон покачнулся и медленно сдвинулся с места.

Я натянула свой ремень, притворяясь, будто тоже упираюсь изо всех сил. Им вовсе не нужно, чтобы я тащила этот фургон. Тянули же они его и без меня. Я уперлась ногами в траву, как будто я им помогаю. Я даже застонала, чтобы мои старания выглядели более убедительно.

Юта бросила на меня недовольный, осуждающий взгляд.

Пусть думает что хочет. Мне все равно.

И тут сзади мне на плечи опустилась кожаная плеть. Я закричала от боли и отчаяния.

Юта рассмеялась.

Я навалилась на надетый на меня кожаный ремень изо всех сил.

Тяжело переваливаясь, фургон покатился по траве.

Через минуту-другую я заметила, что Лану тоже наказали плетью. Она вскрикнула от боли, и на спине у нее заалел длинный красный след от ремня. Остальные девушки — и я в том числе — засмеялись. Я догадалась, что Лана не пользуется у них большой любовью. Мне было приятно, что она тоже отведала плети. Лентяйка! Почему остальные должны тащить фургон вместо нее? Чем она лучше нас?

— Хар-та! — закричал Тарго.— Хар-та!

— Хар-та! — подгоняли нас остальные мужчины.

Девушки сильнее налегли на ремни. Мы старались, чтобы фургон пошел быстрее. Время от времени, упираясь плечом в задний борт или в колеса, нам помогали идущие рядом мужчины.

Двое шагавших по обеим сторонам фургона мужчин нередко подгоняли то одну, то другую из нас плетью.

Мы не могли тащить повозку быстрее, и, несмотря на это, нас продолжали избивать! У меня слезы наворачивались на глаза от обиды, но я так и не осмелилась возражать.

Фургон катился по заросшей травой степи.

Рядом с нами шагал Тарго. Я думала, он будет ехать в повозке, но он шел пешком. Вид у него был уставший и угрюмый. Наверное, ему сейчас больше всего хотелось усесться на скамью на передке фургона, но он, как руководитель этой маленькой процессии, тоже шел пешком.

Как я боялась, когда он начинал нас подгонять и кричать свое «Хар-та!». Это означало, что на нас снова посыплются удары плетью.

Меня душили рыдания.

Я — Элеонора Бринтон с Парк-авеню, обеспеченная, красивая, решительная и уверенная в себе женщина, обладающая изысканным вкусом и светскими манерами, получившая великолепное образование и объездившая

весь свет. Я несла свою красоту и богатство с утонченностью, доступной лишь для немногих — для очень немногих!— людей даже моего круга! Я заслужила свое положение в обществе. Я заслужила его по праву как человек одаренный, высокоразвитый, обладающий массой достоинств! Я — заслужила все, что имела! Такой я человек и именно такой должна оставаться по праву своего рождения!

Так почему же я нахожусь здесь, на этой далекой, чужой планете, среди чужих мне людей, среди варваров, из которых ни один не знает моего языка? Почему я бреду по этим бесконечным степям, задыхаясь от пыли, мокрая от пота, обнаженная, впряженная в повозку, как какое-нибудь животное, избиваемое безжалостным погонщиком?

Я посмотрела на Юту.

Она ответила мне укоризненным взглядом: она еще не забыла, как я увиливала от работы. Заметив, что я на нее смотрю, она нахмурила брови и отвернулась.

Я разозлилась. Ну и пусть. Подумаешь! Кто она такая? Дура! В таком мире, как этот, каждая девушка должна сама заботиться о собственном благополучии. Каждый — сам за себя!

— Хар-та! — крикнул Тарго.

— Хар-та! — подхватили остальные мужчины.

Мы снова застонали под обрушившимися на наши спины ударами плети. Я изо всех сил налегла на ремень.

По щекам у меня продолжали катиться слезы.

Увиливать от работы мне здесь никто не позволит.

Я привыкла добиваться своего и от имевших ко мне отношение мужчин и от женщин. Я всегда получала отсрочку в сдаче письменных домашних заданий. Когда бы я ни пожелала, я всегда могла получить новое меховое манто. Когда мне надоедала одна машина, у меня немедленно появлялась новая. Мне даже не приходилось об этом просить. Достаточно было одной недовольной гримаски или печального взгляда, и я тут же получала все, что только не пожелаю.

Сейчас все обстояло совершенно иначе.

Здесь мне не позволяли увильнуть от работы: плеть надсмотрщика немедленно отмечала каждую такую по-

пытку. Если здесь и найдутся женщины, способные добиться поблажки, они, очевидно, гораздо красивее меня или делают это совершенно иным способом.

Впервые я, к своему гневу и разочарованию, осознала, что от меня ожидают исполнения всех моих обязанностей. Это было для меня крайне неприятным открытием.

Плеть снова со свистом опустилась на мои израненные плечи, и рыдать сил у меня уже не оставалось.

Глотая соленые слезы, я еще сильнее навалилась на сдавливающий мне грудь широкий кожаный ремень.

7

МЕНЯ С ДРУГИМИ ДЕВУШКАМИ ОТПРАВЛЯЮТ НА СЕВЕР

Тарго, мой хозяин, был рабовладельцем.

Я досталась ему бесплатно, даром.

За два-три дня до того, как он сделал меня одной из своих невольниц, его караван подвергся нападению промышляющих грабежом тарнсменов. Это произошло в четырех днях пути на север от города Ко-ро-ба, расположенного в северном полушарии Гора — такое название носит эта планета. Продвигаясь по холмам и долинам на северо-запад из Ко-ро-ба, Тарго направлялся в Лаурис — город, лежащий на берегу реки Лаурии в двухстах пасангах от побережья моря, называемого Тассой. Лаурис — это небольшой торговый город, речной порт, большинство зданий которого деревянные и представляют собой, кажется, сплошь склады товаров или питейные заведения. Здесь вы на каждом шагу встретите приготовленные к продаже запасы леса, соли, рыбы, шкур, облицовочного камня или рабов. В устье Лаурии, там, где она впадает в Тассу, в зоне свободной торговли расположен город-порт Лидис, управляемый торговцами — одной из крупнейших и наиболее влиятельных каст Гора. Из Лидиса товары направляются на многочисленные острова Тассы, такие, как Телетус, Асперикс, Кос или Тирос, либо доставляются в прибрежные города — Порт-Кар и Хельмутспорт, а то и еще дальше на юг — в Шен-

ди и Бази. Не меньше товаров — запасы сырья, железные изделия и одежда — доставляется из Лидиса на баржах вверх по реке в Лаурис, где их перекупают оптовики для продажи в более отдаленных регионах.

Лаурия — это длинная, многоводная река со спокойным течением. Здесь вы не встретите бурных водоворотов и порогов, которыми изобилует могучий, титанической силы Воск, несущий свои воды далеко к югу, ближе к Ко-ро-ба и чуть дальше от Ара, являющегося, как утверждают, самым крупным городом всей известной части Гора. И Лаурия и Воск протекают в основном в западном направлении, хотя Лаурия отклоняется к югу немного больше, чем гордый, величественный Воск.

Принимая во внимание природу товаров, проходящих через Лаурис — большей частью запасов разного рода сырья,— может показаться странным, что Тарго со своим караваном направлялся именно в этот город. Однако ничего странного в этом не было, поскольку стоял разгар весны, а весна, как известно,— лучшее время года для набегов за рабами. Он, конечно, и в этом году, в преддверии приближающейся осени и проводимой в Сардарских горах ежегодной крупнейшей осенней ярмарки, договорился с известным грабителем Хааконом со Скинджера о поставке ему одной сотни невольниц — белокурых северных красавиц, которых Хаакон должен был собрать для него в деревнях, рассыпанных по обоим берегам в верховьях Лаурии и в прибрежных поселениях Тассы.

Чтобы забрать этот товар, и направлялся Тарго в Лаурис. Он уже заплатил Хаакону задаток в размере пятидесяти золотых монет. Остальные деньги за невольниц он обещал выплатить разбойнику при поставке всей партии товара. Два золотых за девушку, приобретенную в Лаурисе,— цена чрезвычайно высокая, но выставленная на продажу в каком-нибудь крупном городе, даже не в дни больших ярмарок, такая невольница способна принести от пяти до десяти, а нередко и гораздо больше золотых монет. К тому же, приобретая в Лаурисе рабыню за два золотых, Тарго обеспечивал себе возможность выбора самых красивых невольниц из тех, что имелись у Хаакона.

Не упускал он из внимания и тот факт, что, поскольку в последнее время никаких крупномасштабных военных действий в цивилизованной части Гора не велось и ни один из городов не пал под натиском нападающих, а дом Кернуса, самого крупного из работорговцев Ара, окончательно потерпел крах и уничтожен, в этом году цены на невольничьем рынке будут достаточно высоки. Более того, прежде чем доставить приобретенных им девушек в Ар, он рассчитывал отдать их на краткосрочные курсы обучения для невольниц и планировал это сделать в Ко-ро-ба.

К большому для него сожалению, деревенские девушки не приносят тех денег, которые можно выручить за представительницу высшей касты. С другой стороны, и цена, выложенная им за деревенскую девчонку, несопоставимо ниже стоимости какой-нибудь высокородной дамы. Когда я попала в руки Тарго, в составе его невольничьего каравана была только одна девушка, владевшая грамотой,— высокая светловолосая Инга, принадлежавшая к касте книжников. Юта, стоявшая в упряжке рядом со мной, была из касты мастеров по выделке кожи.

В общепринятом смысле рабыня, конечно, не принадлежит к какой-либо касте. Попадая в рабство, она утрачивает кастовую принадлежность, как теряет и свое имя. Она полностью принадлежит своему хозяину, как самое обычное животное. Он может дать ей любое имя по своему усмотрению и поступать с ней так, как ему заблагорассудится. Нет ничего невероятного, если какая-нибудь из деревенских девушек, прошедшая обучение и выставленная на продажу на невольничьих рынках Ара, принесет ему десять или пятнадцать, а то и все двадцать золотых монет. Однако его предприятие — во многих аспектах многообещающее — не было лишено и определенной доли риска. Зачастую не так-то просто доставить красивую девушку на рынки Ара, где цена на невольниц традиционно высока. И дело не в том, что девушка может убежать: рабовладельцы редко упускают оказавшуюся у них в руках пленницу. Основная проблема в другом. Невольницу у рабовладельца могут отнять. Для многих рабыня — очень лакомая добыча.

Когда я попала к Тарго, он шел из Ко-ро-ба на север, в Лаурис. На всем протяжении пути он приобретал и продавал невольниц везде, где это было возможно. Юту, Ингу и ненавистную мне Лану он купил в Ко-ро-ба.

Лана была нашим лидером. Мы ее боялись. Она была самой сильной из нас. И самой красивой. Своей покорностью, стремлением выслужиться и заискиванием перед мужчинами она добилась верховенства над нами. Мы делали то, что она приказывала, поскольку в противном случае она наказывала нас плетьми. Обычно хозяева не вмешиваются в распри своих рабынь. Ее, конечно, тоже подвергали безжалостному наказанию, если она причиняла нам какие-то повреждения — портила, так сказать, наш товарный вид. Но все равно она притесняла и била нас сколько хотела. Мы все ее ненавидели. И очень завидовали. Она была не только самой красивой из нас, но и прошла обучение в доме Кернуса — самом крупном и известном работорговом доме в Аре — прежде, чем он прекратил свое существование. Но что еще важнее — в свое время она была выставлена на продажу на Курулеанском невольничьем рынке.

Лану чаще всего ставили в конце общего невольничьего каравана, где держат самых красивых и многообещающих рабынь. Мы с нетерпением ждали, когда ее продадут, но Тарго придерживал ее до какого-то особо выгодного предложения. И он, несомненно, получил бы за нее действительно высокую цену, если бы она принадлежала к высшей касте. С нами она обращалась так, словно мы были ее рабами. Тарго и некоторые охранники, казалось, стремились поддержать в ней подобное мнение и время от времени угощали ее сладостями и засахаренными фруктами.

Мое собственное место в цепи невольниц, выставленных на предпродажное обозрение на рынке, было четвертым от начала. Меня учили разными способами опускаться на колени и — в необходимых случаях — изображать обворожительную улыбку и произносить заранее заученную фразу. Она означала, как мне позже стало известно, «Пожалуйста, купите меня, хозяин!». Тарго и его охранники не жалели времени на мое обучение, и, ду-

маю, показываемые мной результаты вполне оправдывали их ожидания.

Девушке, выставляемой на предпродажное обозрение, на левую щиколотку надевали защелкивающееся кольцо. К нему присоединялось еще одно кольцо, диаметром поменьше. Это малое кольцо могло либо замыкаться на каком-нибудь конкретном звене общей цепи, что удерживало одну невольницу на строго определенном расстоянии от другой, либо цепь пропускалась сквозь него, что позволяло девушке относительно свободно перемещаться в ограниченных пределах и не приносило вреда ее ногам. При формировании демонстрационной шеренги малое кольцо у нас на ноге соединялось с определенными звеньями общей цепи, удерживая нас на расстоянии не менее двух футов одну от другой. После этого оба конца цепи закреплялись на вбитых в землю металлических штырях либо привязывались к стволам двух находящихся на нужном расстоянии деревьев. Такое соединение не только надежно обездвиживало, но и не давало нам сходиться вместе, стремление к чему нередко наблюдается у выставляемых на продажу невольниц, особенно у не прошедших соответствующего обучения. Нечего и говорить, что в демонстрационную шеренгу мы выстраивались обнаженными. Как утверждает горианская пословица, только глупец станет покупать женщину одетой. Думаю, это вполне справедливо.

Из Ко-ро-ба Тарго вышел с сорока невольницами и пятью груженными товаром фургонами, в которые были запряжены десять босков. У него было двадцать охранников. Однажды, когда он находился в двух днях перехода от Ко-ро-ба в дикой степи, держа путь на север в Лаурис, небо буквально потемнело от мчащихся по нему тарнсменов. Их было не менее сотни, и шли они под командованием Раска из Трева — одного из самых опасных налетчиков Гора.

К счастью для Тарго, ему удалось спрятать часть каравана в ближайшем лесном массиве из деревьев ка-лана прежде, чем тарнсмены смогли на него напасть. Когда я брела по полям, я видела далеко на горизонте две-

три такие рощи из густорастущих, переплетенных между собой деревьев. Тарго умело разделил своих людей. Одним он поручил взять с собой столько золота и товаров, сколько они могли унести. Другим приказал отвязать невольниц и также вести их в лес, а третьим — перерезать постромки на упряжи тащивших фургоны боскоов, бросить тяжелые, неповоротливые повозки и погонять животных к лесу. За считанные минуты до нападения тарнсменов Тарго с последними охранниками, невольницами и боскоами почти достиг опушки леса. Тарнсмены закружились в воздухе и набросились на фургоны, предавая их огню. На окраине леса разгорелась жестокая схватка. Тарго потерял одиннадцать воинов, и около двадцати невольниц попали в руки тарнсменов, после чего налетчики убрались восвояси.

Тарнсмены — наездники на громадных, ширококрылых тарнах, называющие себя «братьями вольного ветра» — мастера драться в открытом небе. Они превосходные воины, когда сражение идет в облаках, но в густом лесу они теряют все свои преимущества. Они неспособны вести бой под кроной деревьев, где из-за каждого ствола, из-за каждого припорошенного опавшей листвой оврага их поджидает выпущенная из арбалета стрела.

Раск приказал закончить схватку, и, едва лишь пойманные ими невольницы были связаны и переброшены через седло, а награбленное у Тарго добро упаковано в тюки и спрятано в седельные сумки, тарнсмены поднялись в воздух.

Тарго со своими охранниками собрал в одно место сохранившееся имущество. Среди оставшихся после набега невольниц были Лана, Инга и Юта. Боски, к несчастью, были либо убиты, либо, напуганные сражением, разбежались по лесу. Тарго сумел отыскать только один годный для передвижения фургон, да и тот сильно пострадал от огня. Большая часть товаров оказалась утраченной, но кое-что ему удалось спасти, и самое главное — ему удалось спасти свое золото. Ту ночь он со своими спутниками провел в чаще леса. На следующее утро они соорудили нечто отдаленно напоминающее упряжь. С этого момента тащить уцелевший фургон суждено было

невольницам. Тарго со своими людьми снова тронулся в путь, продолжая двигаться по направлению к Лаурису. Через три дня, падая от изнеможения, в бескрайних степях, на бездорожье они наткнулись на молодую, в странном одеянии дикарку, которую Тарго сделал своей рабыней.

До Лауриса оставалось много дней пути.

По счастью, через два дня после того, как я пополнила ряды невольниц Тарго, нам встретился караван запряженных босками фургонов, двигавшийся из Лауриса на юг, в Ко-ро-ба. Продав двух своих девушек, с большой переплатой Тарго приобрел у путешественников два фургона и две пары босков, а также кое-что из провизии и немного воды. Купил он и все необходимое для торговли рабами: цепи для формирования демонстрационных шеренг, цепи для составления невольничьего каравана, несколько разновидностей кандальных цепей, ножные кольца, ошейники, приспособления для проставления на невольницах клейма, плети и длинные, тонкие, но очень прочные кожаные ремни для связывания рабынь. Гораздо больше нас порадовало приобретение им различных шелков, туалетных вод, гребней и наборов какой-то косметики. Не мало денег он выложил и на покупку большого количества грубой материи, из которой, как я позже узнала, делают повседневное одеяние для рабынь — невольничьи туники. При транспортировке в фургонах прикованных за ноги к центральному металлическому брусу невольниц перевозят обнаженными, а их одежда, увязанная в тюки, складывается обычно в передней части повозки. Когда напали тарнсмены, девушек выпустили из фургонов и повели в лес. Все рубахи, как и большая часть товаров Тарго, сгорели вместе с фургонами.

Невольничья туника представляет собой прямоугольной формы кусок материи с проделанным посередине отверстием для головы, что делает ее очень похожей на пончо. Края материи обычно подшиваются, чтобы она дольше не обтрепывалась. С разрешения Тарго довольные девушки смастерили себе одежду. Как мне сказали, обычно туника доходит рабыне до колен, но Тарго заставил нас подшить рубахи гораздо выше коле-

на. Моя туника получилась не очень привлекательной: я очень плохо владела иголкой. Не удовлетворенный ее длиной, Тарго велел укоротить ее до предела. Моя рубаха стала ничуть не длиннее, чем у Ланы или у других девушек. Я чувствовала себя в ней очень неловко, но выражать свое недовольство, конечно, не стала: я слишком хорошо помнила наказание плетьми и ни за что не хотела пройти через это снова. Я очень боялась плетей и готова была ходить как все остальные.

Чаще всего, мне сказали, рубаха подвязывается тонкой цепью, однако нам в качестве поясков выдали узкие кожаные ремни. Этот ремень должен трижды туго опоясывать талию девушки и завязываться так, чтобы его концы свисали у нее на правом бедре. Проверяя мое одеяние, Тарго выразил неудовольствие и заставил меня затянуть пояс потуже, чтобы подчеркнуть фигуру. Впервые в жизни я узнала, что такое стоять прямо — по-настоящему прямо. Меня толкали в спину каждый раз, когда я об этом забывала. Вскоре ходить с прямой спиной стало для меня естественной потребностью. Ремень на поясе девушки предназначался, конечно, не только для подчеркивания ее фигуры, но и служил для нее постоянным напоминанием о том, что она рабыня. Он как бы связывал ее, оставляя в то же время ее руки свободными. При необходимости тем же ремнем за считанные мгновения можно было связать руки и ноги невольницы.

Я все время спрашивала себя, почему Тарго разрешил нам носить рубахи? Думаю, на то было две причины. Во-первых, невольничья туника по-своему является привлекательным одеянием. Она не столько скрывает, сколько подчеркивает красоту девушки, причем делает это самым провокационным образом. Она словно объявляет девушку существом подневольным и требует, чтобы рука хозяина сорвала с рабыни одеяние. А во-вторых, давая нам рубахи, Тарго лишний раз хотел подчеркнуть наше зависимое от него положение. Мы очень хотели прикрыть чем-нибудь свое тело, пусть даже это будет всего лишь невольничья туника, которую он в любой момент по малейшей своей прихоти мог у нас отнять, чтобы заставить нас служить ему с большим

рвением. Ни одна из нас не хотела ходить без одежды, поскольку обнаженная казалась в большей степени рабыней, чем одетая девушка.

После того как Тарго встретил караван фургонов, наше существование значительно облегчилось.

Обе приобретенные им у торговцев повозки были покрыты плотной, хорошо защищающей от дождя тканью. Задние колеса фургонов были гораздо больше передних. Каждую повозку тащили два боска — большие темно-коричневые животные с изогнутыми рогами, тщательно отполированными и украшенными бисером. Их копыта также были отполированы, а длинная, густая шерсть блестела на солнце. Одна из повозок была оборудована брусом для приковывания невольниц, а второй брус Тарго снял со своего сильно поврежденного фургона, который он после этого приказал спалить.

Обычный фургон вмещает десять невольниц, по пять с каждой стороны от центрального бруса. Лана ехала в первом фургоне, я — во втором. В каждом нашем фургоне было по девять девушек. Двоих Тарго продал. Сквозь соединенные с нашими ножными браслетами малые кольца пропустили длинную цепь, один конец которой закреплялся на передней части центрального бруса, а второй — на задней, что практически не оставляло нам никакой свободы движений. Однако мне все было безразлично. Меня не трогало даже то, что нам не разрешили ехать в фургоне в рубахах. Едва мы оказались под полотняным навесом и вытянулись на гладком дощатом полу, я, несмотря на тряску, духоту и скрип колес, тут же забылась глубоким сном. После нескончаемой агонии в жесткой упряжи малейший отдых казался мне настоящим наслаждением.

Когда через несколько часов я очнулась ото сна, все тело у меня болело. Я чувствовала себя совершенно разбитой.

Нас высадили из фургона, поставили на колени и приковали цепями, приготовив таким образом к принятию пищи. В течение двух дней, предшествовавших нашей встрече с караваном торговцев, мы ели только ягоды, пили воду да иногда охранники бросали нам маленькие кусочки изжаренной на костре дичи. Теперь,

расположившись на траве широким кругом, мы по очереди передавали друг другу котелок с горячей похлебкой. Каждой из нас выдали ломоть круглого желтого зачерствевшего хлеба, который мы немедленно проглотили, после чего охранники бросили нам на траву по куску вареного мяса. Я умирала от голода и потому, не дожидаясь особого приглашения, набросилась на выделенный мне кусок мяса и, обжигаясь, впилась в него зубами. Думаю, мало кто из моих бывших друзей узнал бы сейчас прежнюю гордую, утонченную Элеонору Бринтон в этой обнаженной горианской рабыне, закованной в цепи, стоящей на коленях и с жадностью раздирающей зубами кусок мяса, сок из которого стекал у нее по подбородку и капал на грудь. Никакие деликатесы из парижских ресторанов не могли для меня сейчас сравниться с этим куском жесткого, брызжущего обжигающим соком недоваренного мяса, которое я с жадностью подняла с травы, стоя на коленях рядом с фургоном рабовладельца.

После обеда нас отвели к протекавшему поблизости ручью, чтобы мы могли вымыться и напиться. Я боялась входить в воду, но по приказу Тарго пересилила себя и, стиснув зубы, зашла в холодные, быстрые, пенящиеся вокруг тела струи реки. Через некоторое время я привыкла к воде и уже не хотела выходить. Вместе с другими девушками я тщательно вымыла волосы. После этого мои подруги по несчастью, к моему изумлению, начали, смеясь и играя, брызгать друг в дружку водой. Им было весело. Никто из них не обращал на меня никакого внимания. Я почувствовала себя очень одинокой. Я было подошла к Юте, но она поспешно отвернулась. Она еще не забыла, как я пыталась увильнуть от работы, идя в общей упряжке. Мне стало совсем грустно. Когда позволили выйти из воды, я первой выбралась на берег и в одиночестве опустилась на траву, обхватив руками колени и уперев в них подбородок.

Тарго на берегу сиял от удовольствия. Ему приятно было видеть своих девушек радостными и веселыми. Наверное, подумалось мне, девушку с радостным выражением на лице легче продать. Охранники, казалось, тоже пребывали в хорошем расположении духа. Они под-

шучивали над плещущимися в воде девушками и говорили им скабрезности, от чего те весело смеялись или, наоборот, строили сердитую гримаску, к общему ликованию остальных. Девушки, очевидно, также не оставались в долгу и возвращали охранникам их комплименты, вызывая у них дружный хохот и новую волну острот. Судя по всему, шутки у них иногда переходили границу терпения мужчин. Одна из девушек плеснула водой в одноглазого, с обильной сединой в волосах охранника, и тот, не долго думая, бросился в реку и, ко всеобщему восторгу, с головой окунул в воду хохочущую обидчицу. Когда он, мокрый и дрожащий от холода, выбрался на берег и принялся выжимать на себе одежду, даже я не смогла удержаться от смеха.

Вскоре девушкам приказали выходить из воды и сушить волосы. Весело смеясь и переговариваясь, они расположились на траве широким кругом.

Они совсем меня не замечали. О моем существовании было забыто.

Седой одноглазый охранник снова появился на берегу, переодетый в сухую одежду. Девушки приветствовали его появление радостным шумом, очевидно прося о чем-то. Охранник вошел в их кружок и, расхаживая по траве, принялся что-то рассказывать, сопровождая свои слова потешными ужимками и обильной жестикуляцией. Должно быть, он рассказывал что-то забавное и интересное, поскольку девушки то замирали с раскрытым ртом, то отвечали рассказчику взрывами хохота. Даже я смеялась, глядя, как быстро на его лице выражение царственного величия сменяется комическим ужасом, самодовольством или показной воинственностью. Слушательницы складывались пополам от смеха и аплодировали рассказчику, ударяя ладонью правой руки по левому плечу. Вскоре он поклонился и со степенным видом оставил круг. Аплодисменты девушек не смолкали, но охранник лишь покачал головой, отказываясь снова выходить на импровизированную сцену. Тут я увидела, как Лана бросила взгляд в мою сторону. Она выбежала в центр круга и что-то закричала Тарго, с неподражаемой грациозностью простирая к нему руки. Тарго рассмеялся и перебросился парой слов со сто-

ящим рядом охранником. У меня даже кулаки сжались от злости, когда я увидела, как в образованный девушками круг внесли отобранную у меня одежду.

Лана не без труда надела ее на себя.

Какой красивой она была в моих штанах и блузке! Они сидели на ней лучше, чем на мне!

Две визжащие от восторга девушки втащили в круг протестующего, упирающегося Тарго. Лана с высокомерным, презрительным видом тут же принялась его отчитывать. Мне ее представление, в котором она изображала меня при первой встрече с караваном Тарго, не понравилось, но у девушек оно вызвало бурный восторг. Лана расхаживала вокруг Тарго, покрикивая на него и бросая высокомерные взгляды. Время от времени она с неподражаемой брезгливостью посматривала на девушек, словно в глубине души насмехаясь над ними. Голос у нее был надменным, а в разговоре с Тарго явственно проскальзывали командные нотки. К девушкам она обращалась так, словно они были ничем, пылью у нее под ногами. Перед Тарго она стояла задрав нос, отвернувшись, скривив рот, словно все происходящее ей ужасно надоело, всей своей мимикой, покачиванием на пятках и притоптыванием ноги выражая переполняющее ее раздражение и демонстративно проявляемое стремление держать себя в руках.

Девушки умирали от смеха. Что и говорить: Лана была прекрасной артисткой.

Я была вне себя от злости.

Две девушки, которые привели в круг Тарго, подбежали к Лане, сорвали с нее одежду и бросили ее к ногам Тарго на траву. Еще одна девушка сделала вид, будто избивает Лану, и та стала извиваться и кататься по траве с уморительными ужимками. Затем, когда ее освободили, она немедленно подползла к ногам Тарго и принялась покрывать их поцелуями.

Зрительницы выражали свой полный восторг. Некоторые из них поглядывали на меня, чтобы посмотреть на мою реакцию.

Я отвернулась.

Тарго дважды хлопнул в ладоши.

Принесли коробку с гребнями.

Девушки разбились по парам и стали расчесывать друг другу волосы. Несколько девушек поспешили к Лане, чтобы помочь ей причесаться.

Мне тоже дали гребень.

Я робко приблизилась к Юте. В глазах у меня стояли слезы. Не зная ее языка, я не могла объяснить, как сожалею о том, что хотела увильнуть от работы тогда, в общей упряжке. Я не могла рассказать ей о том, как я несчастна, как одинока. Я не могла рассказать, как я хочу, больше всего на свете хочу, чтобы она стала моим другом.

Когда мы купались в реке, она отвернулась от меня.

Я подошла к Юте. Она обернулась и сердито посмотрела на меня. Я робко, боясь, что она снова отвернется, знаками объяснила, что хотела бы помочь ей расчесать волосы, если, конечно, она мне позволит.

Она холодно смотрела на меня.

Едва сдерживая переполняющие меня рыдания, я опустилась перед ней на колени и, не в силах выразить свои чувства словами, наклонила голову к ее ногам.

Она тоже опустилась передо мной на колени и подняла мне голову. В глазах у нее стояли слезы.

— Эли-нор,— сказала она, целуя меня в щеку.

Глотая слезы, я тоже поцеловала ее.

Все еще стоя на коленях, она повернулась и позволила мне причесать ей волосы. После этого она взяла у меня гребень и расчесала мои.

Двумя самыми близкими мне девушками среди всех остальных вскоре стали Юта и Инга. Их имена — по крайней мере, по звучанию — были похожи на немецкие. Однако девушки не разговаривали ни на немецком языке, из которого я знала всего лишь несколько слов, ни на французском, на котором я объяснялась гораздо свободнее. Обе они были коренными горианками. Ни одна из остальных девушек, конечно, не разговаривала по-английски. Хотя, как я заметила, многие горианские имена, по-видимому, имеют земное происхождение.

Почти немедленно Юта и Инга начали учить меня горианскому языку.

Процесс обучения продолжался на всем протяжении нашего пути к берегам Лаурии, занявшего много дней.

Мы повстречались еще с четырьмя караванами торговцев, и каждый раз Тарго выставлял нас напоказ, выстраивая в демонстрационную шеренгу. В шеренге я стояла четвертой. Мне очень хотелось, чтобы Лану продали, а Юта и Инга, наоборот, остались с нами.

Во встретившихся нам караванах были невольницы, которые иногда вместе со своими хозяевами приходили на нас посмотреть. Как я завидовала их свободе, их возможности бегать, смеяться и идти, куда им заблагорассудится! Какими хорошенькими они казались в своих коротких туниках, верхний край которых был переброшен у них через левое плечо и стянут большим красивым узлом! Какими довольными они выглядели в объятиях своих хозяев! С каким превосходством они смотрели на нас, стоявших на коленях на пыльной траве, выстроенных в демонстрационную шеренгу — обнаженных, несчастных...

Как это ни странно, я мало думала о возможности быть кому-то проданной. Правда, однажды, когда я подняла голову и с обольстительной улыбкой произнесла заученную фразу: «Пожалуйста, купите меня, хозяин!» — сердце у меня учащенно забилось. Стоящий напротив меня мужчина не двинулся дальше вдоль выстроенных в шеренгу девушек. Он продолжал изучать меня внимательным взглядом. В его глазах я, к своему ужасу, заметила проявление интереса. Все внутри меня оборвалось. Я готова была провалиться сквозь землю. У меня появилось желание вскочить и бежать отсюда, бежать куда глаза глядят, таща за собой продетую сквозь кольцо у меня на ноге тяжелую цепь. Не знаю, как бы я поступила, продолжай он смотреть на меня дольше, но тут, к своему несказанному облегчению, я услышала голос другой, стоящей рядом со мной девушки, произносящей сакраментальную фразу: «Пожалуйста, купите меня, хозяин!»

Мужчина отошел от меня и двинулся вдоль демонстрационной шеренги дальше. Он остановился еще возле одной девушки, девятой по счету, и окинул ее оценивающим взглядом. Дойдя до конца шеренги, он вернулся и снова задержался напротив меня. Я словно оцепенела. Я была так напугана, что боялась встретиться с

ним взглядом. Я даже не смогла выдавить из себя обязательную фразу: «Пожалуйста, купите меня, хозяин!» Тогда он опять вернулся к девятой девушке. Ее он и купил.

В этот день Тарго продал двух девушек. Я видела, как проходил процесс продажи. Тарго получил с покупателя деньги, девятую девушку отсоединили от общей цепи, и она, стоя перед покупателем на коленях, склонила голову к земле и протянула к нему скрещенные в запястьях руки, словно предлагая ему их связать. Эта поза символизировала ритуальное подчинение рабыни новому хозяину. Мужчина надел на нее соединенные длинной цепью наручники и завязал у нее на шее тонкий кожаный ремень. Я видела, как он повел девушку за собой и привязал ее к кольцу, ввинченному в задний борт своего фургона. Девушка хотела было прикоснуться к нему, но он этого не позволил и отстранил ее от себя. Она казалась робкой, взволнованной, но счастливой. Прошло уже много времени с тех пор, как у нее был свой постоянный хозяин. Интересно, подумалось мне, каково это — принадлежать мужчине? Девушка опустилась на колени, дожидаясь, пока караван тронется в путь, и затем поднялась на ноги и пошла рядом с фургоном своего владельца. Один раз она обернулась и помахала нам скованными цепью руками. Мы помахали ей в ответ. Выглядела она счастливой.

Дважды мы останавливались в небольших огороженных частоколом селениях, занимавшихся разведением босков. Мне нравились эти короткие стоянки, во время которых нам давали напиться свежего, еще теплого боскского молока, а на ночь укладывали спать в деревянные, крытые соломой постройки, где обычно хранилось заготовленное на зиму сено. Здесь было сухо и тепло, а терпкий запах свежего сена приятно щекотал ноздри.

Инга и Юта — в особенности Юта — оказались неутомимыми, терпеливыми учителями. Они учили меня горианскому не меньше четырех часов в день. К тому же никакого другого языка, кроме этого, я вокруг себя не слышала. Вскоре я поймала себя на том, что уже произношу кое-какие фразы машинально, не задумываясь. Я учила язык так, как его усваивает ребенок: естественным

образом, на слух, без вникания в его структуру и без заучивания грамматических правил и исключений, не проводя какого-нибудь сопоставительного анализа с английским и не выискивая между ними сходства и различий. Не являясь профессиональными учителями, Юта и Инга не пытались преподнести мне язык как систему сухих грамматических правил и отношений между членами предложения. Они обучали меня живому языку как средству выражения моих мыслей и чувств — практичному и конкретному, выразительному и красивому.

Прошло совсем немного времени, и я стала замечать, что иногда даже думаю на горианском. Однажды мне приснился сон, в котором какой-то умный, образованный горианец разговаривал со мной и я не задумываясь, совершенно естественно отвечала ему на его родном языке. Интересно отметить, что в том же сне я ухитрилась стащить у хозяина несколько конфет, а вину свалить на Лану, которая понесла за это примерное наказание. Сон мне очень понравился, хотя досмотреть его я не смогла, поскольку после наказания Ланы ко мне подошел Тарго с плетью в руках. Я проснулась в холодном поту и с радостью обнаружила, что лежу в полной безопасности, в фургоне, на соломенной подстилке, прикованная цепями к центральному брусу. Снаружи шел дождь, тяжелые капли барабанили по полотняному навесу. Я быстро успокоилась и, устроившись поуютнее на подстилке, слушая ритмичное дыхание спящих девушек и мерный шум дождя, вскоре снова уснула.

Вначале с произношением дело у меня шло довольно туго, но постепенно Инга помогла мне его улучшить. Со временем я даже научилась различать отдельные диалектные особенности, проскальзывающие в речи девушек и охранников. Словарный запас у меня еще оставлял желать лучшего, но я была довольна собой. Уже через несколько дней после начала интенсивных занятий со мной Инги и Юты я, к своему удовольствию и большому удивлению, могла изъясняться вполне сносно. У меня, конечно, имелась и особая причина, почему я так настойчиво стремилась выучить этот язык. Я хотела получить возможность для установления контакта с

людьми, способными помочь мне вернуться на Землю. Я была уверена, что с моими оставшимися на Земле богатствами смогу без проблем оплатить свой полет на родную планету.

Как-то, разговаривая с Ингой, я заметила, что Юта регулярно допускает некоторые грамматические ошибки.

— Что ты хочешь,— пожала плечами Инга.— Ведь она всего лишь из касты мастеров по выделке кож.

Я почувствовала свое превосходство над Ютой. Сама я никогда не допускала подобных ошибок. И неудивительно: я была не какой-то там кожаных дел мастерицей, а Элеонорой Бринтон!

— Я буду разговаривать по-гориански так, как это делают представители высшей касты,— сказала я.

— Но ведь ты дикарка,— возразила Инга.

На какое-то мгновение я ее возненавидела.

Инга, сказала я себе, со всеми ее претензиями на образованность всегда будет оставаться самой обычной рабыней, бегающей за фургоном своего хозяина. А я, Элеонора Бринтон, снова вернусь на Землю, в свой дом на крыше небоскреба. А Юта? Бедная, маленькая, глупенькая Юта, хорошенькая, но совершенно никчемная, неспособная правильно говорить даже на своем родном языке — чем она может быть, кроме как игрушкой в руках мужчины? Она рабыня уже по самой своей природе. Она рождена для невольничьих цепей. И Инга — тоже, несмотря на все ее высокомерие. Им суждено всегда оставаться на Горе подневольными рабынями, в то время как я, Элеонора Бринтон, умная и богатая, сидя за крепкими стенами своей квартиры, снова буду смеяться над всем миром!

Вот будет потеха!

— Чему Эли-нор радуется? — подняла глаза Юта.

— Элеонора,— поправила я ее.

— Эли-нора,— с улыбкой старательно повторила девушка.

— Так, ничему,— отмахнулась я.

До нас донеслись громкие голоса охранников. Где-то вдалеке послышался перезвон надетых на шею босков бубенчиков.

— Фургон с сопровождающими! — объявил один из охранников.

— Это свободная женщина со своей свитой! — воскликнул другой.

— Рабынь — из фургонов! — приказал Тарго.

Я почувствовала легкое волнение. Мне еще не приходилось видеть свободную горианскую женщину.

Охранники открыли задний борт нашего фургона и сняли замки с цепей, соединенных с центральным брусом. Одной за другой нам велели спуститься на землю и выстроиться в демонстрационную шеренгу. Девушки из первого фургона уже построились и ждали приближающуюся процессию. Мне было плохо видно, но я успела заметить большой широкий фургон со впряженными в него четырьмя громадными, тщательно ухоженными черными босками.

В фургоне под прозрачным шелковым балдахином в резном курулеанском кресле восседала женщина.

Фургон сопровождали воины с копьями в руках; их было, наверное, человек сорок, по двадцать с каждой стороны повозки.

Звон навешанных на босков бубенчиков доносился уже совершенно отчетливо. Процессия быстро приближалась. Тарго в своем желто-синем шелковом одеянии выступил ей навстречу.

— На колени! — скомандовал один из охранников.

Выстроенные в демонстрационную шеренгу, мы покорно повиновались.

При встрече свободного мужчины или свободной женщины горианская рабыня должна встать на колени и стоять до тех пор, пока ей не позволят подняться. Меня приучили опускаться на колени даже при обращении к охранникам, не говоря уже о Тарго, моем хозяине. Обращаясь к свободному мужчине, горианская рабыня всегда называет его «хозяин», а свободную женщину — «госпожа».

Я с любопытством наблюдала за приближающейся процессией.

Наряженная в тончайшие разноцветные шелка, женщина царственно восседала на высоком, похожем на трон курулеанском кресле. Ее воздушное одеяние, навер-

ное, стоило дороже, чем три или четыре рабыни. Лицо женщины было закрыто темной вуалью.

— Ты осмеливаешься смотреть на свободную женщину? — гневно спросил стоящий рядом с нами охранник.

Я не только смотрела, я буквально пожирала ее глазами, не в силах отвести от нее зачарованного взгляда. Однако когда процессия почти поравнялась с нами, удар ноги охранника заставил меня опустить голову.

Фургон свободной женщины остановился напротив нашей демонстрационной шеренги, в нескольких шагах от того места, где я стояла.

И тут я поймала себя на мысли, что не осмеливаюсь поднять на нее глаза.

Внезапно я поняла, что я не такая, как эта женщина. Впервые в жизни здесь, посреди заросшей травой горианской степи, я со всей отчетливостью осознала силу и власть опустошающих, разрушающих человека реалий социального устройства общества. Только сейчас я вдруг поняла, что там, на Земле, не я сама, не мои достоинства, а социальный авторитет, созданный доставшимся мне по рождению общественным положением и богатством, прокладывал мне в жизни дорогу среди менее обеспеченных людей, заставлял их — вне зависимости от их истинного отношения ко мне — добиваться моего расположения и опасаться проявления мною неудовольствия. Я никогда не задумывалась над истинной природой их знаков внимания ко мне и всячески выказываемого расположения. Я всегда принимала это как должное. Я совершенно естественным образом ощущала свое превосходство над окружающими. Еще бы: я была лучше их! Богаче!

И вот я оказалась вне привычной мне среды.

— Подними голову, дитя мое,— раздался надо мной женский голос.

Я послушно повиновалась.

Женщина была не старше меня, я уверена, но обращалась ко мне как к ребенку.

Охранник снова пнул меня ногой.

— Пожалуйста, купите меня, госпожа,— пробормотала я заученную фразу.

— Совершеннейшая дикарка,— рассмеялась женщина.— Это так забавно!

— Я подобрал ее в степи,— пояснил Тарго; он опасался, как бы мое присутствие в демонстрационной шеренге не было сочтено за наличие у него дурного вкуса в подборе невольниц, и поэтому поспешил заверить женщину в том, что такая неказистая девчонка, как я, досталась ему совершенно бесплатно и что сам он никогда бы не стал меня покупать для своего невольничьего каравана.

Я посмотрела на женщину. Она ответила мне спокойным, уверенным взглядом. Глаза ее под легкой вуалью лучились приветливой улыбкой. Она казалась такой красивой! Такой недосягаемо прекрасной! Я не могла больше выдержать ее взгляд.

— Ты можешь опустить голову, дитя мое,— не без участия сказала женщина.

Я с благодарностью низко опустила голову.

Я была раздосадована тем, какие чувства меня переполняли, как я себя вела, но ничего поделать с собой была не в силах.

Она была такой величественной. Я чувствовала себя перед ней полным ничтожеством!

Остальные девушки тоже застыли, низко склонив головы и преклонив колени перед этой удивительной женщиной. Они, как и я, были всего лишь недостойными рабынями, закованными в кандалы, с невольничьим клеймом на теле — ничтожествами по сравнению с ней, человеком свободным!

Меня душили слезы отчаяния.

Словно сквозь густую пелену до меня донесся скрип деревянных колес и мелодичный перезвон подвешенных к шеям боскоов крошечных колокольчиков. Тарго согнулся в подобострастном поклоне, провожая угодническим взглядом медленно проезжающий мимо фургон. Ноги сопровождающих свободную женщину охранников протопали по пыли в каком-нибудь ярде от наших низко склоненных голов.

Едва лишь процессия удалилась на достаточное расстояние, Тарго расправил плечи. На лице у него блужда-

ла странная улыбка. Он казался чрезвычайно довольным чем-то.

— По фургонам! — скомандовал он, потирая ладони.

— По фургонам! — подхватили команду охранники.

Мы стали возвращаться на свои места.

— Кто она такая? — кивнул вслед удаляющейся процессии седой одноглазый охранник.

— Госпожа Рена из Лидиса, из касты строителей,— ответил Тарго.

И снова мы, скованные цепями внутри своего фургона, двинулись в путь по бескрайним горианским степям к далекому Лаурису.

В этот день мы рано остановились на ночевку, выбрав место неподалеку от небольшого ручья. Девушки под присмотром охранников занялись выполнением различных работ по обустройству лагерной стоянки. Они вычищали фургоны и купали босков, носили воду и собирали хворост. Иногда их допускали до приготовления пищи. Нас с Ютой, привязанных одна к другой кожаным ремнем за горло, в сопровождении охранника послали в лес собирать ягоды. Ягод в этих местах было не очень много, и набрать выданные нам большие корзины оказалось не так-то просто. Я потихоньку воровала ягоды из корзины Юты и потому наполнила свой кузовок первой. Нам не позволялось есть ягоды, и не думаю, чтобы Юта нарушала запрет, однако сама я частенько отправляла в рот ягодку-другую, когда охранник не обращал на меня внимания. Если бросать в рот ягоды по одной, а не целыми пригоршнями, ни губы, ни подбородок никогда не будут вымазаны соком и никто не догадается, что ты их ела. Юта, очевидно, даже не подозревала об этой маленькой хитрости. Бедная, маленькая, простодушная глупышка!

Когда мы вернулись в лагерь, уже начинало темнеть. Я была очень удивлена, увидев разложенный возле нашего фургона небольшой костер, из которого торчали рукояти тавродержателя для проставления клейма на теле у невольниц.

Вскоре нас накормили и позволили посидеть у своих фургонов. Мы были связаны длинным кожаным

ремнем, затянутым у каждой из нас на лодыжке левой ноги.

Внезапно охранники всполошились и схватились за копья.

Из опустившейся на землю ночной темноты выступили два вооруженных воина. Они толкали перед собой упирающуюся женщину. Лицо у нее было расцарапано, а руки, скрытые блестящим шелковым одеянием, скручены за спиной толстым ремнем. Когда ее бросили на землю, к ногам Тарго, мы с девушками хотели было к ней приблизиться, но охранники тупыми концами копий отогнали нас прочь. Женщина отчаянно пыталась встать на ноги, но ей не позволили подняться. Ее невидящий взгляд блуждал по лицам окруживших ее мужчин. Она словно не верила в реальность происходящего.

Тарго распустил на висящем у него на поясе кожаном кошеле шнурок, вытащил из него одну за другой сорок пять золотых монет и вручил их одному из пришедших воинов. Девушки онемели от изумления. Это была фантастически высокая цена. И главное, он даже не торговался! Все поняли, что сумма была обговорена заранее. Воины молча приняли из рук Тарго золото и тут же снова растворились в темноте.

— Ты поступила глупо, взяв себе в охрану наемников,— затягивая шнурок на кошеле, заметил Тарго лежащей у его ног женщине.

— Пожалуйста! — воскликнула она.— Пощадите!

Тут я ее узнала. Это была та самая женщина, которую сопровождала свита из сорока охранников,— Рена из Лидиса.

Я почувствовала легкое удовлетворение.

— Пожалуйста! — тихо всхлипывала молодая женщина.— Прошу вас!

— У тебя есть обожатель,— сообщил ей Тарго.— Это один капитан с Тироса. Он положил на тебя глаз еще прошлой осенью в Лидисе. Мы договорились, что, если я сумею доставить тебя в Ар, он купит тебя на закрытых частных невольничьих торгах и отвезет в свои Сады удовольствий, на Тирос. Я получу за тебя сотню золотых!

У девушек вырвался изумленный крик.

— Кто он? — жалобным голосом спросила молодая женщина.

— Узнаешь, когда тебя ему продадут,— ответил Тарго.— Кейджера не должна проявлять любопытство. Ты можешь быть за это наказана.

Мне вспомнилось, как на Земле рослый человек, предводитель моих похитителей, говорил мне то же самое. Очевидно, это была горианская пословица.

Женщина рассеянно покачала головой.

— Вспомни,— насмешливо произнес Тарго,— может, ты вела себя с кем-нибудь слишком жестоко? Может, ты убила кого-нибудь? Или не выказала кому-то почестей, которых тот был достоин?

Женщина выглядела ошеломленной и испуганной.

— Раздеть ее! — приказал Тарго.

— Нет! Нет! — разрыдалась женщина.

Ей развязали руки и сорвали с нее одежду.

После этого ее привязали к большому колесу нашего фургона. Широким кожаным ремнем ее правую ногу плотно прихватили к одной из длинных спиц, у самого обода колеса. Я удивилась: у меня клеймо стояло на левом бедре. Мы молча наблюдали за процессом клеймения.

Женщина дико закричала и прижалась щекой к грязному ободу.

Девушки обступили ее плотной стеной.

Голова у нее была запрокинута. По щекам катились слезы.

— Подними голову, дитя мое,— сказала я ей.

Молодая женщина попыталась приподняться, уставясь на меня невидящим взглядом.

Во мне вспыхнуло глухое раздражение.

Она была обнажена, я — носила невольничью рубаху! Она была в большей степени рабыня, чем я!

Вне себя от ярости, я ударила ее по лицу.

— Рабыня! — закричала я.— Рабыня!

Охранник оттащил меня прочь. Юта подошла к женщине и обняла ее за плечи.

Я почувствовала к ней неприязнь.

— По фургонам! — распорядился Тарго.

— По фургонам! — подхватили приказ охранники.

Вскоре мы снова лежали на своих местах, прикованные цепями к центральному брусу.

Новую невольницу поместили в наш фургон, ближе к заднему борту. Руки и ноги у нее были крепко связаны, чтобы она не могла повредить свежепроставленное клеймо. На голову ей надели длинный, плотно облегающий капюшон, а рот заткнули кляпом, чтобы ее стоны и рыдания не мешали отдыхать остальным.

Охранники криками начали подгонять впряженных в повозки босков, и вскоре фургон снова неторопливо тронулся в путь по холмистым степям, залитым серебристым светом трех горианских лун.

Тарго не захотел слишком долго оставаться на этом месте.

— Завтра,— долетели до меня его слова,— мы будем в Лаурисе.

8

КАК РАЗВОРАЧИВАЛИСЬ СОБЫТИЯ НА СЕВЕРНОЙ ОКРАИНЕ ЛАУРИСА

На следующее утро, вскоре после восхода солнца, мы вышли к берегам Лаурии.

Утро выдалось холодным. Над землей расстилался густой туман. Мы с остальными девушками, за исключением новенькой, свежеклейменой, лежащей в углу, у заднего борта, в капюшоне и с заткнутым кляпом ртом, плотнее придвинулись друг к дружке и забрались под запасной тент, укладываемый на ночь в повозки. Я и еще две девушки подобрались к бортам фургона, приподняли край обтягивающего его полотна и стали смотреть, что делается снаружи.

Откуда-то доносились речные запахи, пахло свежей рыбой.

В тумане мелькали фигуры занятых своими делами людей, угадывались очертания низких бревенчатых строений. Несколько человек, очевидно бивших рыбу острогами и трезубцами ночью, при свете факелов, уже возвращались, неся в руках полные корзины. Другие, с сетями, шли им навстречу по направлению к реке. По-

всюду виднелись вбитые в землю шесты, между которыми были протянуты веревки и сушилась рыба. Я заметила несколько фургонов, двигавшихся в том же направлении, что и мы. Кое-где навстречу попадались люди с охапками хвороста на плече. В дверях одного небольшого деревянного дома я увидела провожающую нас взглядом молоденькую девушку-рабыню в короткой невольничьей тунике. Над воротом туники я успела заметить тускло блеснувшую сталь ошейника.

Внезапно по приподнятому краю тента, из-под которого мы выглядывали, ударил тупой конец копья охранника, и мы поспешно спрятались внутрь фургона.

Девушки уже проснулись. Выглядели они взволнованными. Я тоже немного нервничала. Лаурис — первый встретившийся мне горианский город. Найдется ли здесь кто-нибудь способный помочь мне вернуться домой? Сидя внутри фургона, закованная в цепи, я чувствовала, как меня охватывает отчаяние. Обтягивающий повозку тент был плотно притянут к бортам ремнями, не оставляя ни одной щелочки, сквозь которую можно было бы выглянуть наружу. Даже задний полог был опущен и также привязан к бортам. Мне хотелось кричать, звать на помощь, но я, конечно, на это не осмелилась и лишь сидела, сжимая от отчаяния кулаки.

Фургон накренился, и я догадалась, что мы спускаемся вниз по склону, направляясь к берегу реки. Вскоре фургон закачался на колдобинах и резко замедлил движение, словно утопая в глубокой грязи. Затем послышался хруст ветвей, очевидно подбрасываемых охранниками под колеса. Повозка выровнялась и пошла легче. Через минуту копыта босков, а за ними и колеса фургона застучали по какому-то деревянному настилу.

Некоторое время мы сидели в полной тишине, затем до нас донесся голос Тарго, договаривающегося с владельцем баржи об оплате перевозки на другой берег. После этого фургон еще несколько метров катился по обшитому досками пирсу. Запах рыбы и речных водорослей стал сильнее. Воздух был холодным и сырым.

— Рабыням — из фургонов! — услышали мы приказ.

Полог на нашем фургоне распахнулся. Седой одноглазый охранник отомкнул запоры, удерживающие цепи на центральном брусе.

— Выйти из фургона! — распорядился он.

Мы по одной выбирались из фургона, и охранник освобождал цепь, продетую сквозь кольцо, соединенное с ножным браслетом каждой невольницы.

После этого нас собрали всех вместе на краю деревянного пирса.

Я стояла у самой воды и дрожала от холода.

Вдруг я заметила под водой быстрое движение, и через секунду из темных речных глубин на поверхность рванулось гибкое мощное тело какой-то громадной рыбины. Ее высокий, треугольной формы, черный спинной плавник вспорол воду у самого края деревянного пирса, и рыбина тут же снова ушла в глубину.

Я невольно вскрикнула.

— Речная акула! — с дрожью в голосе воскликнула Лана.

Девушки испуганно посмотрели вслед рыбине, растворившейся в мрачных речных глубинах.

Я отошла от края пирса и встала рядом с Ингой и Ютой. Юта обняла меня за плечи.

Со стороны реки приближалась широкая, с низкими бортами баржа. На двух больших весельных рулях у нее на корме сидели матросы. Баржу тащили два гигантских перепончатолапых ящера. Тогда я впервые увидела этих животных, столь обычных для Гора речных тарларионов. Они меня ужасно напугали. Они были громадными, длинношеими, как броней покрытыми толстой чешуей. Что меня поразило,— несмотря на свои гигантские размеры, в воде они двигались довольно плавно. Внезапно голова одного из чудовищ скрылась под водой и тут же снова появилась над поверхностью. В зубах у него трепыхалась громадная рыба. Чудовище высоко запрокинуло голову, и рыба исчезла у него в пасти.

Оба животных были впряжены в широкую баржу. Управлял ими погонщик, сидящий в кожаной корзине между двумя животными. Корзина с помощью ремней была подвешена к их мощным шеям. Погонщик то и дело покрикивал на чудовищ, обильно пересыпая свои

команды крепкими горианскими выражениями, на что животные отвечали ему глухим трубным ревом.

Баржа быстро приближалась к пирсу.

Стоимость перевозки через Лаурию свободного человека составляла один серебряный тарск. Цена же за перевозку животного не превышала одной медной тарнской монеты. Я с самого начала догадалась, что стоимость перевозки рабынь будет такой же. Тарго заплатил двадцать один медный тарнский диск за доставку на другой берег всех своих невольниц — включая и вновь приобретенную Рену — и четырех босков. Четверых девушек он продал еще до того, как мы достигли берегов Лаурии.

Босков выпрягли из фургонов и завели в специально оборудованные для животных стойла. Рядом со стойлами находились клети для перевозки рабов, куда охранники и поместили всех девушек. В центре баржи на двух вращающихся деревянных помостах установили наши фургоны и закрепили их цепями. Вращающаяся конструкция помостов позволяла выгружать фургоны на берег с максимальным удобством, не разворачивая их на относительно небольшом пространстве баржи.

Я держалась за перила и смотрела на реку. Туман начал рассеиваться и приоткрыл поверхность воды, лениво плещущуюся о дощатые борта баржи. В нескольких футах от нас из воды на мгновение выскочила какая-то рыбешка и, сверкнув на солнце тусклым серебром чешуи, тут же снова ушла в глубину. Где-то над головой раздавались пронзительные крики чаек.

Погонщик в корзине громко закричал и щелкнул плетью по толстым шеям тарларионов.

Нет, в Лаурисе непременно должен найтись хоть один человек, способный помочь мне вернуться в Соединенные Штаты или познакомить меня с теми, кто имеет такую возможность!

На реке повсюду виднелись плывущие баржи — направляющиеся к другому берегу, в Лаурис или возвращающиеся назад. Спускающиеся по течению суда использовали для передвижения силу реки, а двигающиеся против течения тащили при помощи сухопутных тарларионов, для которых вдоль берега были проложены

широкие, вымощенные бревнами тропы, или, скорее, целые дороги. Сухопутный тарларион, как я позднее узнала, тоже способен тащить за собой баржу по реке вплавь, но в воде он не столь эффективен, как мощный, громадных размеров речной тарларион. Для транспортировки барж в Лаурис погонщики, как правило, используют оба берега реки, хотя северный, менее затапливаемый во время речного половодья, считается более предпочтительным. Разгруженные в Лаурисе тарларионы возвращаются в расположенный в устье реки Лидис по южному, реже используемому погонщиками берегу.

Поднимающиеся вверх по реке баржи, я видела, были сплошь уставлены клетями, ящиками и коробками со всевозможным строительным или отделочным материалом, железной рудой, металлическими изделиями, тканями и кожами. Навстречу шли баржи, груженные бочками с солью, рыбой и мехами. Некоторые из поднимающихся по течению барж везли пустые клети для рабов, очень похожие на те, в которых сидели мы с девушками. На спускающейся по течению барже я только один раз заметила клеть, заполненную невольниками. В ней находились пять-шесть рабов-мужчин. Они выглядели удрученными и подавленными. На голове у них зачем-то была выбрита широкая полоса волос, протянувшаяся ото лба до самого затылка. Увидев мужчин в клети, Лана тут же принялась потешаться над ними, но те даже не взглянули в ее сторону.

— Выбритая у них на голове полоса означает, что они попались в руки женщин,— пояснила мне Юта.— Тех, что обитают в дремучих северных лесах, вон там,— указала она на сплошную зеленую пелену леса, протянувшегося на северном берегу.— Никто не знает, насколько эти леса простираются в западном направлении, известно лишь, что на севере они доходят аж до Торвальдсленда. Их населяют лесные жители, но гораздо больше там банд всяких преступников — как мужчин, так и женщин.

— Женщин? — удивилась я.

— Некоторые называют их лесными женщинами,— кивнула Юта.— Другие зовут их женщинами-пантерами, потому что они носят шкуры убитых ими лесных пантер и бусы из их клыков.

Я не могла скрыть своего удивления.

— Они живут в лесах без мужчин, а свою плоть удовлетворяют теми, кого им удается поймать и обратить в своих рабов. Какое-то время они забавляются своими пленниками, затем, когда те им наскучат, продают их на невольничьих рынках. А чтобы сильнее унизить этих мужчин, женщины-пантеры выбривают у них на голове широкую полосу, свидетельствующую о том, что выставленный на продажу раб попался в руки женщин.

— Но кто эти женщины? Как они оказались в лесах?

— Некоторые прежде были невольницами, другие — свободными женщинами. Кто-то бежал от ненавистного замужества, устраиваемого их родителями, кто-то не смог смириться с принятым в их городе обращением с женщинами. Есть города, где даже свободная женщина не может выйти из дома, не спросив на то разрешения охранников или членов своей семьи. А в иных городах рабыни чувствуют себя более свободными и счастливыми, чем так называемые свободные женщины.

Я снова посмотрела на реку. По берегам тянулись ясно различимые в рассеивающемся тумане хижины и деревянные строения. Вода на спинах тянущих баржу тарларионов тускло блестела в неярком солнечном свете.

— Не будь такой грустной, Эли-нор,— сказала Юта.— Когда на тебя наденут ошейник и у тебя появится свой хозяин, ты почувствуешь себя более счастливой.

Я с неприязнью посмотрела на эту маленькую дурочку.

— У меня никогда не будет ни ошейника, ни хозяина,— ответила я.

— Нет, ты хочешь получить и ошейник, и хозяина,— рассмеялась Юта.— Просто ты либо этого еще не осознаешь, либо не хочешь в этом признаться!

Бедная глупая Юта. Она не знает, что я буду свободной. Что я вернусь на Землю. Я снова буду богатой и могущественной! У меня самой будут слуги! У меня будет свой дом и новый, еще более мощный спортивный автомобиль!

Я усмехнулась.

— А сама-то ты была когда-нибудь счастлива со своим хозяином? — язвительно осведомилась я.

— Да! Конечно! — с горячностью воскликнула Юта; глаза у нее засверкали от радости.

Я снова почувствовала к ней неприязнь.

— И что же между вами произошло? — поинтересовалась я.

Юта потупила взгляд.

— Я попыталась навязать ему свою волю,— ответила она.— Вот он меня и продал.

Я отвернулась.

Туман почти рассеялся, и яркие лучи утреннего солнца рассыпались по поверхности воды.

— В каждой женщине,— продолжала Юта,— уживаются одновременно свободная спутница мужчины и рабыня. Свободная спутница ищет своего спутника, равноправного партнера, а рабыня стремится иметь рядом человека более сильного, способного ее защитить — хозяина!

— Это полный абсурд,— возразила я.

— Разве ты не женщина? — удивилась Юта.

— Конечно, женщина,— ответила я.

— Значит, живущая в тебе рабыня вне зависимости от твоего желания стремится обрести над собой повелителя, хозяина. Это происходит помимо твоей воли, подсознательно, поэтому ты можешь об этом даже не догадываться.

— Ты просто дура! — не выдержала я.— Самая обычная дура!

— Ты — женщина,— спокойно возразила Юта.— Подумай, какой мужчина мог бы стать твоим хозяином?

— Нет такого мужчины, который мог бы стать моим хозяином! Таких мужчин не существует!

— Но в твоих снах, вспомни, какой мужчина прикасается к тебе, уводит тебя с собой в свои владения, принуждает тебя выполнять его желания?

Теперь мне вспомнилось, как, выскочив из своей квартиры, из пентхауза, по пути к подземному гаражу я встретила мужчину, обычного прохожего, который провожал меня, убегающую, испуганную, с клеймом на теле, взглядом хозяина, и как в тот момент я впервые в жизни почувствовала себя женщиной — беспомощной и ранимой. То же чувство родилось у меня и в бунгало,

когда я рассматривала клеймо у себя на ноге и надетый на меня ошейник. Тогда я тоже на мгновение ощутила себя беспомощной пленницей, человеком несвободным — собственностью других людей. Вспомнилось и проскользнувшее у меня в этот миг перед глазами мимолетное видение того, как я, обнаженная, лежу в объятиях какого-то дикаря. У меня тогда даже мороз пробежал по коже. Я никогда не испытывала ничего подобного. Мне вспомнилось, как я впервые почувствовала любопытство и интерес к прикосновению мужчины — может, это и был человек, способный стать моим хозяином? Я до сих пор не могла избавиться от этого странного чувства и посетившего меня мимолетного видения. Они возвращались ко мне снова и снова, особенно по ночам, когда я долго не могла уснуть на жестком полу невольничьего фургона. Однажды среди ночи я почувствовала себя такой несчастной, такой одинокой, что даже расплакалась. Дважды я слышала, как плачут по ночам другие девушки. Но со мной это было только один раз, Юта! Только один! Больше такого не повторится!

— У меня не было подобных снов,— встряхнула я головой, отгоняя непрошеные мысли.

— Вот как? — удивилась Юта.

— Эли-нор не женщина, а холодная, ни на что не годная рыба! — презрительно фыркнула Лана.

У меня от обиды слезы навернулись на глаза.

— Нет,— миролюбиво возразила Юта.— Женщина в Эли-нор еще просто спит.

Лана окинула меня изучающим взглядом.

— Значит, Эли-нор хочет обрести своего хозяина? — спросила она.

— Нет! — закричала я, едва сдерживая подступающие к горлу рыдания.— Нет! Нет! Нет!

Все девушки, за исключением Юты, засмеялись, захлопали в ладоши и принялись, подтрунивая надо мной, нараспев повторять:

— Эли-нор хочет хозяина! Эли-нор хочет хозяина!

— Нет! — кричала я, отворачиваясь и прижимаясь лицом к металлическим прутьям невольничьей клети.

Юта обняла меня за плечи.

— Ну, хватит,— принялась она укорять не на шутку разошедшихся девушек.— Зачем вы заставляете Эли-нор плакать?

Как я их сейчас всех ненавидела! Всех, даже Юту! Они были самыми настоящими рабынями! Рабынями!

— Смотрите! — вдруг закричала Инга, указывая рукой вверх.

С запада, со стороны Лауриса, над кромкой убегающих вдаль бескрайних лесов летел отряд тарнсменов. Их было человек сорок. Они восседали на спинах тарнов — способных летать под седлом громадных хищных горианских птиц. Люди казались крошечными по сравнению с несущими их ширококрылыми чудовищами. В руках тарнсмены держали длинные копья, а с правой стороны широких кожаных седел виднелись притороченные круглые щиты. Лица наездников были скрыты низкими шлемами.

Девушки испуганно завизжали и плотнее прижались к металлическим прутьям клеток.

Тарнсмены были далеко от нас, но даже на таком расстоянии они внушали мне ужас и заставляли сердце колотиться в груди. Интересно, думалось мне, каким должен быть человек, способный подчинить себе такого громадного крылатого монстра?

Я почувствовала, как у меня мороз пробежал по коже, и невольно отступила подальше в глубь клетки.

На палубу вышел Тарго и, закрывая глаза ладонью от ярких лучей утреннего солнца, посмотрел вверх.

— Это Хаакон со Скинджера,— сказал он стоящему рядом одноглазому охраннику.

Одноглазый утвердительно кивнул.

Тарго выглядел удовлетворенным.

Сделав в небе широкий круг где-то за Лаурисом, наездники повели своих громадных птиц вниз, на посадку.

— Владения Хаакона примыкают к границам Лауриса. Они начинаются всего в нескольких пасангах севернее города,— заметил Тарго и вместе с одноглазым охранником снова направился к корме баржи, где на рулях сидели двое матросов.

Экипаж баржи состоял из шести человек: капитана, или владельца баржи, двух матросов, отвечающих за

правильность причаливания и погрузки судна, человека, управляющего из корзины тарларионами, и двух рулевых.

Мы преодолели более двух третей расстояния, отделявшего нас от противоположного берега. Он был весь уставлен бочками с рыбой и штабелями свежеструганых досок, занимавшими большую часть облицованной камнем городской пристани. Позади пристани виднелись широкие мостки, ведущие к большим складским помещениям, выстроенным из просмоленных толстых бревен. Большинство складских помещений было выкрашено в темно-красный цвет, а покатые дощатые крыши — в черный. Многие помещения были украшены искусной резьбой, выполненной особенно затейливо по краям широких двустворчатых дверей, надетых на мощные железные петли и запертых на кованые запоры с тяжелыми замками. Сквозь открытые двери складов виднелись горы уложенных до самых крыш всевозможных товаров. Повсюду работали люди, грузились и разгружались стоящие у пристани баржи. За исключением небольших поселков, Лаурис был единственным населенным пунктом во всем этом регионе. Лидис — ближайший крупный город-порт, расположенный в устье Лаурии,— находился в двух сотнях пасангов отсюда вниз по течению реки. Наша новая девушка, Рена, была как раз из Лидиса и принадлежала к касте строителей — одной из пяти высших каст Гора. Она все еще лежала связанная в фургоне. В Лаурисе, я подозреваю, Тарго все время собирается держать ее в надетом на голову капюшоне и с кляпом во рту, поскольку кто-нибудь из жителей вполне мог ее здесь узнать.

Я усмехнулась. Ей вряд ли удастся ускользнуть из рук Тарго.

Под крики погонщика тарларионы начали медленно разворачивать баржу. Кормчие сильнее налегли на весельные рули и, кряхтя, сопровождая свои действия бранью, подвели тяжелое, неуклюжее судно к причалу. Наконец баржа содрогнулась от удара о пристань, и матросы с носа и с кормы забросили на причал веревочные канаты. Двое стоявших на берегу портовых рабочих поймали канаты, завели их в тяжелые кольца, намертво

вделанные в каменные плиты, и принялись подтягивать баржу к пирсу. Бортов на барже не было, и ее палуба оказалась на одной высоте с дощатым настилом пристани, так что, когда баржу подтащили вплотную к причалу, фургоны могли без труда съехать на берег.

Один из охранников отвязал ремни, удерживающие босков в стойлах, и вывел животных на пристань. Фургоны на вращающихся деревянных помостах развернули передом к берегу. После этого к повозкам одного за другим подвели храпящих, упирающихся босков и надели на животных кожаную упряжь.

На пристани собралось довольно много людей, наблюдающих за тем, как идет наша выгрузка с баржи. Некоторые даже оставили работу, чтобы на нас посмотреть.

На людях были грубые рабочие туники. Выглядели они уставшими.

Воздух был пропитан сильными запахами дерева и рыбы.

Рынки Лауриса не изобиловали тонкими и изысканными товарами. Здесь редко отыщешь мотки торианской золотой нити для вышивания, массивные, с крышкой, серебряные кубки из Тарны, доставленных из Шенди резных миниатюрных пантер с глазами из крохотных, горящих на солнце рубинов, мускатный орех и корицу, гвоздику и горький перец, привозимые из Бази, благовония с Тироса или темные, выдержанные вина и тончайшие прозрачные шелка, которыми так славится избалованный роскошью Ар. Жизнь в Лаурисе и в землях, лежащих к северу от него, даже по горианским меркам отличается своей скудностью.

И конечно, выводимые на берег с баржи обнаженные невольницы вызвали всеобщее любопытство.

— Тал, кейджеры! — крикнул нам какой-то молодой парень.

Юта сквозь металлические прутья клети помахала ему в ответ.

Мужчины в толпе приветствовали ее жест радостными восклицаниями.

— Поменьше улыбайся,— предупредила ее Лана.— Мало приятного быть проданной в Лаурисе.

— А мне все равно, где меня продадут,— беспечно ответила Юта.

— В демонстрационной шеренге ты стоишь ближе к концу,— успокоила ее Инга.— Тарго не захочет тебя продать прежде, чем мы достигнем Ара. Если он и выставит кого-нибудь здесь на продажу, так это тебя, Эли-нор. Ты ведь всего лишь необученная дикарка!

Меня захлестнула волна ненависти к этой глупой болтливой вороне.

Однако в глубине души я опасалась, что она совершенно права. Я внезапно почувствовала страх, что меня могут продать здесь, в этом затерявшемся среди бескрайних северных лесов небольшом речном городишке, и мне до конца дней суждено будет оставаться рабыней у какого-нибудь полунищего рыбака или дровосека, проводя свою жизнь в приготовлении ему пищи и убирая его утлую лачугу. Нечего сказать, прекрасная перспектива для Элеоноры Бринтон! Нет, я не должна быть выставлена здесь на продажу! Ни в коем случае не должна!

Один из помощников капитана подошел и тяжелым ключом отпер замок на запорах невольничьей клетки.

— Рабыням — выйти из клетки! — скомандовал старший охранник.— Построиться в один ряд!

Боски были уже запряжены в фургоны.

Нам по очереди выдали наши рубахи и набросили на шею петли длинного ремня для построения невольничьего каравана. Руки и ноги нам оставили несвязанными: куда убежишь в Лаурисе? Куда здесь вообще можно убежать?

Шагая у левого борта своих фургонов, мы сошли с баржи на берег.

Я увидела длинные мостки из бревен, ведущие с пристани к дощатым переходам между складскими помещениями — настоящую вымощенную досками улицу, петляющую между бесчисленных строений.

Построенные в цепь, мы пошли по этой улице.

Мне понравился воздух Лауриса, насыщенный свежестью полей, запахом реки и свежеструганой древесины. Откуда-то доносился аромат жареного мяса.

Следуя за своими фургонами, мы прошли мимо вереницы широких, прочных повозок, на которые рабочие

укладывали тяжелые гранитные блоки, добытые и обтесанные в каменоломнях Лауриса; миновали целые горы огромных бочек, заполненных солью и рыбой; обошли приготовленные под погрузку тюки со шкурами слинов и пантер, в великом множестве поставляемые в город местными охотниками-промысловиками. Проходя мимо, я потрогала рукой одну слиновую шкуру. Мех на ней показался мне приятным на ощупь.

Повсюду вдоль дороги нас провожали взглядом работавшие мужчины. Такой товар, как невольницы, не мог пройти мимо их внимания. Я старалась держаться очень прямо и не смотреть в их сторону. Когда мы поравнялись с одним из молодых рабочих, он схватил меня за ногу. Я вскрикнула от неожиданности и испуганно отскочила в сторону. Мужчины рассмеялись. К парню подошел шагавший рядом со мной охранник и сердитым голосом потребовал:

— Покупай ее!

Парень состроил печальную мину и в полупоклоне развел руки в стороны, всем своим видом показывая — рад бы, да денег нет. Охранник в ответ недовольно поморщился, зрители рассмеялись, и мы продолжали свой путь дальше. Еще несколько минут я чувствовала на своей ноге прикосновение парня. Мне было неловко и в то же время приятно: ни один из рабочих не протянул руку, чтобы прикоснуться к Лане!

Запах жареного мяса стал сильнее, и фургоны, к нашей несказанной радости, остановились у длинного приземистого здания, по всей видимости большого склада. Когда мы зашли внутрь, двери за нами закрыли. Здесь нас накормили свежим хлебом, жареным мясом и дали напиться теплого боскского молока.

Тут я заметила, что Тарго за мной наблюдает. Потом он поманил меня к себе.

— Почему тот портовый рабочий решил к тебе прикоснуться? — спросил он.

Я опустила голову.

— Не знаю, хозяин,— ответила я.

— Она стала держаться лучше, чем прежде,— заметил подошедший одноглазый охранник.

— Ты думаешь, она может стать красивой? — поинтересовался Тарго.

Его вопрос показался мне странным. По-моему, девушка может либо быть красивой, либо нет. Но вот стать красивой — мне это было непонятно.

— Возможно,— ответил охранник.— Она уже стала немного красивее с тех пор, как мы ее подобрали.

Его слова были мне приятны, хотя я все равно ничего не поняла.

— Рабыне белого шелка трудно быть по-настоящему красивой,— покачал головой Тарго.

— Конечно,— согласился охранник.— Но зато белошелковицы пользуются хорошим спросом.

Я совсем перестала что-либо понимать и подняла на Тарго умоляющий взгляд.

— Поставь ее шестой в демонстрационной шеренге,— отдал он распоряжение одноглазому охраннику.

Покраснев от удовольствия, я опустила глаза. Когда я снова подняла голову, Тарго с охранником уже ушли. Я принялась за прерванный обед. Девушкам, бывшим прежде в демонстрационной шеренге пятой и шестой, сообщили, что они теперь стали четвертой и пятой. Выглядели они удрученными и подавленными.

— Дикарка,— недовольно проворчала шестая девушка.

— А ты — девушка номер пять,— ответила я ей.

Тарго, к моей великой радости, в Лаурисе своих невольниц на продажу не выставлял. Он ждал более высоких цен.

Покончив с обедом, мы продолжили свой путь по дощатым улицам города, связанные кожаными ремнями в один невольничий караван. В одном месте мы прошли мимо пага-таверны, и через открытую дверь я заметила там девушку, на которой из всего одеяния были лишь надетые на шею украшения и привязанные к щиколотке левой ноги колокольчики. Девушка танцевала на посыпанной песком арене между столами под звуки каких-то примитивных музыкальных инструментов. На секунду я ошеломленно замерла перед распахнутыми дверьми. Затем наброшенный мне на шею кожаный ремень натянулся, и я вынуждена была идти дальше в своей связке. Я была поражена. Никогда еще мне не приходилось ви-

деть столь соблазнительной женщины и столь чувственного исполнения танца.

Вскоре после полудня мы добрались до невольничьих бараков. Их здесь было несколько. Тарго арендовал часть помещения, отделенного стеной из железных прутьев от части, принадлежащей Хаакону со Скинджера, по договоренности с которым он вел свои дела в этих северных районах. Наш барак был разделен на ряд небольших клетушек — без окон, с каменными полами, устланными соломенными подстилками, и низкими, не выше ярда, дверьми, выходящими во внутренний, обнесенный частоколом двор. Двор напоминал, скорее, большую клеть, так как не только был огорожен бревнами по периметру, но и над головой продолжением крыши барака тянулись такие же частые ряды длинных крепких жердей. В Лаурисе, очевидно, недавно прошел дождь, и земля во дворе была еще совсем мокрой, но здесь, под открытым небом, мне нравилось больше, чем под низкой крышей темного, мрачного барака. Рубахи у нас отобрали, вероятно, для того, чтобы мы не испачкали их в дворовой грязи.

В бараках, примыкающих к нашему, содержалось, наверное, двести пятьдесят — триста деревенских девушек. Некоторые из них большую часть времени горько плакали, к чему сама я давно потеряла всякую охоту. Я была рада, что охранники на ночь плетьми заставляют их замолчать, давая остальным возможность хоть немного отдохнуть. По утрам все они непременно собирались во дворе и принимались тщательно расчесывать друг дружке длинные светлые волосы и заплетать их в косы. Очевидно, эта процедура казалась им крайне важной, и охранники из соображений поддержания у невольниц товарного вида им не мешали. В отличие от них девушки Тарго, и я в том числе, носили волосы распущенными и гладко причесанными. Я надеялась, что мои относительно короткие волосы быстро отрастут. У Ланы волосы были самыми длинными; они закрывали ей почти всю спину. Сколько раз у меня возникало желание вцепиться в них руками и трепать их до тех пор, пока их хозяйка не запросит у меня пощады.

Однако эти желания продолжали оставаться всего лишь мечтами.

Большинство деревенских девушек из соседних бараков еще не прошли клеймение. Не было на них и ошейников. Все они были светловолосыми, с голубыми или серыми глазами. Налетчики Хаакона захватили или приобрели их в деревнях к северу от Лаурии или в регионах, лежащих между побережьем моря Тассы и далеким Торвальдслендом. Судя по всему, большая часть девушек не была слишком опечалена своим обращением в рабство. Очевидно, жизнь в крохотных, отдаленных друг от друга селениях для молодой девушки зачастую невыносимо трудна и не многим отличается от неволи.

Сотня невольниц из числа рабынь Хаакона предназначалась для Тарго. Он уже заплатил за них задаток в размере пятидесяти золотых тарнских дисков, и в первый же день нашего пребывания в резервациях я заметила, как он отдал Хаакону еще сто пятьдесят золотых монет. Я видела, как он не торопясь, опытным взглядом осматривает и отбирает для себя предлагаемых невольниц. Иная девушка пыталась увильнуть от осмотра, и тогда ее держали двое охранников. Мне вспомнилось, как вскоре после нашей встречи с первым караваном торговцев он точно так же осматривал меня. Помню, я тогда закричала и непроизвольно отшатнулась от его протянутой руки. Он остался доволен. «Кейджера»,— одобрительно произнес он. Я заметила, что девушек, отвечающих на его прикосновение подобным образом, он неизменно отбирал для себя даже в ущерб их более красивым соседкам по бараку. Однако мне казалось, что ни одна из них не отреагировала на его прикосновение столь же бурно, как я.

Больше двух дней ушло у Тарго на отбор невольниц, каждая из которых немедленно переводилась в наш барак. С нами они не спешили познакомиться и старались держаться обособленно. Еще день потребовался на их клеймение. Все это время наша новая девушка, Рена из Лидиса, провела в бараке связанная, в ошейнике, цепь от которого была прикреплена ко вделанному в стену тяжелому металлическому кольцу. Только для кормежки с нее снимали капюшон и вынимали кляп изо рта. Она

целыми днями просиживала в углу комнаты, обняв колени руками и положив на них закрытую капюшоном голову.

На меня возлагались обязанности по ее кормлению. Когда я впервые сняла с нее капюшон, она забросала меня просьбами помочь ей бежать или передать ее просьбу тому, кто сможет ее освободить. Такая наивная! Да за одни лишь подобные разговоры меня могут либо избить до смерти, либо до конца жизни сделать калекой! «Замолчи, рабыня!» — бросила я, снова надевая на нее капюшон и затыкая рот кляпом. Я не стала ее в этот раз даже кормить, чтобы она лучше запомнила преподнесенный урок. Я сама съела предназначенную ей утреннюю и вечернюю порции мяса. На следующий день, когда я сняла с нее капюшон, в глазах у нее стояли слезы, но возобновлять своих глупых разговоров она не посмела. Я в полном молчании вкладывала ей в рот куски мяса и дала напиться воды. После этого я снова надела на нее капюшон и вставила в рот кляп. Подумаешь — важная персона! Из высшей касты! Я буду обращаться с ней, как она того заслуживает — как с обыкновенной рабыней!

Рядом с невольничьими бараками Хаакона находились принадлежавшие ему помещения для содержания тарнов и взлетные площадки. Я подолгу наблюдала, как эти громадные птицы в закрывающих им глаза кожаных капюшонах расправляют свои могучие крылья и с резкими, пронзительными криками рвут хищными клювами брошенные им куски сырого мяса. Иногда они почему-то вели себя беспокойно, срывали с голов капюшоны и, казалось, готовы были вот-вот наброситься на ухаживающих за ними смотрителей. Ветер, поднимаемый взмахами их крыльев, был настолько силен, что вполне мог свалить с ног стоящего рядом человека, а хищный клюв и длинные, изогнутые когти выглядели столь устрашающе, что, думаю, птице не составило бы большого труда разорвать человека на части. Они внушали мне такой ужас, что даже отделенная от них тремя стенами толстых металлических прутьев, отгораживающих невольничьи бараки и поле для тарнов во владениях Хаакона, я не чувствовала себя в безопасности. Время

от времени то одна, то другая птица внезапно оглашала воздух пронзительным криком, и все остальные тарны в этой громадной клетке срывались со своих насестов и принимались бить крыльями или бросаться грудью на металлические прутья.

Я не знаю, почему все женщины испытывают такой страх перед тарнами, но сама я их действительно боялась. Большинство мужчин, кстати сказать, тоже. Редкий человек решится приблизиться к тарну. Говорят, птица каким-то образом чувствует, кто из людей по своей природе тарнсмен, а кто нет, и никогда не подпустит к себе человека, не являющегося тарнсменом. Она разорвет его в клочья. Неудивительно, что редкий человек отважится к ней подойти. В Лаурисе из своего барака я часто видела смотрителей за тарнами, но за исключением самого Хаакона, никто из наездников, тарнсменов, поблизости не появлялся. Они казались мне людьми дикого, необузданного нрава и, принадлежа к касте воинов, большую часть времени проводили в кулачных поединках, азартных играх и пьянстве в тавернах Лауриса, где прислуживающие им рабыни изо всех сил пытались обратить на себя их внимание и затащить в расположенные в задней части каждой таверны отдельные кабинеты. Нет ничего странного в том, что многие мужчины, даже из касты воинов, испытывали зависть и глухую ненависть к высокомерным, удачливым тарнсменам, всегда находящимся на гребне опасности и в самой гуще удовольствий, что непременно накладывало на них неизгладимый отпечаток и проявлялось в их гордой, мужественной осанке и дерзком, решительном взгляде.

Хаакон также был тарнсменом. Этот бородатый, громадного роста мужчина с неизменно хмурым выражением лица вызывал у меня неподдельный ужас.

Тарго, казалось, тоже испытывал беспокойство, ведя с ним дело.

Мы провели в невольничьих бараках, арендованных Тарго у Хаакона, расположенных на северной окраине Лауриса, шесть дней. На второй день, утром, меня с четырьмя другими девушками повели в город, чтобы мы помогли принести закупленные там припасы. Нас сое-

динили в караван узким кожаным ремнем с петлями на шеях. Сопровождали нас двое охранников. На оживленной торговой улице один из охранников отсоединил меня от девушек и повел в какой-то дом, а остальные невольницы отправились, как и было запланировано, на рынок. Охранники договорились, что на обратном пути с рынка караван с невольницами остановится у этого дома, где мы с моим охранником будем их дожидаться. Здесь меня снова присоединят к общему каравану и выделят причитающуюся часть закупленной на рынке провизии, которую я понесу, как полагается каждой рабыне, удерживая на голове.

Я уже дважды просила охранников взять меня в город за провизией и позволить нести с рынка кувшин с вином. Юта научила меня ходить так, чтобы налитая в кувшин жидкость не разливалась, и мне это очень нравилось. Мне приятно было ловить на себе восхищенные взгляды мужчин. Вскоре я научилась носить на голове кувшин с вином не хуже любой другой девушки, даже самой Юты.

Дом, в который меня потом водили еще четыре раза, был домом медицины. Я хорошо запомнила длинный коридор и расположенный в закутке кабинет для обследования рабынь.

В первый день меня внимательно осмотрел какой-то врач — спокойный, сдержанный человек в зеленом одеянии, свидетельствующем о его принадлежности к касте медиков. Инструменты, которые он при этом использовал, и вопросы, которые он задавал, очень напоминали подобную процедуру в любой поликлинике Земли. Особый интерес в его довольно примитивно обставленном кабинете у меня вызвали так называемые энергетические светильники — горианское изобретение. Хотя кабинет был залит ровным ярким светом, я нигде не заметила ни лампочек в светильниках, ни тянущихся к ним проводов или каких-нибудь батарей. Некоторые инструменты также были далеко не так примитивны, как можно было ожидать на этой рабовладельческой планете. На столе у врача, к примеру, стоял небольшой прибор с широким штативом, экраном и прозрачной пластиной внизу. Врач устанавливал на пластину нанесен-

ный на стекло мазок из взятой у меня крови или мочи, и на экране тут же появлялось их увеличенное во много раз изображение. По принципу действия прибор очень напоминал микроскоп, но у него не было ни подсвечивающих зеркал, ни окуляров с увеличительными стеклами. Врач бросал на экран мимолетный взгляд и тонкой пипеткой иногда добавлял на мазки несколько капель каких-то жидкостей. Во время моего первого визита к врачу медик с охранником большую часть времени, казалось, совершенно не обращали на меня внимания и были заняты малопонятным для меня разговором. Мне же оставалось только отвечать на скупые вопросы врача, что я и делала со свойственной для меня пунктуальностью. Нельзя сказать, что врач был в чем-то недобр ко мне, но он обращался со мной как с каким-то животным. Когда меня не осматривали, я вынуждена была стоять на коленях в углу кабинета, а врач с охранником обсуждали меня так, словно меня здесь не было.

Закончив обследование, врач смешал несколько порошков в четырех различных колбах, добавил к ним воды и разлил в стаканы. Мне приказали это выпить. Смесь в последнем стакане оказалась довольно горькой.

— Ей нужна стабилизирующая сыворотка,— сказал врач.

Охранник понимающе кивнул.

— Она вводится в четыре приема.— Врач указал на стоящую в углу комнаты кушетку, по краям которой свисали четыре пары ремней.

Охранник велел мне лечь на кушетку лицом вниз и ремнями связал мне руки и ноги. Врач тем временем насадил иглу на шприц и заполнил его какой-то жидкостью из флакончика, стоявшего на одной из полок в его шкафу.

Укол оказался довольно болезненным. Я не выдержала и закричала.

Врач с охранником на несколько минут оставили меня и вернулись к столу, где медик занялся заполнением бумаг. Затем он снова подошел ко мне и проверил ранку от укола. Очевидно, реакция организма была такой, как он ожидал. Мне позволили встать.

— Одевайся,— приказал врач.

Я быстро надела на себя рубаху и подвязала ее кожаным пояском.

Мне очень хотелось поговорить с медиком. В его кабинете находилось оборудование, свидетельствующее о высокоразвитых технологиях, имеющихся в распоряжении его создателей, что коренным образом отличалось от того, с чем мне до сих пор приходилось сталкиваться в этом очень красивом, но грубом и примитивном мире. Однако охранник без разговоров тупым концом копья вытолкал меня в коридор. В дверях я оглянулась и бросила на медика умоляющий взгляд. Он посмотрел на меня с удивлением.

У выхода нас уже дожидались девушки и сопровождавший их охранник. Меня присоединили к общему каравану, выделили часть поклажи, и мы вернулись в арендуемый Тарго невольничий барак.

Мне показалось, что по дороге за нами наблюдал какой-то небольшого роста человек в черном одеянии, но с уверенностью сказать об этом я не могла.

В последующие четыре дня мы регулярно заходили в дом медицины. В первое посещение, как я уже писала, меня обследовали, дали какие-то порошки и сделали первый укол стабилизирующей сыворотки. На второй, третий и четвертый день мне сделали остальные уколы этой серии, а на пятый — врач провел последний осмотр.

— Сыворотка введена, действует на организм эффективно,— подытожил он свои наблюдения.

— Хорошо,— сказал охранник.

Во второе наше посещение, после укола, я, несмотря на присутствие охранника, попыталась заговорить с врачом и получить от него хоть какую-то интересующую меня информацию. Охранник не стал наказывать меня плетью, но дважды ударил меня по лицу, в кровь разбив губы, и заткнул рот кляпом.

На улице он посмотрел на меня с укором и спросил:

— Ты хочешь вернуться в барак с кляпом во рту? — спросил он.

Я отчаянно замотала головой. Нет! Если я вернусь с кляпом во рту, Тарго, конечно, тут же узнает о причине

моего наказания и, несомненно, прикажет охранникам дать мне плетей. Один раз я уже видела, как это происходит. Девушке связали руки и ноги, и охранник отсчитал ей положенное число ударов, но не той кожаной плетью, которой Лана наказывала меня, а настоящей горианской плетью-семихвосткой. Причем мужчина вкладывал в удар всю свою силу. Нет, у меня не было желания испробовать это на себе. Я буду умолять его отменить свое наказание! Я сделаю все, что он захочет!

— Значит, маленькая рабыня просит у своего охранника прощения? — спросил он.

— Да! Да! — закивала я головой.

Тяжело быть рабыней. Мужчины дразнят тебя. Они дают тебе надежду на прощение, но в любую секунду их настроение может измениться, и на лице у них снова появится суровое выражение. Ты должна все время следить за тем, что ты говоришь и что делаешь. У них есть плети, у них есть власть над тобой!

Я опустилась перед охранником на колени и, как это однажды делала Лана, прикоснулась головой к его ногам.

— Хорошо,— сказал он, вытаскивая у меня изо рта кляп.

Я с благодарностью посмотрела на него и снова, как Лана, коснулась головой его сандалий.

Внезапно он рывком поднял меня и прижал к себе.

Я с ужасом подумала, что он решил меня изнасиловать.

— Ха-ха-ха! — услышала я голос второго охранника.— И это в то время, когда уже давно пора возвращаться в бараки!

Мой охранник раздраженно оттолкнул меня в сторону.

— К тому же,— с громким хохотом добавил второй охранник,— она еще рабыня белого шелка!

Стоящие рядом невольницы весело рассмеялись.

Раздражение моего охранника мгновенно улеглось. Он тоже рассмеялся и, перекинув меня через колено, как маленького ребенка, отвесил мне пониже спины несколько звучных шлепков.

Мне было больно, но еще больше я радовалась возможности снова шагать в общем невольничьем караване и вместе со всеми нести на голове поклажу.

Девушки, даже Юта, громко смеялись.

Я чувствовала себя униженной.

— Она стала хорошенькой, не правда ли? — спросил второй охранник.

— Успела уже научиться всяким штучкам у настоящих рабынь,— шутливо проворчал мой охранник, тяжело переводя дыхание.

Второй охранник окинул меня изучающим взглядом.

— Выпрями спину,— приказал он и добавил: — Из нее и вправду получилась привлекательная девчонка. Я бы не прочь заиметь себе такую!

Я возвращалась в барак с гордо поднятой головой, двигаясь с раскованностью и непередаваемой грацией настоящей рабыни. Я знала, что вызываю желание у мужчин, что они смотрят на меня, на Элеонору Бринтон, не просто как на несущее на голове поклажу домашнее животное!

С медиком, конечно, я больше не пыталась заговорить.

В наше четвертое посещение он сделал мне последнюю инъекцию стабилизирующей сыворотки, а на следующий день, после обследования, подытожил свои наблюдения. Выходя из его кабинета, я слышала, как он сказал охраннику: «Она — прекрасный образец восприимчивости человеческого организма!»

Я действительно никогда еще не чувствовала себя такой бодрой и здоровой, как теперь, после инъекции сыворотки, воздух никогда не казался мне таким чистым и свежим, небо — голубым, а плывущие по нему облака — белыми и пушистыми. Возвращаясь по дощатым улочкам Лауриса в наш барак, шагая среди своих сестер по невольничьему каравану под присмотром охранников, с кувшином на голове и связывающим нас кожаным ремнем на шее, вдыхая упоительный, наполненный фантастическими ароматами воздух Гора, я внезапно впервые в жизни почувствовала себя по-настоящему счастливой. Босая, одетая в грубую невольничью рубаху, с ремнем на шее, с клеймом на левой ноге, обычная

рабыня, во всем зависящая от прихоти мужчин, я, повторяю, впервые в жизни в полной мере осознала, насколько я сейчас счастлива.

Теперь я чаще думала об окружающих меня мужчинах. Я знала, что они считают меня привлекательной. И странным образом, опять-таки впервые в жизни, я тоже стала находить их привлекательными для себя — глубоко, чувственно, волнующе привлекательными. Я обратила внимание, что каждый из них по-своему неповторим. Один носит голову гордо поднятой, у второго — ясная, открытая улыбка, у третьего — тонкие, изящные пальцы и сильные, крепкие руки, у четвертого — широкие плечи и высокий, хорошо очерченный лоб. Я обнаружила, что хочу смотреть на них, находиться рядом с ними, хочу — будто случайно — прикасаться к их одежде.

Иногда они ловили мои взгляды, и я в ответ на их понимающую усмешку тут же опускала голову, чувствуя, как у меня горят щеки. Мне нравилось, когда они и мне в числе других девушек бросали свои сандалии, чтобы мы чистили их от грязи. Я всегда отмывала их на совесть. Я никогда не возражала против того, чтобы, стоя на плоских камнях в протекающем возле бараков ручье, выстирать их одежду. Мне нравилось держать в руках их грубые туники, словно продолжающие хранить силу их владельцев. Однажды Юта застала меня за тем, что я разглаживала рукой отданную мне для стирки тунику одного охранника, который чаще других провожал меня взглядом. Она с довольным видом вскочила на ноги и, показывая на меня пальцем, весело рассмеялась.

— Эли-нор хочет хозяина! — закричала она.— Элинор хочет хозяина!

Я плеснула в нее водой, но она проворно соскочила с плоского камня на берег. Стиравшие у берега одежду девушки поддержали ее веселым смехом.

— Эли-нор хочет хозяина! — кричали они, хлопая ладонями по коленям.

Я поднялась во весь рост, чувствуя, как во мне закипает раздражение.

— Да! — воскликнула я.— Я хочу найти себе хозяина!

После этого я демонстративно отвернулась и снова принялась за стирку. Девушки постепенно успокоились

и вернулись к своим делам. Однако я чувствовала, будто что-то вокруг меня изменилось. Я слышала их веселые голоса и плеск воды, свидетельствующий о том, что их работа идет полным ходом. И я, Элеонора Бринтон, работала вместе с ними. Мои руки точно так же, по локоть в холодной воде, проворно отстирывали грубый материал туники, подчиняя свои движения простому, древнему, извечному, как сама жизнь, ритму. Чем я отличалась от остальных девушек? Я, как и они, носила широкую невольничью рубаху, подпоясанную узким кожаным ремешком. Я, как и они, стоя на плоском камне на берегу ручья, стирала мужскую тунику. Я работала вместе с ними и с ними же принимала пищу. Здесь не было моего пентхауза, не было спортивного «Мазератти», не было богатств, вокруг не высились небоскребы, не грохотали мощные турбины фабрик и заводов, не ревели пролетающие над головой самолеты, не мчались сотни машин, обволакивая землю клубами удушливых выхлопных газов. Здесь был только смех стоящих рядом девушек, журчание ручья, моя работа, белые облака, нежащиеся в ярких лучах солнца, легкий ветерок, заигрывающий с молодой, по-весеннему свежей травой, да разливающийся где-то в вышине веселый щебет рогатого гимма — крохотной, похожей на маленького совенка пичужки с малиновым оперением.

Я на мгновение прекратила работу и с удовольствием набрала полную грудь чистого, пьянящего воздуха. Мне внезапно стало тесно в невольничьей тунике. Я расправила плечи и широко, с наслаждением потянулась, чувствуя, как тело мое рвется на свободу из сковывающей его грубой материи. Интересно, рука какого мужчины сбросит ее с меня?

— Ну-ка, работай,— лениво проворчал подошедший охранник.

Я снова вернулась к своей работе. Я, Элеонора Бринтон, такая же рабыня, как и те, что меня окружали, продолжала стирать туники своих хозяев, стоя на берегу ручья, убегающего в светлую даль этого удивительного, прекрасного мира.

Я наклонилась над ручьем и опустила в него тунику. Прополоскала ее и снова подняла над водой, наблюдая,

как стекают искрящиеся на солнце крохотные капли, возвращаясь в стремительно уносящий их ручей. Мне было так весело! Я запрокинула голову и увидела смеющееся мне в ответ бескрайнее синее небо. Мне было легко и радостно. Подхваченная каким-то неведомым прежде порывом, я отбросила в сторону тунику, вскочила на ноги и, запрокинув руки над головой, весело рассмеялась.

Девушки остолбенели от неожиданности и окинули меня недоумевающими взглядами.

— Да! — закричала я.— Да! Я — женщина!

Я стояла на влажном камне у ласкающего мои ноги поющего ручья, под ясным солнцем и чистым, безбрежным небом.

— Да! Да! — кричала я, открывая свои объятия и этому солнцу, и этому горианскому небу, и всем остальным небесам, распростершимся над другими далекими и близкими мирами.— Да! Я хочу хозяина! Я хочу найти себе хозяина!

— Найдешь,— с прежней долей ленивого безразличия в голосе пообещал охранник.— А пока давай работай.

Не желая испытывать его терпение, я быстро опустилась на колени и опустила в воду другую мужскую тунику.

Девушки смеялись. Я тоже смеялась. Я чувствовала себя счастливой.

Прополаскивая в воде тунику, Юта затянула какую-то песню.

Я была счастлива. Я была одной из них.

Я поймала себя на том, что с нетерпением ожидаю своего выставления на продажу. Меня стало интересовать, каково это — принадлежать мужчине? Временами, когда девушки меня не видели, я прижимала свои руки к горлу, словно на меня уже был надет его ошейник. Я воображала, будто уже ношу эту полоску металла, объявляющую меня принадлежащей ему, моему хозяину. Я даже не возражала теперь против того, чтобы быть проданной в Лаурисе.

Этот город начал казаться мне очаровательным местом, простым и близким к природе, наполненным таким восхитительным, пьянящим воздухом, обласкан-

ным глубоким, безбрежным небом и надежно защищенным суровыми северными лесами. Мне полюбились его дощатые, спускающиеся к реке улочки, петляющие среди бесконечных складских помещений, резные ставни на окнах, несмолкаемый скрип проезжающих через город фургонов, витающий в воздухе запах рыбы и дерева и неспешно курсирующие по реке, влекомые впряженными в них тарларионами широкие, неповоротливые баржи. Меня притягивали к себе живущие здесь мужчины — энергичные, сильные люди с открытыми лицами и громким смехом, привыкшие зарабатывать себе на жизнь тяжелым, изнурительным трудом, полагающиеся исключительно на крепость своих рук и не ожидающие подачек от скупой северной природы.

Интересно, смогла бы я, как другие девушки, проводить с ними целые дни в дороге, трясясь на жесткой скамье фургона, или бить вместе с ними острогами рыбу — ночью, при свете факелов? Не выбросит ли такой человек понапрасну заплаченные за меня на невольничьем рынке деньги? Понравится ли ему еда, которую я буду для него готовить? Ничего, усмехнулась я про себя, зато я постараюсь сделать все, чтобы понравиться ему ночью, на шкурах, брошенных на его ложе. Да, тут уж мне придется постараться, иначе хорошей трепки не миновать!

Интересно, а будет он брать меня с собой в дальние поездки или на прогулках, когда мы вдвоем, возьмет ли он меня за руку, несмотря на то что я всего лишь простая рабыня? Как-то, отправляясь в очередной раз с охранниками за провизией, я видела в дверях одного дома хозяина, целующего свою рабыню. Я заметила выражение ее лица. Как я ей позавидовала! Она любила его! Я понадеялась, что у него не появится желание ее продать. Странно это все: до тех пор, пока я не стала рабыней и не поняла, что могу всецело принадлежать мужчине, я в полной мере не осознавала всей прелести грубой мужской красоты, всей власти, которую она надо мной имеет.

Интересно отметить, что именно в это время я впервые в жизни совершенно не жалела о том, что я женщина. Наоборот, мне нравилось быть женщиной, нравилось

осознавать, что меня окружают будоражащие воображение, волнующие кровь мужчины. Приятно быть женщиной, когда вокруг тебя такие люди. Сейчас, пусть я всего лишь горианская рабыня, я не променяла бы свой пол ни на какие богатства в мире, даже на заветный трон Ара.

В этот вечер Тарго отозвал меня в сторону.

— Подойди сюда, рабыня,— обратился он ко мне.

Не зная, что меня ожидает, я испуганно подбежала к нему, преклонила колени и низко опустила голову. Я вся дрожала.

— Подними голову,— приказал он.

Я послушно повиновалась.

— При формировании следующей демонстрационной шеренги,— сказал он,— ты будешь стоять в ней одиннадцатой.

Я не могла поверить своим ушам.

— Благодарю вас, хозяин,— едва слышно пробормотала я.

В нашем караване теперь было шестнадцать девушек, поскольку четверых Тарго продал по дороге в Лаурис. Сто недавно приобретенных деревенских невольниц не входили в демонстрационную шеренгу: они предназначались для выставления на продажу в Аре.

— Теперь ты будешь занимать одно из почетных мест в шеренге,— объявил Тарго.

Я смущенно опустила голову.

— Ты стала почти красивой,— заметил он.

Мне было очень приятно слышать его слова.

Когда я снова подняла взгляд, Тарго уже оставил меня одну.

Я поскорее побежала к Юте и Инге, чтобы сообщить им приятное известие.

Нам уже позволялось носить рубахи и в бараках. Даже деревенские девушки накануне под присмотром охранников сшили себе невольничьи туники. Они были рады получить это свое первое одеяние с тех пор, как оказались в руках Хаакона со Скинджера. Я не знаю, почему нам разрешили носить рубахи в бараках и прилегающей к ним части двора. Возможно, это связано с улучшением погоды и с тем, что на улице стало сухо, но

с уверенностью сказать этого я не могу. Я думаю, Тарго был просто доволен нами. Его первые девушки, к которым я теперь причисляла и себя, оказались хорошим вложением денег. Новая девушка, Рена из Лидиса, также обещала принести ему пятьдесят пять золотых, как только он доставит ее в Ар какому-то капитану с Тироса. А сотня деревенских девушек, приобретенных всего лишь по два золотых за каждую, вообще сделает его богачом, если он успеет доставить их в Ар к началу праздника Любви. Все это настраивало Тарго на прекрасное расположение духа. Вот почему, я думаю, он и позволил ходить нам в бараках одетыми.

Я сообщила Юте и Инге, что меня сделали одиннадцатой девушкой. Они обняли меня и осыпали поздравлениями.

Лана была, конечно, первой по ценности девушкой и стояла в демонстрационной шеренге последней, шестнадцатой. Инга, несмотря на ее прежнюю принадлежность к высшей касте, была второй и стояла пятнадцатой. Юта занимала в шеренге четырнадцатое место.

Более высокое место в шеренге являлось не только престижным. Оно определяло стоимость каждой девушки, а заплаченная за нее покупателем высокая цена служила определенным признаком обеспеченности ее нового владельца и, следовательно, подразумевала для невольницы более приятное существование.

— Я бы не возражала,— заметила я, с наигранным высокомерием расхаживая перед Ютой и Ингой в своей грубой невольничьей рубахе,— если бы мой новый хозяин впредь одевал меня только в шелка!

Мы дружно рассмеялись.

— Будем надеяться, что ты не попадешь в руки какому-нибудь владельцу пага-таверны,— усмехнулась Инга.

Я посмотрела на нее с возмущением.

— Они нередко покупают самых привлекательных девушек,— продолжала она,— и платят за них больше, чем может себе позволить какой-нибудь хозяин, приобретающий невольницу для личных нужд.

Все внутри меня оборвалось.

— Однако из всех выставляемых на продажу невольниц очень малая часть попадает в таверны.

Я посмотрела на нее с благодарностью.

— Возможно, ты будешь прислуживающей рабыней у какого-нибудь влиятельного хозяина или станешь башенной рабыней в гарнизоне охранников крупного города.

Я демонстративно расправила плечи.

— Вообще-то я предпочла бы стать рабыней для наслаждений,— заметила я, грациозно потягиваясь.

Юта захлопала в ладоши от удовольствия.

— Но ведь ты совершенно не обучена,— возразила Инга.

— Ничего,— сказала я,— я всему научусь.

— Насколько мне известно,— сообщила Юта,— нас всех собираются направить в школу для обучения рабынь в Ко-ро-ба.

Я тоже об этом слышала.

— Надеюсь, я сумею научиться всему, что нужно,— сказала я.

— Ты так изменилась с тех пор, как появилась у нас! — воскликнула Юта.

— А как ты думаешь, Эли-нор, я, женщина из касты книжников, смогла бы доставить удовольствие мужчине? — спросила Инга.

— Снимай рубаху, и я это сейчас же тебе скажу,— ответила я.

— Все так просто? — усмехнулась она.

— А я? — едва слышно пробормотала Юта.

Мы с Ингой рассмеялись. Никто из нас не сомневался, что Юта будет настоящим сокровищем для любого мужчины.

— Ты просто великолепна,— сказала я ей.

— Да,— с неожиданной теплотой в голосе подтвердила Инга.— Ты великолепна!

— Но что, если мы все попадем к одному хозяину? — тоскливо протянула Юта.

Я угрожающе уперла руки в бока.

— Тогда берегитесь! Я вам всем глаза повыцарапываю! — с наигранной суровостью пообещала я.

Мы дружно рассмеялись и снова обнялись.

В тот же вечер для нас было устроено настоящее представление. В барак зашел бродячий артист с разрисован-

ным, как у клоуна, лицом, в длинном колпаке с кисточкой и пестрых развевающихся одеждах и привел с собой странное животное. За медную тарнскую монету он предложил дать для нас представление. Мы все, даже деревенские девушки, принялись упрашивать Тарго разрешить ему выступить перед нами.

Тарго согласился, и артист тут же принялся готовить для себя площадку, выбрав дальний конец внутреннего двора возле забора, отделенный от нас стеной металлических прутьев. Мы все, включая деревенских девушек, прижались лицом к железным прутьям и с любопытством наблюдали за его приготовлениями.

Низкорослый артист с разрисованным лицом показался мне чем-то знакомым, но я знала, что этого не может быть. Сама мысль об этом выглядела просто абсурдной! Это был маленького роста, худощавый, подвижный человечек с живыми быстрыми глазами и ловкими движениями проворных рук. Он плясал и кувыркался, исполнял глупые песенки и рассказывал смешные истории. Он показывал фокусы с шелковыми лентами и жонглировал принесенными с собой обручами. После этого он подошел к девушкам и стал демонстрировать новый фокус — будто отыскивает у них в волосах спрятанные монеты. В моих волосах он «отыскал» серебряный тарск. Девушки застонали от зависти: это была самая крупная монета, которую ему удалось найти. Я сияла от удовольствия. Лана наградила меня хмурым взглядом. Мы все весело смеялись и хлопали в ладоши.

Все это время приведенное артистом животное спало — или притворялось спящим. Оно неподвижно лежало на траве, свернувшись у ног державшего его на цепи охранника. Окончив сольное представление, артист подошел к животному и взял у охранника цепь.

— Ну-ка, просыпайся, соня! — приказал он суровым голосом.— Поднимайся на ноги!

Животное нас напугало. Мы были рады, что оно приручено и так хорошо слушается хозяина. По его команде оно встало на задние лапы, подняло передние перед грудью и широко раскрыло пасть.

Это было невероятных размеров пучеглазое существо, покрытое густой длинной шерстью. Стоя на задних

лапах, оно достигало в высоту девяти-десяти футов, а весу в нем было фунтов восемьсот, не меньше. Морда у него была широкой, приплюснутой, а в разинутой пасти, усеянной двумя рядами длинных острых зубов, без труда могла поместиться голова человека. Особенно меня поразили две пары хищно изогнутых, саблевидных клыков животного, между которыми высовывался длинный, черный, раздвоенный, как у змеи, язык. Передние лапы у него были длиннее задних. Они скорее напоминали руки с шестью гибкими, подвижными пальцами на каждой, оканчивающимися твердыми, очевидно специально подрезанными или притупленными, когтями. Некоторые пальцы оказались попарно сросшимися, что делало лапы отдаленно похожими на раздвоенные на концах гибкие щупальца. Когти были у животного и на задних лапах, что оно и продемонстрировало по команде своего хозяина. Я до сих пор не знаю, причислять ли это невероятно сообразительное существо к животным с обычными для них двумя парами лап — задними и передними, или же это близкое к человеческому типу существо, обладающее руками и ногами.

Самыми жуткими были у него глаза — громадные, навыкате, с черными зрачками. На мгновение они остановились на мне, и я увидела в них взгляд не зверя, но существа, обладающего определенным разумом. Это продолжалось не дольше секунды, после чего блеск разума в глазах удивительного существа пропал, и они снова стали напоминать глаза обычного животного, приведенного с собой бродячим артистом.

Я постаралась отогнать от себя нелепую мысль и вместе с остальными девушками бурно аплодировала артисту, ударяя на горианский манер ладонью правой руки о левое плечо.

Животное тем временем ходило по доске на задних лапах, потешно прижимая к груди передние, перекатывалось на спине с одного боку на другой и по команде хозяина завывало тоненьким, жалобным голоском.

Время от времени артист доставал из кармана и бросал животному небольшие кусочки мяса, которое оно ловило пастью на лету. Иногда артист только дразнил животное, притворяясь, будто бросает ему лакомый ку-

сочек, а сам снова прятал его в карман. В такие моменты животное напоминало обманутого ребенка, печально отворачивающегося в сторону и всем своим видом демонстрирующего горькую обиду. Предоставив зрителям вволю потешиться реакцией разочарованного животного, артист неизменно бросал ему вожделенный кусочек мяса.

Охранники забавлялись представлением не меньше девушек. Даже Тарго, я видела, смеялся, хлопая от удовольствия ладонями по коленям.

Иногда артист предлагал кусочки мяса девушкам, позволяя им бросить их животному. Лана выпросила для себе сразу несколько кусочков мяса и посмотрела на меня с победной улыбкой. Я же бросила животному только один кусок мяса, и сделала это быстро, не желая его дразнить. Это существо пугало меня. Широко раскрытой пастью оно ловко поймало брошенный мною кусок, и в глазах его появился огонек удовлетворения. Девушки весело рассмеялись. Животное посмотрело на меня еще раз. Я едва не вскрикнула и испуганно прижала руки к губам. Взгляд его показался мне совершенно осмысленным. Однако в ту же секунду глаза животного снова стали пустыми и бездумными. Родившаяся было у меня мысль и на этот раз показалась мне совершенно абсурдной, и вскоре я уже смеялась и вместе с другими рабынями аплодировала трюкам артиста.

В заключение своего представления артист снял с головы колпак и отвесил нам, невольницам, глубокий поклон, словно все мы были свободными женщинами. Нам это было так приятно! Мы радостно прыгали, кричали, аплодировали и протягивали сквозь железные прутья руки, а артист — хотя мы были всего лишь рабынями! — с неподражаемой галантностью нам их целовал. Мы были вне себя от радости.

На этом, к нашему сожалению, его представление окончилось.

Он еще раз поклонился и отошел в сторону.

Животное поднялось на задние лапы и обвело нас внимательным взглядом.

И вдруг с ужасающим ревом, от которого у нас волосы встали дыбом, оно бросилось к облепленным нами

металлическим прутьям решетки и прижалось к ним всем своим огромным телом и злобно оскаленной пастью. Глаза его налились кровью, с клыков стекала желтая пена. Мы в ужасе закричали и бросились прочь от решетки. Образовалась давка. Девушек было слишком много. Они толкали друг друга, сбивали с ног. Упавшие пытались подняться, но на них никто не обращал внимания. Все старались отодвинуться как можно дальше.

Ударяясь о прутья металлическим ошейником, оглашая воздух диким ревом, животное все тянуло и тянуло к нам сквозь прутья свои чудовищные косматые лапы с увенчанными длинными когтями хищно изогнутыми пальцами. Всех охватила паника. Меня сбили с ног, и я никак не могла выбраться из-под прижимающих меня к земле судорожно копошащихся тел. Я закричала.

И тут внезапно мы увидели, что Тарго и охранники смеются. Все было подстроено! Их предупредили. Это была всего лишь заключительная часть представления, но она понравилась нам гораздо меньше всего остального. Какими комичными, должно быть, казались со стороны наша паника и охвативший нас ужас. С каким удовольствием наблюдали охранники, Тарго и маленький артист за мечущимися в камере, сбивающими друг друга с ног девушками, представляющими собой сейчас самое обыкновенное, охваченное паникой стадо животных. Представляю, как потешно им было наблюдать за нами, тем более что виновник переполоха, громадное косматое чудовище, давно уже сидело у ног артиста, мирно облизывая лапу и обводя внутренний двор пустым, бессмысленным взглядом.

Тарго и охранники продолжали заливаться веселым смехом. Девушки начали медленно подниматься с земли. Каждая чувствовала себя смущенной и униженной. Сейчас, зная, что это был всего лишь розыгрыш, каждая из нас испытывала неловкость за свое кажущееся теперь таким глупым, таким неуместным поспешное бегство. Однако все мы были еще очень напуганы. Мало кто решился подойти к металлическим решеткам; большинство жалось к крохотной двери, ведущей во внутренний коридор барака. Я возмущенно расправила на себе выва-

лянную в пыли рубаху и с негодованием посмотрела на смеющихся мужчин. Какими, очевидно, остроумными казались сейчас себе эти животные! Настоящие скоты! Но что удивительно: нападн на них сейчас это животное, они все, как один, накинулись бы на него с мечами, копьями и в считанные секунды уложили бы его на месте, в то время как мы, девушки, с истеричными воплями, как испуганные дети, бросились наутек.

Я внимательно посмотрела на смеющихся мужчин. Я испытывала к ним сейчас настоящую ненависть. Они, конечно, полагают, что шутка удалась, мнят себя остроумными, сильными, смелыми, не то что мы — женщины! И вдруг я залилась краской стыда. Я почувствовала это каждой клеточкой своего тела. Мы разбежались, как испуганные дети! Мы бросились наутек, как это свойственно женщинам! Мы — женщины! Я все еще испытывала страх перед животным, хотя меня отделяла от него целая стена толстых металлических прутьев. А чего они ожидали? Не знаю, что они хотели доказать, но я никогда не забуду преподнесенный ими урок! Я хорошо его усвоила. Мы — разные!

Я помню, как один из охранников дал мне свое копье — такое тяжелое, что я смогла бросить его всего лишь на несколько шагов. Тогда он забрал копье и метнул его в дерево, находившееся от нас на расстоянии не меньше ста футов. Он приказал принести копье, и мне с трудом удалось вытащить его глубоко ушедший в древесину металлический наконечник. А его щит я вообще едва смогла оторвать от земли. Прежде я мало задумывалась о том, какое значение в нашей жизни играет мужская сила. В земных условиях она казалась мне чем-то необязательным, второстепенным. Но здесь, на Горе, я впервые осознала, насколько важную — жизненно важную! — роль играет обычная физическая сила в борьбе за повседневное существование человека. А мы, женщины, уступаем мужчинам в силе, значительно уступаем. И потому здесь, в этом мире, они оставляют за собой право владеть нами — владеть по праву сильнейшего.

В тот вечер я с особой тщательностью вычистила ремни и сандалии, брошенные мне одним из охранников.

Сам он в это время разговаривал с остальными мужчинами. Когда я закончила, он взял сандалии и, без слов благодарности, жестом указал, чтобы я следовала за ним в барак. В воротах я обернулась.

— Я тоже человек,— сказала я ему.

Он улыбнулся.

— Нет, ты — кейджера,— ответил он и хозяйским шлепком препроводил меня в камеру и закрыл за мной дверь.

Я прижалась лицом к железным прутьям, пытаясь дотянуться до него рукой. Он вернулся к ограде и взял мои руки в свои ладони.

— Когда ты сделаешь меня своей? — спросила я.

— Ты — девушка белого шелка,— ответил он, повернулся и ушел.

Я застонала, крепче прижалась к железным прутьям и осталась стоять в полном одиночестве.

Меня переполняли странные чувства. Над головой, в небе, тусклым светом сияли три полные горианские луны.

Я в отчаянии затрясла железные двери, но они были прочно заперты на засов. Я видела, как ладная фигура охранника удаляется в темноте, исчезая за выстроенными в ряд фургонами. Стоя у изгороди внутреннего двора совершенно одна, я уронила голову и горько расплакалась.

...Но это было потом, вечером, а сейчас девушки смущенно, но искренне смеялись над собой. Как подшутил над ними артист и как блестяще исполнило свою роль послушное животное! Отличное завершение для циркового представления!

Я не могла смеяться, но мне удалось изобразить на лице улыбку.

Девушки же дружно махали руками изобретательному артисту, и он, принимая их знаки благодарности, в последний раз раскланялся и ушел, ведя за собой странное животное.

Ко всем вернулось хорошее настроение. Некоторые рабыни принялись петь. Мы с Ингой ни с того ни с сего начали гоняться друг за дружкой и, догнав, толкались или отвешивали одна другой хороший, дружеский пи-

нок. У нас имелся сшитый из лоскутьев набитый тряпками мяч. Мы затеяли игру. К нам присоединились даже девушки из северных селений. Мы разбились на команды и бросали мяч, пытаясь попасть в кого-нибудь из команды противника. Некоторые из девушек, собравшись в круг, рассказывали смешные истории. Другие играли в «камешки», когда каждый должен угадать, сколько камней зажато в руке ведущего, или в «кошкины когти» — игру, в которой один держит руки ладонями вверх, а его противник сверху кладет свои ладони. Игра заключается в том, чтобы партнер, державший ладони снизу, быстрым движением успел ударить сверху по ладоням убирающего руки противника. В этой игре мне никогда не удавалось перехитрить партнера. Девушки всегда смеялись над моей неуклюжестью. К слову сказать, северные девушки показали себя в этой игре настоящими мастерами. Им удалось победить нас всех.

— Эта игра требует длительной практики,— заметила Юта.

— А чем им еще заниматься в своих деревнях? — фыркнула Лана, неизменно отказывавшаяся попробовать свои силы в «кошкиных когтях».

С «камешками» дело у меня обстояло получше. Каждому из играющих выдавалось от двух до пяти «камешков» — самых обычных кусочков гальки или разноцветных бусинок, хотя в больших городах для этой цели продаются специально вырезанные из кости или даже тщательно подобранные по цвету отшлифованные полудрагоценные камни. Мы же обходились обычными найденными во дворе мелкими камешками. Принцип игры простой: следовало отгадать, сколько камней спрятал в руке партнер. При этом за каждый правильный ответ отгадавшему присуждалось одно очко. Выигрывал тот, кто первым набирал заранее оговоренное число очков — обычно пятьдесят. Интереснее всего протекает игра с малым количеством «камешков» — тремя или даже двумя. Тогда партнерам труднее перехитрить друг друга. Здесь в полной мере проявляется вся тонкость психологии играющих. Обычно мне удавалось выиграть у большинства девушек, но в тот день я превзошла саму себя:

я победила всех, с кем играла, включая Ингу, из касты книжников, а Лана отказалась померяться со мной силами. Тольку Юту я так и не смогла победить, и это меня раздосадовало. Проиграть Юте! Глупой Юте из касты кожаных дел мастеров, которая даже на своем родном языке не способна говорить правильно!

Я была очень расстроена поражением, но день складывался удачно: меня назначили одиннадцатой девушкой в демонстрационной шеренге, я посмотрела представление бродячего артиста, и вообще я была довольна собой, а потому настроение у меня осталось хорошим.

Вскоре я увидела приближающуюся к баракам нагруженную кувшинами с вином повозку, которую охранники встретили радостными, одобрительными возгласами. Сегодняшний вечер был прощальным. Завтра мы оставим невольничий квартал Лауриса, снова переправимся через реку и двинемся на юго-восток, в Ко-ро-ба, а оттуда — еще дальше, в Ар.

У Тарго теперь было шестнадцать фургонов, которые стояли вблизи бараков группами по две-три повозки; охранники ночевали возле них. Помимо девятерых охранников, сопровождавших Тарго с того времени, как я стала одной из его невольниц, он нанял себе в Лаурисе еще восемнадцать человек. Все они были из числа людей в городе известных, с хорошими рекомендациями и не являлись профессиональными наемниками. Тарго, конечно, по натуре был большой игрок, но знал, когда стоит рисковать, не любил полагаться на случай и был человеком отнюдь не глупым.

Едва подъехавшая повозка остановилась, как ко мне с сияющим лицом подбежала Юта и крепко обняла меня за плечи.

— Сегодня вечером,— с заговорщицким видом сообщила она,— мы с тобой и Ланой не будем ужинать вместе с остальными.

— Почему? — разочарованно спросила я.

Прежде, на Земле, я ела очень мало, и только самые изысканные блюда, зато здесь, на Горе, аппетит у меня был просто фантастическим. Меня нисколько не прельщала перспектива остаться без ужина. В чем мы провинились?

Юта потихоньку показала через железные прутья ограды на группу из трех фургонов, находившуюся в сотне ярдов от бараков, ближе к лесу. В тех фургонах размещались пятеро охранников.

— Они попросили Тарго позволить нам прислуживать им сегодня вечером,— сказала она.

Я вспыхнула от удовольствия. Мне нравилось бывать за пределами камеры, нравилось находиться рядом с мужчинами. Никогда еще мне не приходилось прислуживать такой небольшой группе людей. К тому же я знала этих охранников: они были с Тарго, когда я наткнулась на их караван. Эти люди внушали мне симпатию.

В тот вечер, когда стемнело, мы с Ютой и Ланой не сели ужинать вместе с остальными. Мне, однако, выдали порцию Рены и, как обычно, велели накормить ее, связанную и прикованную к стене. Я взяла пищу, кувшин с водой и пошла к ней.

День складывался удачно. Настроение у меня было приподнятое, и к тому же нас ожидало прекрасное окончание вечера. В тот раз, кормя бывшую госпожу из Лидиса, я позволила ей есть не торопясь и дала напиться воды больше, чем обычно.

Закончив ужинать, она спросила:

— Можно мне говорить?

Дни, которые она провела связанной, в плотном, скрывающем ее лицо капюшоне и с кляпом во рту, очевидно, научили ее правильно понимать свое нынешнее положение.

— Говори,— ответила я.

— Спасибо тебе,— поблагодарила она.

Я быстро ее поцеловала, снова надела на нее капюшон и заткнула рот кляпом.

Выйдя из барака, я повесила на место — на крюк у входной двери — кувшин с водой, а кусок хлеба, оставшийся у меня после кормления моей подопечной, отдала дежурившей в тот вечер на кухне девушке. Кухня у нас располагалась в небольшом сарае, пристроенном к баракам с внешней стороны ограждения, но дежурившая при ней девушка забрала у меня остатки хлеба во внутреннем дворе. После этого наблюдающие за кухонными

работницами охранники велели ей войти в сарай и тщательно заперли за ней двери.

Тарго не направлял на работы по кухне девушек, которые были с ним давно, и мы этим очень гордились. Такая работа, считали мы, больше подходит для северных деревенских девчонок.

У выхода из внутреннего двора мы с Ютой и Ланой опустились на колени и стали ждать.

Я хотела есть, а время ужина уже подходило к концу.

— Мы вообще сегодня есть будем? — спросила я у Юты.

— После хозяев,— ответила та, имея в виду охранников.— Они накормят нас, если мы им понравимся.

— Если понравимся? — удивилась я.

— Меня всегда кормят,— похвасталась Лана.

— Не бойся,— со смехом поспешила успокоить меня Юта.— Ведь ты — девушка белого шелка!

Я смущенно опустила голову.

— Ты им понравишься,— заверила меня Юта.— Мы все понравимся. Почему, как ты думаешь, они нас позвали, не дав поесть?

— Не знаю,— ответила я.— Но мне кажется, лучше нам было поужинать вместе с девушками.

— Ну да,— саркастически усмехнулась Лана.— И заодно получить вместе с ними свою порцию тумаков!

— Нет,— сконфуженно пробормотала я.

— Голодная девушка за столом прислуживает лучше,— поделилась опытом Юта.— Не беспокойся! Если ты постараешься им понравиться, они дадут тебе поесть.

— Вот как? — процедила я сквозь зубы.

Я была вне себя от негодования. Мне, Элеоноре Бринтон с Парк-авеню, какие-то горианские мужланы, как собаке, бросят кусок мяса со своего стола, да еще при условии, если я им понравлюсь!

— Эй, девки! — прогудел за оградой мужской голос.

Мы вскочили на ноги. Я невольно просияла от удовольствия. За нами пришли охранники!

— Выходите! — скомандовал один из них.

Двери открылись, и мы выскочили за железную ограду. Все мое недовольство как рукой сняло. Сегодня вечером наши хозяева сами будут нас угощать!

В ожидании, пока двери закроют, мы опустились на колени на траву. Как приятно было оказаться вне забора, огораживающего нашу невольничью клетку!

За нами пришло трое охранников. Я хорошо знала и их самих, и тех двоих, кто жили вместе с ними одним лагерем. Они нравились мне больше остальных. Я была взволнована. Иногда, прежде чем уснуть, я фантазировала и мысленно видела себя в их объятиях. Я с физической остротой ощущала всю прелесть своей беспомощности и беззащитности, находясь в их крепких, сильных руках. Однако будучи всего-навсего девушкой белого шелка, я могла лишь интуитивно догадываться о том фантастическом наслаждении, которое способен доставить своей рабыне покоривший ее хозяин. Очевидно, эти не подкрепленные опытом представления, эта генетическая память была заложена во мне, будущей женщине, самой природой и существовала в моем подсознании.

Мужчины пребывали в хорошем расположении духа.

Один из них указал на костер, разложенный на земле между фургонами. Он находился примерно в ста ярдах от нашего барака.

Мужчины расстегнули свои пояса, сняли с них вложенные в ножны мечи и взяли ремни в правую руку.

— Ой, нет! — со смехом простонала Юта.— Пожалуйста, не надо!

— Бегите! — скомандовали охранники.

Юта с Ланой вскочили на ноги и помчались к пылающему в ночи костру. Я оказалась менее сообразительной. Звучный, довольно ощутимый шлепок ремня поднял меня с земли. Я вскрикнула от неожиданности и тут же, вскочив на ноги, бросилась вслед за девушками. Они, конечно, бежали быстрее меня. Захлебываясь от смеха, подгоняемые криками и шлепками охранников, мы с Ютой и Ланой со всех ног мчались к сияющему между фургонов костру.

Юта прибежала первой и, смеясь, упала к ногам двух дожидавшихся у огня охранников. Волосы ее коснулись кожаных сандалий ближайшего к ней.

— Я прошу позволить мне прислуживать вам, хозяева! — пролепетала она, тяжело дыша.

Через секунду до костра добежала Лана и упала к ногам второго охранника.

— Я прошу позволить мне прислуживать вам, хозяева! — закричала она.

Я прибежала к костру последней и, как Юта с Ланой, преклонила перед охранниками колени, коснувшись лицом густой, высокой травы.

— Я... Я прошу позволить мне прислуживать вам, хозяева! — задыхаясь от бега, пробормотала я.

— Ну так прислуживайте! — с наигранным нетерпением воскликнул один из дожидавшихся у огня парней — тот, к ногам которого упала Юта.

На нас снова посыпались увесистые шлепки, и мы, крича, шутливо протестуя, снова вскочили на ноги и принялись за дело.

Игра была в самом разгаре. Мы с Ланой и Ютой стояли на коленях лицом к играющим. Руки у нас были связаны за спиной.

Заключившие пари мужчины бросали нам кусочки мяса. За каждый пойманный на лету кусок присуждалось два очка. Мясо, упавшее на траву, не считалось потерянным, и схватившая его девушка получала одно очко. Юта уронила брошенный ей кусок, и в борьбу вступили мы с Ланой. Мы одновременно схватили зубами упавшее на траву мясо, и каждая потащила его в свою сторону. Часть его осталась у меня в зубах.

— Я выиграла! — закричала я.

— Нет, я! — крикнула Лана, держа в зубах половину разорванного куска.

— Каждой — по очку,— рассудили охранники.

Мы раззадорились и горели желанием продолжать игру.

— Хватит, мы устали,— отмахнулись охранники.

Побежденные расплатились с выигравшими пари.

Элеонора Бринтон обеспечила выигрыш своему охраннику. Он был ею доволен. Она просияла от удовольствия, когда он, щелкнув пальцами, приказал ей подойти. Она подбежала к нему и опустилась на траву, чтобы ему удобнее было развязать ей руки.

— Принеси паги,— распорядился охранник.

— Да, хозяин,— ответила я и бросилась к фургону, где стояли бутыли с крепким напитком, периодически наполняемые нами из большого кувшина.

Лана с Ютой по приказу своих хозяев последовали за мной.

Вскоре я уже возвращалась с тяжелой бутылью, неся ее, как все горианские девушки, на плече и поддерживая рукой за оплетающие ее днище кожаные ремни.

Все вокруг казалось мне каким-то праздничным. Трава мягко ласкала ступни босых ног. Мне нравился в ней каждый ее стебелек. Тело у меня горело, и я всеми его клеточками чувствовала обнимающую его грубую невольничью тунику.

Вокруг пылающего в ночи костра темнота вставала плотной стеной, сквозь которую с трудом угадывались неподалеку неровные очертания плотной стеной стоящего леса. Было так темно, что казалось, будто небо опустилось на спящую землю и вот-вот засыплет ее мириадами крупных, ярко сияющих звезд.

Откуда-то из леса донесся протяжный вой вышедшего на ночную охоту голодного слина. Я невольно вздрогнула и прибавила шаг.

Но у костра мужчины громко и беззаботно смеялись, и на душе у меня стало спокойнее.

Повсюду вокруг невольничьих бараков виднелись разбросанные на лугу яркие огни костров. Наш был самым ближним к лесу. Присмотревшись, можно было различить маячившие вокруг костров тени охранников. Сегодня была ночь вина, ночь прощания. Завтра Тарго со своими людьми и невольничьим караваном снова тронется в путь. Из Лауриса мы переправимся через реку и возьмем курс на Ко-ро-ба, известный своими Башнями Утренней Зари, а оттуда — в Ар, в славный Ар, поражающий, как утверждают, воображение своей роскошью и изобилием.

Путешествие обещает быть не только долгим и трудным, но и опасным.

— Паги! — нетерпеливым голосом потребовал мой охранник.

Я со всех ног поспешила к нему.

— Позвольте Лане подарить вам танец,— жалобным голосом попросила Лана.

Охранник протянул мне кусок мяса, и я приняла его зубами, стоя перед ним на коленях. Наполняя его кубок пагой из бутыли, я чувствовала, как сок от прожаренного на костре, теплого мяса стекает у меня по подбородку, капает на землю.

Охранник жестом показал, что его кубок наполнен, и я поставила бутыль на траву.

Мясо было удивительно вкусным — нежным, сочным. Я даже прикрыла глаза от удовольствия, чувствуя, как оно тает во рту.

Я была довольна сегодняшним вечером.

Завтра начинается наше путешествие в Ко-ро-ба, а оттуда мы пойдем в легендарный, славный город Ар. Я улыбнулась и открыла глаза.

Ночь была поразительно красивой. Словно черный бархат неба укутал землю.

— Я хочу танцевать,— напомнила о себе Лана; она лежала на траве, прислонившись головой к бедру охранника.— Танцевать хочу! — настойчиво тянула она.

Мы понравились охранникам, и поэтому они выдали нам бутылку ка-ла-на, из которой мы, девушки, теперь по очереди пили, передавая ее друг другу, наслаждаясь вкусом этого удивительно тонкого, нежного вина. На Земле мне никогда не приходилось пробовать столь изысканного вина, хотя здесь, на Горе, бутылка стоила всего лишь одну медную тарнскую монету — цена вполне доступная даже для того, чтобы угостить им рабыню. Я до сих пор помню каждый из четырех глоточков, которые мне позволено было сделать из бутылки. Вкус вина не могли перебить ни хлеб, ни мясо, которыми меня угостили. Говорят, вино ка-ла-на оказывает на женщину удивительное воздействие. Я думаю, это правда.

Я взяла руку охранника, рядом с которым я сидела, и положила ее себе на талию, где кожаный поясок стягивал мою тунику.

Мне хотелось, чтобы этот молодой парень обнял меня.

Внезапно он с силой потянул за поясок и подтащил меня к себе. Я едва не задохнулась. Мы посмотрели друг другу в глаза.

— Что хозяин собирается со мной сделать? — прошептала я.

Он рассмеялся.

— Ах ты, маленький белошелковый слин,— сказал он, убирая руку от моего пояска. Я потянулась было к нему, но он вложил мне в руку большой кусок желтого са-тарнского хлеба.— На, ешь,— сказал он и усмехнулся.

Я тоже рассмеялась и, держа хлеб обеими руками, принялась есть.

— Слин,— снова усмехнулся молодой парень.

— Да, хозяин,— ответила я.

— Тарго за тебя мне хребет переломает,— пробормотал он.

— Да, хозяин,— улыбнулась я.

— Было бы за что,— фыркнула Лана.— Она ведь еще только девушка белого шелка. А вот Лана — красного шелка! Позвольте Лане доставить вам удовольствие!

— Лана способна доставить удовольствие разве что только лесному урту,— с презрением заметила я.

Охранники вместе с Ютой весело рассмеялись. Лана закричала и бросилась на меня с кулаками, но мужчины встали на мою защиту. Парень, на бедре которого она лежала, схватил ее за ногу и подтащил к себе. Второй охранник развязал ее кожаный поясок и стащил с нее невольничью рубаху. Лана мгновенно притихла. В глазах у нее появился испуг. Может, она перешла пределы допустимого и теперь ее накажут?

— Если в тебе столько энергии,— сказал охранник, снявший с нее рубаху,— лучше уж танцуй!

Лана подняла на него глаза. Лицо ее засветилось удовольствием.

— Да, сейчас я вам станцую! — воскликнула она и бросила на меня полный ненависти взгляд.— Мы еще посмотрим, кто из нас способен доставить удовольствие мужчинам!

Один из охранников направился к ближайшему фургону, и, когда он возвращался, я услышала позвякивание колокольчиков.

Лана стояла у костра с гордо поднятой головой, нетерпеливо дожидаясь, пока мы привяжем к ее щиколоткам и запястьям тонкие шнурки с нанизанными на них крохотными колокольчиками.

Другой охранник тем временем принес еще одну бутылку каланского вина. Он дал отпить пару глотков Лане, а затем передал бутылку нам с Ютой.

На донышке еще оставалось немного вина, и я протянула бутылку Лане. Та высоко запрокинула голову, опорожнила бутыль и с мелодичным перезвоном надетых на нее колокольчиков отбросила ее в сторону.

После этого она широким жестом расправила волосы и сделала первые, довольно грациозные движения танца.

Мужчины затянули песню, прихлопывая в такт мелодии в ладоши. Один из них начал отбивать ритм, барабаня в большой, обтянутый кожей щит.

Краем глаза, мне показалось, я заметила какое-то движение в темноте рядом с нашими фургонами.

На секунду Лана остановилась, держа руки высоко поднятыми над головой.

— Ну? — требовательным голосом поинтересовалась она.— Которая из нас действительно красива? Кто доставляет удовольствие мужчинам?

— Лана! — помимо своей воли воскликнула я.— Лана действительно красива!

Я не могла сдержаться. Я была поражена, ошеломлена! Я никогда даже не представляла себе, что представительница моего пола может быть столь прекрасна. Лана была невероятно, неправдоподобно красива!

А затем началось что-то непередаваемое.

У меня перехватило дыхание.

В неверном, колеблющемся свете костра, под ритм выбиваемых о щит ударов, сопровождаемая выводимой мужскими голосами мелодией и перезвоном надетых на ней колокольчиков, Лана закружилась в каком-то диком, захватывающем танце.

Окружающий мир перестал для меня существовать.

Лишь через несколько минут я смогла осознать, что руки охранника, рядом с которым я сидела, развязывают стягивающий мою рубаху поясок.

Мне снова почудилось, будто я уловила в темноте какое-то мимолетное движение.

— Хозяин? — удивленно пробормотала я.

Молодой охранник не смотрел на Лану. Он лежал на спине, не сводя с меня внимательного, изучающего взгляда.

Возле нас продолжалась дикая феерия танца. Тонкий голосок Юты вплетался в низкие, хриплые голоса мужчин. Глухие, тяжелые удары в щит перемежались мелодичной россыпью крохотных колокольчиков.

— Поцелуй меня,— сказал охранник.

— Но ведь я девушка белого шелка,— едва слышно прошептала я.

— Поцелуй,— настойчиво повторил охранник.

Я, горианская рабыня, наклонилась над ним, моим хозяином. Мои волосы рассыпались и упали ему на лицо. Губы, повинуясь его приказу, послушно потянулись к его губам. Я вся дрожала.

Мои губы остановились в каком-нибудь дюйме от его лица.

«Нет! — что-то кричало во мне.— Нет! Я — Элеонора Бринтон! Я не рабыня! Не рабыня!»

Я попыталась отклониться, но его руки надежно удерживали меня на месте.

Я отчаянно боролась, стараясь выскользнуть из его объятий. Я чувствовала себя пленницей, попавшей в западню.

Его, казалось, озадачил и мой страх, и мое сопротивление.

Ощущение собственной беспомощности пробудило во мне глухую ярость. Я почувствовала ненависть к этому удерживающему меня человеку. Я ненавидела сейчас всех мужчин с их бычьей, слоновьей силой. Почему они эксплуатируют нас, распоряжаются нами, принуждают нас им прислуживать и удовлетворять все их прихоти? Они проявляют по отношению к нам жестокость! Они отказываются видеть в нас людей!

К переполнившей меня злости примешивался, я чувствовала, и интуитивный страх девушки белого шелка перед минутой превращения ее в женщину. Но гораздо

сильнее меня терзало возмущение и разочарование бывшей богатой дочери Земли, высокомерной, избалованной роскошью Элеоноры Бринтон, у которой в этом диком, варварском мире так бесцеремонно отняли привычное для нее общественное положение и всеобщее подобострастное отношение окружающих. Все во мне кипело от негодования. «Я не рабыня! — кричала я про себя.— Я — Элеонора Бринтон! Я не должна подчиняться каким-то там мужчинам! Я свободная женщина! Свободная!»

Девушка, носившая когда-то бриллиантовые украшения, бывшая обладательница без малого миллиона долларов, спортивного «Мазератти» и пентхауза на крыше небоскреба, продолжала отчаянно сопротивляться. Красивая, образованная, обладающая изысканным вкусом дочь Земли изо всех сил старалась вырваться из рук какого-то дикаря из далекого, чуждого ей мира.

— Не прикасайся ко мне! — процедила я сквозь зубы.

Он без малейших усилий перевернул меня на спину и прижал к земле.

— Я тебя ненавижу! — разрыдалась я.— Ненавижу!

В глазах у него вспыхнула едва сдерживаемая злость. Он держал меня очень крепко. И тут, к своему ужасу, я заметила в его глазах другой взгляд, смысл которого безошибочно поняла даже я, рабыня белого шелка. Он не собирался просто воспользоваться мной и потом отбросить за ненадобностью. У него были другие намерения — покорить меня своей нежной лаской, мудрой заботливостью и терпением, дождаться, пока я, гордая и свободная в душе, не брошусь к нему на шею как признавшая свое поражение рабыня.

Я устала сопротивляться. Слезы застилали мне глаза. Словно во сне до меня доносился перезвон колокольчиков Ланы, глухие ритмичные удары в щит и красивая мелодия, выводимая низкими голосами мужчин и взлетавшим над ними тонким, нежным голоском Юты.

Рука охранника потянулась к моему лицу.

Едва сдерживая подступающие к горлу рыдания, я отвернулась.

Внезапно вокруг послышались звуки борьбы, падающих на землю тел и ударов. Воздух наполнился стонами. Лана начала кричать, но ее крик тут же оборвался. Мужчины попытались вскочить на ноги, но были быстро избиты и связаны. Моему охраннику, рванувшемуся было к месту свалки, обрушилось сзади на голову что-то тяжелое, и он со стоном медленно осел на траву. Я попыталась подняться, но на меня навалились тела двух напавших из темноты женщин и придавили своей тяжестью к земле. Еще одна девушка набросила мне на шею веревочную петлю и затянула ее с такой силой, что я едва не задохнулась. Я открыла рот, чтобы закричать, и мне тут же заткнули его тугим матерчатым кляпом. Веревочная петля на шее несколько ослабла. Меня перевернули лицом к земле и туго связали за спиной руки. После этого веревка у меня на шее снова натянулась, и я была вынуждена подняться на ноги.

— Прибавьте огня! — приказала предводительница нападавших — высокая светловолосая девушка. Она казалась чем-то крайне удивленной. Одета она была в звериные шкуры. Ее руки и шея были увешаны примитивными золотыми украшениями. Стояла она, опираясь на короткое, облегченное копье.

По ее приказу другая девушка подбросила в костер охапку хвороста.

Я огляделась.

Стоя на коленях, девушки связывали последних двух охранников.

Лана и Юта тоже были связаны, изо рта у них торчали лоскутья матерчатых кляпов.

— Сделаем их своими рабами? — спросила одна из девушек.

— Нет,— покачала головой светловолосая предводительница.

Задавшая вопрос девушка указала рукой на Лану и Юту.

— А с этими что делать? — спросила она.

— Ты же видишь,— ответила предводительница.— Они самые обычные кейджеры. Оставим их здесь.

Сердце у меня запрыгало от радостной надежды. Значит, это лесные разбойницы, которых называют

женщинами-пантерами! Те самые, что живут на свободе, в диких северных лесах, нападают на мужчин и иногда делают их своими рабами!

Они, конечно, видели, как я сопротивлялась. Они поймут, что я не прирожденная кейджера! Они возьмут меня с собой! Теперь я стану свободной! Возможно, они каким-то образом даже помогут мне вернуться на Землю. Но в любом случае они непременно меня освободят! Они должны меня освободить!

Однако пока что, стоя со связанными за спиной руками, с кляпом во рту и веревочной петлей, наброшенной мне на шею, я мало походила на свободную женщину.

— Подтащите мужчин ближе к костру,— распорядилась предводительница.

— Да, Вьерна,— ответила одна из девушек.

Девушки начали стаскивать охранников к костру. Рты у мужчин также были заткнуты кляпами. Только один из них находился в сознании. Над ним, наклонившись, встала одна разбойница, держа у его горла охотничий нож.

Некоторые девушки, подойдя поближе и присев, заглядывали в лица мужчин и обменивались насмешливыми замечаниями.

Я была восхищена той быстротой и бесшумностью, с которой они появились из темноты и взяли в плен охранников, управившись с ними так просто, словно это были женщины, а не мужчины.

Однако я тоже была связана.

Высокая светловолосая предводительница, Вьерна, в плотно облегающих ее стройное тело шкурах лесных пантер и с золотыми украшениями на руках и на шее, горделиво подошла к лежащей на земле Лане и копьем повернула ее лицом к себе.

— Ты хорошо танцуешь,— заметила она.

По телу Ланы пробежала крупная дрожь.

Вьерна посмотрела на нее с презрением и пнула ногой в бок.

— Кейджера! — процедила она сквозь зубы.

После этого она подошла к Юте и точно так же пнула ее ногой, приговаривая:

— Рабыня! Кейджера!

Лана разрыдалась. Юта не издала ни звука, только на глазах у нее, я видела, заблестели слезы.

— Рассадите мужчин вокруг костра и привяжите их спиной друг к другу! — распорядилась Вьерна.

Разбойницы — их было человек пятнадцать — быстро выполнили приказ, принеся из фургонов кожаные ремни. Я поняла ее замысел: когда рассветет, издали будет казаться, что охранники по-прежнему пируют у костра.

Вьерна подошла ко мне.

Предводительница женщин-пантер внушала мне страх. Она была высокой и сильной. В ее варварской красоте ощущалась какая-то кошачья грация и высокомерие. Она казалась величественной и хищной в своих плотно облегающих шкурах и простых золотых украшениях.

Наконечником копья она уперлась мне в горло.

— Что будем делать с рабынями? — спросила одна из девушек.

Вьерна оглядела всех своих пленниц по очереди.

— Снимите с нее рубаху,— указала она на Юту,— и привяжите этих двух рабынь у ног их хозяев.

С Юты сорвали невольничью тунику, и веревками, наброшенными девушкам на шею, привязали их к ногам охранников.

Копье Вьерны продолжало упираться мне в горло.

Она долго смотрела мне в глаза.

— Кейджера,— наконец процедила она сквозь зубы.

Я отчаянно замотала головой: нет! Нет!

Некоторые из разбойниц принялись грабить фургоны, забирая с собой еду, деньги, одежду, ножи — все, что могли унести.

Вскоре они были готовы снова отправиться в путь.

Пришедшие в сознание охранники изо всех сил пытались освободиться, но кожаные ремни надежно удерживали их на месте.

Издалека должно было казаться, будто они спокойно сидят у костра рядом с лежащими у их ног невольницами.

В ночи ясно виднелись огни разбросанных на лугу костров, от одного из которых доносилось пение охранников.

Связанные мужчины отчаянно пытались ослабить ремни на руках. Думаю, это происшествие не обнаружится раньше наступления утра.

— Раздеть ее! — приказала Вьерна.

Я замотала головой: нет! Не нужно!

Через секунду сорванная с меня туника упала на землю. Теперь я стояла среди разбойниц обнаженная, как обычная рабыня.

— Бросьте ее рубаху в огонь! — скомандовала Вьерна.

Мгновение — и сорванная с меня туника исчезла в языках пламени. Теперь ее нельзя будет использовать в качестве образца моего запаха для домашних, прирученных слинов, специально натасканных для охоты за беглыми рабами.

— Подбросьте еще хвороста в костер! — распорядилась Вьерна и, отвернувшись от меня, с гордо поднятой головой подошла к связанным мужчинам.

В пляшущем свете вспыхнувшего костра она казалась особенно хищной и дерзкой. Держась с презрительным высокомерием, она словно дразнила охранников своей дикой красотой и одновременно пугала острием направленного на них копья.

— Я — Вьерна, женщина-пантера из Высоких лесов,— расхаживая перед охранниками, говорила она.— Когда у меня появляется желание, я увожу в рабство попавших ко мне в руки мужчин. А когда они мне надоедают, продаю их на невольничьих рынках. Вы все — животные. Мы вас презираем. Мы и сейчас перехитрили вас и взяли в плен. Вы связаны. Если бы мы захотели, мы увели бы вас в леса и научили, что значит быть рабами! — Расхаживая между мужчинами, она легонько ударяла каждого из них наконечником копья, и вскоре у них на груди бурыми пятнами выступила кровь.— И это называются мужчины! — презрительно рассмеялась она.

Напрягая все силы, охранники пытались освободиться, но ремни, завязанные у них на руках женщинами-пантерами, не давали им возможности даже пошевелиться.

Вьерна остановилась рядом со мной и окинула меня уничтожающим взглядом.

— Кейджера! — процедила она сквозь зубы.

Нет! — замотала я головой. Нет!

Не оглядываясь, с копьем в руке, светловолосая предводительница шагнула в темноту, направляясь к чернеющей невдалеке кромке леса.

Разбойницы последовали за ней, оставив сидеть у костра связанных охранников и двух лежащих у их ног невольниц.

Веревочная петля у меня на горле затянулась, и я, задыхаясь, с кляпом во рту и связанными за спиной руками, пошатываясь и спотыкаясь на каждом шагу, поплелась следом за удаляющимися разбойницами.

9

ОДИНОКАЯ ХИЖИНА В ЛЕСУ

Я очень боялась входить в лес, но выбора у меня не было. Веревочная петля на шее и кляп во рту лишали меня возможности выражать свое мнение. Едва я замедляла шаг, как петля натягивалась, и я тут же начинала задыхаться.

Одна за другой девушки быстро двигались по тропе между высоких густых деревьев и раскидистого кустарника. Я то и дело натыкалась на выступающие из земли толстые корни. Разбойницы остановились только один раз, у самого края леса, где они сдвинули в сторону лежащие между двумя кустами ветки и вытащили из-под них свои короткие копья и луки со стрелами. Кроме этого, на поясе у каждой разбойницы висел в ножнах длинный охотничий нож.

Разбойниц вела предводительница Вьерна. Короткий лук и колчан со стрелами висели у нее за спиной. В руке она держала копье со стальным наконечником. Временами она останавливалась и настороженно прислушивалась, а иногда поднимала голову и словно принюхивалась, глубоко втягивая носом свежий лесной воздух.

Связанная, без шкур, способных защитить мое тело, я не имела возможности обезопасить себя от жестоких

ударов ветвей колючего кустарника. Едва лишь я на секунду останавливалась, замирая от боли, безжалостная веревочная петля с новой силой впивалась мне в горло и неумолимо тащила за собой.

Наконец примерно через час такой пытки Вьерна подняла руку, и разбойницы остановились.

— Будем отдыхать здесь,— распорядилась она.

В том положении, в котором я находилась, мне трудно было уследить за направлением нашего движения. Мне казалось, что к этому времени мы прошли уже десять пасангов среди высоких, с толстыми стволами и мощной кроной тур-деревьев. Уже заметно посветлело от взошедших на небосвод трех лун.

— На колени! — приказала разбойница, державшая меня за привязанную на шее веревку.

С трудом переводя дыхание, я опустилась на густую жесткую траву.

— Нет! — крикнула разбойница.— В позу рабыни для наслаждений!

Я с умоляющим видом покачала головой.

— Срежь хворостину и высеки ее! — приказала Вьерна.

Я изо всех сил пыталась вызвать жалость к себе на их суровых лицах. Но разбойницы оставались непреклонными.

Я опустилась на колени, как было приказано.

Девушки рассмеялись.

Разбойница, державшая меня за веревку, перекинула ее мне за спину и связала ею мои ноги, оставив свободным очень короткий конец; чтобы не задохнуться, я вынуждена была стоять выгнув спину и высоко запрокинув голову.

Одна из девушек проворно забралась на ближайшее дерево и через секунду начала сбрасывать с ветвей спрятанные там запасы провизии: завернутые в широкие листья куски жареного мяса и тыквенные бутыли с питьевой водой.

Усевшись на траву, по-мужски скрестив перед собой ноги, девушки принялись есть мясо и, передавая друг другу бутыль, запивать его водой.

Наевшись, они разместились широким полукругом и стали внимательно меня разглядывать.

— Развяжите ей ноги,— приказала Вьерна.

Ближайшая ко мне разбойница сняла у меня с ног веревку.

Дышать стало намного легче.

Я помассировала затекшую от напряжения шею.

Когда я подняла голову, передо мной стояла Вьерна, держа охотничий нож у моего лица.

— Разукрась ее шрамами,— предложила связывавшая меня разбойница.

Все во мне похолодело от ужаса.

— Ты боишься расстаться со своей красотой? — поинтересовалась предводительница.— Боишься, что перестанешь нравиться мужчинам?

Я закрыла глаза.

Я чувствовала, как лезвие ножа движется у меня по щеке, от уха к губам, и наконец его острие подцепило матерчатый кляп и вырвало его у меня изо рта.

В эти секунды я испытывала такое напряжение, что едва не потеряла сознание. Меня била нервная дрожь.

Когда мне снова удалось взять себя в руки, нож Вьерны уже опять висел у нее на поясе.

— Я хочу пить, я голодна,— сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно спокойнее.

— Разве твои хозяева тебя не покормили? — с деланным удивлением произнесла Вьерна.

— Конечно, покормили! — воскликнула одна из разбойниц.— Она ела у них из рук, как животное!

Девушки презрительно фыркнули.

— Они на лету ловили брошенные им куски мяса,— добавила вторая разбойница.

— Мужчины, твои хозяева, должно быть, находили это очень забавным,— нахмурилась Вьерна.

— Они мне не хозяева. Я не рабыня! — ответила я.

— Вот как? — удивилась Вьерна.— Разве ты не носишь на своем теле поставленное ими клеймо?

Я покраснела. Клеймо у меня на теле действительно было поставлено рукой мужчины.

— Их даже угощали каланским вином,— усмехнулась одна из девушек.

— Очевидно, они пользуются большим расположением своих хозяев,— заметила предводительница.

Я промолчала. Во мне закипало раздражение.

— Говорят, вино ка-ла-на уже через час превращает каждую женщину в покорную рабыню,— насмешливо произнесла Вьерна.— Это правда?

Я не ответила. Я со стыдом вспоминала, как сама положила руку охранника себе на тело, признавая тем самым удовлетворение своим положением рабыни. Вспоминала, как стояла рядом с ним на коленях, как мои волосы упали ему на лицо, а губы потянулись к его губам.

Я знала, что сама спровоцировала поведение молодого охранника, пусть даже потом оказала ему сопротивление.

— Я сопротивлялась! — воскликнула я.

Девушки рассмеялись.

— Спасибо вам, что спасли меня от него,— пробормотала я.

Последовал новый взрыв хохота.

— Я не рабыня! — воскликнула я.

— На тебе была невольничья туника, привели тебя из невольничьих бараков. И мужчинам ты прислуживала, как самая настоящая рабыня! — возразила одна из девушек.

— Ты сама напрашивалась на то, чтобы он тебя обнял! — воскликнула вторая.

— Мы хорошо знаем язык тела рабыни,— добавила третья.— Твое тело выдает переполняющие тебя мысли и желания, выдает их непроизвольными, независимыми от сознания движениями. «Я — рабыня»,— говорит твое тело!

— Ты хотела принадлежать мужчине! — воскликнула Вьерна.

— Нет! — закричала я.— Нет! Это неправда! Я не рабыня! Не рабыня!

К горлу у меня подступали едва сдерживаемые рыдания, однако постепенно мы все успокоились.

— Вы видели, как я сопротивлялась,— пробормотала я.

— Да, очень грациозно,— подтвердила Вьерна.

— Я хочу быть вместе с вами,— сказала я.

Наступило молчание.

— Лесные женщины не принимают в свои ряды рабынь,— с гордостью произнесла Вьерна.

— Я не рабыня! — воскликнула я.

— Сколько нас ты насчитала? — спросила она.

— Пятнадцать человек,— ответила я.

— Верно. Моя банда состоит из пятнадцати девушек. Мне кажется, это вполне достаточное количество и для защиты, и для нападения, и для скрытного перемещения по лесу. Есть банды побольше, есть меньше. В моей — ровно пятнадцать человек. Так я решила!

Я промолчала.

— Значит, ты хочешь быть одной из нас? — уточнила предводительница.

— Да! — воскликнула я.

— Развяжите ее,— приказала Вьерна.

Руки мне развязали тоже, с шеи сняли веревочную петлю.

— Встань! — распорядилась Вьерна.

Я поднялась на ноги, растирая затекшие запястья.

Остальные девушки тоже встали с земли и сняли с плеч луки и колчаны со стрелами.

Вьерна вытащила из-за пояса длинный охотничий нож и протянула его мне.

Я повертела его в руках, не понимая, зачем она это делает.

Остальные девушки также вытащили ножи и пригнулись, словно готовясь отразить нападение.

— Место которой из них ты хочешь занять? — спросила Вьерна.

— Я не понимаю,— призналась я.

— Одна из девушек или я сама будем драться с тобой насмерть,— пояснила предводительница.— Если ты победишь — останешься в банде.

Я оторопело покачала головой: нет, ни за что!

— Если хочешь, я буду драться с тобой без ножа,— предложила Вьерна.

— Нет,— пробормотала я.

— Сразись со мной, кейджера! — процедила сквозь зубы ведшая меня через лес разбойница; она держала свой нож наготове.

— Со мной! — воскликнула другая.

— Со мной! — закричала третья.

— Чье место ты хочешь занять в нашей банде? — спросила Вьерна.

Ко мне подскочила одна из разбойниц. В руке у нее сверкнул охотничий нож.

Я вскрикнула, отбросила свой нож и упала на колени, закрыв лицо руками.

— Нет! — закричала я.— Нет! Я не могу!

— Связать ее! — приказала Вьерна.

Мне заломили руки и крепко связали их за спиной. Я снова почувствовала на шее удушающее давление веревочной петли.

— Мы отдохнули. Пойдем дальше,— распорядилась предводительница.

Высокая, плотного сложения разбойница — та, что вела меня сюда, а теперь снова связала мне руки, одетая, как все остальные девушки, в плотно облегающие тело шкуры лесных пантер,— подтянула веревку и приподняла мое лицо.

— Кейджера! — с презрением процедила она сквозь зубы.

Я едва не задохнулась.

Вьерна окинула меня внимательным взглядом. Она подняла с земли брошенный мной нож и тщательно вытерла его о свое короткое одеяние. После этого она снова перекинула через плечо лук с колчаном и взяла в руку копье. Остальные девушки также готовились тронуться в путь. Две собрали тыквенные бутыли с питьевой водой и оставшееся после ужина мясо.

Вьерна подошла ко мне. Я опустила голову.

— Итак, кто ты? — требовательным голосом спросила она.

— Кейджера, госпожа,— пробормотала я.

Она одобрительно кивнула.

Я подняла на нее глаза.

— Могу я говорить? — спросила я.

— Говори,— разрешила она.

Я знала, что я не похожа на этих женщин. И не понимала, что им от меня нужно.

— Зачем вы взяли меня с собой? — спросила я.

Вьерна посмотрела на меня долгим изучающим взглядом.

— Тобой интересуется один человек,— наконец сказала она.

Это было для меня неожиданностью.

— Он заплатил за тебя,— ударили по сознанию брошенные разбойницей слова.

Девушки потянулись вслед за ведущей их по ночному лесу предводительницей.

Снова я побрела за ними — обнаженная, со связанными за спиной руками. Я шла не так, как они — гордые, свободные женщины диких северных лесов. Меня вели за наброшенную на шею веревку, как самую обычную подневольную кейджеру.

Мы продолжали идти еще, наверное, час. Один раз Вьерна подняла руку, и мы остановились.

Все замерли.

— Слин,— сообщила Вьерна.

Девушки настороженно оглянулись.

Вьерна почуяла доносящийся откуда-то запах животного.

— Да,— подтвердила одна из разбойниц.

Девушки внимательно смотрели по сторонам, держа копья наготове. Очевидно, немногие из них способны были уловить запах животного. Лично я ничего не чувствовала.

Через некоторое время разбойница, подтвердившая слова Вьерны, сказала:

— Он ушел.

Вьерна кивнула.

Мы тронулись дальше.

Луны поднимались над головой все выше, и, несмотря на густую листву, стало еще светлее.

Девушки становились, казалось, чем-то все более обеспокоенными. Они то и дело посматривали на серебрящиеся в небе полные диски лун.

— Вьерна,— не выдержала одна из них.

— Успокойся,— остановила ее предводительница.

Девушки продолжали прокладывать себе путь среди темнеющих ветвей кустарника.

— Мы видели сегодня мужчин,— настойчиво повторила девушка.

— Замолчи,— сдержанно ответила Вьерна.

— Нам нужно было взять их с собой в качестве рабов,— поддержала подругу вторая разбойница.

— Нет,— решительно возразила предводительница.

— На поляну! — включилась в разговор третья.— Мы должны идти на поляну, в круг!

Вьерна остановилась и посмотрела на своих подруг.

— Это как раз по пути,— настаивали девушки.

— Пожалуйста, Вьерна! — просили они.

— Хорошо,— согласилась предводительница.

Девушки вздохнули с видимым облегчением.

Вьерна раздраженно отвернулась и зашагала быстрее.

Я ничего не могла понять из их разговора. Чувствовала я себя совершенно беспомощной и несчастной.

Внезапно толстая ветка дерева больно хлестнула меня по лицу, и я, не сдержавшись, вскрикнула. Ведущая меня разбойница резко дернула веревку, сбивая меня с ног, и затянула веревку у меня на шее так, что я начала задыхаться.

— Молчи, кейджера! — с ненавистью пробормотала она.

Меня снова поставили на ноги и потащили за собой. Ветки больно хлестали меня по лицу, по груди, но я шла стиснув зубы. Ноги у меня были разбиты в кровь, все тело измучено. Порезы и царапины кровоточили.

Я была ничем, пустым местом в глазах этих гордых, свободных, смелых и опасных женщин, с кошачьей грацией пробирающихся сквозь чащу дикого горианского леса. Они были такими же ловкими, красивыми и сильными, как и их предводительница. Они были вооружены, могли постоять за себя и не нуждались в защите мужчин. Они сами, когда им заблагорассудится, захватывали мужчин и превращали их в своих рабов. Они умели драться на ножах и знали все тропинки в этих лесах, где чувствовали себя уверенно и спокойно, как до-

ма. Они ничего не боялись и не нуждались ни в чьей опеке.

Они во всем отличались от меня.

Они были сильными и бесстрашными, я же — слабой и до смерти напуганной.

Они казались мне бесполыми, высоко стоящими над сексуальностью, свойственной каждому живому существу. Они держали себя так, словно были выше этого и, уж конечно, выше меня, женщины-рабыни!

Находясь среди них, я могла служить только объектом для насмешек и презрения. Я могла быть только кейджерой, достойной лишь шагать на коротком поводке, наброшенном мне на шею.

— Пошевеливайся, кейджера! — рявкнула тащившая меня за веревку разбойница.

— Да, госпожа,— пробормотала я.

Она скривила губы в презрительной усмешке.

Я обреченно шла за ними по окутанному ночным сумраком бескрайнему лесу. Вьерна сказала, что есть какой-то человек, заплативший за меня. В глазах этих женщин, настолько отличных от меня, я была всего лишь товаром, который каждый может продать или купить по своему усмотрению. У меня не было другого предназначения в этом суровом, таком безжалостном ко мне мире.

Слезы навернулись мне на глаза, и я беззвучно разрыдалась.

Еще через час с небольшим мы внезапно вышли на круглую поляну, окруженную высокими тур-деревьями.

Место было на удивление красивым.

Девушки остановились. Я огляделась.

В северном полушарии Гора леса занимают территории в сотни тысяч квадратных пасангов. Здесь представлены самые разные виды растительности, и различные регионы этих бескрайних лесных массивов в значительной мере отличаются один от другого. Наиболее часто встречающимися в этих местах и, пожалуй, самыми впечатляющими являются гигантские тур-деревья с красной древесиной, отдельные экземпляры которых достигают в высоту двух сотен футов и более. Никто не знает, как далеко простираются эти леса. На западе они

начинаются от самых берегов Тассы и тянутся на восток на протяжении всей известной части Гора. На севере они доходят до крайних отрогов Тентисского горного массива.

Поляна, на которой мы оказались, была окружена стеной могучих тур-деревьев. Их прямые мощные стволы внизу были почти лишены ветвей, и, только возносясь к небу, в полутора сотнях футов у нас над головой, их раскидистая крона закрывала землю густым шатром из листьев. Свет звезд почти не пробивался сквозь их густую листву, и только поляна, открытая ночному небу, была залита ровным серебристым светом горианских лун. Травы отчего-то на поляне почти не было, зато землю покрывал толстый ковер опавших листьев.

Девушки как зачарованные смотрели на плывущие над поляной луны. Губы у них были приоткрыты, руки сжаты в кулаки. В глазах у них, казалось, застыли невыразимые боль и страдание.

— Вьерна...— не выдержала одна из них.

— Тише! — оборвала ее предводительница.

Девушка застонала.

— Хорошо,— решилась Вьерна.— Иди в круг!

Не дожидаясь приглашения, та бросила на землю лук и выбежала на поляну.

— И я, Вьерна! И я! — воскликнула вторая девушка.

— Иди,— процедила предводительница сквозь зубы.

Обводя глазами разбойниц, Вьерна одну за другой отпускала их на поляну, широким правильным кругом простершуюся между громадных деревьев.

Вьерна подошла к разбойнице, державшей наброшенную мне на шею веревку.

— Ты тоже иди,— приказала она девушке, забирая веревку у нее из рук.

Разбойница опрометью бросилась на поляну.

Вьерна проводила девушек взглядом.

Мы остались с ней одни: она — свободная, в облегающих тело шкурах лесных пантер, и я — обнаженная, с веревочной петлей на шее.

Она пристально посмотрела на меня. Я не могла смотреть ей в глаза и опустила голову.

— Да, ты способна порадовать мужчину своей красотой, хорошенькая маленькая кейджера,— сказала Вьерна.

Я боялась поднять на нее глаза.

— Я тебя презираю,— сказала она.

Мне оставалось только проглотить обиду.

— Ты послушная рабыня? — поинтересовалась она.

— Да, госпожа,— пробормотала я,— послушная.

Тогда, к моему изумлению, Вьерна сняла у меня с шеи веревочную петлю и развязала мне руки.

— Иди за остальными,— приказала она.— На другом конце поляны есть столб. Жди там. Тебя к нему привяжут.

— Да, госпожа,— пролепетала я.

Вьерна презрительно рассмеялась. Я хорошо представляла, какими глазами она сейчас смотрит на меня — сильная, свободная, с копьем в руке, обвешанная золотыми украшениями.

Каждый шаг под ее пристальным взглядом был для меня пыткой.

— Выпрями спину! — не двинувшись с места, скомандовала она.

Я расправила плечи и со слезами на глазах направилась к другой стороне поляны.

Окруженная кольцом могучих тур-деревьев поляна достигала ярдов тридцати пяти в диаметре. Трава, кое-где пробивавшаяся сквозь устилающий землю толстый ковер опавшей листвы, была удивительно нежной и сочной.

Я подняла голову. В проеме между густых ветвей по безоблачному, усыпанному звездами небу величаво плыли три горианские луны. Они висели так низко над землей, что казалось — протяни руку и дотронешься до них.

Девушки Вьерны стояли у края поляны. Все они молчали. Выглядели они взволнованными. Глаза у многих были закрыты, а пальцы сжаты в кулаки. Здесь же, на земле, лежало их оружие.

В нескольких шагах от себя, на краю поляны я увидела врытый в землю столб, выструганный из ствола тур-дерева. Он был пяти футов высотой и не меньше фута в диаметре. На его обращенной к центру поляны стороне виднелись два толстых железных кольца: одно — ввинченное в его поверхность на высоте двух футов от земли и второе — на высоте трех с половиной футов. На верхней части столба ножом было вырезано изображение соединенных цепями наручников. Это был позорный, невольничий столб!

Я подошла к нему и остановилась.

На какое-то мгновение в моем сознании всплыли воспоминания о моей прежней роскошной жизни, пентхаузе на крыше небоскреба, спортивном «Мазератти», высоком общественном положении, которое я когда-то занимала... и о ворвавшихся в мой дом людях и моей доставке сюда, в этот грубый, не знающий сострадания мир.

— На колени! — скомандовала подошедшая ко мне предводительница.

Я опустилась на колени.

Вьерна набросила мне на шею веревку, продела ее конец сквозь верхнее кольцо, дважды обмотала его у меня вокруг туловища, пропустила его через нижнее кольцо и связала им мои ноги. Я оказалась скручена так надежно, что едва могла пошевелиться.

— Руки над головой! — приказала разбойница.

Я послушно подняла руки, и она, сняв с пояса еще один кусок веревки, стянула им мои запястья на задней стороне столба, также пропуская веревку через верхнее металлическое кольцо.

— Послушная рабыня,— усмехнулась она.

— Вьерна! Вьерна! — донеслись с центра поляны нетерпеливые голоса разбойниц.

— Хорошо! — с неожиданной злостью бросила им предводительница.— Сейчас.

В образованный девушками круг выскочила первая разбойница — та, что вела меня за собой на веревке.

Оказавшись в центре круга, она на мгновение неподвижно застыла, низко опустив голову. Затем с глухим

стоном, скорее напоминающим протяжный звериный вой, она запрокинула голову и, растопырив пальцы, потянулась к зависшим над поляной полным горианским лунам, сияющим ярким серебристым светом. Остальные девушки также стояли, прогнув спины и обратив к небу бледные, искаженные гримасой страдания лица. Их скрюченные пальцы судорожно разжимались и снова сжимались в кулаки.

Первая девушка издала протяжный крик и, притопывая ногами, двинулась по кругу.

Через секунду к ней присоединилась еще одна разбойница, а затем еще одна и еще.

Подпрыгивая, яростно отбивая такт ногами, они с дикими воплями и душераздирающими криками пустились в какой-то не поддающийся описанию варварский танец. Их бледные лица и судорожно растопыренные пальцы были обращены к заливающим поляну мертвенным светом горианским лунам.

Вскоре на поляне не осталось никого, кто не включился бы в дикий танец, за исключением Вьерны, предводительницы банды, и меня, Элеоноры Бринтон, ее пленницы, рабыни.

На мгновение остановившись, первая девушка с воплем сорвала с плеч шкуры лесных пантер, повисшие у нее на поясе, на широком охотничьем ремне. Теперь ее движения мало напоминали танец, каким бы диким вначале он мне ни казался. Она стала исступленно корчиться, словно в каком-то припадочном пароксизме, и больше напоминала душевнобольную.

Я отвела от нее глаза и тут впервые заметила вбитые в землю в центре образуемого девушками круга четыре толстых деревянных кола, выступающие из опавшей листвы дюймов на шесть. Они образовывали небольшой, но достаточно широкий квадрат. В верхней части кольев, я заметила, были сделаны глубокие насечки, чтобы с них не могла сползти завязываемая веревка.

По телу у меня пробежала холодная дрожь.

Первая девушка постепенно приближалась к образованному кольями квадрату.

Луны на черном небе сияли в полную силу.

Еще одна разбойница с криком сорвала с себя одежду и подставила грудь облившему ее лунному свету. Судорожно пританцовывая, она также приблизилась к широкому квадрату.

Затем это массовое безумие охватило остальных, и они принялись с воплями сбрасывать с себя одежду, оставаясь только в унизывающих их тело золотых украшениях.

Я боялась даже взглянуть на Вьерну, настолько была напугана этим диким зрелищем. Я не могла себе представить, что женщины способны вести себя подобным образом.

Вакханалия достигла, кажется, своего апогея. Обнаженные разбойницы с истошными воплями корчились и приплясывали вокруг деревянных кольев.

Меня била нервная дрожь. Никогда еще мне на этой планете не было так страшно. Я боялась этих женщин, боялась их массового сумасшествия!

Внезапно, к моему изумлению, Вьерна также сорвала с себя одежду, бросила на землю свое оружие, выскочила в образуемый разбойницами круг и с воплями закружилась в невообразимом, диком танце. Глаза у нее пылали. В своем безумии она не только ничем не отличалась от остальных девушек, но и превосходила их! Она стонала и приплясывала, испускала дикие вопли и вздымала к небу растопыренные и скрюченные пальцы, словно пыталась в клочья разодрать зависшие у нее над головой холодно взирающие на этот чудовищный спектакль луны. Временами она дергала за волосы или пинком ноги отталкивала девушек, пытавшихся подойти к квадрату ближе, чем она. Разбойницы отвечали ей полными ненависти взглядами, но ни одна из них не пыталась выразить свое недовольство вслух.

Вьерна была первой среди них. Даже в этой варварской пляске она оставалась лидером, предводительницей.

Наконец словно не выдержав дикого напряжения, она в последний раз запрокинула голову, взметнула к небу судорожно сжатые кулаки и с хриплым криком бессильно повалилась на землю, в огороженный кольями широкий квадрат.

Упав, она принялась кататься по листве, колотя по земле руками и царапая ее скрюченными когтями-пальцами.

Следуя ее примеру, остальные девушки, словно толкаемые какой-то неведомой силой, валились на землю и принимались рвать ее, швыряться ворохами листвы. Через некоторое время они одна за другой затихали, переворачивались на спину и устремляли невидящий взгляд к безразлично взирающим на их распростертые, конвульсивно вздрагивающие тела полным горианским лунам. Плавая в мертвенном лунном свете, эти дикарки казались опустошенными и умиротворенными.

Глядя на них, я внезапно почувствовала приступ полного, невыразимого одиночества и терзающего мое тело горячего плотского желания. Я принялась рвать сдерживающие меня веревки, старалась освободить связанные руки и ослабить давление наброшенной мне на горло петли. У меня вырвался стон отчаяния. Я хотела быть рядом с этими девушками, быть свободной, отдаться вместе с ними этому дикому, безудержному танцу, выть и кричать так же, как они — женщины, мои сестры, томимые неутолимым, сжигающим их желанием.

И вдруг в голове у меня словно прояснилось.

«Нет! — закричала я про себя.— Нет! Никогда! Я — женщина с Земли! Я — Элеонора Бринтон! Я никогда не позволю себе ничего подобного!»

— Кейджеры! — крикнула я лежащим на земле девушкам.— Рабыни!

Я не испытывала никакого страха. Наоборот, меня переполняло ощущение какого-то неудержимого, граничащего с истерией триумфального торжества.

— Рабыни! — кричала я разбойницам.— Кейджеры!

Теперь я знала, что я лучше их! Я не пыталась обмануть свою природу! Я была выше их. Пусть связанная, с невольничьим клеймом на теле, я была в тысячу раз лучше, чище, величественнее, чем они. Я была Элеонорой Бринтон. Раздетая, поставленная у позорного, невольничьего столба, я оставалась благороднее и лучше этих горианок, рабынь по самой своей природе.

— Рабыни! — с презрением бросала я им.— Кейджеры!

Они не обращали на меня внимания.

Охваченная истерикой, я снова и снова выкрикивала им оскорбления, но не услышала ни слова в ответ. Постепенно я успокоилась и почувствовала, что удовлетворила свою злость. Затекшие руки у меня болели, спина ныла, но я не испытывала от этого большого огорчения. Мне казалось, что звезды у меня над головой сияют особенно ярко, а уплывающие по небу луны прощаются со мной с особой теплотой.

Над поляной стояла чарующая тишина.

Разбойницы лежали на земле словно в оцепенении. Некоторые из них тихо стонали, у кого-то на щеках блестели слезы.

Значительно похолодало, и я невольно стала дрожать, но сейчас меня это не беспокоило. Меня согревало чувство внутреннего удовлетворения. Раздетая, выставленная у позорного столба, я была в эти минуты довольна собой. Ко мне вернулось чувство собственного достоинства. Теперь я знала, что я несравненно выше этих так называемых свободных женщин, этих заслуживающих всяческого презрения существ!

Наконец девушки одна за другой поднялись с земли, натянули на себя шкуры и разобрали свое оружие.

Вьерна, их предводительница, подошла ко мне.

Я стояла, гордо расправив плечи.

— Мне кажется,— заметила я,— что совсем недавно ваши тела двигались точно так же, как тела обычных рабынь!

Вьерна наотмашь ударила меня по лицу.

— Мы — свободные женщины,— с расстановкой произнесла она.

На глаза у меня навернулись слезы. Я почувствовала на губах привкус крови. Но у меня не вырвалось ни звука, ни стона. Я улыбнулась и гордо отвернулась в сторону.

— Давайте ее убьем,— предложила разбойница, приведшая меня сюда на веревке и первой вскочившая в круг танцующих.

— Нет,— отрезала Вьерна и окинула взглядом разбойниц.

Они были готовы выступить в путь.

— Ведите эту рабыню с нами,— приказала она.

— Я не рабыня. Я — свободная женщина! — сказала я.

Вьерна не ответила и, круто развернувшись, зашагала по устланной листвой поляне.

За ней потянулись разбойницы, за исключением той, что привела меня сюда. Она подошла к столбу и, грубо дергая за веревки, сняла их у меня с рук. Мне было больно, но я не жаловалась. Разбойница развязала мне ноги и, рванув за наброшенную мне на шею веревочную петлю, подняла меня с земли. Я посмотрела на нее и усмехнулась. В глазах у нее вспыхнула злоба, но она ничего не сказала и молча потащила меня за собой.

Вскоре мы догнали Вьерну и понуро бредущих за ней разбойниц.

Внезапно Вьерна подняла руку.

— Слин,— прошептала она.

Девушки настороженно оглянулись.

Я почувствовала беспокойство. Интересно, это то же самое животное, которое мы обнаружили несколько часов назад? Если это так, значит, оно настойчиво идет по нашему следу и не оставит нас в покое.

Разбойницы также казались встревоженными и, остановившись, озабоченно оглядывались по сторонам.

— Он еще здесь? — спросила девушка, по пути сюда сумевшая уловить присутствие животного; она стояла, подняв голову и тщательно принюхиваясь.

— Да,— ответила Вьерна и махнула рукой прямо по курсу движения банды.— Оно там.

Я ничего не смогла заметить среди густого кустарника и плотными рядами вздымающихся в темноте деревьев.

Некоторое время мы продолжали стоять неподвижно. Наконец Вьерна сказала:

— Он ушел.

Девушки облегченно переглянулись.

Я напряженно вгляделась в окружающую нас темноту, но не заметила поблизости никаких перемен.

Через секунду веревочная петля у меня на шее затянулась и снова потащила меня за собой.

Примерно час спустя мы вышли на опушку леса. Там стояла сложенная из бревен избушка с обращенной к нам дверью и одним-единственным окном. Через него виден горевший внутри свет.

Меня подвели к двери этого дома.

— На колени! — скомандовала Вьерна.

Я опустилась на жесткую траву.

Я чувствовала глубокое волнение. Это, должно быть, дом человека, который меня купил.

Но я не в силах была поверить, что могу быть куплена или продана! — билась в моем сознании тревожная мысль. Я — Элеонора Бринтон, женщина с Земли! Пусть у меня на шее веревка, пусть я оказалась в самых невероятных переделках — меня все равно нельзя продать или приобрести, потому что я рождена свободной!

На вбитом в двери железном крюке висел большой кожаный мешок. Вьерна взяла мешок и вытряхнула его содержимое на землю. В нем оказались металлические наконечники для стрел. Собравшиеся в кружок разбойницы тщательно их пересчитали. В мешке находилось ровно сто наконечников.

Вьерна раздала девушкам по шесть наконечников и шестнадцать оставила себе. Каждая из разбойниц с видимым удовлетворением спрятала причитающуюся ей долю в небольшой кожаный мешочек, подвешенный у них на поясе.

Я не верила своим глазам. Неужели это было моей стоимостью? Неужели меня можно продать или купить за сотню каких-то наконечников для стрел? «Нет,— напомнила я себе,— меня вообще нельзя ни продать, ни купить. Я — Элеонора Бринтон, свободная женщина!»

— Встань, рабыня! — приказала Вьерна.

Я поднялась на ноги, и она сняла у меня с шеи веревку.

Мы обменялись взглядами, полными ненависти.

— Я свободная женщина,— сказала я.

— Давайте лучше ее убьем,— предложила приведшая меня разбойница.

— Давайте,— согласилась Вьерна.

— Нет! — закричала я.— Не убивайте меня! Пожалуйста!

— Убейте ее! — повторила Вьерна.

Две разбойницы выхватили из-за пояса ножи.

Я в отчаянии упала перед Вьерной на колени.

— Не убивайте меня! — закричала я.— Пожалуйста, не убивайте! — Я вся дрожала. Слезы катились у меня по щекам.— Пощадите,— уже тише бормотала я.— Не убивайте меня. Пожалуйста...

— Кто ты? — требовательным голосом спросила Вьерна.

— Рабыня! — воскликнула я.— Рабыня!

— Ты просишь сохранить тебе жизнь?

— Прошу! Прошу вас, пожалуйста...

— А кто может так упрашивать, чтобы ему сохранили жизнь?

— Рабыня. Это рабыня просит свою госпожу.

— Ты знаешь, что только беспомощная кейджера может так просить о пощаде?

— Да, я знаю. Только рабыня. Только кейджера.

— Значит, ты признаешь себя рабыней?

— Да! Признаю! Я признаю себя рабыней.

— Пощадите эту рабыню,— распорядилась Вьерна.

Я была на грани обморока. Две разбойницы подняли меня с земли. Я едва могла держаться на ногах. Я вся дрожала.

Сейчас я, как никогда прежде, осознала, что я — рабыня, рабыня в душе, рабыня по образу своих мыслей. Что девушка в облике богатой, избалованной Элеоноры Бринтон, даже когда она обучалась в престижном колледже и обедала в самых дорогих парижских ресторанах, по самой своей природе всегда оставалась рабыней. Что она обманывала себя и других, надевая на себя шикарные вечерние платья, в то время как ей следовало носить шелка горианской рабыни, только и ждущей прикосновения к ней руки повелителя. Интересно, догадывались об этом земные мужчины? Или мои деньги, мое поведение затушевывали в их глазах этот столь явный образ рабыни? Может, именно отсутствие этого искусственного ореола позволило горианцам так быстро распознать мою истинную суть? Может, именно это дает

им право смотреть на меня свысока, пренебрежительно, с кривой усмешкой на лице?

Как я ненавидела всех этих мужчин!

Но неужели в их глазах я стоила сотню каких-то жалких наконечников для стрел? Неужели это моя цена?

Я чувствовала себя униженной, уничтоженной, растоптанной в прах и пыль.

Мои глаза встретились со взглядом Вьерны.

— Рабыня,— с усмешкой процедила она сквозь зубы.

— Да, госпожа,— пробормотала я, опуская голову. Я чувствовала себя не в силах смотреть в ее глаза, глаза свободной женщины.

— Ты послушная рабыня? — насмешливо поинтересовалась она.

— Да, госпожа,— поспешно ответила я, снова испытывая страх перед этой женщиной.— Я послушная рабыня!

Девушки рассмеялись.

Внезапно мои представления о том, будто я женщина. свободная, показались мне такими глупыми, необоснованными, абсурдными, что я даже растерялась. Я едва не застонала от отчаяния. Теперь мне стало очевидным, что я несвободна. Я знала, что могу служить объектом купли-продажи, что мной могут распоряжаться как обычным товаром. В одно мгновение все мои прежние представления о себе улетучились, рассыпались в прах. Теперь лучше, чем когда-либо прежде, я знала, что я — самая обычная рабыня.

— За этой дверью,— указала на хижину Вьерна,— тебя ждет твой повелитель.

Я стояла перед грубой дощатой дверью, низко опустив голову, со связанными за спиной руками.

Внезапно, подхваченная каким-то порывом, я подняла глаза и посмотрела Вьерне в лицо.

— Сотня наконечников за меня — слишком мало,— с недовольной гримасой заметила я.

Я сама была поражена вырвавшимися у меня словами и еще больше тем, как я их произнесла. Элеонора Бринтон, конечно, не могла сказать такого. Это было замечание невольницы, рабыни, хотя сделала его я, Элео-

нора Бринтон. Краем сознания я вдруг с ужасом для себя отметила, что в качестве невольницы я выгляжу довольно неплохо.

— Именно во столько ты ему обошлась,— ответила Вьерна.

Я с неудовольствием передернула плечами.

Предводительница разбойниц окинула меня внимательным, оценивающим взглядом.

— Сама я за тебя, конечно, столько бы не дала,— пренебрежительно заметила она.

Разбойницы рассмеялись.

Я задрожала от обиды — униженная девушка-рабыня. Все, что я делала, казалось мне абсурдным, выходящим из-под контроля, и я ненавидела себя за это.

— Подумать только,— фыркнула приведшая меня на поводу разбойница,— эта девчонка еще воображает, будто может стоить дороже!

— Моя цена гораздо выше! — с обидой воскликнула я.

— Ну, хватит,— прикрикнула Вьерна.

Меня снова охватил страх.

— Да, госпожа,— поспешно пробормотала я, опуская голову.

По рядам разбойниц пробежал насмешливый ропот.

Мне это было безразлично. Я чувствовала себя раздосадованной и униженной. Я знала, что могу быть продана за гораздо более высокую цену.

Внезапно я осознала, что из меня получится весьма сообразительная рабыня. Я умная, хорошо образованная женщина. Я сумею даже интригами и лестью добиться многого. Я смогу в нужный момент улыбнуться и получить все, что я хочу. Я хорошенькая, а хитрости мне не занимать. Что поделать, раз уж мне суждено оставаться невольницей? Я и рабыней сумею сделать свою жизнь легкой и приятной.

Да, но быть проданной всего лишь за сотню каких-то наконечников для стрел — это так обидно!

Дверь хижины распахнулась. Стало страшно — что меня там ждало? Вьерна копьем ткнула меня в спину.

— Входи, рабыня,— приказала она.

— Да, госпожа,— пробормотала я одеревеневшими губами.

Вьерна снова кольнула меня копьем.

Я робко шагнула за порог и оказалась в комнате. Дверь за моей спиной захлопнулась.

Я окинула взглядом комнату, и волосы у меня встали дыбом: тотчас же я отшатнулась назад и, прижавшись спиной к стене, закричала от нахлынувшего на меня ужаса.

10

ЧТО ПРОИСХОДИЛО В ХИЖИНЕ

На меня в упор смотрело заросшее косматой шерстью пучеглазое животное.

— Не бойся,— произнес откуда-то сбоку мужской голос.

Животное сидело на цепи, протянувшейся у него от ошейника к ввинченному в стену металлическому кольцу.

Я застыла, прижавшись спиной к противоположной от зверя стене. Меня охватил такой ужас, что я не могла даже пошевелиться. Колени у меня дрожали, а руки мгновенно стали липкими от пота.

Животное окинуло меня ленивым взглядом и, распахнув свою бездонную пасть, широко зевнуло. Я успела заметить два ряда острых зубов с громадными белыми клыками. После этого оно завалилось на бок и с недовольным ворчанием принялось устраиваться на брошенной на пол соломенной подстилке.

Я увидела, что удерживающая его цепь довольно коротка и животное едва ли сможет дотянуться до середины комнаты.

— Не бойся,— повторил тот же голос.

Я с трудом перевела дыхание.

В другом конце комнаты стоял, наклонившись над тазом с водой, низкорослый человек с обмотанным вокруг шеи полотенцем. Это был бродячий артист, выступавший у нас в бараках. Он обернулся и посмотрел на меня. На лице у него еще виднелись следы грима, но одет он уже был не в шутовской наряд, а в обычную для

горианца грубую домашнюю тунику и широкие штаны, какие носят здесь лесорубы.

— Добрый вечер,— поздоровался хозяин домика в лесу.

Я не нашла в себе силы ответить на приветствие.

Его голос уже ничем не напоминал игру развлекающего публику бродячего артиста. К тому же он показался мне знакомым не только по тому представлению, но я напрасно ломала себе голову, вспоминая, где я могла его слышать. Сейчас я неспособна была о чем-то связно думать. Я была слишком напугана.

Человек снова нагнулся над тазом с водой и принялся смывать с лица остатки грима.

Я не могла оторвать глаз от животного. А оно смотрело на меня сонным взглядом, с ворчанием почесывая лапой спину.

Здесь, в маленьком доме, оно казалось еще более огромным и ужасным, чем во внутреннем дворе невольничьих бараков. Это животное сейчас напоминало громадный, обтянутый толстой шкурой бочонок в несколько сотен фунтов весом, который с глухим ворчанием лежал у стены и лениво почесывал спину задней лапой. На такой же бочкоподобной вытянутой голове мрачным светом горели два громадных выпуклых глаза, а из-за широких, мясистых губ высовывались наружу длинные желтые клыки, с которых стекала слюна. Челюсти животного непрерывно двигались, словно оно постоянно что-то жевало, и между ними то и дело высовывался длинный, раздвоенный на конце черный язык. Челюсти животного были неправдоподобно мощными. Я думаю, оно без труда могло бы отхватить человеку руку, а то и голову.

При одной мысли об этом я вздрогнула и сильнее прижалась спиной к стене.

— Добрый вечер, мисс Бринтон,— вытираясь полотенцем, произнес хозяин на чистейшем английском языке.— Добро пожаловать!

— Это вы! — невольно вырвалось у меня.

На лице этого человечка заиграла самодовольная усмешка. Теперь я его узнала. Это был тот самый низкорослый мужчина, который в числе других похитителей

вломился в мою квартиру на крыше небоскреба в Нью-Йорке. Это он собственноручно связывал меня в моей собственной постели. Это он исподтишка пытался меня пощупать, пока его не отогнал высокий мужчина. Это он курил мои сигареты и с оскорбительной ухмылкой пускал дым мне в лицо, пока я лежала на кровати связанная, обнаженная, совершенно беспомощная.

Его остренькие, хитрые, как у хорька, глазки и сейчас смотрели на меня с тем же оценивающим выражением.

— Ты напоминаешь мне маленькое сладкое пирожное с кремом,— нараспев произнес низкорослый.

У меня не было сил ему ответить.

— Кейджера! — рявкнул он по-гориански.

Каждая частичка моего тела мгновенно напряглась.

Человек жестом горианского хозяина щелкнул пальцами и указал на грязный пол, на место у своих ног. Я поспешно приблизилась к нему и опустилась на колени в позе рабыни для наслаждений.

— Отлично,— одобрительно качнул головой низкорослый мужчина.— Интересно понаблюдать, какое воздействие оказывает на женщину положение невольницы.

— Да, хозяин,— пробормотала я.

— И это гордая, высокомерная, богатая Элеонора Бринтон,— произнес человек по-английски.

— Да, хозяин,— едва слышно ответила я, низко опустив голову.— Я Элеонора Бринтон.

— Кем же ты стала теперь?

— Горианской рабыней.

— Никогда не думал увидеть тебя у своих ног.

— Да, хозяин.

— Приятное зрелище.

Он неторопливо прошел в дальний угол комнаты, принес оттуда маленькую скамеечку и поставил ее передо мной. Опустившись на скамеечку, он долгое время рассматривал меня изучающим взглядом. Я стояла, боясь пошевелиться.

Потом он поднялся, подошел к сложенной у стены поленнице дров, взял сухое полено и подбросил его в низкую, немилосердно чадящую печь, дым из которой

выходил через проделанное в потолке отверстие и узкую деревянную трубу, выступающую над крышей.

— Встань,— приказал он.

Я вскочила на ноги.

— Повернись!

Я повернулась к нему спиной.

К моему удивлению, он развязал стягивающую мне руки веревку.

Ладони у меня затекли, пальцы не шевелились.

Я стояла, разминая ладони, а он сидел и молча за мной наблюдал. Потом я снова повернулась к нему лицом.

Так продолжалось довольно долго.

— Отойди назад,— наконец сказал он.

Я испуганно сделала два коротких шажка назад; за спиной у меня находилось это громадное чудовище.

— Взять ее! — внезапно по-гориански крикнул этот артист животному.

Чудовище мгновенно вскочило и рванулось ко мне. Я оглянулась. Его мощные челюсти распахнулись, шерсть встала дыбом, а длинные, увенчанные кривыми когтями лапы потянулись к моему лицу. В полутьме домика ярко сверкнули его хищные зубы и налитые кровью глаза.

Охваченная ужасом, я с воплем бросилась в дальний угол комнаты и забилась там, дрожа и выставив навстречу чудовищу руки.

— Не бойся,— спокойным голосом произнес мужчина.

Я едва не лишилась чувств от страха.

— Не бойся,— повторил он.

— Что вы от меня хотите?! — закричала я.— Что вам нужно? — забормотала я тише, не в силах справиться с дрожью.— Что? Что вы хотите?

— Мисс Бринтон, горианцы — варвары. Они эксплуатируют вашу природную скромность,— вдруг заявил этот непонятный мне человек.

В его голосе звучала совершенно не соответствующая его поведению доброта, забота и понимание. Он говорил, словно извиняясь за тот мир, в котором я оказалась.

Я глядела на него в каком-то оцепенении.

Он стоял посреди комнаты, возле скамеечки, и держал в руках длинную накидку из ярко-красного полупрозрачного шелка с тонким пояском и высоким, отделанным парчой и вышитым золотом воротником.

— Прошу вас, мисс,— подозвал он меня приглашающим жестом.

— Это мне? — пробормотала я и, осторожно приблизившись, повернулась к нему спиной. Он надел на меня накидку и помог завязать поясок.

Мне были хорошо известны подобные одежды.

— Это вам,— он утвердительно кивнул головой.

Я посмотрела на него. У меня, рабыни, не могло быть ничего своего. Наоборот, это я могла принадлежать кому-то.

— Этот наряд вам очень к лицу,— отметил артист.

Я застегнула высокий воротник и снова почувствовала себя женщиной, а не какой-нибудь вещью.

— Вы очень хорошенькая, мисс Бринтон,— учтиво произнес низкорослый.

Он снова направился в дальний угол комнаты и принес оттуда длинный низкий стол и еще одну скамеечку. Поставив их рядом, он жестом пригласил меня присесть и сам придвинул мне скамеечку.

Устроившись за столом, я молча наблюдала, как он подбрасывает в печь еще одно полено.

Животное уже лежало свернувшись на своей соломенной подстилке. Глаза его были закрыты, но оно, по-видимому, не спало. Время от времени оно ворочалось, зевало или чесало лапами спину.

— Сигарету? — предложил хозяин.

Я посмотрела на него с удивлением.

— Да, пожалуйста,— ответила я.

Из маленького золоченого ящичка он достал две сигареты. Они были того сорта, который я курила на Земле. Мужчина зажег тонкую изящную спичку, дал прикурить от нее мне, прикурил сам и выбросил спичку в печь.

Я затянулась горьковатым дымом. Руки у меня дрожали.

— Вы взволнованы? — поинтересовался он.

— Верните меня на Землю,— прошептала я.

— Разве вы не догадываетесь, для чего были доставлены в этот мир?

— Пожалуйста, прошу вас,— умоляющим голосом попросила я.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Я вам заплачу сколько нужно,— пообещала я.

— Деньги?

— Да! Сколько хотите!

— Деньги — это такая чепуха.

Сердце у меня тоскливо заныло.

— Да вы курите,— напомнил хозяин.

Я поднесла сигарету к губам.

— В то утро, когда вы проснулись и увидели клеймо у себя на теле, вы были удивлены? — поинтересовался мой визави.

— Да,— пробормотала я; рука у меня непроизвольно потянулась к скрытой шелковой накидкой отметине.

— Может, вам любопытно узнать, как это было сделано?

— Да.

— Приспособление для проставления клейма не больше этой коробочки,— указал он золоченую сигаретницу.— В рукоятке у него расположен нагревающий элемент, раскаляющий металлическое клеймо. Включается и выключается он, как обычный карманный фонарик, а разогревает поверхность клейма до нужной температуры всего за пять секунд.

— Я ничего не почувствовала,— призналась я.

— Вам сделали анестезирующую инъекцию,— сообщил он.

— Вот как?

— Да. Лично я считаю, что на женщине лучше ставить клеймо, когда она находится без сознания. Психологическое воздействие дает более впечатляющие результаты, нежели простая боль.

Я не нашла что ответить.

— Для залечивания раны была использована целебная мазь. Она лечит быстро и не оставляет следов. Таким образом,— он посмотрел на меня с неприязнью,—

вы легли спать свободной женщиной, а проснулись рабыней.

— А ошейник? — спросила я.— Как вы надели на меня ошейник?

— Это было совсем просто,— ответил артист.— Вы лежали перед зеркалом без сознания. Мы вошли в вашу комнату с террасы.— Он посмотрел на меня и усмехнулся.— Надеть на женщину ошейник несложно.

Мне вспомнилось, что в то августовское утро, перед тем как черному дискообразному кораблю оставить Землю, в том уголке Коннектикута, который мои похитители называли «пунктом Р», ошейник с меня был снят.

Снимавший его человек, помню, пообещал, что у меня непременно будет другой.

Я раздраженно сломала сигарету и смяла ее об стол.

Уже тогда я знала, что мужчины наденут на меня ошейник, когда им это заблагорассудится.

— Можно мне еще сигарету? — спросила я.

— Конечно,— ответил низкорослый мужчина, подвигая мне золоченую коробочку и заботливо зажигая спичку.

— И часто вы доставляете в этот мир женщин, чтобы сделать из них невольниц? — поинтересовалась я.

— Часто,— ответил мой собеседник.— Иногда мы доставляем сюда и мужчин, если они способны послужить нашим целям и задачам.

— Понятно,— сказала я.

Я была разгневана.

Мне вспомнилось, как двое мужчин впихнули меня в узкую, тесную транспортировочную капсулу и перед началом полета пустили через трубки усыпляющий газ. Со мной с первых минут моего пленения обращались как с будущей рабыней.

Я вспомнила свое пробуждение на горианском лугу в сотне ярдов от разбившегося черного корабля. Вспомнила, как перед отлетом с Земли мне на щиколотку надели узкую металлическую полоску — несомненно, какой-то знак, удостоверяющий мою личность. Странно, что при пробуждении на Горе я его уже не обнаружила.

— Зачем меня привезли на эту планету? — спросила я сидящего передо мной человека.

— Мы доставляем сюда многих женщин,— ответил он.— Во-первых, потому что они красивы и нам нравится делать из них рабынь.

Я посмотрела на него, не скрывая своей неприязни.

— А во-вторых,— продолжал он,— потому что они представляют собой определенную ценность. По своему усмотрению мы дарим их или продаем, что приносит нам значительную прибыль.

— Значит, именно для этого меня сюда и доставили?

— Может быть, вам небезынтересно узнать, что вас отобрали для будущей доставки в этот мир еще в семнадцатилетнем возрасте. Последние пять лет мы внимательно наблюдали, как вы постепенно превращаетесь в зрелую, высокообразованную, развитую молодую женщину, обещающую стать под умелой рукой хозяина великолепной рабыней.

Я раздраженно затянулась сигаретой.

— Значит, меня привезли на Гор исключительно для того, чтобы сделать обычной рабыней? — уточнила я.

— Скажем, вас пытались сюда доставить в качестве рабыни,— ответил человек.

— Пытались? Разве вам это не удалось?

— Наш корабль потерпел аварию, и мы потеряли вас из виду.

— Это я уже знаю.

— Вскоре после аварии мы заметили приближение неприятельского корабля. Мы оставили свой корабль и вместе с грузом поспешили скрыться.

— Но разве я не являлась... частью вашего груза?

Брови человека нахмурились. Я видела, что он тщательно подбирает слова.

— У нас есть враги,— сказал он.— Мы не хотели, чтобы вы попали к ним в руки. Мы опасались преследования и взяли с собой только тех девушек, которые могли передвигаться самостоятельно. Вы же были без сознания. Поэтому мы сняли ваш идентификационный ножной браслет и оставили вас в траве, на некотором расстоянии от разбившегося корабля. Мы рассчитывали уйти от погони и вернуться за вами позднее. Погони,

однако, не последовало. Враги удовлетворились тем, что окончательно уничтожили наш корабль. Вернувшись к месту аварии, мы обнаружили только воронку от взрыва и выжженную вокруг нее землю. Вы к тому времени тоже, конечно, исчезли.

— Как же вам удалось меня теперь отыскать?

— Любую незащищенную женщину на Горе — в особенности, заметьте, красивую — первый же встреченный ею мужчина, без сомнения, тут же сделает своей рабыней.

Я смущенно опустила голову.

— Я отправился в Лаурис,— продолжал человек.— Это самый крупный город от места аварии. Я рассчитывал, что вы будете выставлены там на продажу.

— И вы бы меня купили?

— Несомненно. И безо всякого труда,— усмехнулся он.— Однако, к несчастью для вас, вы попали в руки профессионального работорговца, который намеревался доставить вас в густонаселенные районы Гора и продать там за более высокую цену. Вот почему, чтобы приобрести вас, нам пришлось прибегнуть к услугам Вьерны и ее миловидных разбойниц.— Он снова усмехнулся.— Зато вы обошлись нам гораздо дешевле!

Я едва сдерживалась от переполнявшего меня возмущения.

— Мы заплатили за вас сотню наконечников для стрел,— сообщил этот маленький человечек.

Он был мне все более неприятен.

— Но вам это, конечно, совершенно безразлично, не так ли? — уточнил он.

— Совершенно,— подтвердила я.

— Естественно,— усмехнулся он.— Это могло иметь значение только для женщины — рабыни по своей природе.

Я опустила глаза, дрожа от ярости.

«Я не рабыня! — твердила я про себя.— Я не рабыня!»

Сидя на низенькой скамеечке, в шелковой накидке с высоким стоячим воротником, я заставила себя расправить плечи и снова потянулась за сигаретой.

— А как вы узнали, что я нахожусь в рабстве у Тарго, и нашли меня в невольничьих бараках на окраине Лауриса?

— Я, естественно, провел некоторые расследования, но еще раньше мне посчастливилось увидеть вас в Лаурисе на улице в караване невольниц, несущих с рынка провизию.

Мне все стало ясно.

— Вы научились хорошо носить на голове кувшин с вином,— заметил мой таинственный собеседник.

— Я не рабыня,— твердо произнесла я, глядя ему в лицо.

— Ну да, конечно,— усмехнулся он.

— Я свободная женщина,— настойчиво повторила я.

— Ну, естественно.— Его усмешка стала шире.

Мне вспомнилось, как однажды в Лаурисе мне попался на глаза низкорослый человек в черном одеянии. Мне еще показалось, будто он наблюдает за нами, хотя в тот момент я не была в этом уверена. Теперь я не сомневалась, что это был он.

— Значит, таким образом вы меня и отыскали,— подытожила я.

— Давая представление в невольничьем бараке, я еще раз убедился в том, что не ошибся в отношении вас. А заодно я разведал, что здесь к чему. После этого мне не составило большого труда спланировать и организовать нападение женщин-пантер на охранников Тарго.

— Вам повезло, что в ту ночь мы не находились в своем бараке,— дерзко ответила я.

Он рассмеялся.

— Едва ли это можно считать простым везением,— возразил он.— Я разговаривал с Тарго и знал, что в тот вечер намечено провести прощальный ужин. К тому же, подчеркивая вашу красоту и достоинства, я сам намекнул охранникам, кого из невольниц им следовало бы выбрать в качестве девушек, прислуживающих им у ночного костра. Я даже знал, возле каких фургонов вы окажетесь в эту ночь!

— Вы тщательно все продумали,— заметила я.

— А как же без этого? — согласился он.

— И теперь, когда я здесь, как вы собираетесь со мной поступить? — поинтересовалась я, затягиваясь сигаретным дымом.

— Пока не знаю,— признался он.— Вероятнее всего, скормлю вас своему животному.

Я поперхнулась дымом и закашлялась. Он, если пожелает, может сделать со мной все, что угодно.

— Что вы со мной сделаете? — дрожащим голосом повторила я.— Зачем я вам нужна?

— В некотором отношении вам очень повезло, что вам попался профессиональный работорговец,— многозначительно заметил он.

— Что вы хотите этим сказать? — не поняла я.

— То, что вас не использовали в полной мере как настоящую женщину-рабыню.

Я постепенно начала вникать в смысл его слов.

— Вам, несомненно, казалось весьма интересным и приятным прислуживать окружающим вас мужчинам не как свободная женщина, а в качестве невольницы. Тем более что ваши хозяева, конечно, не требовали от вас выполнения всех обязанностей, выпадающих на долю каждой рабыни.

— Пожалуйста...— пробормотала я.

— Из некоторых земных женщин получаются изумительные невольницы, способные доставить мужчине поистине райское наслаждение.

— Прошу вас,— взмолилась я.— Не нужно со мной об этом говорить!

— Да вы курите, не стесняйтесь,— заботливо предложил маленький человечек.

Дрожащими руками я взяла еще одну сигарету.

— Не приходилось ли вам задумываться,— продолжал мой собеседник,— что значит быть полностью, до конца подвластной мужчине, своему хозяину, повелителю?

— Я ненавижу мужчин,— ответила я.

— Великолепно,— покачал он головой.

Я окинула его гневным взглядом.

— Возможно, вам будет небезынтересно узнать,— заметил он,— что по всем показателям из вас должна получиться отличная рабыня, способная доставить фантастическое наслаждение своему хозяину.

— Я ненавижу мужчин! — воскликнула я.

— Превосходно,— не замедлил прокомментировать он.

Стараясь сдерживать переполняющую меня ярость, я затянулась сигаретой.

Внезапно животное сердито заворчало. Я испуганно вздрогнула и обернулась.

Голова животного была приподнята. Широкие, заостренные кверху уши стояли торчком. Оно словно к чему-то прислушивалось.

Мой собеседник также не спускал с животного настороженного взгляда.

На какое-то мгновение глаза человека и странного существа встретились. Животное снова глухо зарычало и хищно приоткрыло пасть, демонстрируя длинные крепкие клыки. Ноздри его трепетали. Уши продолжали стоять торчком.

— Где-то поблизости слин,— пояснил мой собеседник.

По телу у меня пробежала мелкая дрожь.

— Когда меня вели сюда,— с дрожью в голосе сообщила я,— разбойницы дважды улавливали присутствие слина.

— Он следовал за вами,— кивнул мужчина.— Слин упорный хищник и способен долго преследовать жертву.

— Может, это разные звери? — высказала я робкую догадку.

— Может быть,— согласился мой собеседник.

Животное подобралось на соломенной подстилке словно для прыжка. В глазах его пылал хищный огонь.

— Он близко,— заметил мужчина.— Иногда слин может преследовать свою жертву десятки пасангов, то приближаясь к ней, то отставая, прежде чем подкрасться к ней и напасть из темноты.

Животное угрожающе зарычало.

Я, к своему ужасу, услышала легкое пофыркивание, доносившееся снаружи, от входной двери.

— Это слин,— рассмеялся человек.

Я испуганно посмотрела на него.

— Не бойтесь,— заверил он меня.— Здесь, в доме, мы в полной безопасности.

Я услышала царапание когтей о дощатую дверь. У меня от ужаса волосы зашевелились на голове.

— Ничего,— успокоил меня мужчина.— Дверь надежно заперта. Мы в безопасности.

Я посмотрела на закрытое ставнями окно; оно было совсем крошечным, не больше фута в ширину и примерно такое же по высоте.

— Слин, вероятно, шел за бандой разбойниц,— размышлял мужчина вслух.— Следы привели его сюда.

— А почему он не последовал за разбойницами дальше? — дрожащим голосом спросила я.

— Он мог последовать и за ними, а мог и задержаться здесь,— пожал плечами мой собеседник.— Я думаю, слин учуял мое животное,— кивнул он на настороженно замершее на подстилке косматое существо.— Слины любопытны и никогда не упустят случая проверить, что это за зверь забрался на территорию, которую они считают своей.

За дверью раздался протяжный вой, слившийся с глухим рычанием сидящего на цепи животного.

— Почему он не уходит? — жалобным голосом пробормотала я.

— Он наверняка учуял находящееся в доме животное,— пробормотал человек.

Я судорожно затянулась сигаретным дымом.

— Или же,— продолжал мой собеседник,— он чувствует в хижине запах пищи.

— Пищи? — не поняла я.

— Нас с вами,— прояснил мужчина.

Руки у меня дрогнули, и на колени просыпался пепел от сигареты.

— Здесь мы в безопасности,— напомнил мужчина.

— Неужели у вас нет какого-нибудь оружия, хотя бы винтовки, чтобы убить этого зверя? — удивилась я.

Губы человека растянулись в улыбке.

— Носить с собой огнестрельное оружие на Горе очень неразумно,— ответил он.

Я не поняла почему.

— Не бойтесь,— снова усмехнулся он.— Мы с вами в полной безопасности.

Хотелось верить, что он не ошибается.

— Вам очень идет эта накидка,— заметил низкорослый человек.

— Благодарю вас,— сдержанно ответила я.

Сейчас слин уже ничем не выдавал своего присутствия за дверью.

Я затушила сигарету и холодно посмотрела на сидящего передо мной человека.

— Меня доставили на Гор все-таки не только для того, чтобы сделать рабыней и продать какому-нибудь горианцу, не так ли? — напрямик спросила я.

— Я вам уже говорил, что еще в семнадцатилетнем возрасте вы были отобраны для похищения и в любой момент вас могли отправить на Гор в качестве будущей рабыни.

— Но в случае со мной, как мне кажется, имелись и некоторые дополнительные соображения,— настаивала я.

— Да,— нехотя согласился он.

Я расправила плечи. Ко мне снова вернулись прежнее высокомерие и уверенность в себе. Значит, им что-то было от меня нужно особое. У меня появилась возможность заключить с ними сделку, поторговаться. Я могла даже обеспечить себе возвращение на Землю. Все это теперь в моих руках. Нужно только действовать очень осмотрительно. Теперь у меня есть рычаги власти над этими людьми.

— Может быть, перейдем прямо к делу? — предложила я.

— Вам очень хорошо в этом одеянии,— с искренним восхищением произнес низкорослый человек.

— Спасибо,— ответила я; у меня появилось ощущение близкой победы.

— Не хотите ли еще сигарету? — поинтересовался он.

Курить мне уже не хотелось, но сигарета могла помочь установлению более тесного контакта.

— Да, благодарю вас,— ответила я.

Человек открыл золотистую коробочку и зажег спичку. Я потянулась к ней, чтобы прикурить. Он наклонился ко мне. Пламя горело в дюйме от кончика сигареты.

— Значит, вы готовы разговаривать о деле? — поинтересовался он.

Я изобразила на лице улыбку.

— Возможно, мы сумеем договориться,— с тонкой усмешкой ответила я.

Он поднес спичку к сигарете, и я стала прикуривать. Внезапно спичка выпала у него из рук. Я посмотрела на него с удивлением.

С яростным криком он ударил меня кулаком в лицо, вкладывая в удар всю свою силу. Я упала со скамеечки и отлетела к стене.

Через мгновение он уже упирался мне в грудь коленом и срывал с меня шелковую накидку. С неожиданной для его маленьких ручек силой он перевернул меня грудью на пол, заломил мне руки за спину и скрутил их снятым с себя кожаным ремнем. После этого он поднялся с пола и злобно пнул меня ногой в спину. Охваченная ужасом, я неловко повернулась набок и заглянула ему в глаза. Ко мне снова вернулись все мои прежние страхи.

Маленький человечек нагнулся надо мной, схватил меня за волосы и ногой толкнул к лежащему на подстилке животному.

— Сожри ее! — крикнул он.

Мгновенно распахнувшиеся челюсти животного щелкнули в каком-нибудь дюйме от моего лица.

Я с диким воплем подалась назад, но тут же уперлась спиной в колени стоящего рядом низкорослого человека. Он снова отпихнул меня к животному, и перед глазами у меня опять мелькнули громадные хищные клыки чудовища со стекающей с них желтой слюной и его длинный черный язык. Меня охватил безумный ужас. Я изо всех сил заработала ногами, и мне удалось отодвинуться ближе к стене, за пределы досягаемости животного. Чудовище с глухим рычанием продолжало рваться ко мне, но пристегнутая к его широкому кожаному ошейнику цепь не давала ему дотянуться до моих ног.

Охваченный злобой, низкорослый человек снова швырнул меня лицом на пол.

— Не ешь ее! — скомандовал он беснующемуся животному и бросил ему снятый с крюка кусок сырого мяса.

Чудовище вцепилось в мясо когтями и принялось раздирать его мощными зубами. Я оцепенела от ужаса. В когтях у него могло сейчас находиться мое тело.

Низкорослый приблизился ко мне. В руках у него была длинная кожаная плеть.

Лежа на грязном полу, обнаженная, со связанными за спиной руками, я с ужасом ждала, что теперь будет.

— Ты говорила, что ты свободная женщина,— напомнил он.

— Нет! — воскликнула я дрожащим голосом.— Нет! Я рабыня! Рабыня!

— За такую, как ты,— с брезгливостью произнес он,— сто наконечников для стрел — слишком высокая цена!

Я испуганно опустила глаза.

— На колени, рабыня! — приказал он.

Я поспешно встала перед ним на колени.

— Вот так-то, высокомерная мисс Бринтон! — насмешливо произнес он.

Я стояла у его ног, низко опустив голову.

— Ну, теперь ты готова к переговорам? — с прежней насмешливостью поинтересовался он.

— Приказывайте мне,— пробормотала я одеревеневшими губами.

Низкорослый человек неторопливо отошел от меня. Я подняла голову и увидела, как он поднял с пола разорванную шелковую накидку и бросил ее в огонь. Стоя на коленях на грязном полу, я со слезами на глазах наблюдала, как она исчезает в языках пламени.

Мужчина обернулся и строго посмотрел на меня.

Я снова опустила голову.

— Приказывайте, хозяин,— повторила я, Элеонора Бринтон — приниженная, подневольная горианская рабыня.

— В наши намерения входит обучить тебя всем искусствам рабыни, чтобы ты смогла доставить исключительное наслаждение своему хозяину,— официальным тоном сообщил низкорослый человек.— После этого ты будешь помещена в определенный, нужный нам дом.

— Да, хозяин,— покорно ответила я.

— Ты отравишь хозяина этого дома,— сурово закончил свою мысль этот страшный человек.

Меня охватил леденящий сердце ужас.

Внезапно в углу комнаты раздался пронзительный визг и грохот посыпавшихся на пол досок. Я вскрикнула от неожиданности.

Сквозь пролом в закрывающих окно ставнях показалась вытянутая морда слина. Быстрым движением, с ловкостью кошки он изогнулся всем телом и проскользнул в комнату.

Сидящее у стены животное мгновенно пришло в дикую ярость.

С низкорослого мужчины тут же слетело все его высокомерие. Испуганно вскрикнув, он поспешно отступил в дальний от окна угол комнаты.

Я вскочила на ноги и прижалась спиной к стене.

Слин припал к дощатому полу и оскалил усеянную острыми зубами пасть. Тело его напряглось. В отблеске догорающего в печи огня блеснули его налитые кровью глаза.

Охваченное яростью животное рванулось с цепи.

Низкорослый человек, словно придя в чувство после секундного замешательства, с безумным воплем бросился к слину и принялся хлестать его плетью, пытаясь выгнать зверя назад в пролом в ставнях. Однако я, к своему ужасу, видела, что слин не может выбраться наружу. В сделанный им пролом помещалась только его вытянутая морда и передние лапы, в то время как двум парам задних не во что было упереться. Человек же словно обезумел и продолжал нахлестывать слина плетью что было сил. Окончательно рассвирепев, слин оттолкнулся от окна и снова оказался в комнате.

Он бросился к человеку и зубами вырвал у него из рук плеть. Я закричала и сильнее прижалась спиной к стене. Человек поднял с пола обломок ставни и принялся лупить им мечущегося зверя. Дощатый обломок раскололся пополам. Хищник оскалил пасть и, припав к полу, изготовился к прыжку. Прижатый к печи человек выхватил из очага пылающее полено и швырнул его хищнику в морду. Полено попало слину в голову и рассыпавшимся снопом искр повредило ему глаз. Обезумевший от боли хищник с диким воплем снова бросился к окну. Его повисшие в воздухе задние ноги заскреб-

ли когтями по бревенчатой стене. Человек выхватил из печи еще одно пылающее полено и дважды нанес удар хищнику по спине. Не в силах выбраться наружу, слин снова стал ползти через пролом назад, в комнату. Тогда человек подбежал к двери и стал вытаскивать из железных скоб запирающие ее деревянные брусья. Он хотел дать возможность слину выскочить из комнаты через дверь.

Сидящее на цепи животное глухо зарычало, и человек испуганно обернулся. Я вскрикнула. Я ничего не могла понять. Иногда мне казалось, что это животное командовало человеком, а не наоборот.

Обезумевший от боли, ослепший на один глаз хищник тем временем продолжал разражаться истошными воплями.

И тут, к своему ужасу, словно в кошмарном сне, я увидела, как сидящее на цепи косматое чудовище потянулось передними лапами к надетому у него на шее кожаному ошейнику и длинными, попарно сросшимися пальцами с когтями принялось развязывать стягивающий кожаную полоску узел. Сняв с себя ошейник, оно вместе с цепями отшвырнуло его в сторону.

Затем с яростным ревом оно широким прыжком бросилось к застрявшему в проломе слину. Между двумя животными завязалась ожесточенная схватка. Вонзившись когтями в спину упирающегося хищника, косматое чудовище втащило визжащего противника в комнату и вцепилось в него зубами. Оба зверя покатились по полу, разметая в стороны мгновенно превращенную в обломки скудную мебель этого жилища. Они с остервенением рвали друг друга когтями и кусали мощными зубами. Пол покрылся клочьями выдранной шерсти. Маленькая хижина наполнилась запахом крови. Наконец косматое чудовище вцепилось зубами слину в глотку и мощным ударом лапы свернуло ему шею. Подняв голову над поверженным противником, оно повернуло к нам окровавленную морду и окинуло нас пылающим взглядом. По телу слина пробежала конвульсивная предсмертная дрожь.

— Он мертв! — воскликнул низкорослый человек.— Оставь его!

В глазах чудовища промелькнуло недоумение. Я чувствовала, что этим все не кончится. Низкорослый человек тоже казался напуганным.

Косматое чудовище высоко запрокинуло голову, издало душераздирающий победный рев и принялось пожирать лежащее у его ног тело слина.

— Нет! Нет! — закричал человек.— Не ешь его! Не ешь!

Животное снова подняло голову. С его жующих челюстей свисали клочья истекающего кровью мяса.

По телу у меня пробежала нервная дрожь.

Косматое существо вернулось к прерванной трапезе.

В эти минуты, я думаю, оно было совершенно неуправляемым. Однако его хозяин, низкорослый мужчина, очевидно разбирающийся в этих вещах несравненно лучше, чем я, казалось, был вне себя от ужаса.

— Остановись! — закричал он.— Прекрати немедленно!

Животное исподлобья взглянуло на него, не переставая работать мощными челюстями.

— Прекрати! — крикнул низкорослый человек.— Слушай, что тебе приказывает твой хозяин!

Глаза косматого существа остановились на мне.

Я оцепенела от леденящего сердце ужаса.

— Я — твой хозяин! — отчетливо произнесло оно.

Низкорослый человек с криком бросился из хижины.

Воспользовавшись тем, что обо мне забыли, двигаясь словно во сне, я проскользнула в двух шагах от занятого кровавой трапезой косматого существа и, обнаженная, со связанными за спиной руками, растворилась в густой темноте.

11

СОРОН ИЗ АРА

Я склонилась на колени, стоя на небольшом деревянном помосте. Ко мне подошел кожаных дел мастер с длинной иглой в руках.

— Видите, какая Эли-нор смелая,— заметил Тарго остальным девушкам, большинство из которых не сводили с меня испуганного взгляда.

Я закрыла глаза.

Никаких обезболивающих средств не использовалось, но операция не была слишком болезненной. Говорят, традиция носить серьги в ушах пришла с юга и постепенно распространилась на все северные регионы.

Я почувствовала острую боль в мочке уха, и кожаных дел мастер подошел ко мне с другой стороны.

Еще одно вызывающее боль прикосновение длинной иглы — и уши у меня были проколоты.

По ряду выстроившихся у помоста девушек пробежал восхищенный ропот.

— Видите, какая она храбрая,— снова обратился к ним Тарго.

Кожаных дел мастер вытер о кусок материи вымазанный кровью кончик иглы. После этого он укрепил в проделанных у меня в мочках ушей дырочках два крохотных кусочка проволоки с небольшой нашлепкой на конце, чтобы ранки не зарастали. Через четыре дня их должны будут убрать.

— Следующая,— пригласил мастер.

Никто из девушек не двинулся с места.

Я спустилась с помоста.

Решившись, Юта хлопнула себя по коленям.

— Я пойду,— сказала она.

Девушки облегченно вздохнули. Юта поднялась на помост и опустилась на колени.

Руки у меня непроизвольно потянулись к ноющим ранкам.

— Не трогай их, рабыня! — приказал кожаных дел мастер.

— Да, хозяин,— пробормотала я.

— Стань возле стены, Эли-нор,— распорядился Тарго.

Я отошла к стене, отгораживающей занимаемую нами комнату в общественных невольничьих загонах города Ко-ро-ба.

— Я тоже из касты кожаных дел мастеров,— с гордостью сообщила Юта держащему в руках иглу человеку.

— Нет,— отрезал тот.— Ты всего лишь рабыня.

— Да, хозяин,— поникла девушка.

Я видела, как она стоит, выпрямив спину и терпеливо дожидаясь, пока мастер проколет ей уши. Она изо

всех сил старалась не закричать, желая, по-видимому, выказать мужество перед человеком одной с ней касты.

Бывшая госпожа Рена из Лидиса выбежала из шеренги невольниц и, заламывая руки, опустилась на колени перед Тарго.

— У вас есть договоренность! — воскликнула она.— Вы захватили меня для другого человека! Вам, безусловно, не следует прокалывать мне уши. Мой хозяин бы этого не одобрил. Пожалуйста, не поступайте со мной так жестоко! Хозяин будет против этого!

— Твой хозяин,— оборвал ее Тарго,— распорядился, чтобы ты была доставлена ему с проколотыми, как подобает рабыне, ушами.

— Нет! — разрыдалась девушка.— Прошу вас!

Один из охранников оттащил Рену от работорговца и поставил ее назад в невольничью шеренгу.

Перед Тарго немедленно опустилась на колени Инга.

— Я из книжников,— напомнила она.— Я принадлежала к высшей касте. Не позволяйте прокалывать мне уши!

— Твои уши будут проколоты,— распорядился Тарго.

Рыдающую Ингу также вернули на ее место. К Тарго семенящим шагом приблизилась Лана. Каждое ее движение вызывало у меня отвращение.

Опустившись перед Тарго на колени, она склонила голову с подчеркнутым смирением.

— Пожалуйста, хозяин,— взмолилась она,— пусть эта операция проводится с остальными девушками, но не с Ланой. Мне этого очень не хочется. Лана будет счастлива, если вы позволите не прокалывать ей уши.

Я даже фыркнула от возмущения.

— Уши у тебя будут проколоты! — отрезал Тарго.

Я не смогла удержаться от довольной улыбки.

— Но это снизит мою стоимость! — воскликнула Лана.

— Не думаю,— с усмешкой возразил Тарго.

В проколотые в ушах дырочки Юте вставили крошечные кусочки проволоки, и она спустилась с помоста и стала рядом со мной. В глазах у нее блестели слезы, но она ни разу не вскрикнула и не застонала.

— Какая ты смелая, Эли-нор,— с восхищением произнесла она.

Я не ответила.

Я смотрела на Тарго и на Лану.

— Прошу вас, хозяин! — рыдала Лана с искренним испугом, потеряв всякую надежду на снисхождение.— Пожалуйста!

— Я сказал, уши у тебя будут проколоты! — оборвал ее стенания Тарго и обернулся к стоящим тут же охранникам: — Уберите от меня эту рабыню! — распорядился он.

Я с усмешкой наблюдала, как двое охранников подхватили Лану под руки и рывком поставили ее в невольничью шеренгу.

С помоста с проколотыми ушами спускалась Рена. Она была бледна как мел и едва держалась на ногах. Охранник проводил ее до стены и оставил рядом с нами. Она тут же опустилась на пол и закрыла лицо руками.

— Я — рабыня! — бормотала она сквозь слезы.— Я — обычная рабыня.

У меня не было желания ее утешать. Этим немедленно занялась сердобольная Юта.

На деревянный помост втащили дрожащую, упирающуюся Ингу.

Мне было странно, что девушки выражают такой протест против прокалывания ушей. Какие они все-таки глупые! На Земле уши у меня не были проколоты, но я испытывала удовлетворение от того, что это сделано здесь. Возможно, я бы это сделала по своему желанию и на Земле. У многих моих прежних знакомых — как девушек, так и взрослых женщин — уши были проколоты. А как же иначе они могли бы носить великолепные, изящные сережки, лишний раз подчеркивающие их красоту? Нет, какие все-таки глупые эти здешние девицы!

Длинная игла коснулась уха стоящей на помосте Инги, и та громко вскрикнула — больше, конечно, от унижения, чем от боли.

— Ну, тихо, рабыня! — прикрикнул на нее кожаных дел мастер.

Инга испуганно смолкла, сдерживая переполняющие ее рыдания.

— Не шевелись,— предупредил мастер.

— Да, хозяин,— пробормотала она.

Традиция прокалывать женщинам уши — причем только рабыням — пришла из далекой Тарии, известной своим богатством и девятью громадными городскими воротами. Город располагался посреди южных равнин, уже за экватором, на самом пересечении степных торговых путей.

Года три назад он пал под натиском варваров, воинов-кочевников, и многим жителям пришлось оставить город и бежать на север. Вместе с ними туда пришли определенные привычки, традиции и обряды.

К примеру, вы сразу можете определить тарианина по его утверждениям о необходимости отмечать начало нового года в день летнего солнцестояния. Они также принесли с собой технологию изготовления сладких, пенящихся вин, распространившуюся сейчас по многим городам Гора. Теперь часто в северных поселениях вы сможете встретить на невольнице тарианский ошейник — узкий и достаточно большого диаметра для того, чтобы хозяин мог рукой держать за него свою рабыню. Еще одной тарианской традицией следует считать их обычай прокалывать невольницам уши и вдевать в дырочки изящные сережки. Обычай, конечно, был известен на Горе и раньше, но только с расселением тариан он получил столь широкое, повсеместное распространение.

Рыдающую Ингу спустили с помоста и толкнули к стене. В ушах у нее виднелись крохотные кусочки проволоки. Она попыталась вырвать их из ушей, но подоспевший охранник скрутил ей руки и связал их у нее за спиной.

Какие они все глупые!

Инга прислонилась лицом к стене и бессильно зарыдала.

Рядом Юта гладила по голове Рену из Лидиса, готовую, казалось, вот-вот упасть в обморок.

— Какая ты смелая, Эли-нор,— обернулась ко мне Юта.

— А ты такая дура,— сказала я ей.

К стене подошла и Лана, опустилась на корточки и закрыла залитое слезами лицо руками.

— Я ненавижу тариан! — воскликнула Рена.— Ненавижу!

Юта прижала ее к себе и принялась покрывать ее заплаканное лицо поцелуями.

Тария, насколько мне известно, не была разрушена до основания. Она поднялась из руин и снова превратилась в суверенный город, постепенно возвращающий свою былую славу и богатства. Мне думается, это имело благоприятное значение для всей экономики Гора, в особенности для его южных районов. Большинство товаров, доставляемых на север народами фургонов, производилось в Тарии или, по крайней мере, шло торговым путем через нее.

Тачаки — наиболее воинственное племя народов фургонов, испокон веков являвшееся непримиримым противником Тарии, для того и пощадило город, чтобы иметь возможность сбывать в нем свои товары, а также скупать и доставлять в отдаленные места продукцию, выставляемую на продажу на неповторимых рынках этой жемчужины южного полушария Гора. Какие бы причины ни привели к падению Тарии, победители сохранили ее улицы и здания, давая возможность снова возродиться этому удивительному городу, называемому горианами Аром Южных степей.

— Ненавижу тариан! — всхлипывая, бормотала Рена.

— Перестань причитать, рабыня,— сказала я ей.

— Не будь с ней такой суровой, Эли-нор,— попросила Юта.— Ты же видишь, как она расстроена.

Я отвернулась.

С деревянного помоста спустилась последняя девушка — с проколотыми ушами и с заплаканными глазами.

Я надеялась, что нас ожидает сегодня хороший ужин. В частных невольничьих бараках для рабов, где мы проходили обучение, кормили лучше, чем в общественных, предназначенных для оставления здесь на ночь невольниц проезжающими через город работорговцами. Помимо невольниц, купцы могут оставлять на хранение в общественных пакгаузах и другой свой товар. Однако большинство торговцев, едущих через Ко-ро-ба или местных, выезжающих за пределы города на длительный срок, предпочитают оставлять своих невольниц в част-

ных бараках, где выдаваемая рабыням пища обильнее, а условия содержания лучше.

Другой причиной предпочтительного отношения торговцев к частным баракам является возможность прохождения здесь девушками своего рода курсов по повышению квалификации рабыни, что позволяет хозяину получить по возвращении своих невольниц уже обладающими новыми знаниями и навыками. Многие работорговцы, даже занимающиеся только местным рынком, посылают своих рабынь на эти краткосрочные курсы, что значительно повышает стоимость каждой невольницы при выставлении ее на продажу. Сами девушки не горят желанием попасть на курсы, поскольку жизнь в бараках для рабов — как общественных, так и частных — зачастую довольно тяжела, утомительна и однообразна, поэтому каждая из них по возвращении стремится всячески угодить своему хозяину, чтобы тот не решил отправить ее на повторное обучение.

Мы же, рабыни Тарго, в течение дня занимались на курсах в частных невольничьих бараках под наставничеством опытных рабынь для наслаждений, а на ночь возвращались в общественные бараки, представляющие собой выстроенные длинными рядами клети с железными решетками и тяжелыми запорами на дверях. Прутья решеток клетей были достаточно прочны, чтобы удержать даже нередко оказывающихся здесь рабов-мужчин. Вымощенные металлическими пластинами полы клети были устланы соломой. Каждая клеть рассчитывалась на четырех невольниц. Я делила свою с Ютой, Ингой и Ланой. Рабыни должны были по очереди убирать свою камеру, но мы с Ланой были освобождены от этой неприятной обязанности: мы были для этого слишком дорогостоящими рабынями.

Обычно я с безразличием относилась к однообразной пшенной каше с хлебом, которой нас неизменно кормили в общественных бараках. Ежедневно я испытывала такой голод, что готова была есть все подряд. В частных же бараках нам нередко давали вяленое мясо, овощи и фрукты, а иногда даже какие-нибудь сласти или глоток каланского вина. Однажды Инга продемонстрировала на занятиях неудовлетворительные знания, и за

это наказали всех, лишили каких бы то ни было деликатесов. Вернувшись вечером в свою камеру, мы с Ланой поколотили Ингу, несмотря на заступничество сердобольной Юты.

— Эли-нор! — громовым голосом прорычал Тарго.

Я догадалась, что он уже звал меня, но я, задумавшись, не услышала.

Я поспешно подбежала к нему и опустилась на колени.

— На помост! — скомандовал он.

Я подняла на него удивленные глаза.

— Зачем? — спросила я.

Он ответил мне таким взглядом, что я стрелой взлетела на помост и замерла в ожидании.

Я ничего не понимала.

Здесь же, на помосте, продолжал оставаться кожаных дел мастер. Он что-то искал в своем сундучке. Я была удивлена. Потом мне подумалось, что он, вероятно, хочет проверить правильность закрепления в проколотых дырочках вставленных кусочков проволоки.

Я выпрямила спину и стояла, сгорая от нетерпения: мне хотелось поскорее позавтракать. Я надеялась, что эта проверка не займет много времени.

— Откинь голову назад! — подойдя ко мне, скомандовал мастер.

Я посмотрела на него с недоумением. В руках он держал нечто напоминающее щипчики, концы которых были не плоскими, а представляли собой две входящие одна в другую крохотные трубочки диаметром не больше обычной иглы.

— Что это? — оторопело пробормотала я.

— Пробойник,— ответил Тарго.

— Голову откинь! — нетерпеливо повторил кожаных дел мастер.

— Нет! — прошептала я.— Что вы собираетесь делать?

— Не бойся, Эли-нор,— воскликнула Юта.— Это совсем не больно!

Ее возгласы вызвали у меня раздражение. Лучше бы эта глупая курица вообще молчала!

— Что вы собираетесь со мной делать? — испуганно спросила я.

— Когда-нибудь хозяин пожелает вдеть тебе в нос колечко,— пояснил Тарго.— Ты должна быть к этому готова.

— Нет! — закричала я.— Нет!

На лицах выстроившихся в ряд девушек было написано полнейшее недоумение.

Меня же сотрясала нервная дрожь.

— Пожалуйста! — бормотала я.— Не нужно!

— Голову назад! — теряя терпение, приказал мастер.

Тарго смотрел на меня с не меньшим, чем девушки, недоумением. Мое поведение его в высшей степени разочаровало.

— Ты ведь только что показала себя храброй женщиной, Эли-нор,— с удивлением произнес он.

От нахлынувшего на меня ужаса я потеряла всякий контроль над собой.

— Нет! — с истерическими нотками закричала я, пытаясь соскочить с помоста.

— Держите ее! — вышел из себя кожаных дел мастер.

— Связать ее! — приказал Тарго.

Охваченная ужасом, я заглянула в его глаза и поняла, что пощады от хозяина не жди.

— Пожалуйста, хозяин! — бормотала я, сотрясаясь от рыданий.— Прошу вас!

Кожаных дел мастер схватил меня за волосы. Охранники быстро связали мне ноги, скрутили за спиной руки и повалили на помост. Один из них навалился мне на грудь, а второй в неподвижном положении удерживал голову. Я не могла не только кричать, но даже пошевелиться.

— Не двигайся,— предупредил мастер.

Я почувствовала прикосновение к нижней части носовой перегородки холодной стали щипчиков и мгновенно пронизавшую все мое тело острую боль. Слезы навернулись мне на глаза. В месте прикосновения щипчиков осталось ощущение жжения и не проходящей тупой боли.

В глазах у меня потемнело. Я едва не потеряла сознание, однако скрутившие мне руки охранники быстро привели меня в чувство.

Открыв глаза, сквозь пелену слез я увидела, как кожаных дел мастер подносит к моему лицу крохотное металлическое колечко, которое он осторожно вставил в проделанную у меня в перегородке носа дырочку и тщательно скрепил концы плоскогубцами. После этого он поправил колечко таким образом, что его соприкасающиеся концы располагались у самой ранки.

Охранники отпустили меня и стали развязывать мне ноги.

Я дала волю подступающим к горлу рыданиям.

— Заткнуть ей рот кляпом,— распорядился Тарго.

Охранники быстро выполнили приказ.

Руки у меня оставались связанными за спиной, вероятно, для того, чтобы я не могла выдернуть вдетое в нос колечко.

Возможно, я бы это и сделала.

Не довольный моим поведением охранник стащил меня с помоста и толкнул к стене, к остальным девушкам. Я ударилась о стену и без сил сползла на пол. Меня душило отчаяние. Я не могла поверить в то, что сделали со мной эти чудовища. Перед глазами у меня все поплыло, и я сидела, не пытаясь сдержать текущие по щекам горючие слезы.

— Следующая! — позвал кожаных дел мастер.

Пока остальные девушки не сводили с меня недоуменных взглядов, Юта вскочила на ноги и быстро поднялась на деревянный помост.

Когда она вернулась на место, в носу у нее также красовалось крошечное металлическое колечко, а в глазах стояли слезы.

— Мне оно нравится,— не преминула она сообщить разглядывающей ее Инге.

Я посмотрела на нее с завистью. Неужели ей не больно? Юта подошла и обняла меня за плечи. Ее сочувствие вызвало у меня новый поток слез.

— Не плачь, Эли-нор,— погладила она меня по голове.

Я, рыдая, уткнулась в ее плечо. Откуда горианке знать, что я была еще и смертельно обижена и оскорблена?

— Я не понимаю, Эли-нор,— призналась она.— Самую болезненную процедуру ты прошла без страха, а какого-то маленького колечка в носу испугалась. Вставить его в нос совсем не так больно, как прокалывать уши!

— Эли-нор трусиха,— не замедлила выдать свои комментарии Рена.

— Следующая! — вызвал кожаных дел мастер.

Рена поднялась на ноги и поспешила к помосту.

— Прокалывать уши гораздо страшнее,— продолжала увещевать меня Юта.— Вставить в нос колечко — это чепуха. Зато выглядит оно очень красиво. На юге его носят даже свободные женщины народов фургонов.— Она наклонилась ко мне поближе.— Представляешь,— прошептала она,— даже свободные женщины! А кроме того, его можно снять, и никто не узнает, что ты его когда-то носила. Это будет совсем незаметно.— Она тяжело вздохнула. Глаза ее заволокло слезами.— Но только рабыням прокалывают уши,— горестно вздохнула она.— Как с такими ушами я могу надеяться стать когда-нибудь свободной спутницей мужчины? Какой мужчина захочет взять женщину, уши которой проколоты, как у самой обыкновенной рабыни? Ведь если мое лицо не будет закрыто вуалью, любой с первого взгляда тотчас все поймет и станет надо мной насмехаться, как над бывшей невольницей!

Я покачала головой и снова уткнулась лицом в ее плечо. Пережить это было выше моих сил. Я, Элеонора Бринтон, некогда проживавшая на Парк-авеню, всегдашняя посетительница роскошных ресторанов и модных ателье Нью-Йорка и Парижа, буду носить теперь в носу крохотное железное колечко. Если я буду буйствовать, меня, бесправную рабыню, могут посадить на цепь, вдетую в кольцо.

На деревянный помост поднялась Инга. Руки у нее все еще были связаны за спиной, но она не выразила неудовольствия по поводу процедуры прокалывания носа, не забыв, однако, напомнить при этом Тарго, что она — бывшая представительница одной из высших каст — книжников. В ответ Тарго равнодушно махнул рукой, и нос Инги был проколот.

Следующей на помост вышла Лана. Вернувшись, она забросила руки за голову и всем продемонстрировала свое колечко.

— Разве оно не хорошенькое? — с вызовом поинтересовалась она.

— Золотое смотрелось бы еще лучше,— заметила Рена.

— Конечно,— снисходительно кивнула Лана.

— Ты такая красивая,— с завистью посмотрела на нее Инга.

На лице у Ланы заиграла самодовольная улыбка.

Инга робко подняла на нее глаза.

— А я? — спросила она.— Как ты думаешь, я хорошенькая?

— Да,— великодушно заверила ее Лана.— И ты хорошенькая, и колечко у тебя очень славное!

Инга посмотрела на нее с благодарностью.

Я стояла, прижимаясь лицом к плечу Юты. Я никого не хотела видеть.

Девушки одна за другой поднимались на помост. Все шло без каких-либо эксцессов.

Когда процедура закончилась, Инге и мне развязали руки, у меня вытащили изо рта кляп. Потом нас отвели завтракать. Как обычно по утрам, никаких деликатесов нам не дали, и всем пришлось довольствоваться обычной пшенной кашей и ломтем хлеба.

Собравшись в круг, девушки весело переговаривались. Большинство уже успели забыть неприятности сегодняшнего утра. Теперь все были поглощены тем, какие серьги в ушах больше подойдут каждой из них и намного ли это повысит их собственную стоимость. Интересно отметить, что некоторые рабовладельцы с предубеждением относятся к прокалыванию ушей и категорически запрещают носить серьги своим невольницам. Они относятся к числу консерваторов, и таких на Горе меньшинство. Тарго следил за модой и не упускал случая заработать на своих девушках побольше денег. Он знал, что большая часть горианских мужчин считает серьги в ушах невольницы элементом весьма желательным. Значительное число ювелиров и купцов, специализирующихся на торговле золотом и серебром, занимаются ис-

ключительно поиском новых форм женских серег и приданием им утонченности и изящества. Говорят, что в прошлом году Марленус, убар Ара, на пиру, устроенном им для своих офицеров, произвел настоящий фурор, подарив серьги одной танцовщице-невольнице, которая даже не принадлежала к числу его собственных рабынь. Правда, сейчас, год спустя, такими украшениями уже никого не удивишь, а рабыни с серьгами в ушах повсюду.

Лично у меня не было возражений против серег. Я была бы довольна, подари мне хозяин пару сережек, способных подчеркнуть мою привлекательность и пришедшихся ему по душе. Это бы только помогло мне быстрее одержать над ним победу. Все, что понравится ему, устроит и меня, поскольку в конечном счете именно на это и должны быть направлены мои усилия. Снискав его расположение, я добьюсь и особого к себе отношения. Надетый на меня ошейник — не помеха; владеть будут не мной, это я буду отдавать распоряжения! Каким еще оружием может бороться женщина на Горе? Она не столь сильна, как мужчина. Она полностью зависит от его милости. Сама цивилизация Гора бросает женщину к его ногам. Ну, что ж, я достаточно умна и привлекательна, чтобы бороться и, несомненно, одержать победу! Я стану настоящей рабыней, однако очень скоро мой хозяин узнает, что его невольница может быть очень опасным противником. Я сумею его покорить!

Такие мысли витали у меня в голове. Единственное, чего я не учитывала, это природу горианских мужчин. Они не похожи на мужчин Земли — слабых и быстро поддающихся на уговоры, рассудочных и столь нуждающихся в женской теплоте и признании. Да, в то время я не принимала в расчет основанное на культурном наследии или на генетическом развитии принципиальное отличие горианца от среднестатистического земного мужчины, не знала, что типичный горианец естественным образом ощущает себя хозяином каждой женщины. Это было время в моей жизни, когда я просто этого не понимала, считала такой подход невозможным, абсурдным, лишенным права на существование. Тому были и

свои причины. Я фактически не знала окружающего меня мира. Я еще никогда не была в объятиях горианского мужчины.

— Ешь,— напомнила мне Юта.

Задумавшись, я едва прикоснулась к своей порции пшенной каши.

— Мы будем носить кольца в носу,— заговорщицки сообщила Юта,— пока наши занятия не окончатся. Потом, когда мы уедем из Ко-ро-ба, нам их снимут.

— Откуда ты это знаешь? — недоверчиво спросила я: в бараках для невольниц всегда ходило множество всяких слухов и предположений, иногда самых невероятных.

— Я слышала, как Тарго говорил об этом одному из охранников,— оглядываясь по сторонам, шепотом призналась Юта.

— Это хорошо,— сказала я, наклоняясь над своей тарелкой с кашей. Я надеялась, что никто никогда не узнает, что Элеонора Бринтон носила в носу металлическое кольцо.

Мы позавтракали и в надетых на лицо капюшонах были отправлены в частные невольничьи бараки Ко-роба. В тот день я занималась с особым усердием. Хорошо, что мы все плотно позавтракали, поскольку нас ожидала тяжелая работа. Вероятно, Тарго таким образом захотел отвлечь нас от неприятных воспоминаний об утренней процедуре.

За ужином мне, Инге, Юте и Лане помимо обычной порции мяса в качестве поощрения было выдано также по два сухих пирожных. Я была довольна тем, как вела себя на сегодняшних занятиях. Показанные мной результаты действительно заслуживали поощрения. И вообще мои навыки рабыни улучшались с каждым днем.

Иногда, правда, наша наставница, опытная рабыня, вызывала у меня раздражение своими замечаниями. «Смотрите,— указывая на меня, говорила она остальным девушкам.— Вот как это нужно делать. Вот как должно двигаться тело настоящей рабыни!» Однако в глубине души ее слова были мне приятны. Я хотела научиться всему, чтобы впоследствии иметь возможность применить полученные навыки и добиться успеха в достиже-

нии собственного благополучия. Как воин постоянно тренируется в умении обращаться со своим оружием, так я целеустремленно улучшала свои навыки. Занятия и естественная диета сделали меня стройной и еще более изящной. Я научилась вещам, о которых прежде не могла и мечтать.

Наше ускоренное обучение, к сожалению, не включало в себя многих вещей, которые должны были знать на Горе большинство рабынь или свободных женщин даже высоких каст. Я осталась совершенно несведущей в приготовлении горианских блюд и шитье одежды. Я ничего не узнала о музыкальных инструментах. Для меня также остались тайной за семью печатями ткание небольших ковров, вышивание и украшение помещения с помощью цветов — вещи, с детства знакомые каждой горианке, будь то рабыня или свободная женщина, если бы она пожелала с ними ознакомиться. Зато меня посвятили во все премудрости обращения с мужчинами, научили танцевать, правильно двигаться, стоять, садиться, опускаться на колени и подниматься с пола.

К своему немалому удовольствию, я постепенно стала замечать, что полученные мной знания начинают приносить свои плоды. Вечером того же дня, когда нам прокололи уши, Тарго отправил меня по одному из своих обычных поручений. К слову сказать, я давно вошла в число его фавориток, и выполнять его поручения стало для меня привычным делом.

Проходя в тот раз мимо охранника, я держалась так, как следует держать себя рабыне в присутствии мужчин. Едва я с ним поравнялась, как он схватил меня за плечи и с силой притянул к себе, так что у меня даже ноги оторвались от пола.

— Ты научилась красиво двигаться, рабыня,— с подчеркнутой доверительностью заметил он.

Сначала я испугалась. Затем испуг прошел, однако я не спешила этого показать. Я стала вырываться из его объятий — не в полную силу, но делая вид, будто я крайне напугана. Я, конечно, и не смогла бы вырваться из его рук, даже если бы очень постаралась. Парень был достаточно силен, чтобы сделать со мной все, что захочет.

Поэтому я лишь робко посмотрела ему в глаза и пробормотала дрожащим голосом:

— Пожалуйста, хозяин, отпустите меня!

На губах у меня при этом была легкая, смущенная улыбка, колени плотно сжаты, а руки упирались парню в грудь.

— Слин,— усмехнулся охранник; в его голосе слышалось сдержанное восхищение.

Он взял двумя пальцами за вдетое мне в нос колечко и потянул его вверх. Острая боль заставила меня подняться на цыпочки.

— Ты хорошенькая рабыня,— заметил он.

— Я девушка белого шелка,— испуганно прошептала я; на этот раз я действительно испугалась.

Охранник отпустил колечко и снова потянулся ко мне руками.

— Ну, и что из этого? — насмешливо поинтересовался он.

Я поскорее отскочила в сторону и, ударившись о железные прутья ближайшей клетки, торопливо побежала по проходу. В тот момент, боюсь, я бежала не с грацией хорошенькой невольницы, а неловко, неуклюже, как обычная земная женщина, убегающая от мужчины.

За спиной я услышала раскаты громкого хохота. Они прозвучали для меня как вызов.

Я обернулась и с гневом посмотрела на молодого охранника. Увидев, что я остановилась, он хлопнул в ладоши и сделал ко мне два-три быстрых шага. Я снова перешла на неуклюжий бег, провожаемая здоровым смехом молодого парня.

Через минуту-другую я обрела в себе прежнюю уверенность.

Позже, вернувшись в свою клеть, я почувствовала удовлетворение. Мне удалось заинтересовать охранника и пробудить в нем мужское желание. Он, конечно, не позволил бы себе овладеть мною из-за страха перед Тарго, но желание у него безусловно родилось. Я даже вздрогнула. Если бы не Тарго, этот парень набросился бы на меня прямо там же, на цементном полу барака! Эта мысль привела меня в трепет, но в целом я была собой

довольна. Я знала, что стала желанной. Очень желанной для многих!

Я была очень горда собой.

В тот вечер Юта и Инга попросили нас с Ланой помочь им вычистить нашу клетку, но я, как обычно, отказалась. Эта работа для менее ценных девушек. Мы же с Ланой были более дорогостоящими, нежели Юта или Инга. По крайней мере, так считали мы сами. Втроем мы смогли бы заставить Лану убирать клетку, но в таком случае мне тоже пришлось бы работать. Поэтому я решила выказать в этом вопросе солидарность с Ланой, несмотря на мое к ней нерасположение. Заставить работать нас двоих Юта с Ингой не могли, а поскольку убирать загон было необходимо, им регулярно приходилось самим выполнять эту неприятную обязанность. Вообще мне нравилось заниматься уборкой, просто я не хотела этого делать. Вот и в тот вечер мы с Ланой легли спать весьма довольные собой, считая Юту с Ингой самыми обыкновенными набитыми дурами.

Мне было приятно чувствовать себя привлекательной для мужчин. Даже это ненавистное кольцо в носу уже не вызывало во мне такого раздражения. Ничего, у нас снимут эти кольца перед отъездом из Ко-ро-ба.

Я вытянулась на соломенной подстилке и запрокинула руки под голову. Глаза у меня слипались.

Помню, когда мы только подъезжали к Ко-ро-ба, Тарго позволил нам выйти из фургонов и посмотреть на город при свете первых лучей солнца. Он произвел на меня тогда удивительное впечатление. Высокие городские стены и стройные башни были окутаны нежным золотисто-розовым сиянием и, казалось, парили в еще дремлющем, темном небе. Да, не зря Ко-ро-ба называют городом Башен Утренней Зари.

Я повернулась на бок, к стене.

Город красив, что и говорить. Только вот мало красоты в этих железных перегородках наших невольничьих клеток да в этих грубых каменных стенах, в которые тут же упирается взгляд, куда ни посмотри.

Засыпала я в прекрасном настроении. Я была довольна собой и тем, как ловко нам с Ланой в очередной

раз удалось спихнуть на подруг грязную работу. Ничего, думала я, мне, дорогой рабыне, не подобает пачкаться.

Юта такая глупышка, засыпая, думала я. И Инга не многим от нее отличается.

Однако, как оказалось, клеть в ту ночь убирали не они.

— А ну, встать, рабыни! — прозвучало у меня над самым ухом.

Я почувствовала острую боль в носу. Сон у меня как рукой сняло.

Рядом вскрикнула разбуженная Лана.

Я попробовала пошевелиться, и меня снова обожгло пронизывающей болью. Я невольно застонала.

— Опустить руки! — командовала Юта.

Мы с Ланой посмотрели друг на друга.

Все произошло, пока мы спали.

Юта, оказывается, сняв с рубахи тонкий кожаный поясок, пропустила его через вдетые у нас с Ланой в носу кольца и надежно его завязала, так что расстояние между нашими с Ланой носами было не больше тридцати дюймов.

Лана попыталась развязать узел, но Юта легонько дернула за поясок. Мы с Ланой охнули от боли: поясок связывал нас надежно. Слезы навернулись Лане на глаза, и она поспешно опустила руки. Мы не смели даже пошевелиться.

— Юта! — воскликнула я.— Как ты можешь?

Она снова дернула за поясок; мы с Ланой застонали в один голос.

— Молчать, рабыни! — старательно подавляя в себе жалость, скомандовала Юта.

Я тут же замолчала. И Лана не решилась раскрыть рот.

Юта потянула за поясок и поставила нас на ноги.

Каждое ее прикосновение к пояску вызывало у нас с Ланой жгучую боль, однако мы все так же старательно держали сжатые в кулаки руки опущенными вниз.

— Руки за спину! — приказала Юта.

Мы с Ланой переглянулись. Юта немедленно прибегла к испытанному средству. Мы с Ланой одновременно взвыли и поспешили сделать все, как она говорит.

Сзади подошла Инга и кусками веревки, выпрошенными, должно быть, у охранников, связала мне за спиной руки. Через минуту такая же участь постигла мою подругу по несчастью.

— На колени, рабыни! — скомандовала Юта.

Мы с Ланой одарили ее гневным взглядом. Последовало очередное прикосновение к связывающему нас пояску, и мы со стоном опустились на пол.

— Клетку нужно вычистить,— командирским тоном приказала Юта, не убирая руки с кожаного пояска.— Попросите охранника принести вам свежей соломы и воды для мытья полов.

— Никогда! — заявила Лана.

Методы воздействия последовали незамедлительно.

Из глаз у меня потекли слезы.

— Хорошо. Я попрошу охранника! — воскликнула я.

— Давай,— согласилась Юта.— Кто из вас будет работать первой?

Мы с Ланой посмотрели друг на друга.

— Пусть Эли-нор работает,— сказала Лана.

— Нет, пусть Лана,— тут же возразила я.

— Первой будет работать Эли-нор,— вынесла приговор Юта.

Охранник принес охапку свежей соломы и воду в кожаном ведерке, а также пару тяжелых жестких щеток для мытья полов.

Руки мне развязали, и я, стоя на четвереньках, принялась убирать старую солому и оттирать пол.

— Осторожнее! — то и дело недовольно морщилась Лана. Каждое мое неловкое движение приносило боль нам обеим. Руки у нее оставались связанными, и она вынуждена была повсюду передвигаться нос к носу со мной, стоя на коленях.

Это была не работа, а сплошное мучение.

Юта не давала мне небрежничать и зорко следила за тем, чтобы все было тщательно убрано. К тому времени, когда я вымыла половину клети и застелила ее чистой соломой, колени у меня горели, а спину ломило так, словно меня избивали плетьми.

Наступила очередь работать Лане. Руки мне связали, а ей, наоборот, освободили. Теперь я вынуждена была

ползать перед ней на коленях, не удаляясь больше чем на фут от ее лица. Лане, как и мне, пришлось вымыть свою половину клетки дважды.

Когда, казалось, наши мучения подошли к концу, Юта поставила нас на ноги и привязала поясок к металлическим прутьям клетки, перекинув его через продольные брусья так, что мы не могли даже присесть.

— Юта,— взмолилась я,— отпусти нас!

— Пожалуйста,— с униженным видом бормотала Лана.

Девушки остались глухи к нашим стенаниям.

Уже наступило утро. Снаружи мимо клети проходили спешащие на завтрак охранники и невольницы. Они смеялись над нами. Всем было хорошо известно, что мы с Ланой отлыниваем от наведения порядка в своей камере. Никто не испытывал к нам сострадания. Мы чувствовали себя униженными. Даже Лана, стоящая на коленях перед железной решеткой, привязанная к ней за колечко в носу, уже не казалась такой самоуверенной и надменной, как обычно.

Нашу клеть отомкнули. Юта с Ингой отправились на завтрак. Мы с Ланой остались стоять связанными.

Когда девушки вернулись, мы с Ланой уже утратили все остатки былого высокомерия.

— Я буду работать,— униженно пробормотала Лана.

— Если не будешь,— сурово пообещала Юта,— в следующий раз ты не отделаешься так легко.

Лана кивнула. Она была сильной девушкой, но знала, что в невольничьей клети она полностью зависит от воли большинства. Юта и Инга ясно продемонстрировали свою силу.

— А ты, Эли-нор, будешь работать? — поинтересовалась Юта.

Как я ее сейчас ненавидела!

— Буду,— угрюмо пообещала я.

— Хорошо,— удовлетворенно согласилась Юта и поцеловала нас с Ланой.— Давай развяжем этих рабынь,— предложила она Инге.

Ее сообщница молча принялась развязывать нам руки.

— Время отправляться на учебу! — сообщил проходящий охранник.— Всем приготовиться к утренним занятиям!

Мы с Ланой приуныли: позавтракать мы не успевали.

И тут Юта вытащила из-под рубахи тайком принесенные наши порции. Мы посмотрели на нее с благодарностью.

Я знала, что больше отлынивать от общей работы я не буду.

В невольничьих бараках Ко-ро-ба дни тянулись незаметно. Вскоре пришел прокалывавший нам уши кожаных дел мастер и, осмотрев оставшиеся ранки, извлек вдетые в них крохотные кусочки проволоки. В мочках ушей у нас остались едва заметные дырочки. Теперь наши будущие хозяева, если мы понравимся им, могут подарить нам серьги, чтобы мы были еще привлекательнее. Из носа кольца у нас будут извлечены только накануне нашего отъезда. Там ранки подживают медленнее. Зато теперь мы стали настоящими рабынями.

До предела заполненные программой обучения дни были похожи один на другой, как две капли воды, и отличались, пожалуй, лишь продолжительностью тренировок да постепенно наращиваемой сложностью изучаемых упражнений. Теперь для хороших результатов от меня на занятиях требовалось все мое мастерство и внимание. Рабыня-наставница нередко наказывала меня и остальных девушек, когда мы не проявляли достаточного рвения. Однако я не могла не замечать происходившие в нас перемены. Мы обучались, наше мастерство росло.

Значительных успехов достигла даже Инга! Я с удивлением наблюдала за тем, с каким старанием повторяет она каждое движение разучиваемого на занятиях танца, с какой грацией движется под звуки обтянутых кожей барабанов. Прежде я даже не предполагала, что из этой заумной книжницы может получиться что-нибудь путное. Мне казалось, что она навсегда останется посредственной невольницей — довольно миловидной, но совершенно неспособной разогреть кровь находящегося рядом мужчины. Теперь же я была поражена проснувшей-

ся в ней чувственностью и каким-то внутренним, разгорающимся огнем. Представляю, как будет изумлен ее будущий владелец — тоже, вероятно, принадлежащий к касте книжников и приобретающий ее, скорее, как помощницу, нежели рабыню для наслаждений. Однажды он, скуки ради, прикажет ей станцевать и с удивлением увидит перед собой не угловатую девушку, а великолепно обученную танцовщицу, способную очаровать своего хозяина как изысканной плавностью движений, так и необузданным темпераментом какой-нибудь дикой пляски. Временами я даже начинала видеть в Инге соперницу, хотя я, несомненно, могла добиться более высоких результатов. Я способна была превзойти даже Лану! Вот кто будет стоить действительно дорого! Однако моя цена, думаю, будет не меньше.

Столь же интересно мне было наблюдать за переменами, происходящими с Реной. Она знала, что фактически уже приобретена своим будущим хозяином, но ей не было известно, кто он такой. С того дня, когда уши у нее были проколоты и она поняла, что окончательно и бесповоротно является самой настоящей рабыней, ее начал одолевать страх, что она может не понравиться купившему ее человеку и он снова ее продаст. Нужно было видеть, с каким усердием и настойчивостью она взялась за занятия. Она тренировалась с настоящим неистовством. В прошлом свободная женщина, она поняла, что с нынешнего момента, утратив свои прежние богатства и власть, она всецело зависит от человека, оплатившего ее обращение в рабство, и вынуждена изо всех сил добиваться его желания оставить ее у себя. В противном случае, она знала, ее ожидает непредсказуемая судьба самой обычной рабыни.

Следует отметить, что до настоящего времени Лана и я по укоренившемуся среди девушек мнению и мнению наставниц считались самыми лучшими среди нашей группы невольниц. Однако занимайся я как в самом начале, Рена с ее врожденной утонченностью и изяществом очень скоро оставила бы меня позади. Я ее просто ненавидела за это! И хотя я еще во многом отставала даже от Ланы, я вовсе не собиралась так просто отдавать пальму первенства моим соперницам. Мне нельзя было

позволить им превзойти меня в искусстве быть настоящей рабыней! Я в высшей степени великолепна! Я сумею добиться высокой стоимости на невольничьем аукционе!

Вероятно признавая мои достижения, Лана теперь держалась со мной более доверительно, и, несмотря на то что я испытывала к ней непреодолимое предубеждение, мы даже стали подругами. Мы теперь больше времени проводили вместе, и я почти не общалась с этой глупой Ютой и костлявой, худосочной Ингой. Мы с Ланой были лучше остальных. Мы были самыми лучшими!

Тренируясь день за днем, я постепенно начала держаться как настоящая рабыня. Теперь это происходило уже автоматически. Я об этом даже не задумывалась. Я подсознательно выбирала те зачастую неуловимые для глаза движения, которые столь явно отличают сладострастную, обольстительную рабыню от сдержанной и холодной свободной женщины. Я уже нисколько не была похожа на женщину Земли. Я держалась легко и естественно, с не знающей стыда грацией горианской рабыни.

Однажды я зачем-то прошла по невольничьей камере, и Инга, проводив меня взглядом, неожиданно сказала:

— Ты самая настоящая рабыня, Эли-нор!

Я подскочила к ней и ударила ее по лицу. На глаза у нее навернулись слезы.

— Рабыня! — закричала она.— Ты — рабыня!

Я принялась таскать ее за волосы. Мы сцепились клубком и покатились по полу. Юта тщетно пыталась нас успокоить.

— Мы все здесь рабыни. Не ссорьтесь! — примирительным голосом увещевала она.

Ее уговоры на нас не действовали.

Вдруг чьи-то руки рывком оттащили меня в сторону. Рядом пронзительно вскрикнула Инга. Между нами в клети стоял охранник и крепко держал нас обеих за волосы. Мы с Ингой не могли даже пошевелиться.

Я вдруг испугалась, что меня накажут. Меня еще ни разу не били с тех пор, как в первый день моего появления у Тарго Лана избила меня кожаной плетью. Я не

испытала на себе силу удара горианского мужчины, и у меня не было никакого желания познакомиться поближе с обычно применяемой для наказания невольниц плетью-семихвосткой. Я была слишком восприимчива к боли. Это других, обычных рабынь пусть избивают плетьми, но я во что бы то ни стало должна избежать этой участи. Мне будет слишком больно. Они даже не знают, как мне будет больно!

— Это она первая начала! — закричала я.

— Она меня ударила! — воскликнула Инга; она, я видела, тоже очень напугана. Она, хотя в прошлом и принадлежала к касте книжников, не меньше меня боялась наказания плетьми.

И все равно по отношению к ней это не будет так жестоко, думала я. Она — обычная горианская девчонка, не такая нежная и чувствительная, как я.

— Это она! Она начала первой! Она меня ударила! — кричала я, указывая на Ингу.

Юта раскрыла рот от моего нахальства. Я не обращала на нее внимания.

— Не наказывайте меня! Это она первой меня ударила,— доказывала я охраннику.

— Ты лжешь! — воскликнула Инга.

— Ты сама лжешь! — не сдавалась я.

Юта смотрела на меня с глубоким разочарованием. Лана покатывалась со смеху.

— Охранник был рядом,— не скрывая своего веселья, пояснила она.— Он все видел!

Я тут же прикусила язык. Меня, рабыню, поймали на лжи! Чем это могло закончиться — страшно было даже себе представить. Все внутри меня оборвалось.

Однако охранник не спешил наказывать меня плетью. На лице у него играла кривая усмешка. Его, как и Юту, кажется, совсем не удивило, что я ему солгала. Он, к моему возмущению, словно и не ожидал от меня ничего другого.

Только тут я поняла, кем меня считают в загонах для невольниц. Я была крайне раздосадована.

Охранник не торопясь связал нам обеим за спиной руки. После этого он подвел меня к боковой стене клети и, перебросив мои волосы через продольную балку, за-

вязал их на металлических прутьях тугим узлом. Подобным же образом он поступил и с Ингой, привязав ее за волосы к противоположной стороне клети, напротив меня. Мы с Ингой не могли не только присесть, но даже отвернуться друг от друга.

— Приятных сновидений,— пожелал охранник устраивающимся на соломенной подстилке Юте и Лане.

— Спокойной ночи, хозяин,— в один голос ответили они.

— Желаю хорошенько отдохнуть,— бросил охранник нам с Ингой.

— Спокойной ночи, хозяин,— пробормотали мы.

Охранник запер за собой двери и ушел.

Несколько часов спустя, перед самым рассветом, Инга бросила на меня полный ненависти взгляд.

— Ты лгунья, Эли-нор,— процедила она сквозь зубы.

— А ты дура,— не осталась я в долгу.

На следующее утро, едва успел охранник отвязать наши волосы от металлических прутьев решетки, как мы с Ингой со стоном опустились на пол. Я так устала, что даже не заметила, как охранник развязал нам руки. Я лежала, прижавшись лицом к полу, ничего не видя вокруг себя и не слыша.

Через некоторое время, придя в себя, я подползла к лежащей в другом конце клети Инге.

— Прости меня, Инга,— пробормотала я.— Я виновата.

Она обожгла меня ледяным взглядом. Простояв всю ночь напролет, она измучилась не меньше меня.

— Прости меня,— снова попросила я.

Инга отвернулась.

— Прости ее,— вступилась Юта.— Она признает свою вину.

Я почувствовала благодарность к своей заступнице.

Инга не хотела встречаться со мной взглядом.

— Эли-нор слабая,— продолжала Юта.— Она испугалась.

— Эли-нор лгунья,— твердо стояла на своем Инга. Она обернулась и посмотрела мне в лицо. Глаза ее пылали ненавистью.— Она рабыня! — процедила она сквозь зубы.

— Мы все рабыни,— со вздохом заметила Юта.

Инга отвернулась и уронила голову на колени. На глаза мне навернулись слезы. Юта поспешила обнять меня за плечи.

— Не плачь, Эли-нор,— прошептала она.

Меня внезапно охватила ярость. Я отстранилась от Юты, и она отошла на свою половину клети.

Инга права. Я рабыня!

Я легла на спину и уставилась невидящим взглядом в потолок. Да, я рабыня. Но в отличие от той же Инги я превосходная, великолепная рабыня!

В проходе раздались шаги охранника. Я немедленно вскочила на ноги и прижалась лицом к железным прутьям решетки.

— Хозяин! — окликнула я его.

Он обернулся и, увидев мою протянутую руку, с усмешкой вытащил из кармана леденец, держа его в дюйме от моей ладони. Состроив комичную гримаску, я изо всех сил старалась дотянуться до конфеты, но он каждый раз отводил руку так, что я не могла ее достать. Наконец натешившись, он отдал мне конфету.

— Спасибо, хозяин,— с благодарностью произнесла я, зажав конфету в кулаке.

Некоторые из охранников всегда носили с собой конфеты. А этого охранника я знала особенно хорошо. Я всегда безошибочно узнавала его шаги.

Вот и сейчас я была очень собой довольна. Инге бы ни за что не удалось выпросить у него конфету!

Я поудобнее устроилась на соломенной подстилке и попробовала леденец.

— Я тебя прощаю, Эли-нор,— вдруг сказала Инга; голос у нее был тихим и слабым.

Я не ответила, решив, что это какая-нибудь уловка с ее стороны и она просто хочет, чтобы я поделилась с ней конфетой.

— Со мной такие номера не проходят! — усмехнулась я, и тут же ко мне приблизилась Лана.

— Давай сюда конфету! — потребовала Лана.

— Это моя! — возразила я.

— Давай! Я — первая девушка в нашей клетке!

Спорить с Ланой было бессмысленно. Она была сильнее меня.

Я с сожалением отдала ей конфету, и она тут же засунула ее в рот.

Я подползла к Инге.

— Ты и вправду меня простила? — спросила я.

— Да,— ответила Инга.

Я отошла в свой угол и растянулась на соломенной подстилке.

Инга была права. Я — рабыня!

Я перевернулась на спину и устремила взгляд в потолок.

«Да, Эли-нор,— сказала я себе,— ты — рабыня! Это ясно доказали тебе и женщины-пантеры, и тот низкорослый человек в хижине. Ты рабыня по самой своей природе, и от этого никуда не деться. Однако ты красивая рабыня,— напомнила я себе.— Красивая и умная! А это самое главное».

И все же мне было совершенно не понятно, каким образом я, Элеонора Бринтон, прежде столь богатая, элегантная и высокомерная женщина, могла так быстро превратиться в самую обычную рабыню, лежащую сейчас на соломенной подстилке и внимательно разглядывающую потолок невольничьей камеры.

У меня уже не было надежды вернуться на Землю. Люди в серебристом дискообразном корабле, несомненно, прилетали сюда не с моей планеты. Да и здесь я больше не встречала ни подобных летательных аппаратов, ни людей соответствующего этой технике уровня развития. К тому же, насколько я могла предположить, эти астронавты могли оказаться еще более свирепыми и жестокими, чем люди из черного корабля или гориан-цы. Я не хотела с ними встретиться. Меня бросало в дрожь при одном воспоминании о том огромном золотистом существе, которое они сопровождали. Я была уверена, что у них не возникнет желания вернуть меня на Землю. Я убедилась в их силе, когда увидела, как они уничтожили остатки черного корабля. Это меня напугало. Кроме того, я уже перестала сомневаться в отношении намерений людей из доставившего меня сюда черного дискообразного корабля. Я пришла к заключению,

что, если им и удастся снова меня отыскать — что уже само по себе казалось мне довольно маловероятным,— они не согласятся возвратить меня на Землю. Я не сомневалась, что мне с ними не сторговаться. Человек в хижине ясно дал мне понять, что я представляю собой для них всего лишь обычную рабыню, годящуюся только на то, чтобы валяться у них в ногах и исполнять их указания.

Если же мне и удастся осуществить их еще непонятный мне план, разве я не окажусь, скорее всего, в руках их противников и не буду убита? Даже в случае удачного завершения запланированной операции отношение ко мне этих людей безусловно не переменится. Я навсегда останусь для них рабыней, которую можно продать, купить или еще как-нибудь распорядиться ею по своему усмотрению. Нет, я была очень рада, что мне удалось убежать. У этих людей слишком мало было теперь надежды отыскать меня вторично. Труднее всего им предположить, что я снова окажусь в руках Тарго. Скорее всего, они решат, что я, совершенно одна в этом диком лесу, ночью, беззащитная, со связанными руками, стала жертвой какого-нибудь хищника — слина или лесной пантеры.

Мысли у меня снова вернулись к той ужасной ночи, когда мне удалось выскользнуть из одинокой избушки незамеченной странным косматым чудовищем, занятым кровавым пиршеством и с наслаждением пожирающим останки убитого им, истекающего кровью слина.

Меня даже бросило в дрожь при этих воспоминаниях.

Я тогда сломя голову бежала по ночному лесу, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь на ноги. Я выбивалась из сил. Громадные тур-деревья на моем пути сменялись густыми зарослями из высокого сросшегося кустарника, переплетенного толстыми лианами.

Случайно я выскочила на окруженную тур-деревьями поляну, где совсем недавно кружились в диком танце женщины-пантеры. На прежнем месте возвышался невольничий столб, к которому я была тогда привязана. Сейчас покрытая опавшей листвой поляна была пуста. Я

побежала дальше. Временами я останавливалась, прислушиваясь, нет ли за мной погони, но никаких следов преследования я не обнаружила.

Низкорослый человек, испугавшийся ярости разбушевавшегося косматого чудовища, тоже убежал. Я его не боялась. Я больше опасалась, что меня станет преследовать само чудовище. Однако, считала я, если это и произойдет, то очень не скоро. Я даже сомневалась, что оно заметило мое бегство из хижины. Я рассчитывала, что оно не оставит свою жертву, пока не наестся до отвала, а потом, скорее всего, уляжется спать. И все же мне хотелось уйти от одинокого лесного дома как можно дальше, поэтому я бежала по ночному лесу насколько хватало сил.

Один раз я наткнулась на слина, пожирающего убитого им молодого табука — изящное, тонконогое, похожее на антилопу животное с небольшим рогом на лбу. Заметив мое приближение, слин поднял голову и, оскалив усеянную мелкими острыми зубами пасть, грозно зашипел. Я вскрикнула и поскорее бросилась наутек от опасного места. Проводив меня недовольным рычанием, слин вернулся к прерванной трапезе. Я бежала и все время слышала подозрительные ночные шорохи и звуки, которые меня только подгоняли. Я испугалась даже небольшого стада бегущих молодых табуков.

Я старалась держаться одного направления, опасаясь, что, сбившись с пути, начну бродить по кругу. Мне помогало ориентироваться, что в этих местах с преобладающими северными ветрами ветви высоких деревьев гуще растут с южной, подветренной стороны. Замечая это, я двигалась на юг. Я надеялась выйти к реке и по берегу добраться до Лауриса.

Я начала успокаиваться и тут на краю небольшой поляны в залитых лунным светом ветвях низкорослого дерева, ярдах в пятидесяти от себя заметила две пары горящих глаз притаившихся в засаде лесных пантер. Я обмерла. В такое время суток, я знала, они и выходят на охоту. Я сделала вид, будто не замечаю их присутствия, и с замирающим сердцем стала обходить поляну стороной. Они видели меня и знали, что я тоже их увидела. Каждый из нас давал понять другому, что знает о его

присутствии, но не имеет по отношению к нему враждебных намерений. Я, разумеется, таких намерений точно не имела. Лесная пантера — опасное сильное животное и не любит, когда ему мешают во время охоты. Оставалось надеяться, что не я являюсь выбранной ими жертвой.

Я осторожно двигалась вдоль поляны, непрерывно наблюдая за животными. Они несколько секунд выжидали и затем скрылись среди деревьев. Я боялась поверить в такую удачу. Со связанными за спиной руками я чувствовала себя совершенно беспомощной.

Луны скрылись за тучами, и вскоре мне на плечи упали первые капли дождя, а через минуту небеса разверзлись, и на землю хлынули потоки холодного северного ливня. Дождь лил как из ведра. Стоя под его ледяными, хлещущими в лицо струями, я запрокинула голову и весело рассмеялась. На душе у меня было легко и радостно. Дождь смоет мои следы. Теперь я могла убежать от косматого чудовища! После такого ливня мой след не возьмет даже слин — самый лучший горианский охотник! Спрятавшись под густыми ветвями, я с радостью наблюдала, как дождь хлещет по жадно впитывающей его струи земле.

Часа через два ливень перестал, и я выбралась из-под ветвей и снова двинулась в путь.

Теперь я уже не опасалась преследования, но меня заботило, как добраться до Лауриса.

Я несколько раз пыталась стащить ремни, связывающие мне руки, или перетереть их о ствол дерева, но мне не удалось от них освободиться. Горианцы умеют связать невольнице руки. После часа, потраченного мной на бесполезные усилия, руки у меня были связаны так же прочно, как прежде.

Я решила, что лучше не терять времени и идти дальше.

Я чувствовала себя уязвимой и беспомощной. Я была словно безрукое слабое животное, лишенное к тому же обостренного обоняния и тонкого слуха, помогающих ему уловить присутствие хищника. Не было у меня и свойственной каждому лесному существу ловкости и быстроты.

Меня мучил голод. Начался рассвет.

Незадолго до полудня я вышла к небольшому ручью, который мог оказаться притоком Лаурии.

Лежа на берегу, я напилась из ручья и затем вошла в воду, чувствуя, как его холодные струи приятно освежают мое тело и онемевшие, затекшие руки.

Ручей оказался неглубоким, по колено, и я пошла по дну вниз по течению. Я старалась окончательно скрыть свои следы, чтобы меня не настигло ни косматое чудовище, ни хищные звери.

Так я шла около часа, иногда останавливаясь отдохнуть на пологом берегу. Вскоре ручей влился в небольшую речушку, и я уже не сомневалась, что она несет свои воды в Лаурию.

Я пошла по берегу, все время спрашивая себя, следует ли мне возвращаться в Лаурис? Там меня накормят, но там же непременно я снова стану рабыней. Не лучше ли мне попытаться отыскать в лесу жилище какого-нибудь дровосека или охотника? В услужении у него могла бы находиться девушка-рабыня, которая, возможно, не отказалась бы мне помочь. Она бы развязала мне руки и дала поесть. С другой стороны, думала я, эта девушка, возможно, не захотела бы показывать меня своему хозяину, поскольку я, несомненно, была красивее ее. Я опасалась, что в таком случае девчонка может просто убить меня или просто попытаться продать меня другим охотникам или женщинам-пантерам, а те, чего доброго, снова приведут меня к низкорослому человеку с его косматым чудовищем и обменяют на сотню наконечников для стрел.

Я не знала, что мне делать. Я была в отчаянии.

Меня возмущала сама мысль о том, что лесные разбойницы продали меня за сотню наконечников для стрел. Воспоминание об этом приводило меня в бешенство. С тем, что я буду выставлена на продажу, я уже смирилась. Но стоимость моя будет измеряться несколькими золотыми монетами, а не сотней каких-то дурацких наконечников!

Я была так возмущена, что даже не заметила человека, прятавшегося на берегу ручья за высоким густым кустарником.

Я лишь внезапно почувствовала у себя на шее затягивающуюся кожаную петлю. Это произошло так неожиданно, что я не успела ничего сообразить. Прятавшийся мужчина рывком подтащил меня к себе. Вконец обессилевшая, задыхающаяся, я не имела никакой возможности вырваться, а связанные за спиной руки лишали меня даже самой крохотной надежды на освобождение. Петля сжимала горло все сильнее, в глазах у меня потемнело, и я без сил опустилась на землю, потеряв сознание.

Очнулась я, лежа на груди у мужчины. На мне была надета его туника, слишком широкая для девушки. Мне было тепло. Рукава туники были подвернуты. Руки у меня уже не стягивал за спиной жесткий кожаный ремень. На запястьях были металлические наручники, гораздо более прочные и надежные, чем кожа. Кроме того, мое тело на уровне груди опоясывал несколько раз кожаный ремень, плотно прижимавший мои руки к бокам. Узел, стягивающий ремень, располагался у меня за спиной, и я не могла его развязать. Но я и не пыталась этого сделать.

— Ты проснулась, Эли-нор,— заметил мужчина.

Это оказался один из охранников Тарго, в свое время сопровождавший меня в Лаурисе в дом медицины.

— Да, хозяин,— ответила я.

— Мы уже думали, что окончательно тебя потеряли,— сообщил охранник.

— Меня похитили женщины-пантеры,— сказала я.— Они продали меня тому бродячему актеру, у которого было косматое животное. Мне удалось от него убежать.

Руки мужчины сильнее сдавили мои плечи.

— Я все еще рабыня белого шелка,— тихим шепотом призналась я.

— К счастью для тебя,— ответил охранник.

Я опустила глаза и покраснела. Объятия его разжались.

— Ну,— сказал он,— теперь ты очнулась, и мы можем идти.

Я попробовала подняться на ноги и тут же со стоном снова опустилась на траву.

— Нет,— покачала я головой.— Я не могу даже встать.

Он окинул меня скептическим взглядом, задрал рубаху у меня на спине и пошел срезать с ближайшего куста хворостину.

Когда он вернулся, я была уже на ногах.

— Ну вот,— одобрительно заметил охранник, выбрасывая хворостину.

Я медленно пошла впереди него.

— Тарго уже оставил Лаурис,— сообщил охранник.— Мы догоним его на той стороне реки, в разбитом им на ночь лагере.

Некоторое время мы шли молча.

— Если бы тебя не похитили,— снова заговорил охранник,— ты бы вчера увидела Марленуса из Ара.

Я раскрыла рот от удивления. Мне уже приходилось слышать об этом великом убаре.

— Он был в Лаурисе? — удивилась я.

— Он вместе с несколькими сотнями тарнсменов останавливался в Лаурисе по дороге на север, куда он отправился поохотиться.

— А на кого он собирался охотиться?

— На слинов, лесных пантер, на женщин.

— Вот как?

— Да. Он будет охотиться неделю или две, а потом снова вернется в Ар.— Охранник подтолкнул меня в спину, и я ускорила шаг.— Дел у убара хватает, и небольшая передышка ему, конечно, необходима.

— Понятно.

— После охоты у него наверняка наберется целый караван добычи.

— А на каких женщин он собирается охотиться? — поинтересовалась я.

— На Вьерну и ее разбойниц,— ответил охранник.

Я даже остановилась.

— Иди вперед, у нас мало времени,— скомандовал охранник.

Я разозлилась. Я хорошо знала этого парня, знала, что я ему нравлюсь, но зачем он себя так ведет со мной? Не позволяет даже посмотреть ему в лицо! Подумаешь, поймал арканом и надел на меня свою рубаху!

— Это именно Вьерна и ее банда увела меня с собой,— сказала я.

— Говорят, она красивая. Это правда? — поинтересовался охранник.

— Спроси об этом у своих товарищей, которых она оставила связанными у костра, когда уводила меня с собой,— дерзко ответила я.

Парень ухватил меня рукой за волосы и повернул лицом к себе.

— Да,— сказала я,— она красивая. Очень красивая!

Охранник опустил руку.

— Марленус ее поймает и отправит в Ар в клетке для рабов,— сказал он.

— Ты так думаешь? — язвительно поинтересовалась я.

— Уверен,— ответил он.— Вот увидишь, в его Садах удовольствий она еще будет принимать пищу из его рук!

Я вскинула голову.

— Ты считаешь, что можно приручить любую женщину? — спросила я.

— Да,— ответил он и положил мне руку на плечо.

Мне было приятно узнать, что Марленус охотится на Вьерну и ее разбойниц. Я тоже надеялась, что ему удастся их поймать, надеть на них ошейники, выжечь на теле невольничье клеймо и плетью сделать из них рабынь.

— Приручить можно любую женщину,— повторил парень; в его голосе звучала непоколебимая уверенность.

— Я девушка белого шелка,— вполголоса напомнила я, и он убрал руку с моего плеча. Я ускорила шаг.

— Стой,— скомандовал он.

Я остановилась.

Он подошел, на пару дюймов приподнял мне рубаху и стянул ее опоясывающим мое тело узким кожаным ремнем: ему хотелось повыше видеть мои ноги.

— Шагай дальше,— сказал он, подталкивая меня рукой.

Я продолжала идти перед ним.

— Как положено невольнице! — скомандовал он, и я пошла покачивая бедрами, как он приказал.

Время от времени он давал мне поесть, доставая ломтики мяса из своего кармана и на ходу вкладывая их мне в рот.

Ближе к вечеру мы остановились отдохнуть. Через час он снова поднял меня на ноги, и мы двинулись дальше. Даже не оборачиваясь, я каждой клеточкой своего тела ощущала на себе его взгляд.

— Интересно будет посмотреть,— заметил охранник,— как вас станут тренировать в школе невольниц в Ко-ро-ба.

— Вы находите меня привлекательной, хозяин? — спросила я и тут же пожалела об этом.

— Мне было бы любопытно узнать, что ты собой представляешь как женщина,— признался охранник.

Я тут же прибавила шаг.

— Нужно торопиться,— бросила я словно невзначай.— Мы должны как можно скорее догнать своих.

— Ах ты белошелковый слин,— усмехнулся парень.— Ну подожди, вот станешь рабыней красного шелка!..— многозначительно пообещал он.

Я стала шагать еще быстрее, хотя, откровенно говоря, мне было приятно услышать его признание. А когда поздно ночью, переправившись на барже на другой берег Лаурии, мы добрались до лагеря Тарго, я почувствовала себя почти счастливой. Здесь была Юта и Инга и все остальные девушки, которых я знала. Я рада была увидеть даже Лану. И Тарго обрадовался тому, что я снова вернулась в его караван. Засыпая в эту ночь на свернутой ткани, устилающей пол нашего фургона, я чувствовала себя по-настоящему прекрасно.

Утром следующего дня мы снова двинулись в путь к городу Ко-ро-ба, где нас ожидали занятия в школе для невольниц и откуда, я знала, мы должны будем отправиться в благословенный Ар.

— О чем ты задумалась, Эли-нор? — спросила Юта.

Я лежала на спине, устремив взгляд в потолок.

— Так, ни о чем,— ответила я.

Мысли у меня то и дело возвращались к низкорослому человеку и его странному косматому существу, которое я все еще склонна была считать животным. Они не могли идти по моему следу после того, как в лесу прошел ливень. Судя по всему, не могли они предполагать

и того, что я снова вернусь к Тарго, поскольку его караван оставил Лаурис прежде, чем я добралась до города. Я полагала, тот человек и животное его должны меня искать — если вообще будут этим заниматься — где-нибудь в лесах севернее Лауриса. Мне казалось, им логичнее предположить, что я не нашла дороги из леса и стала жертвой хищных животных.

А я была спасена! И теперь находилась в невольничьем бараке в Ко-ро-ба.

У меня не было надежды вернуться на Землю. Теперь я уже примирилась с мыслью, что в этом мире мне навсегда суждено носить ошейник и прислуживать своему хозяину.

Кроме того, я уже привыкла считать себя рабыней. Женщины-пантеры и низкорослый мужчина в хижине сумели убедить меня в том, что ничем другим я не являюсь. Теперь мне стало ясно, что даже на Земле, когда я была богата, жила в Нью-Йорке на Парк-авеню и разъезжала на спортивном «Мазератти» последней модели, я, с точки зрения горианцев, была не более чем рабыней, достойной лишь невольничьих шелков да плети хозяина. Сами они распознали это с первого взгляда. У них был наметан глаз на подобных женщин. Они терпеливо отбирали их из общей массы землянок, доставляли на Гор и учили повиноваться и прислуживать мужчинам, выполнять все их требования.

В проходе между клетями зазвучали шаги охранника. Я уже научилась многих из них различать по шагам. Эти принадлежали неприятному мне человеку. Я поскорее закрыла глаза и притворилась спящей. Как мне хотелось сейчас снова оказаться на Земле, в привычной для меня роскоши пентхауза, среди слабых, снисходительных к женским капризам мужчин!

Охранник прошел мимо, и я перевернулась на бок и положила руку под голову.

Здесь Элеонора Бринтон всего лишь рабыня,— вздохнула я. Но рабыня умная и красивая, это самое главное. Я сумею использовать и свой ум, и красоту правильным образом. Я добьюсь того, что моя жизнь на Горе станет легкой и приятной. Я уже многого достигла на ежедневно проводимых с нами занятиях. Научилась двигаться

грациозно и раскованно, как настоящая рабыня для удовольствий. Предложенная за меня на невольничьем рынке цена будет действительно высокой. Я не какая-нибудь Инга! Ну какому мужчине понравится такая угловатая, худосочная рабыня? А Юта? Разве может быть по-настоящему ценной такая маленькая и глупая невольница? Даже Лана сейчас казалась мне недостаточно грациозной и умелой. Зато сама я была просто великолепна! Мне вспомнилось, как низкорослый мужчина в хижине говорил, что по всем показателям из меня получится восхитительная рабыня для наслаждений. Я презрительно фыркнула. Это не меня будут завоевывать и покорять мужчины, это я заставлю их подчиняться моим желаниям!

В памяти снова всплыли образы женщин-пантер, беснующихся в дикой пляске на лесной поляне под безразлично взирающими на них горианскими лунами. Я презирала этих разбойниц за их склонность к самообману и полную беспомощность в своих страстях. Сама я ни за что не выкажу подобной слабости. Я рабыня, но отнюдь не слабая и не беспомощная. Под нежной ранимой кожей невольницы во мне скрывается холодное сердце и ненависть к мужчинам. Мы еще посмотрим, кто кого сумеет покорить!

Так думала я в то время, лежа на соломенной подстилке в невольничьей камере — юная рабыня, пытающаяся составить свое представление об окружающем ее мире лишь на основе немногочисленных личных впечатлений и при помощи поспешных умозаключений.

За четыре дня до нашего отъезда из Ко-ро-ба в бараки пришло неожиданное известие.

— Вьерна — в руках Марленуса из Ара! — доносились отовсюду взволнованные голоса невольниц.— Марленус захватил Вьерну и всех ее разбойниц!

Я вскочила на ноги и подбежала к металлической решетке клети. Я была вне себя от радости. Как я ненавидела эту гордую, высокомерную женщину и ее спутниц! Теперь-то из них сделают настоящих невольниц! Пусть на себе испробуют, что значит быть рабыней.

— Бедная Вьерна,— вздохнула за моей спиной Юта.

Инга промолчала.

— Отлично! — воскликнула я.— Пусть из нее сделают рабыню! Пусть! Она такая же, как мы.

Юта и Инга смотрели на меня с удивлением. Я же не могла успокоиться и стояла, прижавшись к решетке, чувствуя, как меня переполняет радость и ощущение победы.

Пусть теперь и Вьерна постоит на коленях у ног мужчины, пусть и она отведает плети!

— Бедная Вьерна,— снова тихо вздохнула Юта.

— Марленус быстро ее приручит,— не скрывала я своего удовольствия.— Она еще будет принимать пищу у него из рук!

— Лучше бы он сделал из нее калеку,— высказалась Лана.

Я надеялась, что этого не произойдет. Пусть на нее наденут ошейник, невольничью рубаху и привяжут к ногам колокольчики. Пусть попляшет, у нее это хорошо получается! Пусть на себе испытает все прелести подневольной жизни!

Сейчас я с особой силой ненавидела эту гордую женщину. Как я была рада, что она попалась в руки мужчинам, так же как и я! Как я!

Пальцы у меня сами собой сжались в кулаки. Вне себя от ярости я оглядела тесную клеть и снова схватилась за огораживающую ее толстую решетку. Я трясла ее изо всех сил, а потом с криком бросилась на пол и принялась разбрасывать устилающую его солому. Я рвала подстилку, крича и обливаясь слезами.

Зачем, зачем меня похитили и сделали рабыней!

— Пожалуйста, Эли-нор! — не выдержала Юта.— Перестань!

— Пусть Вьерна тоже станет рабыней! — громко кричала я, и меня слышали все невольницы.

Силы оставили меня, и я лежала неподвижно.

— Пусть и она узнает, что такое быть невольницей,— едва слышно бормотала я.

Подошедший охранник удивленно посмотрел на меня.

Заметив его, я отползла в дальний угол клетки, прижалась лицом к стене и разрыдалась.

— Поплачь, Эли-нор,— гладила меня по голове Юта.— Поплачь.

Обнаженная рабыня, собственность мужчин, имеющих право распоряжаться мной по своему усмотрению,— я лежала на устилающей пол тонкой соломенной подстилке и заливалась горючими слезами.

Вскоре из внешнего, наполненного радостью и весельем мира в невольничьи бараки просочились еще два известия.

Хаакон со Скинджера, у которого Тарго приобрел сотню девушек из северных селений, заканчивающих сейчас проходить курс обучения для невольниц, прибыл в Ко-ро-ба. Не знаю почему, эта новость насторожила Тарго.

Второе известие, вызвавшее яростное негодование у всех жителей Ко-ро-ба, касалось молниеносного дерзкого налета Раска из Трева: четыре отряда его тарнсменов ограбили дочиста крестьян окрестных деревень, сожгли их посевы и уничтожили зернохранилища. Говорили, что дым пожарищ был виден на десятки пасангов с крыш зданий Ко-ро-ба и с проложенных между ними высоких мостов.

В ответ немедленно поднялись в воздух коробанские тарнсмены. Они, как утверждали, обшарили все вокруг на протяжении нескольких часов лету, но не смогли отыскать мгновенно исчезнувшей, словно испарившейся, банды налетчиков.

У Тарго и его девушек, включая и меня саму, были особые причины помнить имя Раска из Трева. Именно он напал на невольничий караван Тарго, двигавшийся по степным просторам из Ко-ро-ба в Лаурис. В результате этого нападения Тарго потерял всех своих босков и большую часть охранников и невольниц, а единственный оставшийся у него фургон были вынуждены тащить впряженные в него девушки, в число которых вошла и встретившаяся ему на пути дикарка в странном одеянии, носившая имя Эли-нор.

О самом Раске мало что было известно, как, впрочем, и о городе, в котором он жил,— Треве, пристанище промышляющих разбоем тарнсменов, затерянном где-то среди уходящих вершинами в небо неприступных

Валтайских гор. Поговаривали, что попасть в город можно только в седле на спине тарна. Ни одна женщина еще не вошла в него иначе как связанная по рукам и ногам невольница, в плотном, скрывающем ее лицо капюшоне. Даже официальные послы и торговцы доставлялись в город с завязанными глазами и исключительно в сопровождении отряда местных тарнсменов. Как шутливо утверждают горианцы, точное местонахождение Трева остается загадкой даже для самого Трева. Окружающие город мощные стены высоки и неприступны. Да никому и в голову еще не приходило пытаться штурмовать этот город, стоящий между заснеженных горных вершин под синим куполом неба. Однако прислуживающим в городе невольницам зачастую не дано его увидеть: редко кому из них позволено выходить на улицу. Если же за нерадивость или какую-нибудь провинность девушку вывозят из Трева и продают на невольничьем рынке — что само по себе является событием из ряда вон выходящим,— она и тогда не способна ничего рассказать о городе. Убежать из Трева еще не удавалось ни одной женщине.

Сведения о Раске также скорее похожи на легенду, нежели на достоверные факты. Утверждают, что он молод, хорош собой, ловок, умен и дерзок до безрассудства, а уж по хитрости и коварству равных ему не сыщешь. Ни одна женщина, даже сама убара великого Ара не может чувствовать себя в безопасности от того, что Раск не сделает ее своей рабыней.

Пожалуй, достоверно известно лишь то, что он жесток к своим противникам, принадлежит к касте воинов и является одним из лучших на Горе мастеров по владению мечом.

Молва утверждает, что он невероятно красив и безжалостен в обращении с женщинами.

Мужчины боятся его меча, а невольницы — его клейма на своем теле.

У женщин есть особая причина опасаться Раска из Трева. Говорят, он способен дать женщине неслыханное наслаждение и, однажды подарив его невольнице, ставит на ее теле свое личное клеймо, словно желая подчеркнуть, что, хотя впоследствии она и может быть продана

в собственность другого владельца, она навсегда остается принадлежать Раску. Он использует женщину только один раз, покоряя ее, опустошая и беря от нее все, что она может дать. После этого он отбрасывает ее от себя, поскольку она больше не представляет для него никакого интереса. Говорят, что нет на Горе другого мужчины, который бы подвергал женщину такому унижению, как Раск из Трева. И тем не менее, как это ни покажется странным, к бессильной ярости горианских мужчин, мало найдется на Горе женщин, которые не пожелали бы хоть один раз оказаться в руках Раска, молодого, дерзкого, безжалостного воина, и отказались бы носить на своем теле клеймо, напоминающее о его прикосновениях.

Утверждают, что этот Раск никогда не покупает женщин; понравившихся ему он берет силой. Как большинство горианских воинов, Раск предпочитает овладевать свободными женщинами. Ему доставляет удовольствие наблюдать сладостную агонию своей жертвы, на глазах превращающейся из свободной женщины в беспомощную, покоренную им рабыню. С другой стороны, он не отказывает себе в удовольствии взять рабыню и добиться от нее еще большей покорности.

Думая о Раске, я лишний раз осознала всю бедственность своего положения. Конечно, я была рабыней; мне это ясно дали понять, и я с этим уже смирилась.

Но я была великолепной рабыней!

Иногда я с невольным раздражением думала о девушках Земли — о большинстве из них, о тех, кто по своей природе также являются рабынями, но даже об этом не догадываются и, вероятнее всего, никогда об этом не узнают. Я думала о том, как они соперничают в нарядах, как используют свое тело, мысли, взгляд, улыбку, ласковое, но довольно, впрочем, неумелое прикосновение, чтобы, не испытывая настоящей любви к богатому мужчине, обратить на себя его внимание, разжечь в нем, неприхотливом и нетребовательном, желание и, добившись его расположения и привязанности, обеспечить себе безбедное, полное роскоши и удовольствий существование. Действуя как бездушный, расчетливый автомат, они бессовестным образом эксплуатируют

потребности мужчины, добиваясь от него исполнения своих желаний. Тем более что добиться этого от обычного земного мужчины вовсе не трудно. Улыбнись ему, и он будет благодарен. Притворись, будто тебе приятно его внимание, и он сделает для тебя все, что захочешь. Ты можешь без труда использовать этих слабых духом, неприхотливых созданий, чтобы по их спинам взобраться на самый верх общества в любой стране и жить за их счет, купаясь в роскоши и швыряя деньги направо и налево. Их поклонение перед тобой, их заботливое отношение и внимание тебе обеспечены. Живи в свое удовольствие!

Здесь, на Горе, все обстояло иначе. Такие холодные, расчетливые потребительницы, как земные женщины, немедленно выбрасывались здесь на задворки общества и превращались в самых низкопробных рабынь. Им отказывалось даже в том минимуме прав, которым обычно обладает горианская невольница. От них требовалось полное и безоговорочное подчинение хозяину, в отличие от тех рабынь, по отношению к которым гориане нередко идут на уступки и с чьими интересами считаются. Обмануть горианца далеко не так просто, как мужчину Земли. Горианец никогда не позволит женщине диктовать свои условия; наоборот, только он в любой ситуации будет говорить, как ей следует поступить. Иногда я искренне желала, чтобы такие женщины Земли в один прекрасный день оказались вдруг в горианской невольничьей клетке, рядом со мной, обнаженные и с клеймом на теле, принужденные служить мужчине так, как прислуживала я. Пусть посмотрят, какими могут быть отношения между мужчинами и женщинами!

Однако им не суждено этого узнать.

Им посчастливилось избежать этой участи. Они свободны! Они свободны, а я сижу в камере для невольниц. Какая несправедливость!

У меня от досады руки сжались в кулаки.

Я уже потеряла надежду на освобождение, смирилась с тем, что меня ожидает. Следовало научиться принимать жизнь такой, какая она есть, и научиться извлекать даже малейшую пользу из того, что имелось в моем распоряжении. Я сумею использовать свои природные

наклонности и навыки, полученные мной на курсах для невольниц. Я сумею обеспечить себе легкую жизнь. С моими способностями, с моей красотой, думаю, это будет несложно. При таких данных я сумею удовлетворить требования любого, даже самого взыскательного из этих удивительных, загадочных горианских мужчин.

Наши занятия и тренировки шли своим чередом.

Однажды у нас появился посетитель — высокого роста незнакомец, лицо которого частично скрывал широкий, опущенный на глаза капюшон. На нем было желто-синее одеяние, свидетельствующее о его принадлежности к касте работорговцев. Левый глаз у него закрывала узкая кожаная повязка. В сопровождении Тарго он медленно шел по проходу между невольничьими клетями. У нашей клети он остановился.

— Это Сорон из Ара,— сообщил нам Тарго и повернулся к незнакомцу.— Эли-нор,— указал он на меня.

Я разволновалась. Мне не хотелось быть проданной где-нибудь, кроме Ара. Я хотела быть выставленной на продажу на высоком помосте Курулеанского невольничьего рынка, где на торги неизменно собираются самые богатые и влиятельные люди Гора. Я мечтала о том, чтобы оказаться в руках какого-нибудь обеспеченного владельца, который поместил бы меня в одной из замечательных, высоких башен Ара, одевал бы меня в тончайшие прозрачные шелка, осыпал драгоценностями и угощал изысканными винами и яствами. Такой человек, конечно, не стал бы заставлять меня выполнять тяжелую, грязную работу. Он берег бы меня, как украшение, которым не стыдно похвастаться перед своими столь же именитыми гостями.

— Эли-нор! — рявкнул Тарго.

Я немедленно вышла из задумчивости, подбежала к ограждающим клеть решеткам и опустилась на колени.

— Пожалуйста, купите меня, хозяин! — монотонным голосом произнесла я давно заученную традиционную фразу.

— Она что, не знает, как нужно представлять себя в присутствии мужчины? — удивленно поднял брови незнакомец.

Тарго побагровел.

— Еще раз! — потребовал он.

Я испугалась не на шутку. Вскочив на ноги, я снова отбежала в глубь клетки. Затем я повернулась и неторопливо подошла к решеткам, на этот раз двигаясь, как подобает невольнице под обращенным на нее взглядом мужчины. Растянув губы в легкой, многообещающей улыбке, я приблизилась к наблюдающим за мной зрителям и плавно опустилась перед ними на колени. Устремив на секунду взгляд на их тщательно вычищенные сандалии, я подняла голову и с умоляющими нотками в голосе прошептала:

— Пожалуйста, купите меня, хозяин!

— Нет! — отрезал Сорон из Ара.

Я раздраженно поднялась на ноги и отошла в угол клети. Ему не стоило быть со мной таким резким. Я старалась сделать все, как положено. И это мне удалось, я знаю! Но этот тип не проявил ко мне никакого интереса.

Я почувствовала себя оскорбленной.

— Пожалуйста, купите меня, хозяин! — произнесла стоящая у решетки Инга, которой Тарго сделал знак приблизиться.

Меня особенно задело, с какой интонацией произнесла Инга слово «меня» в этой традиционной фразе, словно желая тем самым подчеркнуть различие между нами. Неужели она считала себя более достойной? Это вызвало у меня негодование. К тому же меня раздосадовала легкость и изящество, с какими она подошла к решеткам клети. Она выполнила это блестяще. Подумать только: и это Инга, из какой-то там касты книжников! Неужели эта угловатая, худосочная жердь может показаться мужчине более привлекательной, чем я? Уму непостижимо!

Посетитель окинул Ингу взглядом, каким обычно смотрит хозяин на достойную его внимания дорогостоящую невольницу.

— Ты из касты книжников? — спросил он.

— Да, хозяин,— зардевшись, ответила Инга.

— Правильность твоего произношения это подтверждает,— удовлетворенно заметил Сорон.

— Благодарю вас, хозяин,— пролепетала Инга, смущенно опуская голову.

— Великолепный товар,— обернулся Сорон к Тарго.— Умная, образованная да еще, очевидно, и прошедшая хорошую подготовку рабыня.

Инга стояла, не смея поднять на него глаза.

— Ее следовало бы предложить кому-нибудь из касты книжников.

На лице Тарго заиграла довольная улыбка.

— Я продам ее любому, кто предложит мне хорошую цену,— потирая руки, ответил он.

— Можешь вернуться на свое место,— сказал Инге Сорон.

Польщенная его словами, она отбежала в угол клетки и опустилась на соломенную подстилку, проделав это легко и грациозно, как кошка.

Я едва не задохнулась от досады.

— Пожалуйста, купите меня, хозяин,— в свою очередь произнесла ритуальную фразу Юта.

— Хороша,— одобрительно заметил Сорон из Ара.

Юта польщенно склонила голову. На ее щеках заиграл румянец, добавив ей еще больше очарования.

Я ее даже возненавидела в этот момент!

— Меня зовут Лана,— опускаясь на колени, сообщила наша первая красавица.— Пожалуйста, купите меня, хозяин!

— Я не спрашивал, как тебя зовут, рабыня,— отрезал Сорон.

Лана посмотрела на него с удивлением.

— Вернись на свое место,— приказал он.

Лана послушно отошла в угол клети. На лице у нее промелькнула недовольная гримаса.

— Оставайся там,— распорядился Сорон.

Проявляя все свое мастерство, Лана опустилась на колени и покорно склонила голову.

— Пожалуйста, купите меня, хозяин,— прошептала она.

— Нет,— бросил ей Сорон и повернулся к Тарго.

Ища моральной поддержки, Лана окинула нас недоуменным взглядом. Мы с Ютой и Ингой старались не

встретиться с ней глазами. Я едва удержалась, чтобы не расхохотаться.

Незнакомец и Тарго медленно двинулись по проходу к следующей клетке.

Я стояла в углу, держась рукой за железную решетку. Сделав пару шагов, Сорон обернулся и посмотрел на меня. Я вскинула голову и демонстративно отвернулась. Однако я не могла удержаться от соблазна и не узнать, продолжает ли он на меня смотреть. Он изучал меня внимательным взглядом. Сердце у меня тревожно забилось. Я была напугана. Не меняя выражения лица, Сорон шел дальше по коридору, и они с Тарго остановились у соседней клетки с невольницами. Через секунду до меня донесся голос одной из девушек, произносящей традиционную фразу, и я отвернулась. Я чувствовала себя совершенно беспомощной. С тоской я посмотрела на эти металлические решетки. Они были слишком прочны, чтобы отсюда убежать. Да и куда убежишь?

В тот вечер за ужином я ухитрилась стащить у Юты печенье. Она так и не узнала, что ей тоже выделили порцию поощрительных деликатесов.

Наши занятия в школе для невольниц подходили к концу.

Мы добились многого. Мы научились в совершенстве владеть своим телом и приобрели все навыки высококлассных, великолепных рабынь. Мы обладали полным арсеналом всех тех приемов, которые позволяют с первого взгляда определить невольницу высокой квалификации. Мы двигались легко и раскованно, с чарующей грацией, что так отличает горианскую рабыню от скованной и холодной свободной женщины.

И конечно, нас научили распознавать едва уловимые движения мужчин, читать, как в открытой книге, их истинные стремления и желания. Нет ничего удивительного в том, что прошедшая обучение горианская рабыня обладает способностью предугадывать настроение своего хозяина, и ему нет необходимости говорить о своих настроениях. За таких женщин мужчины выкладывают большие деньги.

Я усмехнулась. Большинство мужчин даже не отдают себе отчет о всем многообразии приемов обращения с

сильным полом, изучаемых на курсах для невольниц. Они мыслят простыми категориями и зачастую считают, будто невольниц обучают исполнению танцев, искусству любви и кое-каким мелочам — шитью одежды, например, или приготовлению пищи. Они не предполагают о способности невольницы по едва уловимой мимике хозяина предвосхитить перемену в его настроении и распознать просыпающееся в нем или угасающее желание. Прошедшая обучение невольница по карману далеко не каждому. Вот почему я так настойчиво стремилась взять из занятий все, что можно. Я собиралась использовать полученные мной знания для порабощения своего хозяина. Я не сомневалась, что мне это удастся. Я сумею обеспечить себе легкую жизнь. Даже когда на меня наденут ошейник, распоряжаться будут не мной. Это я буду диктовать свою волю моему владельцу!

Иногда по ночам, лежа на соломенной подстилке, я размышляла о Вьерне и, предугадывая ее дальнейшую судьбу, мысленно смеялась, представляя ее в невольничьем ошейнике и с клеймом на теле. Я очень хотела, чтобы у меня когда-нибудь появилась возможность снова с ней встретиться и продемонстрировать полное отсутствие у меня страха перед этой бывшей разбойницей и свое глубочайшее к ней презрение.

В эти дни, когда наше обучение в коробанской школе для невольниц подходило к концу, я совершенно забыла о существовании Хаакона со Скинджера и Раска из Трева. О набеге Раска теперь вспоминали спокойнее. При этом некоторые тарнсмены даже хвастались своими не совершенными на самом деле подвигами в борьбе с этим разбойником; большинство же воинов, по словам наших охранников, предпочитало помалкивать. Как бы то ни было, раны, оставленные налетчиками Раска городу Башен Утренней Зари, быстро затянулись. Засеянные рожью поля снова заколосились, а по окружающим степям в город потянулись караваны торговцев. Небо было чистым и спокойным. Его торжественную тишину не нарушали боевые кличи грабителей из Трева. Раск, по-видимому, разбойничал сейчас в других местах, удовлетворяя свою ненасытную потребность в золоте и женщинах.

Хаакон со Скинджера, вероятно, все еще оставался в Ко-ро-ба.

Скинджер, следует сказать, это большой остров, расположенный в бескрайних просторах Тассы далеко к западу от скалистого, неприступного Торвальдсленда и севернее границы лесов. Люди со Скинджера редкие гости в Ко-ро-ба — городе Башен Утренней Зари.

Хаакон со своими тарнсменами, очевидно, пришел сюда с мирными намерениями. Он заплатил за вход в город необходимую пошлину и заявил, что хочет приобрести здесь товары для перепродажи на севере. Оружие у всех воинов Хаакона по прибытии в Ко-ро-ба было отобрано и сложено в хранилище у городских ворот, с тем чтобы вернуть его тарнсменам при выходе из города. По приказу городских властей в Ко-ро-ба у воинов Хаакона были пустые ножны.

Какие же опасения может внушать человек без оружия? Признаться, я не могла понять беспокойства Тарго и некоторых из его охранников. Хаакон уже вел с ним дела, и их отношения, очевидно, были обоюдовыгодны. К тому же ходили слухи, что он задержится в Ко-ро-ба еще на несколько дней после нашего отъезда и только потом покинет город и вместе со своими тарнсменами вернется в Лаурис. В Ко-ро-ба Тарго приобрел себе еще несколько десятков девушек и весьма дальновидно увеличил число своих охранников, так что его довольно многочисленному каравану, конечно, нечего было опасаться каких-то сорока — пятидесяти тарнсменов Хаакона. А уж то, чем занимался Хаакон в Ко-ро-ба, и вовсе не давало поводов для беспокойства: он, казалось, был всецело занят приобретением товаров, а его воины не выдезали из кабаков и пага-таверн города, проводя все свое время в пьянстве и азартных играх с такими же, как они сами, местными тарнсменами. Нет, не было никаких оснований опасаться ни Хаакона со Скинджера, ни его людей.

— Рабыни — на выход! — приказал открывающий запоры на наших клетях охранник.

Через несколько минут я уже стояла на знакомом мне деревянном помосте центрального зала обществен-

ных бараков для невольниц. На этот раз ноги у меня не были связаны и охранники не держали меня за руки.

Я наклонила голову, и ко мне подошел кожаных дел мастер. В руках он держал маленькие щипчики с тонкими продолговатыми губками. Он осторожно завел концы щипчиков во вдетое мне в нос металлическое колечко, разжал его, вытащил и бросил на пол.

Я потрогала себя и весело рассмеялась. У меня больше не было колечка в носу! Элеонора Бринтон избавлена от этого дурацкого украшения!

С легким сердцем я спрыгнула с помоста и подбежала к стене, где выстроились остальные девушки.

— Эли-нор,— позвал меня Тарго.

Я немедленно приблизилась и опустилась перед ним на колени.

— Когда у тебя хорошее настроение, ты выглядишь очень красивой,— заметил он.

Я вспыхнула от удовольствия.

— Спасибо, хозяин,— с благодарностью произнесла я.

К стене подошла Юта. Ее также уже освободили от этого ненавистного кольца.

Мне захотелось, чтобы она обняла меня и поздравила. Я была так рада!

— Юта, я просто счастлива! — поделилась я своим настроением.

— Очень хорошо,— проворчала она и отвернулась.

Это меня задело.

К стене вернулась Инга, и я поспешила к ней: она ведь тоже была моей подругой.

— Инга! — воскликнула я.— Я такая счастливая!

Инга остановила меня холодным взглядом, отвернулась и опустилась на пол рядом с Ютой.

Я почувствовала себя одинокой, совершенно одинокой.

Когда с помоста спустилась Лана, я робко подошла и, протянув руку, прикоснулась к ее плечу.

— Что такое с вами всеми? Вы как в воду опущенные. Скажи мне, ведь я твоя подруга.

— Тогда выясни, когда мы отправляемся в Ар, если ты мне подруга,— немедленно потребовала Лана.

— Но меня за это накажут плетьми,— пробормотала я.

— Чепуха,— отмахнулась Лана.— Ты нравишься Тарго. Он не подвергнет тебя наказанию.

— Лана, пожалуйста,— взмолилась я,— давай обойдемся без этого!

Лана отвернулась.

— Хорошо. Я попытаюсь,— прошептала я.

Дрожа от страха, я подошла к Тарго и опустилась перед ним на колени.

— Вы позволите мне спросить, хозяин? — подняла я на него умоляющий взгляд.

— Спрашивай,— позволил он.

Я была так испугана, что не могла даже подобрать слов.

— Спрашивай! — потребовал Тарго.

— Когда... когда мы отправимся в Ар, хозяин? — пробормотала я, замирая от собственной дерзости.

Лицо Тарго приняло суровое выражение.

— Кейджера не должна проявлять любопытство,— отрезал он.

Из груди у меня вырвался глухой стон. Я знала, чем это может мне грозить.

Ожидая неминуемого наказания и желая хоть немного смягчить его своим послушанием, я склонила голову к земле и протянула вперед скрещенные в запястьях руки, приняв позу, называемую «Рабыня в ожидании наказания». Я вся дрожала. Я ждала, что он вот-вот прикажет охраннику принести плеть.

— Эли-нор,— смягчившимся голосом произнес Тарго.

Я подняла на него испуганный взгляд.

— Завтра до рассвета рабынь поднимут и накормят,— сказал он.— А когда встанет солнце, мы покинем Ко-ро-ба и двинемся в путь, в великий Ар.

— Благодарю вас, хозяин,— едва слышно прошептала я.

Он усмехнулся и позволил мне идти.

Я вскочила на ноги и подбежала к Лане.

— Мы выезжаем завтра на рассвете,— взволнованным голосом сообщила я.

— Я так и думала,— с видимым безразличием кивнула она.

Я протянула к ней руку, и она не сбросила ее со своего плеча.

— Я хочу быть твоей близкой подругой,— сказала я.

— Ладно,— согласилась она.

— Значит, ты теперь будешь считать меня своей подругой?

— Ага.

— А ты? Ты тоже будешь мне подругой?

— Конечно.

— Знаешь, ты у меня здесь единственный настоящий друг,— призналась я.

Я чувствовала себя такой одинокой на этой чужой мне планете.

— Это точно,— согласилась Лана.

Но как это грустно — иметь только одну подругу! Но пусть уж рядом будет хоть один друг, который будет меня любить, с которым я могу поговорить, доверить то, что меня радует или волнует.

— Сегодня вечером,— потребовала Лана,— если нам дадут сладости или печенье, отдашь их мне.

— Почему? — удивилась я.

— Потому что мы подруги.

— Мне это не нравится.

— Если хочешь быть моей подругой, значит, тебе должно быть приятно доставлять мне удовольствие.

Я промолчала.

— Ну, что ж,— вскинула голову Лана и отвернулась.

— Пожалуйста, Лана,— пробормотала я.

Она даже не взглянула в мою сторону.

— Я отдам тебе сладости и печенье,— сказала я.

В эту ночь, накануне нашего отъезда, я долго не могла уснуть. Юта, Инга и Лана сладко спали, а я лежала на соломенной подстилке и смотрела в потолок.

Я была недовольна тем, как прошел ужин. Лана забрала у меня печенье, которое я согласилась ей отдать. А когда я выбрала момент и сделала попытку стащить печенье у Рены, меня поймала за руку Юта. Глаза у нее были строгими и честность непреклонной. Я выпустила

из руки печенье Рены и осталась на ужин без сладкого. Я была вне себя от злости.

Как я ненавидела эту глупую, смазливую Юту! И Ингу, эту угловатую, худую уродину! И Лану, эту мою так называемую подругу, которую я уже перестала считать своей подругой!

Я надеялась, что меня продадут по более высокой цене, чем их. Вот тогда они увидят, кто есть кто! Я им еще покажу!

Спать мне не хотелось. Я села, поудобнее устроившись на соломенной подстилке, и изысканно грациозным жестом отбросила волосы за спину. Я красива! Интересно, сколько выложит за меня мой будущий владелец? Наверное, немало. Я представила себя на высоком помосте центрального невольничьего рынка Ара. Аукцион. Множество людей. Элеонора Бринтон покоряет и очаровывает всех собравшихся. За нее дают самую высокую цену!

Мои мысли на секунду вернулись к Вьерне. Подумать только, эта грязная разбойница похитила меня и обменяла на сотню каких-то дурацких наконечников для стрел!

Как это унизительно!

Я достойна золота! Золота в большом количестве.

Может быть, Марленус, тот, в чьих руках она сейчас находится, предпочтет выставить ее на продажу? Пусть бы за нее тоже выложили сотню наконечников для стрел. Вот была бы потеха!

Но я! Я достойна золота!

Я взглянула на спящих Юту, Ингу и Лану. Рабыни! Как мне хотелось освободиться от их постоянного присутствия. Освободиться от них совсем! Не нужны мне такие подруги! И вообще мне никто не нужен. Я лучше их всех! Лучше! Единственное, чего я от них хочу, это поскорее избавиться от их присутствия!

Я снова опустилась на соломенную подстилку и мысленно вернулась в северные леса. Мне вспомнились пляшущие на поляне женщины-пантеры, вспомнилось, как они, не в силах сдержать мучающий их зов естества, бросались на землю и царапали, рвали ее ногтями,

словно раздирали плененных ими мужчин. И Вьерна, высокомерная, гордая Вьерна, тоже была вместе с ними!

Все они слабые.

А я — сильная. Сильная и гордая. Я — Элеонора Бринтон! Да, я рабыня, но я отнюдь не беспомощна. Я сильная и настойчивая. Я сумею покорить какого-нибудь мужчину своим обаянием и стану эксплуатировать его как хочу. Элеонора Бринтон даже в ошейнике рабыни будет покорительницей мужчин!

С этой приятной мыслью я задремала и вскоре начала засыпать. И вдруг я проснулась, вспомнив о посетившем нас рабовладельце Сороне из Ара, о том, как он с Тарго медленно прохаживался между клеток с невольницами.

— Пожалуйста, купите меня, хозяин! — помню, обратилась я к нему с традиционной фразой. Я обязана была ее произнести. У меня не было другого выбора.

— Нет! — ответил он тогда, как отрезал.

Воспоминание об этом неприятном моменте вызвало у меня раздражение. Сон как рукой сняло. Я снова перевернулась на спину и уставилась в потолок.

Сорон из Ара не приобрел ни одной девушки. Это показалось мне странным, но сейчас, когда я лежала на тонкой соломенной подстилке, не это меня волновало. Гораздо больше досаждало то, что в ответ на все мои старания он бросил это свое короткое «Нет!». Он меня просто оскорбил!

С каждой из девушек в соседних клетях, насколько я могла слышать, он перебросился несколькими словами или хотя бы раскритиковал их, прежде чем приказать вернуться на свое место. И только мне он ответил своим коротким «Нет!».

Он воздержался от покупки какой-либо из невольниц, но только мне он выразил свой отказ столь грубым, столь оскорбительно кратким ответом. Да мне, откровенно говоря, наплевать на то, что он не захотел меня купить. Я к этому и не стремилась. Подумаешь! Он не хочет Элеонору Бринтон! Да ей-то какое до этого дело? Она этому только рада! Она вовсе и не хотела ему принадлежать!

Вот только взгляд, брошенный им на меня из прохода между клетями... Я тогда на него тоже посмотрела и дерзко, с вызовом отвернулась. А он все продолжал смотреть. Пристально, внимательно. Меня это даже напугало. Я почувствовала себя беззащитной в этой невольничьей клетке с толстыми железными решетками, из которой не вырваться, не убежать. Из которой мне вообще некуда бежать! Я пленница! Мужчины могут делать со мной все, что им заблагорассудится. Я их пленница! Я — их собственность! Их рабыня! Рабыня!

Но когда меня продадут, я заставлю их себе подчиниться! Я сумею их покорить!

Что может сделать женщина, пусть даже самая красивая, если она заперта в невольничьей клетке?

Ничего!

Руки у нее связаны. Ей негде развернуться. Но это все временное явление.

Так вы говорите, я — рабыня? Очень хорошо!

Я заставлю своего хозяина страдать так, как может заставить страдать мужчину только женщина. Я поставлю его перед собой на колени, я буду играть на его влечении ко мне и добьюсь того, что он станет рабом моих желаний. Я использую его слабость и вытяну из него все, что пожелаю.

Я стану покорительницей мужчин!

Как я их ненавижу, этих животных!

— Пожалуйста, купите меня, хозяин,— говорила я этому Сорону, рабовладельцу из Ара.

— Нет! — отрезал он.

Я ненавидела его, наверное, больше всех на свете. Как он смотрел на меня — беспомощно стоящую за железными решетками невольничьей клети. Каким хозяйским, оценивающим взглядом изучал каждый дюйм моего тела, словно я, Элеонора Бринтон, уже принадлежала ему. Как я его ненавидела! Я ненавидела всех мужчин, но больше всего — Сорона из Ара!

Эта мысль измучила меня, и я постепенно уснула.

Мне приснился странный сон.

Снилось, будто мне удалось убежать, и я в прекрасном настроении брожу по бескрайним, заросшим густой травой горианским полям. Меня переполняет пьянящее

ощущение свободы. Я одна. Надо мной больше нет хозяев.

И вдруг за спиной, футах в десяти от себя, я замечаю молча стоящего высокого человека в желто-синих одеждах с широкой кожаной повязкой, закрывающей левый глаз. Сорон из Ара! Все внутри меня оборвалось.

Я побежала.

Я бежала изо всех сил, спотыкаясь и падая, а когда подняла голову, оказалось, что Сорон стоит впереди меня. Я бежала прямо к нему!

Я закричала и побежала в другую сторону. И снова Сорон оказался у меня на пути!

Куда бы я ни сворачивала, передо мной неизменно появлялась его обернутая в сине-желтые одеяния худощавая фигура с лицом, наполовину скрытым кожаным капюшоном. Он стоял неподвижно, не спуская с меня внимательного, изучающего взгляда.

Я опустилась перед ним на колени.

— Пожалуйста,— пробормотала я,— купите меня, хозяин!

— Нет! — коротко ответил он.

— Купите меня, хозяин! Купите! — разрыдалась я.

— Нет! — словно отрезал он.

Тут я заметила в его руках свернутую широкими петлями, наподобие лассо, длинную веревку.

Я закричала и снова побежала прочь.

Однако не успела я сделать и нескольких шагов, как брошенное Сороном лассо опутало все мое тело, крепко прижимая мне руки к бокам.

Я закричала.

— Тихо! — раздался у меня над ухом голос Ланы.— Замолчи!

Я проснулась в холодном поту.

Надо мной склонилась Лана и трясла меня за плечо. Рядом сидела не сводившая с меня тревожного взгляда Юта, а чуть поодаль, у стены, приподнялась на локте Инга. Увидев, что я проснулась, девушки снова растянулись на соломенных подстилках.

Я подползла к Лане. Тревожное ощущение от кошмарного сна не хотело меня отпускать.

— Лана,— произнесла я жалобным голосом.

— Иди спать! — огрызнулась она, отворачиваясь к стене.

Я подобралась к Юте.

— Юта,— взмолилась я,— пожалуйста, обними меня!

— Спи,— ответила Юта.

— Пожалуйста! Прошу тебя!

Юта поцеловала меня в щеку и положила руку мне на плечо.

Я прижала лицо к ее ладоням.

— Ох, Юта,— пробормотала я со слезами в голосе.

— Это только сон,— успокаивала меня Юта.— Мы с тобой немножко посидим и потом ляжем спать.

Через некоторое время кошмарные видения оставили меня, и мы с Ютой легли спать.

Я прижалась губами к ее руке и не отпускала ее, пока не уснула.

12

Я СОБИРАЮ ЯГОДЫ

Как хорошо выбраться из невольничьего фургона!

Стоя на залитой солнечным светом густой траве, я потянулась и весело рассмеялась.

На мне была новая невольничья туника, и это наполняло меня особой радостью. Я сама ее сшила в первый день пути из Ко-ро-ба в Ар. Мою старую рубаху сожгли разбойницы Вьерны, еще в ту ночь, когда они меня похитили.

Я думаю, девушки Земли сочли бы мою тунику просто неприличной, но мне она нравилась. В невольничьих бараках Ко-ро-ба нам не позволялось носить рубах. Мы могли испачкать их в грязных клетках на соломе. К тому же работорговцы считают, что девушке полезно побыть обнаженной, сидя за железными решетками невольничьей клетки. Но теперь сумрачный свет бараков, их толстые стены и низкие цементные потолки, их спертый воздух и вечно несвежие соломенные подстилки остались далеко позади.

Я с удовольствием расправила плечи.

Было самое начало лета — второй день месяца ен'вар. По летосчислению Ара шел 10121 год со дня основания этого славного города, в который мы направлялись.

День был прекрасный. Я чувствовала, как свежая трава ласкает мои ноги, а солнечные лучи согревают мне лицо и плечи.

Я была счастлива.

Я закрыла глаза и подставила лицо солнцу, чувствуя, как его лучи наполняют тело теплом и радостью. Элеонора Бринтон, некогда богатая женщина Земли, чувствовала себя здесь счастливой.

Тонкий кожаный ремень у меня на шее затянулся. Я открыла глаза. Второй конец ремня был завязан на шее у Юты. Мы собирали ягоды.

Элеонора Бринтон, горианская невольница, очнулась от сладостных видений и принялась быстро срывать с куста сочные красные ягоды, складывая их в плетеную кожаную корзину.

Мы находились примерно в пасанге от остального каравана, на невысоком, густо поросшем кустарником пологом холме, откуда, привстав на цыпочки, можно было увидеть крыши наших фургонов.

Шел девятый день с тех пор, как мы оставили Ко-роба. Через несколько недель мы будем в Аре, где нас выставят на продажу.

Но это будет еще не скоро. А пока я наслаждалась теплым солнечным днем и своей относительной свободой.

Юта и с сонным видом опирающийся на копье охранник стояли ко мне спиной. Они не обращали на меня никакого внимания.

Обрывая с кустов ягоды, я осторожно подобралась к Юте. Ни она, ни охранник не оглянулись. Я потихоньку запустила руку в почти полный кузовок Юты, зачерпнула из него пригоршню ягод и пересыпала их в свою корзину, наполовину пустую.

Ни Юта, ни охранник ничего не заметили. Они такие глупые!

Довольная собой, я ловко бросила в рот сорванную ягодку, стараясь, чтобы ее сок не испачкал мне губы.

Какая я сообразительная!

Какой великолепный день!

Как хорошо, что мрачные невольничьи загоны Ко-ро-ба остались позади!

Я присела на корточки, а затем встала и потерла затекшие ноги. Я устала ехать в фургоне. Девушки были скованы в нем короткой, не больше фута, цепью, прикрепленной к центральному брусу, а при такой длине цепи не очень-то пороскошествуешь. К тому же пол фургона был устлан всего лишь свернутым в несколько слоев запасным тентом, и лежать на нем было очень жестко, особенно при тряске. Вот почему я была так рада возможности хоть ненадолго выбраться из надоевшей повозки и пособирать с Ютой ягоды.

Как хорошо, что мрачные невольничьи бараки остались позади! Как хорошо хоть на часок вылезти из фургона и походить по земле!

Я, Элеонора Бринтон, прежде богатая женщина, а теперь — невольница на далекой планете, находила удовольствие в таких, казалось бы, мелочах.

К тому же у меня была еще одна причина чувствовать себя счастливой.

Я рассмеялась.

Мне вспомнилось, как мы уезжали из Ко-ро-ба.

Нас подняли и выпустили из клеток задолго до восхода солнца. На завтрак нам выдали по полной тарелке пшенной каши и сообщили, что кормить нас не будут до позднего вечера. Поев, мы при свете факелов тщательно вымыли после себя невольничьи камеры. После этого нас вывели во внутренний двор и выстроили возле фургонов. По команде мы забрались в повозки и разместились по пять человек по обе стороны от центрального бруса. Охранники завели брус в пазы и закрепили его запорами. В фургон поднялся один из помощников Тарго со связкой коротких цепей, с обеих сторон оканчивающихся металлическими ножными браслетами. Каждой невольнице по очереди помощник надевал на левую ногу один ножной браслет, перебрасывал соединяющую его цепь через центральный брус и защелкивал второй

браслет у нее на правой ноге. Покончив с этим делом, он спрыгнул на землю, и охранники ремнями прикрепили к бортам обтягивающий повозку тент. Его затянули со всех сторон, и мы оказались в полной темноте, отрезанные от внешнего мира.

— Хи-иии! — донесся до нас пронзительный окрик кучера, и мы почувствовали, как наш фургон качнулся и медленно двинулся вперед.

Началось наше путешествие в Ар.

Фургон за фургоном караван Тарго медленно продвигался по переулку к улице Степных Ворот, ведущей к южным воротам города.

Мы не могли позволить себе двигаться так быстро, как нам бы хотелось. Несмотря на столь ранний час, улицы города были заполнены толпами народа. Даже сидя внутри плотно обтянутого фургона, мы поняли, что в Ко-ро-ба какой-то праздник. Отовсюду доносились радостные возгласы и крики.

— Что там такое? — спросила я у Инги.

— Не знаю,— ответила она.

Мы слышали, как наш кучер ругался и поминутно щелкал кнутом, но это нисколько не помогало нам двигаться быстрее.

Нашему фургону, как и повозкам других торговцев — принадлежащих главным образом крестьянам,— не давала развернуться запрудившая улицы толпа народу.

Наконец нам кое-как удалось выбраться на улицу Полевых Ворот. Здесь, судя по всему, дело обстояло не лучше.

Сидя внутри темного фургона, сквозь плотный тент которого начали пробиваться первые лучи солнца, мы с девушками обменивались удивленными взглядами. Все были взволнованы.

— Что же там такое? — снова не выдержала я.

— Не знаю! — раздраженно отмахнулась от меня сидящая рядом Инга.

Я проклинала нашу повозку, откуда ничего нельзя было увидеть.

Издалека донеслись звуки музыки — труб, барабанов и цимбал, и это только подогрело наше с девушками

любопытство. Неизвестность становилась просто невыносимой.

— Примите в сторону и остановитесь! — неожиданно прозвучал совсем рядом чей-то властный, начальственный голос.

Наш фургон свернул вправо и, проехав еще несколько шагов, остановился.

Мы чувствовали, как снаружи на повозку напирает людская толпа. Звуки музыки стали громче так же, как и голоса окружавших нашу повозку людей.

— Это трофеи Марленуса! — крикнул совсем рядом кто-то из зрителей.

Сердце у меня подпрыгнуло.

Я быстро перевернулась на живот и, не раздумывая, осторожно вытащила из-под широкого, обтягивающего повозку ремня край тента.

Музыка теперь раздавалась совсем близко.

Я потихоньку подняла край материи и выглянула наружу.

Впереди колонны посередине широкой дороги верхом на громадном тарларионе ехал человек в одеянии охотника. Со спины у него свешивалась шкура лесной пантеры, мертвая голова которой с застывшим взглядом желтых глаз и оскаленной пастью покоилась на опущенном на лоб человека капюшоне. На шее охотника виднелось ожерелье из клыков и когтей. Через плечо был перекинут колчан со стрелами, а с правой стороны седла был приторочен тугой лук.

За ним следовали музыканты с трубами, барабанами и цимбалами, также в одеяниях из шкур и с головами пантер поверх охотничьих капюшонов.

Позади музыкантов тянулась длинная вереница влекомых тарларионами поставленных на колеса мощных клеток. Некоторые клетки были забиты злобно рычащими слинами, из других на зрителей бросали хищные взгляды стройные и грациозные лесные пантеры. По обеим сторонам повозок шагали охотники, державшие в руках длинные шесты, с которых свешивались шкуры и головы слинов и пантер. В одной из клеток, покачивая плоской головой в такт движению повозки, толстыми кольцами свернулся на полу громадный хисс — болот-

ный удав, житель северных лесов. Охотники Марленуса, должно быть, заходили довольно далеко, раз им удалось добыть экземпляр этого редко встречающегося животного.

Повсюду между повозками под присмотром охотников шли толпы скованных цепями рабов-мужчин — очевидно выловленных Марленусом разбойников, промышлявших в лесу. Пленники несли на плечах корзины с фруктами, лесными плодами и орехами либо были обвешаны связками дичи и плюмажами из ярких перьев лесных птиц. На всех разбойниках были короткие шерстяные грубой выделки туники. Их длинные волосы, как правило, стягивал на затылке тонкий кожаный шнурок.

Девушки, выглядывавшие рядом со мной из-под покрытия, следили за процессией с любопытством.

— Разве такие мужчины могут оставить женщину спокойной? — кивнула на пленников одна из девушек.

— Бесстыдница,— цыкнула я на нее.

— Глупая,— окинула она меня презрительным взглядом.— Ничего, может, тебе еще посчастливится пройти спаривание с одним из них!

Я чуть не набросилась на нее с кулаками. Я была вне себя от злости. Тогда мне даже в голову не могло прийти, что в ее словах есть доля правды. По желанию хозяина меня, конечно, могли спарить с любым рабом. Это происходит так же просто, как плановое спаривание боскоз или домашних слинов, но тогда я об этом еще не знала.

— Посмотрите на охотников! — с восхищением воскликнула Лана.

В этот момент один из поравнявшихся с нами охотников бросил взгляд в нашу сторону и, увидев наши высунувшиеся из-под тента лица, широко усмехнулся.

— Как бы мне хотелось, чтобы такой мужчина поохотился на меня,— проводила его глазами Лана.

— Мне тоже,— поддержала ее Рена; она казалась взволнованной не меньше других.

Чему удивляться: бывшая госпожа из Лидиса была такой же скованной цепями рабыней, как и все мы в

этом фургоне. Ей тоже было уготовано судьбой всю жизнь добиваться внимания и расположения хозяина.

Я еще раз с удовлетворением отметила про себя, что лишена подобных женских слабостей, и продолжила наблюдать за проезжающей мимо процессией.

На улице появлялись все новые клетки со слинами и пантерами, рядом с которыми нескончаемым потоком шагали охотники и рабы. Какими гордыми казались охотники, окруженные пленными разбойниками. Какими величественными и неустрашимыми выглядели они в своих наброшенных на плечи шкурах лесных пантер. Они не несли никакого груза; они вели пленников, нагруженных трофеями. Их широкие плечи, открытые строгие лица и повелительный взгляд наполняли трепетом мое сердце. Они были хозяевами! Они подчиняли себе, превращали в рабов даже крепких мужчин. Что же они смогут сделать со слабой женщиной?

Как я их сейчас ненавидела! Ненавидела!

— Как бы тебе понравился такой хозяин, а, Юта? — поинтересовалась Инга.

— Я рабыня,— ответила Юта.— Я бы старалась служить ему хорошо.

— Ты все еще не можешь забыть своего прежнего хозяина, который тебя продал,— понимающе вздохнула Инга.

Юта опустила глаза.

— Ну, а ты, Эли-нор? — насмешливо обратилась ко мне Инга, эта костлявая девчонка из касты каких-то там книжников.

— Я их всех ненавижу,— вскинула я голову.

— Но прислуживать-то ты все равно будешь ему хорошо,— усмехнулась Инга.— Иначе себя вести он тебе не позволит.

Я промолчала.

Инга снова выглянула в щель между тентом и бортом повозки.

— А я бы хотела принадлежать такому мужчине,— вполголоса произнесла она.— Да, хотела!

— Ну, еще бы! — фыркнула я.— Ты ведь из книжников. Тебе непременно нужно быть у кого-то в услужении.

— Я рабыня,— обернулась она ко мне.— Такая же, как и ты,— добавила она, глядя мне в глаза.— Рабыня!

Я бросилась на нее, но она ловко схватила меня за волосы и прижала к полу. Я не могла ни дотянуться до ее волос, ни схватить ее за руки. В таком положении я оказалась совершенно беспомощной. От боли у меня даже слезы выступили из глаз.

— А ну, отвечай,— потребовала Инга,— кто самая последняя, самая ничтожная рабыня в нашем фургоне?

Я обливалась слезами, тщетно пытаясь оторвать ее руки от своих волос.

— Кто самая последняя рабыня в фургоне? — с неожиданной злобой повторила Инга.

Она снова резко дернула меня за волосы, прижимая лицом к жесткому полу. Я не могла даже пошевелиться.

— Отвечай! — требовала Инга.

— Эли-нор,— прошептала я.

— А ну, громче,— не унималась Инга.— Так, чтобы это слышали все в нашем фургоне!

— Эли-нор! — закричала я, рыдая от боли и унижения.— Эли-нор!

Она отпустила мои волосы, и я отодвинулась от нее подальше. У меня не было желания еще с ней драться. Она оказалась сильнее меня. Я лишь подняла глаза и с ненавистью посмотрела на нее. На лице у Инги было победное выражение. Она еще не остыла и снова рвалась в бой. Очевидно, она долго ждала этой минуты. Ей нужен был только повод, чтобы выместить на мне все свои обиды. Я поняла, что с этого мгновения я уже не смогу больше издеваться над нею.

— Ну что — подеремся еще? — кипя злобой, предложила Инга.

— Нет,— покачала я головой.

Прежде я считала себя более крепкой, чем Инга. Теперь я убедилась, что это не так. Мне всегда казалось, что я без труда могу ее одолеть, и вдруг она так просто, в одну минуту одержала надо мной полную победу.

Я опустила глаза. Время моего притеснения этой девушки подошло к концу. Я почувствовала страх перед ней. Вся моя уверенность в собственном превосходстве над Ингой улетучилась в один миг. Теперь она в любой

момент могла снова меня побить. Я внезапно ощутила, что утратила свое положение среди девушек нашего фургона, что мой рейтинг упал; теперь Инга занимает более высокое положение, а я отошла в тень. В одно мгновение Инга приобрела уважение к себе, а я, ее притеснительница и всеми признанный авторитет, наоборот, его утратила. С этой минуты никто из девушек — и в первую очередь сама Инга — не будет оказывать мне прежнего уважения, если вообще станет со мной считаться.

Это привело меня в ярость.

Тут доносящаяся снаружи музыка снова стала громче — к нам приближались музыканты, идущие в хвосте колонны. Еще одна девушка бесцеремонно протиснулась между мной и Ютой и стала глазеть в щель.

— А ну, иди отсюда! — крикнула я на нее.

— Заткнись! — в тон мне ответила она, чего прежде никогда бы себе не позволила.

— Смотрите! — воскликнула Юта.

Снаружи донеслось звонкое щелканье бичей. Толпа разразилась возбужденными криками.

Я плотнее приникла к щели между тентом и деревянным бортом фургона и принялась наблюдать.

Мимо еще тянулись клетки со слинами и лесными пантерами, шагали охотники, ведущие перед собой пленных разбойников.

Снова послышалось щелканье бичей.

— Смотрите! — закричала Инга.

И тут я увидела то, что их так взволновало.

С нами поравнялась повозка, окруженная двойным рядом воинов. По углам повозки были укреплены четыре толстых бруса высотой в человеческий рост, на которые сверху по диагонали были положены еще две такие же балки. В месте, где они пересекались, к балкам был привязан вертикально установленный длинный шест, нижним концом укрепленный в днище повозки. У шеста стояла пленница со связанными за спиной руками. Ее светлые, почти белые волосы были стянуты на затылке узлом и тоже привязаны к шесту так, что она не могла даже пошевелиться. У ног девушки лежало ее одеяние из шкур лесных пантер и сломанное оружие. Ед-

ва взглянув на лицо пленницы, я с первого взгляда узнала в ней одну из разбойниц Вьерны.

Следом катились еще четыре повозки, и на них также стояло по одной связанной подобным образом женщине-пантере, причем каждая из них казалась красивее предыдущих.

У меня вырвался радостный крик.

Музыканты играли бравурные марши. Мужчины приветствовали процессию громогласными здравицами. Женщины слали разбойницам проклятия и грозили им кулаками. Дети бросали в них гнилыми фруктами. Несколько рабынь выскочили из охваченной возбуждением толпы и принялись бросать в пленниц камни, другие пытались достать их розгами или палками.

Женщины-пантеры вызывали к себе всеобщую ненависть. Мне тоже хотелось подбежать к ним и хорошенько их отдубасить. Время от времени шагающие рядом с повозками воины звонко щелкали в воздухе бичами, отгоняя наиболее рьяно проявляющих ненависть рабынь и расчищая проход для дальнейшего продвижения колонны. Испуганные хорошо знакомым им звуком щелкающего бича, рабыни немедленно отходили в сторону, но, даже стоя у обочины, продолжали бросать в пленниц камни и слать лесным разбойницам свои проклятия.

— Все рабыни такие жестокие,— с сожалением заметила Юта.

Повозки с пленницами не спеша следовали одна за другой.

— Смотрите! — внезапно воскликнула Инга.

Мы снова услышали щелканье бича, но по звуку определили, что на этот раз он опускается на спину невольницы.

— Вот это да! — с удовлетворением протянула Лана.

В поле нашего зрения появился охотник, державший в руке кожаную плеть и тащивший за собой караван из пяти лесных разбойниц. Руки девушек были связаны. Длинный кожаный ремень через равные промежутки тугими петлями был наброшен им на шеи, а его конец держал в руке идущий сзади второй охотник. Все разбойницы шли обнаженными, а одеяние из шкур пантер болталось у них за спиной.

Пленницы брели с понурым видом, и идущий за ними охотник время от времени подгонял их плетью.

Я увидела, как плеть опустилась на спину светловолосой разбойницы, которая в свое время тащила меня за собой по ночному лесу и выказывала по отношению ко мне особую жестокость. Видя, во что она теперь превратилась, как она извивается под плетью сопровождающего ее охранника, я удовлетворенно рассмеялась.

За первой партией идущих пешком разбойниц следовала вторая группа из пяти пленниц, которую так же тащили за собой два охотника.

Я чувствовала полное удовлетворение. Вся банда Вьерны, все пятнадцать ее разбойниц оказались в руках у Марленуса! Чего еще можно было желать!

По рядам зрителей прокатился новый крик восхищения. Я еще ближе подалась к просвету между приподнятым тентом и бортом фургона.

Внезапно толпа замерла.

Приближалась последняя повозка. Глаза всех присутствующих устремились к ней. Стало так тихо, что я услышала грохот колес по мостовой прежде, чем увидела саму повозку.

На ней стояла Вьерна.

Неповторимая в своей дикой, варварской красоте Вьерна — предводительница лесных разбойниц!

У нее не забрали ничего, кроме ее оружия. На ней все так же было одеяние из шкур пантер, а на шее и на руках — знакомые мне золотые украшения.

Она ехала в установленной на плоское днище повозки круглой клетке диаметром чуть больше ярда, толстые железные прутья которой куполообразно сходились у пленницы над головой.

Она была закована в цепи. Длинная цепь опоясывала ее руки и соединялась с ввинченным в днище повозки железным кольцом.

Она стояла на повозке с гордо поднятой головой, закованная в тяжелые цепи, предназначающиеся для пленных мужчин.

Это возмутило меня. Ей хватило бы и обычных тонких наручников для женщин-невольниц! Нечего было выказывать к ней какое-то особое отношение!

В этих тяжелых железных цепях она казалась еще более красивой и гордой.

Как я ее сейчас ненавидела! Как ненавидели ее все коробанские невольницы, вопившие в толпе, вооружившись палками и камнями!

— Бейте ее! — закричала я в щель.

— Тише! — испуганно зашептала Юта.

— Бейте! — поддержала меня Лана.

Толпа выскочивших на дорогу рабынь принялась яростно бить палками по железным прутьям клетки, стараясь достать до неподвижно стоящей пленницы. Во Вьерну со всех сторон полетели увесистые камни.

Я заметила, что там, где в верхней части клетки сходились железные прутья, было прикреплено большое кольцо, за которое клетку можно было подвешивать на дерево или на ввинченный в балку крюк, выставляя ее таким образом на всеобщее обозрение. Несомненно, Марленус отдал своим людям приказ, чтобы они во всех городах и поселках по пути следования в Ар демонстрировали жителям его богатые охотничьи трофеи, и в первую очередь — эту известную всему Гору лесную разбойницу, ставшую теперь его пленницей. Такая добыча непременно должна будет снискать ему еще большую славу и всеобщее уважение. Он, я думаю, не станет делать из нее рабыню, пока не доставит в Ар, а там, очевидно, устроит церемонию ее публичного обращения в рабство и, возможно, собственноручно поставит на ее теле невольничье клеймо.

Окружившие повозку рабыни осыпали пленницу оскорблениями и пытались дотянуться до нее палками и ремнями. Их ярость только подогревалась безразличием Вьерны, которая, казалось, не обращала на них никакого внимания. Все тело у нее было покрыто царапинами и следами от побоев, но она не выказывала никаких признаков того, что ей больно, и продолжала стоять с гордо поднятой головой, устремив взгляд над разбушевавшейся толпой. Она не удостоила не только словом, но даже взглядом своих исходящих бессильной яростью врагов.

Я была вне себя от злости. Мне хотелось, чтобы у меня в руках тоже была сейчас палка, а еще лучше — плеть!

Вот уж я показала бы Вьерне! Я нисколько не боялась ее! Я отлупила бы ее так, как она того заслуживает!

Как я ее ненавидела!

Повозка с ней, влекомая тягловым рогатым тарларионом, постепенно скрылась из глаз.

Стоящая в прочной железной клетке, с тяжелыми цепями на руках, Вьерна продолжала высоко держать голову, устремив застывший взгляд куда-то вдаль, словно не замечая всех тех, кто так старался до нее добраться,— как, впрочем, и тех, кто защищал ее от разъяренной толпы.

Моя ненависть была так велика, что меня бы, кажется, никакая охрана не остановила. Я бы убила Вьерну.

Тупой конец копья ударил по тенту рядом с тем местом, где мы выглядывали, наблюдая за торжественной процессией. Мы тут же испуганно отшатнулись прочь и поспешно заняли свои места. Плотная стена ткани снова отгородила нас от внешнего мира.

Доносящееся снаружи пение труб и грохот барабанов становились все тише. Торжественная процессия продолжала свой путь, все дальше удаляясь от нашего фургона.

Мы снова вернулись к проблемам нашего маленького мирка.

— С этого момента,— объявила Инга,— обращаясь к нам, Эли-нор каждую из нас будет называть «госпожой».

Я посмотрела на нее с ненавистью в глазах.

— Нет,— покачала головой Юта.

— Будет! — настойчиво повторила Инга.

— Это слишком жестоко по отношению к ней,— заметила Юта.

— Мы будем обращаться с ней так, как она того заслуживает,— возразила Инга.

Остальные девушки, за исключением Ланы и Юты, опасаясь, что их может постигнуть подобная участь, поспешно поддержали бывшую книжницу.

— С тобой будут обращаться, как ты того заслуживаешь,— обратилась ко мне Инга.

Я промолчала.

— Это верно, Эли-нор? — вкрадчивым голосом поинтересовалась она.— Ты ведь тоже так считаешь?

Я закусила губу.

— Я спрашиваю, ты тоже так считаешь? — настаивала Инга; ее голос утратил игривые интонации.

— Да,— едва слышно прошептала я.

— Что — да? — с незнакомой прежде резкостью уточнила Инга.

— Да... госпожа,— пробормотала я.

Все девушки — и Лана в том числе — весело рассмеялись.

— Убирай отсюда свои ноги! — потребовала лежавшая напротив меня девушка.

Я посмотрела на Ингу; ее взгляд был холодным и твердым, как сталь.

— Хорошо, госпожа,— устало произнесла я и согнула ноги в коленях.

Девушки залились веселым смехом.

Как я их сейчас ненавидела! И Ингу, и Лану, и Юту — всех!

Фургон качнулся, медленно тронулся с места, и мы покатились по мощеной дороге по направлению к Степным Воротам города. Мы снова почувствовали себя живым товаром — невольницами, которых везут в Ар, чтобы выставить там на продажу.

А меня к тому же вынудили признать себя самой последней, готовой к любым притеснениям рабыней! Меня заставили называть их «госпожами»! Я задыхалась от переполняющей мое сердце бессильной ярости.

Все это было совсем недавно, а сейчас я вместе с Ютой на невысоком, пологом холме в пасанге от наших фургонов собирала ягоды и потихоньку пересыпала их из корзинки Юты в свою.

Солнце, трава, небо над головой с плывущими по нему пушистыми белыми облаками — все настраивало меня на хорошее расположение духа. Я с удовольствием вспоминала представшее моим глазам зрелище плененной Марленусом Вьерны и — с гораздо меньшим удовольствием — то, что происходило в нашем фургоне, когда Инга так решительно одержала надо мной победу. Я поняла, что она сильнее и способна меня побить, ког-

да только ей заблагорассудится. Я утратила все свое положение среди девушек, и Инга принудила меня называть ее и других при обращении «госпожа». И все, за исключением Ланы и Юты, это действительно требовали, словно они были не такими же невольницами, как я, словно я была их рабыней! К тому же об этом тотчас прослышали девушки из других фургонов и, довольные показавшейся им удачной шуткой, немедленно потребовали к себе такого же обращения.

— Будешь называть каждую из них «госпожа»,— приказала Инга.— Иначе я снова тебя отлуплю!

Как мне хотелось быть поскорее проданной в Аре, чтобы избавиться от них! Я уже представляла себя изнеженной, избалованной рабыней, осыпанной шелками и драгоценностями, любимицей нетребовательного, заботящегося обо мне хозяина, которого я держу у себя под каблуком. Я хотела роскоши и удовольствий Ара. Я хотела ловить на себе завистливые взгляды остальных, менее ловких и удачливых рабынь.

Проблемы, окружавшие меня в настоящее время, мало меня волновали. В мыслях я уже вела жизнь полную удовольствий, свойственную девушке, находящейся на содержании у богатого поклонника. Единственное различие между мной и содержанкой на Земле, полагала я, в том, что я не имела возможности выбирать себе поклонника по своему желанию. Здесь, на Горе, такой поклонник должен будет приобрести меня за деньги. Но это уже такие мелочи!

Какая я была глупая! Я еще не знала, что такое быть горианской рабыней!

Однако в то время приятные мечты помогали мне уйти от жестокой действительности. Я с меньшей болью переживала свое унижение.

— Я буду называть каждую из вас «госпожа»,— согласилась я.

— На колени! — упиваясь собственной властью, потребовала Инга.

Руки у меня сжались в кулаки.

Глаза Инги потемнели. Я опустилась перед ней на колени. Я боялась ее.

Стоявшие вокруг нас девушки весело рассмеялись. Я чувствовала себя униженной. Как мне хотелось поскорее от них избавиться!

Только двоих из них я не называла при обращении «госпожой» — Юту, которая этого не пожелала, и Лану, на чем по какой-то неизвестной мне причине настояла сама Инга.

Как мне хотелось поскорее попасть в Ар и после Курулеанского рынка начать новую жизнь — вольготную и полную удовольствий.

Я посмотрела на Юту; она была занята собиранием ягод.

— Юта,— позвала я свою подругу по неволе.

— Да?— обернулась она.

— Когда мы будем в Аре?

— Через несколько дней. Мы ведь еще даже не добрались до Воска.

Воск, я знала, это большая река, по которой шла северная граница владений Ара.

Юта собирала ягоды. Ни она, ни охранник не обращали на меня внимания, поэтому я без труда стащила у нее еще пригоршню ягод и бросила их в свою корзину.

По небу медленно плыли белые облака. Теплые солнечные лучи приятно ласкали лицо и плечи. Невольничьи бараки Ко-ро-ба остались далеко позади. Мы уже семь дней были в пути. Здесь я чувствовала себя гораздо лучше, чем в городе Башен Утренней Зари. К тому же меня согревала мысль, что моя жестокая похитительница Вьерна находится теперь в худшем положении, нежели я.

Следует сказать, что за последние несколько лет на оживленных торговых путях между Аром и Ко-ро-ба и между Аром и Тором торговцы устроили небольшие, хорошо укрепленные, обнесенные высокими каменными стенами форты, в которых могли остановиться на ночь не только граждане, принадлежавшие к их касте, но и идущие с караваном работорговцы и даже простые путешественники. Форты располагались один от другого на расстоянии дневного перехода, хотя большинству ка-

раванщиков все же приходилось проводить ночь под открытым небом.

Эти пункты находились под защитой действующего на Горе торгового законодательства, и крупные города, во владениях которых они располагались, выделяли для их охраны особый контингент воинов и необходимые продовольственные припасы. Каждый торговый форт был в два ряда обнесен толстыми каменными стенами — внешней, более низкой, предназначенной для отражения неприятельского штурма, и внутренней, более высокой, с которой над фортом была протянута противотарнская проволока, защищавшая базу от нападения тарнсменов с воздуха.

Такие укрепленные поселения не многим отличались от обычных военных фортов, расположенных, как правило, на границах владений крупных горианских городов. Главное отличие между ними состояло в том, что основную часть территории торгового форта занимали многочисленные складские помещения и гостиницы, предназначенные для отдыха путешественников. Рядом с гостиницами обычно располагались загоны для босков и бараки для рабов. Имелись и навесы для фургонов.

Каждый форт — как торговый, так и пограничный — обслуживался большим количеством рабов. Это внушало мне некоторые опасения. Я боялась быть проданной в таком захолустье и навсегда там осесть, отрезанной от всякой цивилизации. Мне хотелось жить в большом городе, окруженной роскошью и удовольствиями. Я хотела ходить по улицам Ара.

Вечером пятого дня пути из Ко-ро-ба мы въехали в ворота одного из таких торговых фортов.

Внутри его стен невольницам иногда позволяли погулять. Убежать, если у них и появится такое желание, отсюда все равно было невозможно.

Тарго тоже позволил нам ненадолго оставить фургон и размяться. Почувствовав свободу, я с радостью отправилась погулять по территории форта.

Завернув за угол нашей гостиницы, я тут же остановилась от удивления.

— Лана! Лана! — закричала я.

— Что такое? — спросила она и подбежала ко мне.

— Смотри! — показала я.

Вдоль внутренней стены форта был разбит лагерь охотников Марленуса. Они вышли из Ко-ро-ба позже нас, но, очевидно, продвигались быстрее.

Мы с Ланой в сопровождении остальных девушек побежали посмотреть на охотничьи трофеи. Лана больше всего получала удовольствие, разглядывая сидящих в клетках рабов-мужчин. Мы окружили клетки, и когда мужчины протягивали руки, чтобы нас схватить, со смехом отскакивали в сторону.

— Пожалуйста, купите меня, хозяин! — смеялась я.

— Пожалуйста, хозяин! — хохотали девушки.

Один из рабов протянул руку к Лане.

— Дай мне к тебе прикоснуться,— попросил он.

Лана вскинула голову.

— Я не позволяю прикасаться к себе какому-то рабу! — заявила она.— Я буду принадлежать свободному мужчине!

Она расправила плечи и отошла от клетки соблазнительной походкой рабыни для наслаждений.

Мужчина в ярости ударил кулаком по толстым прутьям клетки.

— Я тоже буду принадлежать свободному мужчине, а не рабу,— заметила я не спускавшему с меня глаз пленнику и также продефилировала мимо клетки походкой хорошо тренированной рабыни.

Пленники разразились ругательствами. Мы им отвечали смехом.

Потом мы посмотрели клетки с пойманными слинами и пантерами.

Разбойницы Вьерны, все пятнадцать, сидели в тесной клетке для рабов. Мы бросали в них комья грязи и долго выказывали им всяческое презрение.

С особым удовольствием я осыпала оскорблениями светловолосую разбойницу, которая в свое время тащила меня за собой по ночному лесу. Я отыскала палку и ткнула разбойницу в спину сквозь прутья клетки. Она огрызалась, как раненое животное, и тоже пыталась до-

тянуться до меня, но решетка не пускала ее. А я бросала в нее комья грязи и смеялась.

— Иди сюда! — позвала меня Лана.

Я подошла к ней и увидела клетку с Вьерной.

Рядом находилось несколько охотников, но мы с Ланой подумали, что они не станут нам мешать. Так оно и оказалось. Охотники тоже мало интересовались тем, что мы делаем. Это придало нам смелости.

— Привет, Вьерна! — с вызовом бросила ей я.

На руках у нее больше не было тяжелых оков, но железные прутья клетки надежно удерживали пленницу. Сама клетка была подвешена на толстом суку дерева. Ее металлическое днище раскачивалось в нескольких дюймах над землей.

Я встретилась с Вьерной взглядом. Она смотрела твердо и холодно.

Я бы, конечно, предпочла смотреть на нее сверху вниз, но Вьерна и так была выше меня ростом, а тут еще ее клетка висела довольно высоко над землей.

— Может быть, ты меня еще помнишь? — поинтересовалась я.

Вьерна смотрела на меня молча.

— Это я на улицах Ко-ро-ба первой предложила рабыням отлупить тебя,— поставила я ее в известность.— Это я подтолкнула их к нападению на твою клетку!

Вьерна молчала.

— Это мне ты обязана тем, что они швыряли в тебя камнями и палками.

Каменное выражение на лице Вьерны не изменилось.

Я все еще держала в руке палку, которой перед этим тыкала в спину светловолосую разбойницу. Теперь я просунула эту палку между прутьями клетки Вьерны и перевернула ею стоящую на полу жестянку с питьевой водой. Вода разлилась по металлическому полу и стала тоненьким ручейком стекать на землю.

Вьерна не пошевелилась.

Я обошла клетку с другой стороны, чтобы пленница не могла одновременно следить за мной и за Ланой. Вьерна даже не посмотрела в мою сторону.

Я снова просунула палку между прутьев, дотянулась ею до лежащих на полу двух спелых плодов ларма и

ловко сбросила их на землю. Я подобрала их, один оставила себе, а второй отдала Лане.

Мы тут же очистили фрукты от кожуры и с аппетитом их съели.

Вьерна наблюдала за нами, не двигаясь с места.

Я разозлилась. Без страха приблизившись к клетке вплотную, я ткнула палкой между прутьев Вьерне в спину. Она вздрогнула от боли, но не издала ни звука.

Лана швырнула в нее камнем. Вьерна увернулась.

Тогда я принялась раскачивать клетку, резко разворачивая ее то в одну сторону, то в другую. Теперь Вьерне сложнее было увернуться и от моих ударов палкой, и от комков грязи и камней, швыряемых в нее Ланой.

Мы хорошо повеселились. Лана плевала в пленницу и бросала грязь, а мне удалось нанести ей несколько ударов палкой.

Охотники спокойно наблюдали за этой сценой, но не прогоняли нас.

Вволю позабавившись, мы перестали раскачивать клетку.

Вьерна стояла закрыв глаза, вцепившись руками в толстые прутья. Когда клетка перестала раскачиваться, разбойница судорожно сглотнула и открыла глаза.

Мы еще несколько минут развлекались тем, что бросали в нее грязь, били палкой и осыпали оскорблениями. Она все принимала молча.

Я не боялась ее. Я утвердилась в мысли, что вообще никогда ее не боялась!

Тут мы услышали голос зовущего нас охранника Тарго. Пришло время нам возвращаться в фургон и дать возможность выйти на прогулку группе девушек из второй повозки. Настала их очередь порадоваться кратковременной свободе.

Я в последний раз ударила Вьерну палкой.

— Скажешь ты мне что-нибудь наконец? — воскликнула я.

Меня раздражало, что она не кричала, не рыдала и не просила пощады.

Охранник позвал нас еще раз.

— Бежим скорее,— сказала Лана,— а то нас накажут!

Я снова ударила Вьерну. Удар пришелся ей в плечо.

— Значит, ты не хочешь мне ничего сказать? — повторила я.

— У тебя уши проколоты,— тихо произнесла она.

Я закричала от гнева и злости, швырнула в нее палку и побежала к фургону.

Я бросила в корзину еще несколько ягод.

— Юта,—обратилась я к напарнице.

Юта обернулась и посмотрела на меня.

— Поговори с Ингой,— попросила я.— Пусть она не будет со мной такой жестокой. Я вовсе не хочу, обращаясь к рабыням, называть их «госпожами».

— Почему ты сама с ней не поговоришь? — предложила Юта.

— Она меня не любит,— ответила я.— Она меня побьет.

Юта пожала плечами.

— Она хорошо к тебе относится,— настаивала я.— Пожалуйста, поговори с ней обо мне. Пусть не заставляет меня называть остальных девушек «госпожами». Они ведь всего лишь рабыни!

— Мы все здесь рабыни.

— Пожалуйста, попроси ее!

— Хорошо, я с ней поговорю.

Юта отвернулась и снова принялась рвать ягоды с куста.

Приближался вечер.

Мы были в пасанге от наших фургонов. С верхушки пологого холма, на котором мы находились, были видны их обтянутые материей крыши. Скоро можно будет возвращаться, нас накормят ужином.

Я оглянулась, чтобы посмотреть, не наблюдает ли за мной охранник. Он смотрел в другую сторону.

Моя корзина была наполнена лишь наполовину.

Юта оставила свою корзину у себя за спиной и собирала ягоды в ярде от нее. Меня она не видела. Юта вообще была такая глупая! Я осторожно запустила руку в ее кузовок и, зачерпнув пригоршню собранных ею ягод, пересыпала их в свою корзину.

Никто этого не заметил.

Я пересыпала себе еще пригоршню, а две ягодки ловко бросила в рот.

В этот момент мне послышался какой-то подозрительный шум. Я испуганно оглянулась. Юта с охранником тоже одновременно подняли головы. Охранник что-то закричал и, забыв о нас, бросился к виднеющимся вдалеке фургонам.

Юта заметила опасность раньше меня. Я не могла определить, откуда доносится неясный звук, отдаленно напоминающий глухое щелканье тысяч бичей и шум ветра.

— Смотри! — закричала Юта.— Тарны!

На большом расстоянии от нас, высоко в небе я заметила быстро приближающихся к нам тарнсменов. Они летели, выстроившись в сложном боевом порядке. Первый отряд, летевший ближе к земле, состоял из трех небольших, расположенных треугольником групп, одна из которых находилась впереди, а две других — чуть сзади. Над ним в том же порядке шел второй отряд, над вторым — третий и выше остальных — четвертый. Грохота боевых барабанов не было слышно. Это значило, что приближались не военные тарнсмены, а разбойники.

— Налетчики! — закричала Юта.

Я остолбенела от страха. В этот момент самым поразительным мне казалось то, что охранник оставил нас и со всех ног бросился к фургонам. Мы, две рабыни, были совершенно одни!

— Их здесь, наверное, не меньше сотни,— пробормотала Юта.

Я подняла голову.

— Прячься скорее! — закричала Юта и потащила меня в кусты.

Спрятавшись в густых ветвях, мы с ужасом наблюдали, как передовой отряд разбойников снизился над караваном наших фургонов. Целясь в охранников, они сделали залп из своих арбалетов и убрались прочь, освобождая место следующей группе налетчиков.

Защитники каравана спешно обрезали упряжь босков и, упираясь плечами в борта фургонов, стаскивали их в квадрат. Они не выстраивали повозки в оборонительный круг, не дающий защиты при нападении с воздуха. Они

подтаскивали фургоны один к другому, так что они почти касались бортами, что позволяло охранникам прятаться от стрел нападающих под толстыми днищами и вести стрельбу из узкого пространства между повозками. Со многих фургонов они срывали тенты, и тарнсменам теперь были хорошо видны скованные цепями истерично кричащие девушки. Мужчины пытались спрятаться за тела беззащитных женщин, впрочем, самой ценной добычи для налетчиков.

— Снимите с них цепи! — закричала Юта, словно кто-то мог ее услышать.— Отпустите их!

Однако охранники, очевидно, не собирались снимать с девушек цепи до самого последнего момента, надеясь, что все-таки сумеют отбиться от разбойников.

Это был самый сложный момент в битве. Никто, ни защитники, ни нападавшие не хотели гибели рабынь. И те находились меж двух огней. С земли очень трудно подстрелить тарнсмена. Охранники же прикрывались женщинами, связанными, скованными цепями в фургонах.

Покружив еще над нашим караваном, отряд тарнсменов стал вновь набирать высоту.

— Они отступают! — воскликнула я.

— Нет,— сказала Юта.— Они так просто не отступят. Разбойники что-то задумали...

И правда, через несколько минут я увидела, как тарнсмены в том же боевом порядке снова начали атаку. Теперь они пошли ва-банк. На головы защитников обрушилась огненная лавина. Обмотанные горящей ветошью стрелы сыпались сплошным потоком. Повозки занялись огнем.

Чтобы спасти живой товар своего хозяина, защитники бросились снимать цепи с невольниц.

Девушки с криками принялись забираться под фургоны. До нас доносились их истошные вопли. Многие из них были объяты пламенем.

Я видела, как один охранник схватил невольницу, волосы которой загорелись, и, навалившись своим телом, прижал ее к земле, чтобы сбить огонь.

Две девушки, не оглядываясь, убегали прочь от пылающих фургонов. На них никто не обращал внимания.

Налетчики тем временем спустились на землю, выбрались из седел и с обнаженными мечами бросились на защитников каравана. Завязалась кровавая схватка. Удары мечей доносились даже до вершины холма, на котором испуганно прятались мы с Ютой.

— Развяжи меня! — потребовала Юта.

Мы были привязаны друг к другу затянутым у нас на шее узким кожаным ремнем. Однако сколько я ни пыталась, я не могла распутать мастерски завязанные охранником узлы. Они словно вросли в мягкую, хорошо выделанную кожу ремня. Ломая ногти, я отчаянно сражалась с узлами, но они ни в какую не желали сдаваться.

— Развязывай скорее,— торопила меня Юта.— Самой мне их не видно!

— У меня не получается! — простонала я.

Юта подтащила меня к себе, чтобы привязь стала короче, схватила ремень и принялась рвать его зубами. Ее усилия также оказались напрасными.

Слезы отчаяния покатились у меня из глаз. Сквозь их пелену я видела, как спешившиеся тарнсмены теснят между фургонами отчаянно сопротивляющихся охранников.

Некоторые из налетчиков остались в воздухе и сверху добивали тех, кто пытался спастись бегством.

Я заметила, как один из тарнсменов поднял закрывающий его лицо тяжелый шлем и вытер лоб платком. Это был предводитель разбойников. Даже с такого расстояния я сразу его узнала.

— Это Хаакон! — закричала я.— Хаакон со Скинджера!

— Конечно, Хаакон,— ответила Юта, продолжая рвать зубами кожаный ремень.

Привстав в стременах сидящей на земле птицы, Хаакон широким жестом указал на объятые пламенем фургоны. По его приказу еще несколько тарнсменов спешились и бросились в бой.

Разбойников Хаакона было не меньше сотни. А ведь в Ко-ро-ба его сопровождало всего человек сорок. Очевидно, большая часть его отряда вместе с тарнами ждала

его где-то за городом. Теперь его войско по численности значительно превосходило отряд охранников Тарго.

Грохот сражения долетал до вершины нашего холма. Я была напугана. Юта изо всех сил рвала зубами связывающий нас кожаный ремень.

Внезапно из-под объятых пламенем фургонов одновременно выскочили десятки девушек и стали разбегаться в разные стороны.

— Они разогнали девушек! — воскликнула Юта и с озлоблением рванула ремень: ей так и не удалось его перегрызть.

Она обернулась ко мне. Глаза ее пылали.

— Нам с тобой некуда деться,— сказала она.— Нужно скорее бежать отсюда!

Я покачала головой. Я была слишком напугана и не знала, что мне делать. Куда мне бежать на этой чужой планете?

— Бежим же, или я тебя убью! — закричала Юта.

— Хорошо! — воскликнула я.— Хорошо, Юта!

Бросив поле брани, большинство тарнсменов снова сели в седла и поднялись в воздух. Им нечего было искать в пылающих фургонах. Их мало интересовало золото Тарго, чтобы заполучить которое им пришлось бы положить не одну свою жизнь. Их главная добыча, ради которой было устроено нападение, разбегалась сейчас по степи.

Тарго, как человек рациональный, предпочел спасти свою жизнь, своих охранников и золото ценой отпущенных им на свободу невольниц.

Это была, конечно, чрезвычайная мера, крайне досадная для любого торговца. Стало ясно, что Тарго осознает всю серьезность момента и боевое превосходство налетчиков.

Нам с Ютой медлить было нельзя.

— Пойдем, Эли-нор,— потащила она меня за собой.— Скорее!

Поднимая меня на ноги, она дернула за ремень, и я, спотыкаясь, побрела за ней.

Прежде чем спуститься с холма, мы еще раз оглянулись. Кружась над самой землей, тарнсмены старались догнать разбегающихся невольниц.

Вот одна огромная птица настигла бегущую девушку, схватила бедную жертву когтями и тут же стала набирать высоту. Со своего седла наездник нагнулся, крепко ухватил рабыню за волосы и заставил птицу разжать когти. Одной рукой он перекинул пленницу через седло и быстро связал. После этого он снова направил тарна к земле и стал охотиться за следующей невольницей.

У одного из тарнсменов, я заметила, через седло было перекинуто уже четыре пленницы. Чуть поодаль скользящая над самой землей птица настигла пытавшуюся убежать от нее беспомощную жертву, и девушка тут же покатилась по траве, сбитая с ног мощным ударом широкого крыла. Она не успела опомниться, как спрыгнувший с седла наездник уже прижал ее коленом к земле и принялся ремнем связывать ей руки. Поблизости от него пролетел другой наездник, с диким хохотом преследовавший бегущую перед ним девушку и подгонявший ее ударами своего копья.

Большинство грабителей, я заметила, охотились на девушек не покидая седла. Они набрасывали на свою жертву лассо и, втащив ее тарну на спину, привязывали к луке седла.

Излюбленное развлечение тарнсменов, насколько мне было известно, состояло в том, чтобы незаметно подобраться к неприятельскому городу, вихрем пролететь над каким-нибудь высоким мостом, схватить проходящую по нему девушку и умчаться с ней прочь под полные бессильной ярости крики горожан. При этом особым шиком среди них считалось сбросить им на головы сорванную с похищенной жертвы одежду. Если это удавалось молодому тарнсмену и похищенная им девушка оказывалась его первой добычей, он непременно привозил ее в родной город и показывал своим родителям и друзьям, а его пленнице предписывалось танцевать перед гостями и прислуживать на вечере, посвященном такому удачливому подвигу.

Однако обо всем этом гораздо приятнее слышать от окружающих, нежели самой быть в подобной охоте жертвой.

Вот и сейчас я с ужасом наблюдала за бегущей между пылающими фургонами Реной. Ее настигал быстро снижающий свою птицу тарнсмен.

Рена обернулась и, увидев своего преследователя, громко закричала. Лицо девушки исказилось от ужаса. Мне невольно передалось ее состояние.

Громадная птица скользнула у нее над головой. В воздухе мелькнуло брошенное лассо и широким кольцом опустилось девушке на плечи. Через мгновение птица взмыла вверх, и кожаный ремень на теле девушки затянулся. Не удержавшись на ногах, она упала, и ее извивающееся тело оторвалось от земли. Наездник мощными рывками подтащил ее к седлу. Слабые кулачки Рены забарабанили ему по груди. Коротким взмахом ножа тарнсмен перерезал поясок, стягивавший невольничью тунику девушки, и через секунду сорванная с нее рубаха полетела на землю. Наездник спрятал нож и жестом приказал пленнице лечь поперек седла. Охваченная ужасом, девушка повиновалась, и он умелыми движениями стянул ей руки и ноги и привязал к седлу.

У меня вырвался глухой стон.

Юта дернула за связывающий нас ремень.

— Да быстрее же ты! — закричала она.— Быстрее!

Мы обе ускорили шаг.

13

В СЕДЛЕ НА ТАРНЕ, ПАРЯЩЕМ В НЕБЕ

Я стояла посередине небольшого быстрого ручья. Вода едва доходила мне до колен. С трудом удерживая равновесие. я внимательно наблюдала за медленно разворачивающей свое плоское, отливающее серебром тело большой рыбиной. Она неторопливо подплыла к изгороди из толстых жердей, воткнутых Ютой в дно ручья, и остановилась, словно удивленная этим неожиданно возникшим у нее на пути препятствием. Я осторожно наклонилась и схватила рыбину за жабры, но ее гибкое тело тут же выскользнуло у меня из рук.

Я раздосадованно стукнула кулаком по воде.

Ничего! Ей от меня не уйти!

Я находилась у входа выстроенной Ютой ловушки. Она представляла собой плотную изгородь из воткнутых в песчаное дно ручья веток, верхние концы которых выступали над поверхностью воды. Вход в ловушку был обращен навстречу течению ручья, что помогало загнать в нее рыбу. Выбраться же рыбе, беря во внимание быстрое течение, было совсем непросто. Мне оставалось только войти в ловушку и вытащить оттуда добычу руками.

Юта охотилась на берегу, устроив силки из узкого кожаного ремня, которым еще недавно мы с ней были привязаны друг к другу.

Я снова начала терпеливо прижимать к заграждению пойманную в ловушку рыбу.

Как это ни странно, нам с Ютой удалось убежать. То, что мы находились на некотором расстоянии от фургонов, и вызванная сражением неразбериха помогли нам уйти незамеченными.

Я тогда, помню, очень испугалась. Я не знала, что нам делать? Куда бежать?

— Если ты со мной не пойдешь, я тебя убью,— пообещала Юта.

— Я пойду, Юта! — закричала я.— Пойду!

Мы бежали, наверное, не меньше часа по степи и перелескам, прежде чем добрались до настоящего леса из деревьев ка-ла-на. Мы едва держались на ногах от усталости и, оказавшись под прикрытием густых деревьев, тут же без сил опустились на землю.

— Юта, я боюсь,— испуганно прошептала я.— Что теперь будет?

— Разве ты не понимаешь, что мы свободны! — воскликнула она.— Свободны!

— Но что нам делать? — простонала я.

Юта подобралась ко мне поближе и принялась распутывать узел ремня у меня на шее.

— Этот ремень нам еще понадобится,— приговаривала она.

Через некоторое время она как-то ухитрилась развязать узлы.

— Теперь развязывай меня,— сказала она.

— Я не могу,— ответила я, вспоминая свои мучения с неподатливыми узлами.— У меня не получается!

— Давай быстрее! — приказала Юта; в глазах у нее загорелся недобрый огонь.

Я снова принялась за работу. Узлы не хотели поддаваться ни в какую.

— Сорви тонкую веточку,— потеряла терпение Юта.

Я сломала с дерева ветку и протянула ей. Она принялась грызть ветку и зубами заострила ее конец.

— Попробуй поддеть узел,— сказала она.

Пользуясь заостренной веткой, я в конце концов справилась с узлами и сняла с Юты ремень.

— Порядок,— удовлетворенно произнесла она, перепоясываясь этим ремнем.

— А что нам теперь делать? — спросила я.

— Прежде всего нам нужно уйти подальше в лес. Поднимайся,— сказала она.

— Я не могу,— простонала я.— Я так устала!

Юта посмотрела на меня с презрительной усмешкой.

— Если ты хочешь идти,— сказала я,— оставь меня здесь одну.

— Хорошо,— ответила она.— Прощай, Эли-нор!

Она повернулась и пошла прочь.

— Юта! — закричала я.

Она даже не обернулась.

От обиды у меня слезы навернулись на глаза. Я вскочила на ноги и побежала за ней.

— Юта! — закричала я.— Подожди! Я пойду с тобой!

Мне наконец удалось прижать ногой загнанную в ловушку рыбу к частоколу из прутьев. Я снова схватила гибкое серебристое тело. Рыба отчаянно затрепыхалась. Она оказалась слишком тяжелой, чтобы я могла ее удержать. Сильное, скользкое тело вырвалось у меня из рук и снова ушло в воду. Я едва удержалась на ногах. Отплывя от меня подальше, рыбина повернулась ко мне головой и остановилась, лениво перебирая плавниками и не спуская с меня своих огромных выпученных глаз.

Я отступила к узкому входу в ловушку и терпеливо принялась снова подгонять ее к загородке из прутьев. Я все равно вытащу ее на берег, чего бы мне это ни стоило!

Скоро и Юта вернется с охоты. Мне хотелось порадовать ее своим уловом.

Вот уже пятый день, как мы на свободе.

В дневное время мы прятались в небольших рощицах, а с приходом ночи двигались по степям, стараясь держать направление на юго-запад. Равир, крохотное селение, в котором родилась Юта, лежал к югу от Воска, неподалеку от побережья блистательной Тассы.

— Почему ты так хочешь туда вернуться? — допытывалась я.

Юту выкрали из деревни в раннем возрасте, а за год до этого ее родителей растерзал появившийся в округе хищный ларл. Юта принадлежала к касте мастеров по выделке кожи так же, как и ее покойный отец.

— Я не очень хочу туда возвращаться,— призналась Юта.— Но куда еще идти? — Она усмехнулась.— Это, по крайней мере, моя родная деревня. Меня не сделают там рабыней.

Иногда по ночам Юта произносила во сне имя Баруса — человека, которого она некогда любила.

В возрасте двенадцати лет Юту приобрел себе в помощь один человек из касты кожаных дел мастеров, живший на Телетусе — острове, управляемом кастой торговцев. Купивший ее человек подарил ей свободу. Он и его компаньон любили девочку, воспитывали ее как свою дочь и всячески старались, чтобы она хорошенько освоила специфику работы по выделке кож, к касте которых при любых обстоятельствах она принадлежала по праву рождения.

Когда девушке исполнилось девятнадцать лет, у дверей дома ее наставника появились двое из касты высоких посвященных. Было решено, что она предпримет путешествие к Сардарским горам, что, согласно учению высоких посвященных, налагается на каждого горианца Царствующими Жрецами, у которых благо-

словляемый в дорогу юноша или девушка должны отработать несколько лет до достижения ими двадцатипятилетнего возраста. Если город или остров своевременно не посылает в Сардар своих кандидатов на услужение Царствующим Жрецам, то, согласно учению посвященных, на всех жителей могут обрушиться страшные несчастья. Никто не желал зла своим ближним; к тому же высокие посвященные строго следили за соблюдением каждым жителем острова предписаний, данных им таинственными и всесильными Царствующими Жрецами.

— Я пойду,— согласилась Юта.

— Вы хотите получить за нее золотую монету? — спросили у наставника Юты и его компаньона посвященные.

— Нет,— ответили наставник и его компаньон.

— Да,— сказала Юта.— Мы возьмем деньги.

По традиции, установившейся на Телетусе и в некоторых других городах и островах, если отобранный юноша или девушка соглашались предпринять путешествие в Сардар и делали это в предписанный срок, высокие посвященные от имени города предлагали их родителям или воспитателям золотую монету.

Юта была уверена, что ее наставник и его компаньон с пользой употребят эти деньги.

Юта знала, что путешествия ей не избежать; управляющие островом торговцы не позволят ей отвертеться, поскольку слишком боятся вызвать неудовольствие Царствующих Жрецов. Если она не отправится в Сардар, ей на протяжении всех лет до достижения двадцатипятилетия будет отказано в покровительстве касты, держащей остров в своих руках; ее лишат всех прав, гражданства и защиты солдат, охраняющих остров. Для горианки это равноценно обращению в рабство или даже смерти. Любой, кому только заблагорассудится, может сделать ее своей рабыней, и, с точки зрения остальных граждан, он имеет на это полное право.

К тому же, если она, одумавшись, согласится на это путешествие позже срока, установленного высокими посвященными, ее наставнику уже никто не предложит деньги в качестве компенсации.

— Я пойду,— сказала Юта.

Она согласилась присоединиться к группе отправляющихся в Сардар путешественников, организованной высокими посвященными.

Ее наставник провожал ее со слезами на глазах и скрепя сердце принял предложенное золото...

Юта увидела Сардар, но увидела его уже невольницей — в цепях и с ошейником на шее.

Ее корабль был захвачен пиратами с острова Шенди. Вместе с остальными пассажирами разбойники продали Юту работорговцам, и те фургонами доставили девушек в Сардар и выставили их на продажу в разгар крупнейшей весенней ярмарки, ежегодно организуемой в первых числах месяца ен'кара. Стоя на высоком помосте в центре невольничьего рынка, Юта и увидела за высоким частоколом уходящие в небо остроконечные пики Сардарских гор.

В течение следующих четырех лет, в расцвете своей красоты, Юта переходила из рук одного хозяина к другому, переезжая с ними из города в город. Затем она снова оказалась на Сардарском невольничьем рынке, куда ее вместе с остальными девушками выставили на продажу, чтобы их хозяин таким образом мог рассчитаться с долгами за свой подвергшийся нападению разбойников караван с солью.

Здесь Юту и приобрел Барус, принадлежавший к касте кожаных дел мастеров.

У нее было много хозяев, но только его имя она нередко повторяла во сне. Она очень любила этого человека, но как она сама призналась, однажды она попыталась навязать ему свою волю. В результате он ее продал.

Юта никогда не рассказывала мне об этом человеке, но только его имя срывалось с ее губ, когда она спала.

— А почему бы тебе не вернуться на Телетус? — поинтересовалась я.

Меня нисколько не прельщала перспектива оказаться в маленькой деревушке, где Юта родилась. К тому же именно на Телетусе ей подарили свободу и ее приемные родители могли все еще оставаться на острове.

— Ой, нет, Тассу мне не переплыть,— отмахнулась Юта.— Не думаю, чтобы я каким-то образом могла оплатить проезд, да и капитан корабля может очень просто сделать меня своей рабыней.

В ее словах была доля правды.

— А кроме того,— с грустью добавила она,— мои приемные родители, скорее всего, уже давно оставили остров.

И это казалось вполне вероятным, поскольку население небольших торговых островов, таких как Телетус, отличается гораздо меньшей оседлостью, чем, скажем, жители крупных ремесленных городов или местностей с развитым земледелием и животноводством, чьи традиции сохраняются веками, передаваясь от отца к сыну.

— Но, может быть, тебе как-то удастся добраться до острова,— настаивала я.— Может, твои приемные родители все еще там?

Если мне предстояло идти вместе с Ютой, я бы, конечно, предпочла отправиться на торговый остров с его гораздо более высоким уровнем цивилизации, чем какая-то глухая деревня, затерянная в бескрайних степных просторах южнее Воска.

— Посмотри на меня! — закричала Юта со внезапно проснувшейся в ней злобой.

Я недоуменно посмотрела на нее.

— У меня проколоты уши!

Я только пожала плечами.

— Они были так добры ко мне! — кричала Юта, обливаясь слезами.— Как я могу вернуться к ним с таким безобразием? Как я, их бывшая дочь, покажусь им на глаза с проколотыми ушами?

Я не могла до конца понять Юту; она была настоящей горианкой.

— У меня проколоты уши! — стонала она.— Теперь ты понимаешь,— подняла она ко мне заплаканное лицо,— что я могу спрятаться только в Равире?

Я не ответила.

В любом случае право решать оставалось за Ютой. Я могла либо следовать за ней, либо отправляться своей дорогой, которой у меня просто не было.

Я подняла со дна ручья несколько камешков и швырнула их в рыбу. Поднимая фонтаны брызг, она серебристой стрелой проскользнула мимо меня и заметалась по замкнутому пространству ловушки. Я боялась ее. Один раз ее плавники зацепили меня по ноге, и я закричала — не знаю уж, от чего больше: от ужаса или от отвращения. Я закрыла глаза и сжала кулаки. Все тело у меня словно оцепенело. Когда я все же нашла в себе силы продолжить охоту, рыбина снова находилась в дальнем конце ловушки; она лениво перебирала плавниками, не спуская с меня неподвижных, словно остекленевших глаз.

Я облегченно вздохнула: рыбе не удалось выскользнуть из ловушки.

Я казалась себе такой слабой, неумелой и беспомощной. Если бы не Юта, мне, думается, никогда бы не выжить в диком лесу и степи. В этой хрупкой на вид девушке не иссякали какая-то внутренняя сила и, казалось, неистощимый запас жизненной энергии. И опыт Юты был огромен. Она показывала мне, что можно употреблять в пищу, а что нет. Научила строить ловушки для рыб и расставлять силки, сплетенные ею из узкого кожаного ремня.

Она также показала, как с помощью толстого бревна, кожаного ремня и устроенного из веток примитивного спускового механизма можно сделать довольно большие капканы, достаточно прочные, чтобы поймать в них даже табука. Однако такие силки мы не ставили, поскольку они могли привлечь внимание какого-нибудь охотника и вызвать у него ненужное любопытство. Мы обходились маленькими силками, рассчитанными на мелкого зверя, которые проще было спрятать в траве. К тому же, не имея ножа, нам с Ютой было бы трудно управиться с пойманным в силки крупным животным.

Юта научила меня строить шалаш в лесу на земле или вить гнезда на деревьях и маскировать их среди ветвей. Показала, как с помощью определенным образом изогнутой палки охотиться на птиц и небольших животных. Она учила меня находить пищу в таких местах, где, казалось, искать ее совершенно бессмысленно.

Очень скоро я уже сама могла определить, листья каких деревьев годятся в пищу и где нужно выкапывать съедобные коренья. Однако я так и не смогла себя пересилить и не решилась попробовать маленьких жуков, которых она ловила на поверхности воды, или жирных зеленых насекомых, извлекаемых ею из-под коры сухих деревьев или в расщелинах между скал.

— Они очень питательные,— убеждала меня Юта.

Я соглашалась, но предпочитала обходиться лесными орехами, фруктами, кореньями и рыбой, по форме и вкусу напоминающими то, что мне уже было знакомо и привычно с детства. Ну и, конечно, я с удовольствием лакомилась дичью, добываемой Ютой. Мы жарили дичь на костре.

Вероятно, самым удивительным в арсенале опыта Юты было ее умение добывать огонь с помощью тонкой палочки и пары сухих щепочек. Я была несказанно удивлена и обрадована, когда увидела, как над заостренной палочкой, вращаемой Ютой в отверстии щепки, неожиданно появилась струйка дыма, а затем почернела и занялась крохотным пламенем уложенная рядом сухая трава. Через секунду языки пламени уже лизали подбрасываемый в костер хворост.

За время нашего бегства нам еще не довелось встретить ни одного человека, но, возможно, только потому, что в дневное время мы прятались в небольших рощицах, а ночью снова отправлялись в путь.

Опасаясь нежелательных встреч, Юта поначалу вообще не хотела разжигать костров, но я ее частенько уговаривала. Я не могла заставить себя есть приносимую ею дичь сырой.

— Тал! — закричала показавшаяся на берегу Юта, приветствуя меня, как положено свободным людям.

— Тал! — радостно помахала я в ответ.

Я почувствовала громадное облегчение, увидев, что она вернулась с охоты.

На плече у нее висел свернутый узкий кожаный ремень, с которым мы не расставались с тех пор, как нам удалось его с себя снять. В одной руке она держала двух

небольших пушистых животных размером с приличную кошку — пойманных ею хищных лесных уртов, а в другой — четырех маленьких птиц с желто-зеленым ярким оперением.

Отлично! Значит, вечером мы устроим настоящее пиршество.

У меня тоже было чем ее порадовать.

— Юта! — закричала я.— Я поймала рыбу!

— Прекрасно! — воскликнула Юта.— Тащи ее скорее на берег!

— Не могу,— с огорчением призналась я.

Юта рассмеялась, бросила свою добычу на траву и, войдя в воду, забралась в ловушку. Я направилась к выходу из загона, чтобы закрыть его своим телом и не дать моей добыче вырваться из западни.

Юта осторожно подошла к рыбе, стараясь ее не испугать. Затем она стремительным рывком прижала ногами рыбу к ограждению из воткнутых в дно жердей и схватила ее за длинные плавники. Рыбина затрепыхалась в воздухе, но вырваться из рук Юты было не так-то просто.

Через мгновение Юта с победным видом несла нашу добычу на берег.

— Сломай ловушку,— распорядилась она.

Каждый раз, уходя из рощи, мы уничтожали выстроенные нами ловушки. Это, кстати сказать, является обычной для горианца манерой поведения на охоте. Он никогда не оставит после себя ловушку или силки в том месте, куда больше не собирается возвращаться.

Нередко проявляя друг к другу поразительную жестокость, горианцы стараются без особой нужды не нарушать жизнь дикой природы и ее обитателей, которых они склонны считать существами свободными и достойными всяческого уважения. Однако подобная любовь и уважение редко распространяется у того же горианца на его домашних животных, к которым он причисляет как своих босков, так и рабов.

Интересно отметить, что обычный дровосек, прежде чем срубить какое-нибудь дерево, непременно поговорит с ним, попросит у него прощения и постарается объяснить, что он лишает его жизни не ради баловства, а ис-

ключительно по крайней необходимости, чтобы растопить очаг или выстроить дом.

В нашем же случае, помимо общепринятых горианских традиций, имелись и особые причины уничтожать после себя ловушки и силки: они могли выдать наше присутствие в лесу и навести на наш след кого угодно.

Пока я вытаскивала ветки из вязкого песка и бросала их в кусты, Юта дожидалась меня, сидя на берегу.

После этого я помогла ей перенести добычу к нашему лагерю.

— Сдери шкуру с животных и почисти рыбу,— распорядилась Юта.

Мне не понравилось, что она отдает мне приказы.

— Не хочу,— ответила я.

— Тогда разведи огонь,— согласилась она.

— Ты же знаешь, что я не умею,— вскинула я голову, чувствуя, как во мне начинает закипать озлобление.

— Ну, значит, мы вообще не будем разжигать костер,— пожала плечами Юта.

— Будем,— возразила я.— Мы должны его разжечь. Я не могу есть мясо сырым!

— Это очень опасно, Эли-нор.

— Разожги костер, Юта, пожалуйста! — взмолилась я.

— Тогда сними шкуру с животных,— сказала Юта.

— Ладно,— скрепя сердце согласилась я.

Я ненавидела эту работу. Она была такой грязной, мерзкой, не достойной меня. Юта постоянно заставляла меня этим заниматься! Да и кто она такая, чтобы отдавать мне распоряжения? Мне совершенно не нравилась моя спутница. Она такая глупая! Строит из себя командира и при этом допускает ошибки, разговаривая на своем родном языке!

Осколком камня я с неохотой принялась разделывать тушки животных.

Сейчас мне казалось, что я больше не нуждалась в компании Юты. Она, вероятно, уже научила меня практически всему, что умела сама. Теперь я могла обойтись без нее. Но она вела себя так, словно в чем-то превосходила меня. Да я, женщина с Земли, всегда буду лучше любой горианки! А эта девчонка все делает так, словно

она для меня лидер! Разве я ей позволяла, чтобы она брала надо мной лидерство? Конечно, нет!

— О чем ты думаешь, Эли-нор? — спросила Юта.

— Меня зовут Элеонора,— с вызовом заметила я.

— Эли-о-нора,— старательно произнесла она.

— Ни о чем я не думаю,— отмахнулась я.

— Вот как? — пожала она плечами.

Я продолжала работать, и через некоторое время она тоже взяла острый обломок камня и стала мне помогать.

Я воздержалась от проявления благодарности. Она вполне могла все сделать сама. Я и так потратила весь день, чтобы поймать рыбу. А она только прогулялась по рощице, проверяя силки и охотясь на птиц.

Юта стала вполголоса напевать.

— Чего это ты распелась? — недовольным тоном спросила я.

— Я чувствую себя счастливой,— ответила она.

— С чего же это ты такая счастливая? — язвительно поинтересовалась я.

Она посмотрела на меня с недоумением.

— Я вырвалась на свободу,— пожала она плечами.

После того как мы содрали шкуру с животных, ощипали птиц и очистили рыбу — что я предоставила сделать Юте, поскольку не хотела даже притрагиваться к этому липкому, противному созданию,— Юта принялась разводить костер.

— Давай быстрее,— поторапливала я ее: мне очень хотелось есть.

Юта трудилась не меньше четверти часа, старательно пытаясь зажечь пучок сухой травы. Пот катился с нее градом, взгляд был прикован к почерневшей дощечке.

— Быстрее! — сгорала я от нетерпения.— Быстрее!

Наконец первый язычок пламени робко лизнул сухую траву и побежал к горке тоненьких щепочек.

Через несколько минут мы уже сидели возле пылающего костра.

Пищи у нас сегодня было больше, чем обычно, и мы даже устроили над костром вертел из воткнутых в землю ветвей.

Когда дичь была готова, мы сняли ее с вертела и положили на листья. Я умирала от голода. Начинало темнеть, и из рощи потянуло прохладой. Приятно будет поужинать, сидя у жарко пылающего костра.

Только я об этом подумала, как Юта поднялась на ноги и стала тушить огонь.

— Что ты делаешь? — воскликнула я, хватая ее за руку.

Она посмотрела на меня с недоумением.

— Тушу костер,— сказала она.

— Не надо, Юта,— попросила я.

— Оставлять его на ночь опасно!

— Ничего опасного! Вокруг нет ни души!

— Это очень опасно, Эли-нор.

Я не хотела есть в темноте, дрожа от вечерней прохлады.

— Не туши огонь, Юта,— просила я.— Все будет в порядке.

Она остановилась в нерешительности.

— Пожалуйста,— настаивала я.

— Ну, хорошо,— уступила она.

Однако уже через минуту она вскочила с места и с испуганным видом принялась затаптывать огонь.

— Что ты делаешь? — закричала я.

— Тише! — прошептала она.

И тут я услышала донесшийся сверху, из темноты, крик парящего в небе тарна.

— Это дикий тарн,— пробормотала я.

В считанные секунды костер был потушен.

— Нужно уходить отсюда,— испуганно прошептала Юта.

— Но это всего лишь дикий тарн! — настаивала я.

— Надеюсь, что это так,— сказала Юта, тревожно оглядываясь по сторонам.

По спине у меня пробежала мелкая дрожь.

Юта принялась ломать выстроенный нами шалаш и раскидывать сломанные ветви по сторонам.

— Возьми с собой пищи в листьях, сколько сможешь унести,— сказала Юта.— Нужно уходить как можно скорее!

Я была обозлена и испугана. Ее беспокойство казалось мне совершенно напрасным.

Замаскировав следы лагерной стоянки, Юта собрала все кости, шкуры и внутренности разделанных нами животных и поспешно закинула их в кусты.

После этого, не теряя ни минуты, мы быстро пошли в темноту. Я шагала за Ютой, чувствуя, как ненависть по отношению к ней борется во мне со страхом ее потерять.

Мы двигались по роще в прежнем юго-западном направлении. Вскоре деревья начали редеть, и мы снова оказались на краю широкой степи.

Ночь выдалась на редкость темной.

Юта напряженно всматривалась в бездонное небо, но не заметила ничего подозрительного. Долгое время она прислушивалась, но до нас не доносилось ни звука.

— Вот видишь,— раздраженно бросила я,— не надо было дергаться. Зачем убежали?

— Возможно, и не надо было,— согласилась Юта.

— И тарнов больше не слышно.

— Может, наездники спешились.

— Это всего лишь был один дикий тарн.

— Я тоже хочу на это надеяться.

Расположившись у края рощи, мы с Ютой торопливо доели остатки дичи и рыбы, которые я прихватила с собой. Обсосав все косточки, мы вытерли руки о траву и бросили объедки в кусты.

— Смотри! — внезапно прошептала Юта.

В двух сотнях ярдов от нас между ветвями густого кустарника мелькнули в темноте огни двух двигавшихся в нашу сторону факелов.

— Люди! — простонала Юта.— Мужчины!

Мы вскочили на ноги и побежали по полю, стараясь придерживаться выбранного нами с самого начала направления.

К рассвету мы добрались до очередной рощи каланских деревьев. Углубившись в нее, падающие с ног от усталости, мы на скорую руку соорудили в кустах шалаш из веток и проспали в нем весь день.

Четырьмя днями позже, в другом небольшом леске, как-то вечером Юта потребовала, чтобы я поставила

силки на обнаруженной нами тропинке, протоптанной животными к водопою.

Мы больше не ощущали никаких признаков преследования. По ночам, насколько хватало глаз, мы не видели ни одного горящего факела. Нам снова посчастливилось убежать.

Перекинув через плечо смотанный узкий ремень, я пошла вдоль тропы.

Над головой у меня прыгали с ветки на ветку пичужки в ярком оперении. В кустах я заметила мгновенно ощетинившегося лесного урта, а чуть поодаль, на небольшой лужайке, даже увидела пару мирно и безбоязненно пасущихся грациозных табуков. Дважды мне на пути попадались крохотные ручейки.

И вдруг меня словно громом поразило.

Я услышала мужской голос!

Я мгновенно присела на корточки и, чувствуя, как у меня засосало под ложечкой, бесшумно скользнула под ветви густого кустарника.

Голос раздавался совсем рядом, в стороне от едва различимой тропинки. С тревожно бьющимся сердцем я осторожно раздвинула ветви кустарника и выглянула в образовавшийся просвет. Сердце у меня едва не остановилось.

Передо мной открылась небольшая поляна. Посередине поляны сидели два тарна в закрывающих им глаза глубоких колпаках. Рядом с птицами стояли и беседовали двое мужчин, воинов в легких кожаных доспехах, и с оружием. Это были — сразу заметно — сильные и жестокие люди. Я сразу узнала их. Мне уже доводилось их видеть возле невольничьих бараков на северной окраине Лауриса, где Тарго арендовал себе помещение для рабынь.

Это были люди Хаакона со Скинджера.

— Она где-то здесь,— произнес один из них.

— Будь у нас охотничий слин,— сказал второй,— мы без труда смогли бы взять ее след, и к утру она уже была бы у нас в руках.

— Надеюсь, она рабыня красного шелка! — хохотнул первый.

— Даже если нет, когда мы доставим ее Хаакону, она уже будет женщиной самого что ни на есть красного шелка,— осклабился второй.

— Хаакону это может не понравиться.

— Зато это понравится нам! Знает там Хаакон, кто из них белого шелка, а кто — красного!

— Смотря какое у него будет настроение,— продолжал хмуриться первый.— Не поплатиться бы нам головой.

— Неужели он действительно считает, что сбежавшую от него невольницу мы вернем ему девушкой белого шелка? Да никогда! — захохотал второй мужчина.— Поймать ее будет несложно. Но уж она заплатит нам за все наши труды и старания!

— А если мы вообще ее не поймаем?

— Поймаем. Девчонка она проворная, но от нас ей не уйти!

Прижавшись к земле, спрятавшись среди ветвей кустарника, я была ни жива ни мертва от страха.

— Она кажется не такой уж глупой,— все еще сомневался более осторожный первый воин.

— Однако мы заметили ночью разожженный ею костер.

— Верно. Какой бы умной она ни казалась, как бы далеко нас ни завела, у нее тем не менее хватило глупости разжечь огонь!

— Каждая женщина достаточно глупа, чтобы позволить себе разжечь костер. Когда она выкинет подобную штуку еще раз, мы ее и поймаем!

— Какой у нас план?

— Мы знаем, что она умеет разводить костер. Скорее всего, она готовила на нем пищу — жарила какую-нибудь птицу или урта.

— Конечно. Помнишь, в лесу пару дней назад мы нашли обглоданные кости лесного урта!

— Верно. Это было неподалеку от ведущей к водопою звериной тропы.

— Охотиться даже на уртов не так-то просто! Значит, у нее есть определенные навыки.

— Это — чепуха. Главное в этом деле уметь находить звериные тропы. А уж поставить на них самые простые силки — чепуха! На этом-то мы ее и схватим.

— Правильно! Она будет держаться звериных троп, и рано или поздно здесь мы ее и поймаем! — воодушевился первый охотник за рабынями.

— В этих рощах звериных троп не так уж много. Не сегодня-завтра она непременно окажется у нас в руках! Пешком ей далеко не уйти. А мы на тарнах...

Не поднимая шума, я очень осторожно отползла от поляны и, удалившись на приличное расстояние, опрометью бросилась прочь от опасного места.

Я как можно скорее должна была отыскать Юту и предупредить ее об опасности.

И тут мне в голову пришла мысль столь неожиданная, что я даже остановилась и снова спряталась в кусты, чтобы хорошенько подумать.

Эти люди все время говорили «она» — то есть они охотились за одной, а не за двумя девушками.

Значит, если я... Нет-нет! Я даже встряхнула головой, отгоняя подобные мысли.

Но эти мужчины очень меня напугали. Они были грубыми, безжалостными разбойниками. Элеоноре Бринтон, этой изнеженной девушке с Земли, ни за что нельзя попадать в руки к этим зверям. Я слышала, что они собираются сделать со своей будущей пленницей, даже если это девушка белого шелка.

А Юта почти с детства рабыня. И раньше ее...

«Нет! — сказала я себе.— Нет! Я должна гнать от себя подобные мысли!»

Я поднялась на ноги и уже медленнее, нерешительнее побрела к нашей с Ютой стоянке. Эти мужчины знают только об одной из нас. Они считают, что в лесу скрывается только одна девушка.

Нет, я не должна допускать даже мысли об этом!

Нам с Ютой нужно бежать отсюда! Бежать вдвоем! Пусть даже мне опять придется выслушивать ее указания. Пусть даже она опять станет вести себя так, словно она во всем превосходит меня!

Губы у меня сами собой растянулись в злобной усмешке.

Эта Юта считает себя моим начальником. Она осмеливается отдавать мне приказания. Она помыкает мной. Мной, Элеонорой Бринтон! Она, тупая горианская девчонка, дикарка, не знающая, что такое телевидение и автомобиль, осмелилась выказать превосходство по отношению к девушке с Земли! Тем более такой девушке, как я!

Ее следует проучить. Она еще плохо меня знает.

«Нет! — тут же вспыхнула в сознании другая мысль.— Я должна предупредить Юту! Я обязана ее предостеречь!»

Я приближалась к месту нашей стоянки.

Мне вспомнилось, как один из мужчин сказал: «Не сегодня-завтра мы обязательно ее поймаем!» Они идут по нашему следу много дней и не оставят преследование, пока мы не окажемся у них в руках. Нам от них не уйти.

Я усмехнулась.

Или, по крайней мере,— не уйти одной из нас!

Юта глупа, она — горианка, для нее это не имеет большого значения. Она грубая, недалекая, простая девчонка. Она даже допускает ошибки, говоря на своем родном языке. Она не обладает ни моим умом, ни сообразительностью, ни тонкостью чувств, ни деликатностью обхождения. Она, вспомнилось мне, принадлежит к низшей касте. Она во всем проигрывает по сравнению со мной.

Кроме того, она позволила себе обращаться со мной так, словно в чем-то превосходила меня. Она имела наглость указывать мне! Давать распоряжения!

Я почувствовала, как во мне просыпается глухая ненависть к этой девчонке.

Хорошенькая маленькая Юта, которую мужчины находили столь желанной и привлекательной. Я ненавидела ее! Я гораздо красивее, чем она!

Юта и прежде была рабыней, побудет и снова! Ничего с ней не сделается!

Мне вспомнилось, как она продела кожаный шнурок во вдетое мне в нос колечко и всю ночь подвергала меня унижениям. Я ненавидела ее! Ненавидела!

Мы еще посмотрим, кто из нас умнее и сообразительнее!

Я спрятала силки из кожаного ремня на небольшом деревце и приметила место. Вскоре подошла к месту нашей стоянки.

— Привет, Юта! — произнесла я с улыбкой.

— Тал, Эли-нор,— откликнулась она, отрываясь от работы.

Она ломала сухие ветки и отщепляла древесную кору для разведения огня. Дождей не было давно, стояла теплая, даже жаркая погода, и недостатка в топливе для костра не ощущалось.

— Ох, Юта, я так устала,— как ни в чем не бывало сказала я.— Я установила силки на звериной тропе довольно далеко отсюда. Мне показалось, что там больше дичи. И верно: когда я шла назад, в силки что-то попалось.

— Отлично,— кивнула Юта.— Что мы поймали на этот раз?

— Не знаю. Такого животного я еще не видела.

— А почему ты его не принесла?

— Я побоялась к нему прикоснуться.

— Ох, Эли-нор,— рассмеялась Юта,— ты такая трусиха!

— Юта, пожалуйста, сходи за ним сама. Оно такое страшное! Я побоялась взять его в руки.

— Ладно, я его принесу,— согласилась она, возвращаясь к работе.

Я бросила через плечо испуганный взгляд на тропу.

— Разве ты не пойдешь прямо сейчас? — спросила я с наигранным удивлением.

— К чему такая спешка? — пожала плечами Юта.

— Кто-нибудь может заметить поставленные нами силки. Зачем нам привлекать к себе внимание?

Юта подняла глаза.

— Ты права,— согласилась она.— Нужно забрать животное как можно скорее.— Она бросила на землю охапку хвороста и сказала: — Пойдем, покажешь, где ты поставила силки.

— Нет! — воскликнула я.

Юта посмотрела на меня с удивлением.

— Ты не пройдешь мимо них,— принялась я ее убеждать.— Они стоят возле самой тропы, той, что мы с тобой приметили, с левой стороны. Ты их не пропустишь! А я так устала...

— Ладно,— сказала Юта и пошла по направлению к той поляне, где я увидела разбойников Хаакона.

Сердце у меня готово было выскочить из груди.

Стараясь идти бесшумно, я на некотором расстоянии последовала за ней. Я нашла и на всякий случай взяла с собой большой увесистый камень.

Отойдя подальше от места нашей стоянки, я присела под куст и стала ждать, что будет.

Внезапно в лесу, еще далеко отсюда, я услышала мужские крики. Сердце у меня тревожно забилось. Они поймали ее!

Вдруг уже гораздо ближе послышались шаги бегущего человека и треск ломающихся ветвей. В двух шагах от меня из кустов выскочила Юта. На лице у нее застыл ужас.

— Скорее, Эли-нор! — увидев меня, закричала она.— Бежим! Там охотники за рабами!

— Я знаю,— спокойно сказала я.

Она остановилась как вкопанная, не понимая, почему я не двигаюсь с места.

Не давая ей опомниться, я ударила ее камнем по голове.

Преследователи должны найти ее, а не меня!

Юта застонала и опустилась на землю. Слева над глазом у нее выступила кровь.

Я положила камень рядом с ее лицом. Преследователи подумают, что она споткнулась и ударилась головой о камень. Лишь бы они не догадались, что в лесу прячется еще одна рабыня! Я снова спряталась в кусты и стала ждать.

Юта попыталась подняться на ноги, но тут же со стоном снова упала. Она была без сознания.

Показавшиеся из-за деревьев мужчины подхватили ее на руки и понесли. Они на ходу сорвали с нее невольничью рубаху и, не замедляя шаг, связали ей руки.

Я была довольна. Они поймали Юту вместо меня.

Я только опасалась, что, придя в сознание, она расскажет мужчинам, что я где-то поблизости. Однако какое-то внутреннее чувство подсказывало мне, что она этого не сделает. Юта честна и наивна. Я знала, что она меня не выдаст.

Я не могла нарадоваться тому, как ловко я провела вокруг пальца своих преследователей.

Теперь я могла продолжать свое начатое с Ютой путешествие в Равир. Думаю, я сумею его отыскать. В деревне я скажу, что была подругой Юты, которую жители селения, надеюсь, еще не забыли. Местные жители, конечно, примут меня и, наверное, полюбят. Со временем они помогут мне добраться до Телетуса — до острова торговцев, где я отыщу приемных родителей Юты. Я не сомневалась в том, что они станут заботиться обо мне так же, как прежде заботились о Юте: ведь я была подругой их названой дочери, много лет назад пропавшей по дороге к Сардарским горам. Я скажу, что Юта просила меня отыскать их, ее приемных родителей, и от их имени пообещала, что они позаботятся обо мне. Я расскажу, как мы с Ютой старались вернуться на этот остров, но по дороге попали в руки работорговцев, и только мне, к несчастью, одной, удалось убежать. Неужели они откажутся уделить мне немного тепла и ласки? Нет! Конечно, нет! Я сумею занять в их сердцах то же место, которое прежде было отдано Юте. Они полюбят меня, и я позволю им считать себя их приемной дочерью.

Я была очень довольна собой.

Прошло несколько дней. Я продолжала свое путешествие к Равиру. Я шла ночью, а днем пряталась в небольших рощицах из деревьев ка-ла-на...

Солнце давно взошло, и я лежала, ворочаясь, на охапке травы, надежно замаскировавшись среди густого кустарника. Глаза у меня закрывались, но уснуть не давала гудевшая возле лица мошкара. Прошлой ночью я хорошо поела. Еще издали я заприметила крохотное селение и, подойдя поближе, стащила с шеста повешенный для просушки большой кусок мяса. Это было гораздо лучше того, что я могла поймать в свои силки.

С тех пор как Юта оказалась в руках преследователей, я не жарила себе мяса. Во-первых, я ни разу не смогла

самостоятельно развести огонь, а во-вторых — и это самое главное — я теперь знала, насколько это опасно.

Я обходилась фруктами, лесными орехами и съедобными кореньями. Иногда моя вынужденная скудная диета дополнялась мясом какой-нибудь мелкой дичи — птицы или лесного урта,— попавшейся в расставленные мной силки. Но в последние две ночи мне сказочно повезло: я дважды наткнулась на небольшие селения и ухитрилась стащить пару кусков вяленого мяса. Я решила, что питаться подобным образом для меня самое подходящее дело.

Я никогда не смогу себя пересилить и даже ко рту не поднесу тех мерзких водяных жуков, которых ела Юта, и отвратительных зеленых насекомых, которых она выковыривала из-под коры поваленных деревьев. Как бы они ни были богаты белками и протеинами, я лучше ноги протяну от голода, чем заставлю себя проглотить хоть одну такую гадость!

Куда лучше утащить кусок мяса во встречающихся у меня на пути селениях, у бестолковых крестьян! Я даже не стала особенно удаляться от селения, решив этой ночью снова полакомиться вяленым мясом и прихватить еще кусочек на завтрашний день.

Я лежала, закинув руки под голову, и сквозь густые ветви кустарника лениво наблюдала за плывущими по небу облаками. День выдался теплым и солнечным. Настроение у меня было приподнятое. Я с удовольствием ощущала приятную сытость в желудке.

Внезапно где-то вдалеке я различила неясный шум. Мне показалось, что это кричат люди. Их голоса сливались с каким-то грохотом, издаваемым металлическими предметами. Вероятно, они колотили палками в какие-нибудь тазы или кастрюли.

Вначале я не придала большого значения причудам местных жителей, однако через несколько минут стало ясно, что странные звуки быстро приближаются.

Я почувствовала смутное беспокойство.

Вскочив на ноги, я выглянула, раздвинув ветви кустарника.

С опушки леса, ближайшей к селению, доносился ужасный грохот, приближающийся ко мне.

Не связывая появление шума со своим присутствием в лесу, я перебросила через плечо кожаный ремень, с помощью которого устраивала силки, и не спеша направилась в противоположную сторону, собирая по дороге ягоды и съедобные плоды.

Шум у меня за спиной становился все громче, но я пока не придавала этому значения. Что бы там ни затевали местные жители, для меня главное — на них не наткнуться, а в моем распоряжении целый лес, так что я без труда смогу от них удалиться.

Не желая углубляться в рощу, что было мне совсем не по пути, я свернула влево, стараясь обогнуть двигавшихся в моем направлении людей.

Я шла все так же неторопливо, время от времени наклоняясь, чтобы пособирать ягоды или сорвать плод.

И вдруг, к своему раздражению, я услышала, что такой же издаваемый металлическими предметами грохот приближается навстречу.

У меня родились смутные подозрения, а легкое беспокойство переросло в тревогу. Я повернула направо и перешла на бег. Неужели меня пытаются взять в кольцо?

Через две-три минуты стало ясно, что я приближаюсь к еще одному источнику шума. Я испуганно оглянулась. Грохот металлической посуды доносился теперь с трех сторон. Издававшие шум люди окружали рощу широким полукругом.

Стало ясно, что это именно на меня они устроили облаву!

Я испугалась не на шутку.

Лишь с одной стороны шум не доносился. Не долго думая, я побежала в этом направлении. Вскоре оказалось, что эти люди прижимают меня к краю рощи. Там я окажусь вне защиты густых деревьев! Там они смогут загнать меня в расставленные ими сети или прямо в руки поджидающих в засаде охотников! Это пугало меня больше, чем разносившийся по лесу шум.

Я должна как-то проскользнуть между окружающими меня людьми.

Очень осторожно, прячась за ветвями кустарника какой погуще, я направилась навстречу приближающемуся грохоту.

Мимо пробежал испуганный табук, мелькнула среди травы пара встревоженных уртов.

Нарастающий грохот и осознание того, что я являюсь объектом устроенной облавы, делали все происходящее вокруг каким-то нереальным. Я чувствовала себя словно в кошмарном сне. Я заметалась, утратила всякую способность мыслить рационально. Меня мучило только желание поскорее убежать от этого грохота, заткнуть уши, чтобы его не слышать, проснуться! Однако я нашла в себе силы окончательно не впасть в истерику.

Я забилась в середину густого кустарника и прижалась к земле.

Грохот стал невыносимым. Сердце у меня готово было выскочить из груди.

Плотной шеренгой на меня надвигалось не меньше двух сотен крестьян — мужчин, женщин, детей. Все они кричали и что было сил колотили палками в железные тазы, котелки и кастрюли. В руках у мужчин я увидела копья и дубинки, женщины несли вилы и плети для скота.

Их было слишком много, они шли очень близко друг к другу!

Я плотнее прижалась к земле.

Какой-то ребенок заметил меня и еще громче заколотил палкой в железную кастрюлю.

Я не выдержала, вскочила на ноги и побежала.

Оглушительный грохот отдавался в каждой клеточке моего тела. Он притуплял сознание, лишал воли. Я не способна была о чем-то думать. Я могла только бежать туда, где не было этого адского шума, где стояла тишина.

Я выскочила из рощи и побежала по открытому полю. В ярких лучах полуденного солнца я была хорошо видна на открытом пространстве. Но я продолжала бежать, не останавливаясь, не раздумывая над тем, что ждет меня впереди. Меня гнал безудержный страх и желание уйти как можно дальше от этого ужасного, подавляющего чувства и мысли грохота.

Я бежала, пока хватало сил. Потом я оглянулась назад.

Крестьяне стояли на краю рощи. Они уже не кричали и не колотили в свои тазы и кастрюли.

Я окинула взглядом открывающееся передо мной бескрайнее поле. Впереди никого не было. За мной не гнались крепкие крестьянские парни, чтобы повалить меня на землю и скрутить руки кожаными ремнями. Не было расставленных сетей или каких-то других ловушек. Не было ничего, что помешало бы мне убежать!

Я закричала от радости.

Эти крестьяне хотели только выгнать меня из рощи! Они не старались меня поймать!

Я все еще была на свободе!

Я стояла посреди бескрайнего поля, поросшего высокой — по колено — густой травой. По синему бездонному небу легко скользили пушистые облака. Яркие солнечные лучи ласкали лицо и плечи. Выстроившиеся на опушке рощи крестьяне уже не казались мне такими страшными. Я полной грудью вдохнула свежий, пьянящий воздух этой славной планеты и еще раз подивилась ее удивительной, сказочной красоте.

Мне хотелось петь и плясать! Крестьяне вовсе не собирались меня преследовать. Я почувствовала себя счастливой.

Я свободна!

Я запрокинула голову к небу, с удовольствием ощущая, как легкий ветерок ласково перебирает мои волосы.

Свобода!

И вдруг сердце у меня снова тревожно забилось. В беспредельных глубинах высокого синего неба я различила едва заметную черную точку.

Я оглянулась на толпу крестьян: они не тронулись с места.

Я опустилась на траву, чувствуя, как меня оставляют последние силы.

Черная точка стремительно перемещалась по небу. Сначала она была справа от меня, затем сзади, а теперь я видела ее прямо перед собой. Она описывала надо мной широкие круги.

Я закричала от отчаяния. Я находилась в самом центре этого описываемого зловещей точкой круга.

Я вскочила на ноги и побежала.

Я бежала не останавливаясь, изредка бросая взгляд на удаляющуюся за спиной рощу из темно-желтых деревьев ка-ла-на и на двигавшуюся вслед за мной в небе точку, которая постепенно увеличивалась в размерах и принимала зловещие очертания огромной парящей птицы. В какое-то мгновение я даже заметила, как сверкнул в лучах солнца металлический шлем, надетый на голову ее наездника.

Птица быстро снижалась, определенно направляясь прямо ко мне. Я уже различала ее пронзительный крик и хлопанье крыльев.

Я словно обезумела от страха и захлестнувшего меня отчаяния. Я бежала — не различая дороги, спотыкаясь о камни, падая и поднимаясь вновь.

Крики птицы, свист рассекаемого мощными крыльями воздуха раздавались все ближе и ближе. Я чувствовала себя диким табуком, спасающимся бегством от когтей настигающего его хищника.

Над головой у меня промелькнула громадная черная тень с распростертыми крыльями. Потоком воздуха меня сбило с ног, но я тут же вскочила с земли и рванулась в сторону, радуясь тому, что птице не удалось схватить меня своими когтями.

И тут мне на плечи упала широкая петля длинного кожаного лассо. В одно мгновение руки у меня оказались плотно прижатыми к телу. Я почувствовала страшный рывок в сторону, от которого дыхание у меня перехватило, а спина едва не переломилась. Непреодолимая сила потащила меня вверх. Ноги оторвались от земли, и я с ужасом наблюдала, как трава, только что доходившая мне до колен, удаляется от меня, остается внизу — далеко внизу!

Я закричала.

Меня завертело потоком воздуха, перевернуло вниз головой, так что теперь яркое, слепящее солнце оказалось у меня под ногами. Охватывающий мое тело ремень впился мне в руки, в спину, в живот. Стало трудно дышать. Тарн быстро набирал высоту, и когда я отважи-

лась бросить взгляд на землю, то увидела, что трава на поле, в нескольких сотнях футов подо мной, превратилась в сплошное зеленое пятно, а роща из темно-желтых деревьев ка-ла-на напоминает теперь небольшую охапку листьев. Я беспомощно болталась на ремне в сорока футах под ногами уносящего меня ввысь могучего тарна. Мне страшно было даже подумать, что произойдет, если стягивающий мое тело кожаный ремень не выдержит и оборвется.

Птица начала делать в воздухе широкий разворот; теперь она направлялась в сторону каланской рощи, оставшейся далеко внизу.

Меня вертело и трепало в воздухе, как беспомощную игрушку, подвешенную на ветру. Ремень безжалостно впивался в грудь. Я задыхалась.

Тут я почувствовала, что меня неторопливо, фут за футом, поднимают вверх. Я хотела ухватиться за ремень, но не смогла даже пошевелить плотно прижатыми к телу руками.

Прямо над головой я увидела чудовищные когти птицы — громадные, острые, хищно изогнутые,— но в следующее мгновение меня потащило в сторону от них, и я почувствовала плечом прикосновение к жесткому кожаному седлу и обутой в сандалию ноге наездника.

Через секунду я уже лежала у него на коленях. Я была так напугана, что не смела даже пошевелиться.

Сквозь прорези на шлеме я увидела глаза наездника. Они смеялись. Я поспешно отвела взгляд.

Мужчина расхохотался. Это был громогласный смех воина, тарнсмена. По телу у меня пробежала дрожь.

Мужчина снял с меня лассо.

Сидя в широком седле, лицом к наезднику, без всякой страховки, я испугалась, что могу упасть, и поспешно обняла его за шею.

Он смотал снятый с меня аркан и всунул его в кольцо с левой стороны седла. После этого он вытащил из-за пояса охотничий нож.

Я почувствовала, как его лезвие прошлось по пояску, стягивающему мою рубаху, и в ту же секунду подхваченная потоком воздуха рубаха у меня задралась и закрыла мне лицо. Наездник снял ее и отшвырнул в сто-

рону. Он укрепил мне на поясе широкий страховочный ремень. Волосы у меня развевались на ветру. Щекой я ощущала холод его шлема.

Он убрал от себя мои руки, обнимающие его за шею.

— Ляг на седло на бок, лицом ко мне,— приказал он.— Ноги — вместе, руки — перед собой!

Боясь выпасть из седла с такой высоты, я сделала все, как он велел.

Он связал мне руки и пропустил ремень к кольцу с одной стороны седла, а ремень, стянувший мне ноги, привязал к другому кольцу.

Я лежала у него на коленях, выгнувшись дугой и ощущая свою полную беспомощность.

Он похлопал меня по животу и расхохотался. Это был смех тарнсмена, довольного своей добычей.

Я проклинала злую судьбу и свою трусливость, из-за которой позволила вытеснить себя из рощи прямо в руки кружащему в небе тарнсмену.

Я закрыла глаза, чтобы не видеть этого разбойника, и разрыдалась. Я снова стала чьей-то пленницей!

И надо же было так случиться, что меня вытеснили из рощи именно в тот момент, когда в небе появился этот тарнсмен!

Птица теряла высоту, широкими кругами опускаясь к земле. Я чувствовала это, хотя и не могла удостовериться, поскольку землю от меня закрывало мощное, покрытое пестрыми лоснящимися перьями крыло тарна.

Наконец меня хорошенько тряхнуло, и птица, подняв крыльями клубы пыли, опустилась на землю.

Насколько я могла теперь видеть, мы находились посреди небольшой площади, расположенной в центре крестьянского селения. Выгнув шею, я различила невдалеке рощу из деревьев ка-ла-на. Вокруг столпились люди. Ближе всех оказались несколько мужчин в грубых крестьянских туниках, державших в руках длинные копья. За ними стояли женщины и дети. Не спуская с меня глаз, они поигрывали гибкими хворостинами. Со всех сторон доносились приглушенные голоса и звон металлической посуды.

— Поздравляю с тем, что вам удалось ее поймать, благородный воин,— произнес широкоплечий крестьянин в грубой тунике из репсовой материи.

— Да, вы мастерски выгнали ее в открытое поле. Благодарю вас,— ответил поймавший меня наездник.

Я застонала от отчаяния. Мне все стало ясно.

— Вы заплатили за нашу помощь,— продолжал крестьянин.— Но этого маловато.

— Да,— вмешался другой человек.— Она украла у нас мясо, а за ночь до того похитила мясо в соседней деревне, у Роруса!

— Уступите нам ее на четверть часа, благородный воин,— попросил крестьянин.— Мы накажем ее розгами. Этого времени нам вполне хватит.

Воин рассмеялся. А я задрожала от страха перед таким наказанием.

— Здесь есть и люди из деревни Роруса,— заметил крестьянин.— Им тоже хочется ее наказать.

Я боялась даже подумать о том, что меня ожидает.

— Позвольте нам отхлестать ее розгами! — закричали женщины и дети.

Привязанная к седлу, я не могла пошевелиться, беспомощно ощущая, как все мое тело колотит нервная дрожь.

— Сколько стоит украденное мясо? — поинтересовался воин.

Деревенские жители потупились и промолчали.

Воин достал из подвешенного к его поясу кошелька две монеты и протянул одну из них стоящему рядом крестьянину, а вторую отдал представителю селения, в котором жил человек по имени Рорус.

— Спасибо, благородный воин! — в один голос воскликнули оба мужчины.— Примите нашу искреннюю благодарность.

— Я первым приложу к ней руку,— посуровевшим голосом пообещал похитивший меня тарнсмен.— Сначала моя плеть прогуляется по этому телу!

Ответом ему послужил дружный, одобрительный хохот.

Я почувствовала, как у меня мурашки побежали по телу.

Воин поднял руку.

— Желаю вам всего хорошего! — бросил он на прощание.

— И мы желаем вам удачи! — кричали, махая руками, крестьяне.

Я увидела, как поводья, или рулевые ремни — не знаю, как сказать точнее,— натянулись, и послушная им птица напружинилась, оттолкнулась от земли и мощными взмахами крыльев стала быстро набирать высоту, в одно мгновение оставив далеко под собой и машущих вслед нам крестьян, и их бревенчатые домики, крытые соломой, и рощу из темно-желтых деревьев ка-ла-на.

Плавные взмахи крыльев тарна ритмично следовали один за другим. Стремительный поток воздуха овевал мое тело, трепал мои волосы. Я лежала на широком седле, связанная ремнями по рукам и ногам. Ремни были затянуты так туго, что я не могла даже пошевелиться. Никогда еще ко мне не прикасалась рука более сильного мужчины, не связывала меня так крепко, так безжалостно. Я чувствовала себя совершенно беспомощной. Я не знала, куда мы летим; знала лишь, что меня, Элеонору Бринтон, везут, чтобы снова сделать рабыней.

По положению солнца мне удалось определить, что мы летим в юго-западном направлении.

Вскоре после того, как птица набрала высоту и поднялась под облака, наездник нагнулся и внимательно осмотрел мое левое бедро, где у меня было выжжено невольничье клеймо.

— Рабыня,— произнес он недовольным тоном и снова выпрямился в седле.

Через секунду-другую он оставил поводья, схватил меня за волосы и повернул мое лицо в одну сторону, а затем в другую.

— И уши проколоты,— процедил он сквозь зубы.

Я застонала от охватившего меня отчаяния.

Тарн продолжал неустанно рассекать крыльями воздух.

Прошло довольно много времени, и наконец наездник снова бросил на меня короткий взгляд и вполголоса произнес:

— Мы над Воском.

Я догадалась, что мы подлетаем к обширным владениям Ара, в северной части выходящим к могучему Воску.

Однако час за часом тарн все так же взмахивал крыльями, унося меня все дальше в неизвестность.

Наездник даже не развязал мне рук, когда решил покормить.

— Открой рот! — приказал он и вложил мне в губы небольшой ломоть желтого са-тарновского хлеба. Я мучительно долго его жевала и с трудом проглотила. После этого он отрезал кусок мяса и также впихнул мне его в рот. Пока я пережевывала мясо, он достал из седельной сумки кожаную флягу, откупорил ее и поднес к моим губам. Вода полилась мне в рот, в нос, на лицо, и я чуть не захлебнулась, но все же как-то ухитрилась сделать два-три глотка.

Кормление закончилось. Я устало закрыла глаза.

Полет продолжался.

Немного погодя я стала потихоньку присматриваться к управляющему птицей воину. Он казался хорошо сложенным широкоплечим молодым человеком. Его крупную голову почти полностью закрывал крепкий металлический шлем. Мускулистые, красивые руки были покрыты ровным загаром. Ладони у него, я заметила, были большими и грубыми, привычными к оружию. Ни на шлеме наездника, ни на его кожаном одеянии я не увидела никаких гербов или знаков отличия. Очевидно, он или наемник, решила я, или разбойник.

Я не имела ни малейшего представления, какая судьба меня может ожидать в руках такого человека.

Он внушал мне страх. И меня не оставляло ощущение, что я его уже где-то видела. Может, это было в Лаурисе, неподалеку от невольничьих бараков, где останавливался со своими невольницами Тарго?

— Вы не наемник из отряда Хаакона со Скинджера? — решилась задать я вопрос.

— Нет,— ответил он.

— Вы... вы похитили меня для себя самого? Вы оставите меня у себя?

— Оставить тебя, грязную кейджеру с проколотыми ушами, которая по ночам ворует мясо в крестьянских селениях?

В его голосе было столько презрения, что я невольно застонала.

— Да я даже не помещу тебя с остальными своими женщинами!

Я обреченно закрыла глаза.

Мне пришло в голову, что этот воин похитил уже не одну женщину, что, должно быть, множеству красивейших девушек — невольницам и свободным — пришлось в свое время лежать на его широком седле связанными и беспомощными, как лежу сейчас я. Среди такого возможного обилия красавиц я, Элеонора Бринтон, теряла всякую ценность. Этот дерзкий воин, конечно, не может воспринимать меня иначе, как очередную свою будничную добычу. Судя по всему, именно так он ко мне и относился, поскольку, казалось, не обращал на меня особого внимания.

— Ты будешь продана какому-нибудь мелкому странствующему торговцу,— поделился он со мной своими планами.— Мне вообще следовало бы оставить тебя в той деревне. Крестьяне знают, как поступать с воровками.

— Пожалуйста, выставьте меня на продажу в Аре,— взмолилась я.— Я девушка белого шелка!

Он посмотрел на меня. Губы его растянулись в легкой усмешке. Я поскорее отвернулась.

— Ты не достойна чести быть проданной в Аре,— сказал он.— Тебя следует выставить на продажу в небольшом городке или поселке, а то и вообще в каком-нибудь пограничном форте.

— Умоляю вас! — прошептала я.

— Я поступлю с тобой так, как сочту нужным,— отрезал воин.— Говорить на эту тему мы больше не будем.

Я закусила губу. Когда я снова повернулась к нему, я заметила, что он посматривает на меня. В его глазах светилась легкая усмешка.

— Я девушка белого шелка! — в отчаянии воскликнула я.— Вы заработаете на мне больше денег, если продадите меня такой, как я есть!

— Вы заблуждаетесь, девушка белого шелка,— с неожиданной учтивостью заметил он,— если полагаете, будто меня интересует только золото.

— Ну, пожалуйста! — прошептала я.— Прошу вас!

Он наклонился, чтобы развязать ремни у меня на ногах. Я обреченно застонала.

Однако потянувшись к ремням, он внезапно замер и тут же резко обернулся назад.

Над головой у него просвистела выпущенная из арбалета стрела.

В одну секунду — не успела я даже опомниться от неожиданности — он выхватил притороченный к седлу щит и с яростным боевым кличем, от которого у меня кровь застыла в жилах, принялся быстро разворачивать тарна лицом к противнику.

Тут же я услышала сзади другой боевой клич, и в какой-нибудь паре футов от нас пронесся второй наездник. Широкий бронзовый наконечник его копья с глухим скрежетом скользнул по обшитому металлическими пластинами щиту моего похитителя.

Разворачиваясь, второй тарн начал описывать широкую дугу, чтобы выйти нам навстречу, а его наездник, привстав в стременах и зажав в зубах короткую стрелу, стал поспешно перезаряжать арбалет.

Мой похититель пошел в атаку, не давая противнику времени вложить стрелу в направляющие.

Когда нас разделяло всего несколько ярдов, второй тарнсмен отшвырнул арбалет и схватил в руки щит. Мой похититель, также привстав в стременах, толстым копьем нанес ему мощный удар. Тарнсмен парировал его щитом, отводя направленный ему в грудь наконечник копья в сторону. Удар был столь силен, что, не будь тарнсмен опоясан широкими страховочными ремнями, его бы выбросило из седла. Подставленный им щит не выдержал удара; кожа на нем лопнула, и мой похититель, потянув к себе копье, вырвал щит из рук того тарнсмена.

Обе птицы развернулись, и воины начали сходиться снова.

Удар копьем второго тарнсмена и на этот раз пришелся в щит моего похитителя. Опять я сжалась от

страха, когда острый наконечник его копья проскрежетал по металлическим пластинам нашего щита, обтянутого в несколько слоев толстой шкурой боска. Щит выдержал. Еще дважды неприятель наносил удар, и каждый раз мой похититель отбивал его копье в нескольких дюймах от моего тела. Лежа поперек широкого седла моего похитителя, связанная по рукам и ногам, я сковывала свободу его действий копьем, поэтому он стремился сойтись с противником на расстояние меча.

После очередного удара, пришедшегося в край, щит моего похитителя треснул. Я с ужасом увидела, как широкий бронзовый наконечник больше чем на фут вошел в обтягивающую его кожу и остановился в считанных дюймах от моего лица.

Я закричала.

Мой похититель направил своего тарна в сторону от неприятеля и вырвал из рук противника застрявшее в его щите копье. Тот выхватил меч и бросился за нами в погоню, не давая нашему тарну возможности развернуться и зайти ему в лоб.

Руки моего похитителя оказались занятыми: в одной он сжимал собственное копье, а в другой — щит, в котором застряло копье противника. Выбросить щит он не хотел, поскольку все это время прикрывал им меня — совершенно беспомощно лежащую поперек его седла.

Улучив момент, он отшвырнул собственное копье, привстал в стременах и с огромным усилием вырвал застрявшее в его щите копье противника. Однако едва лишь копье оказалось у него в руках, нападавший тарнсмен, широко размахнувшись, нанес ему мощный рубящий удар мечом. Отводя удар, мой похититель подставил древко копья. Стальной клинок расщепил древесину, а пришедшийся в то же место второй удар разрубил копье на две части. Мой похититель отшвырнул обломки копья, накрыл меня щитом и выхватил из седельных ножен свой меч.

Сталь зазвенела в руках мужчин. Дважды удары приходились в закрывающий меня щит. Противник дрогнул и, опасаясь разящих ударов моего похитителя, молниеносно направил свою птицу вверх. На какое-то мгно-

вение его тарн завис в нескольких футах у нас над головами, а затем камнем упал прямо на нас. Громадные, хищно загнутые когти птицы сомкнулись на закрывавшем меня щите. Мой похититель попытался мечом отогнать птицу, и она с пронзительным криком рванулась в сторону, не выпуская при этом щита из своих намертво сомкнувшихся на нем когтей. Сила птицы была столь велика, что, если бы мой похититель не был привязан страховочными ремнями, она без малейшего труда выбросила бы его из седла. Один из ремней, удерживавших щит на руке моего похитителя, лопнул, и неприятельский тарн стал набирать высоту, продолжая сжимать в когтях свою добычу. Через секунду когти его разжались, и изуродованный щит закувыркался в воздухе, как сорванный ветром лист.

— Отдай мне девчонку! — раздался у нас над головой голос нападавшего.

— Мы поговорим о ней с мечом в руках! — ответил мой похититель.

Беспомощная, связанная по рукам и ногам, я могла только жалобным стоном вклиниться в диалог мужчин.

Тарны снова сошлись крылом к крылу, седлом к седлу, мечи их наездников засверкали на солнце белыми молниями и наполнили все вокруг звоном стали: шел мужской разговор за право обладания мною — женщиной, пленницей, призом для победителя.

Я закричала от страха.

Тарны, не снижая высоты, били друг друга мощными клювами, рвали длинными, хищно изогнутыми когтями. Они превратились в один громадный ком из крыльев и перьев — судорожно трепещущий, разражающийся пронзительными криками, наполненный исступленным стремлением к уничтожению противника.

Привязанную к широкому тарнскому седлу, меня нещадно бросало из стороны в сторону. Небо, только что простиравшееся у меня над головой, в одну секунду оказывалось у меня под ногами, и я то и дело беспомощно повисала на ремнях, стягивающих мне руки и лодыжки. В иные моменты мне казалось, что мой желудок не выдержит больше подобных истязаний, и меня вывернет наружу. Однако гораздо более страшной перспективой

мне представлялась возможность отвязаться от седла и упасть на землю, виднеющуюся в нескольких сотнях футов под нами.

Мужчины изо всех сил старались удержать своих птиц под контролем.

Наконец им удалось развести их в стороны, и через мгновение они снова сошлись в смертельном поединке. Их стальные клинки мелькали в воздухе в считанных дюймах от моего тела и обрушивались друг на друга, осыпая меня снопами искр.

Внезапно с яростным криком нападавший противник привстал в стременах и обрушил удар, направленный прямо мне в лицо. Мой похититель подставил свой меч, и я с ужасом наблюдала, как летящий в меня клинок противника постепенно замедляет движение, на секунду замирает в каком-нибудь дюйме от моего лица и тут же отбрасывается в сторону мечом моего похитителя. Такой удар начисто снес бы мне голову.

Я почувствовала капли крови на лице — своей ли, чужой — не знаю: я была сейчас не в силах соображать. Все казалось мне каким-то кошмарным сном.

В чувство меня привел голос моего похитителя.

— Ну, слин! — закричал он.— Я уже достаточно с тобой наигрался!

Противники сошлись снова; мечи в их руках зазвенели с удвоенным остервенением, и через секунду раздался крик, исполненный ярости и боли.

Неприятельский тарн резко свернул в сторону, и я увидела, что нападавший на нас наездник медленно сползает с седла, зажимая рукой окровавленное плечо.

Его птица заметалась, затем выровняла полет и, уходя от нас, стала медленно снижаться.

Мой похититель не стал ее преследовать.

Я посмотрела на него — воина, тарнсмена, чьи ремни стягивали мне ноги и руки. Я все так же лежала перед ним, беспомощная, не в силах пошевелиться.

Он бросил на меня хмурый взгляд и расхохотался. Я поспешно отвела глаза.

Он развернул тарна, и мы продолжали полет.

Я заметила рану у него на левом плече; очевидно, кровь из нее и забрызгала мне лицо.

Вскоре, не в силах сопротивляться раздирающему меня любопытству, я снова взглянула на своего похитителя.

Рана у него на плече оказалась неглубокой. Она уже почти перестала кровоточить, однако вся левая рука воина была густо облита кровью.

Он заметил мой взгляд и усмехнулся.

Я запрокинула голову и, чтобы не смотреть на моего похитителя, стала наблюдать за проплывающими мимо облаками — такими близкими сейчас, белыми и пушистыми.

— Это был твой приятель,— словно между прочим заметил похитивший меня воин.

Я не поняла, кого он имеет в виду.

— Хаакон со Скинджера,— уточнил он, глядя мне в лицо.

Я испугалась.

— Откуда ты его знаешь? — поинтересовался он.

— Я была у него рабыней. Любимой рабыней,— поспешно ответила я.— Потом мне удалось от него убежать.

Некоторое время он управлял полетом птицы, не разговаривая со мной.

Примерно через четверть часа я набралась смелости и спросила:

— Могу я говорить?

— Говори,— позволил он.

— Вы, конечно, понимаете,— начала я,— что такой человек, как Хаакон, с его богатствами и возможностями, мог сделать своей любимой невольницей только девушку совершенно незаурядную, красивую и умелую.

— Понимаю,— согласился воин.

— Поэтому меня нужно было бы выставить на продажу в Аре, и, поскольку я девушка белого шелка, продавать меня следовало бы именно в этом качестве. Так я могла бы принести вам больше денег.

— Довольно странно, чтобы у такого человека, как Хаакон со Скинджера, любимой невольницей была девушка белого шелка,— заметил похитивший меня воин.

Я вся покраснела под его пристальным взглядом.

— Ну-ка, расскажи алфавит,— потребовал он.

Горианского алфавита я не знала. Я не умела читать. Здесь, на Горе, Элеонора Бринтон была совершенно неграмотной.

— Я не знаю алфавит,— призналась я.

— Неграмотная рабыня,— покачал он головой.— А твое произношение сразу выдает в тебе дикарку.

— Я прошла обучение! — воскликнула я.

— Я знаю,— согласился он.— В невольничьей школе в Ко-ро-ба.

Я буквально онемела от его осведомленности.

— К тому же, должен тебе заметить,— ты никогда не принадлежала Хаакону.

— Я была его невольницей! — продолжала я настаивать.

Его глаза внезапно посуровели.

— Хаакон со Скинджера — мой враг,— сказал воин.— Если ты действительно была его любимой невольницей, тебе очень не повезло, что ты оказалась у меня в руках. Мне придется относиться к тебе так же, как бы я отнесся ко всему, что принадлежало моему врагу.

— Я солгала,— прошептала я.— Солгала!

— А теперь ты лжешь, чтобы спасти свою шкуру от плетей,— сурово заметил воин.

— Нет! — закричала я.

— С другой стороны,— размышлял вслух мой похититель,— если ты была любимой невольницей у Хаакона со Скинджера, с такой рекламой я сумею получить за тебя приличные деньги, продав какому-нибудь богатому покупателю.

Отчаяние охватило меня с новой силой.

— Воин,— продолжала я изворачиваться,— признаюсь: я действительно была любимой рабыней у Хаакона. Однако он был жесток ко мне, и поэтому я убежала!

— А чего заслуживает невольница, которая лжет своему хозяину? — с ледяной холодностью поинтересовался похитивший меня воин.

— Всего, чего пожелает ее хозяин,— пролепетала я.

— А как бы ты сама поступила с обманувшей тебя невольницей?

— Я... я наказала бы ее розгами...

— Отлично,— произнес он и посмотрел на меня сверху вниз; в глазах у него не было даже намека на доброжелательность.— Как имя старшего офицера Хаакона со Скинджера? — спросил он.

Я вся сжалась в стягивающих меня кожаных ремнях.

— Не бейте меня, хозяин! — взмолилась я.— Пожалуйста, не бейте!

Он рассмеялся.

— Тебя зовут Эли-нор,— сказал он.— Ты была невольницей Тарго из селения Клерус, что находится во владениях Тора. В школе для невольниц в городе Ко-роба, где ты проходила курс обучения, всем было хорошо известно, что ты не убираешь за собой свою клетку и что ты отъявленная лгунья и воровка.— Он похлопал меня по животу.— Нечего сказать, хороший у меня сегодня улов! И чем, спрашивается, ты могла меня заинтересовать — сам не знаю!

— Значит, вы меня уже видели?

— Да.

— Но ведь я в той школе была самая красивая, верно?

Он рассмеялся.

— На свете много красивых женщин.

Я почувствовала, как последнее оружие ускользает у меня из рук.

— Значит, вы намереваетесь надеть на меня свой ошейник? — спросила я дрожащим голосом.

— Да,— ответил он.

Я закрыла глаза.

Прощай, Ар! Прощай, вольготная жизнь, о которой я столько мечтала в последнее время!

У меня исчезли всякие сомнения в том, что мне, Элеоноре Бринтон, придется носить унизительный невольничий ошейник, надетый рукой этого грубого похитившего меня человека. Мне, некогда свободной женщине Земли, отныне суждено принадлежать этому дикарю по всем законам Гора — принадлежать полностью, всеми своими мыслями, чувствами, каждой клеточкой своего тела. Мне суждено стать его рабыней.

Я посмотрела на этого человека; он казался невероятно сильным и мужественным.

— Вы искали меня по всей степи? — спросила я.

— Да,— ответил он и усмехнулся.— Я охотился за тобой несколько дней.

Отчаяние нахлынуло на меня с новой силой. Значит, когда я чувствовала себя абсолютно свободной, когда убежала от Тарго, когда предала Юту и пряталась в зарослях деревьев ка-ла-на, это грубое чудовище со своим громким смехом, со своими жесткими кожаными ремнями неотступно шло по моему следу! Он уже давно отобрал меня для своего ошейника, наметил в качестве предмета своих удовольствий.

Как же могла я, простая слабая девушка, надеяться убежать от такого мужчины, такого тарнсмена?

— Вы видели меня в невольничьих бараках Ко-ро-ба? — повторила я вопрос.

— Да,— ответил он.

— Кто вы? — прошептала я.

— Ты меня не узнаешь?

— Нет.

Он снял с себя шлем.

— Я вас не знаю,— прошептала я.

Я была очень испугана. Я не подозревала, что у этого человека такое красивое, волевое лицо. Он словно олицетворял собой власть и мужество. Голова у него была крупной, песочного цвета волосы — длинными и густыми, а глаза — холодными и суровыми.

Я застонала от отчаяния, кляня судьбу за то, что она обрекла меня на несчастье попасть в руки такому мужчине.

Он рассмеялся. На фоне обветренного, загорелого лица его крупные зубы показались мне особенно белыми и по-хищному крепкими. Я невольно вздрогнула. Мне в голову пришла сумасшедшая мысль, что эти зубы, вероятно, привыкли раздирать сырое мясо. Что, если они вопьются в мое тело?

Я с новой силой ощутила собственную слабость. Я чувствовала себя беспомощным табуком в лапах горного ларла.

Все мои прежние фантазии, которыми я тешила себя и в невольничьих бараках Ко-ро-ба, и в караване Тарго,

все мои мечты о том, как я стану покорительницей мужчин и, несмотря на надетый на меня ошейник, обольстительной улыбкой и капризно надутыми губками сумею подчинить себе своего будущего хозяина, заставлю его выполнять все мои желания, сейчас казались мне такими наивными, такими глупыми.

Меня захлестнуло отчаяние.

Я понимала, что в руках такого человека я могу быть только бесправной рабыней. Рядом с ним, с его силой и мужеством, я могу быть только женщиной — слабой и покорной.

Здесь у меня не было выбора.

В эту минуту я осознала, насколько большую роль в жизни каждой женщины, как и каждого мужчины, помимо воли, помимо способности к сознательному выбору, играют инстинкты — скрытые или в большей степени явные, лежащие на поверхности или в самой глубине сознания, принимаемые человеком или яростно им отвергаемые. Они заложены в самой природе человека, в самом его генетическом коде и — хотим мы того или нет — передаются от поколения к поколению. Они неподвластны нашему желанию, но подспудно — в той или иной степени — накладывают отпечаток на каждый наш поступок, каждую мысль или стремление. Нередко оставаясь незаметными для нас самих, они проявляются столь же естественным образом, как ощущаемый нами страх и удивление, радость и печаль, как ритмичное сокращение сердечной мышцы и работа органов внутренней секреции.

Но, даже не вдаваясь в столь глубокие умозаключения, я чувствовала, осознавала, что этот человек главенствует надо мной.

Куда, например, денешься от того факта, что я лежу перед ним связанная по рукам и ногам — беспомощная пленница, всецело зависящая от желания своего повелителя? Разве поспоришь с тем, что мне не сравниться с ним ни в силе, ни в мужественности характера, перед которыми мне остается только признать себя слабой, беспомощной женщиной? Как мне хотелось сейчас оказаться среди уступчивых, сердобольных мужчин Земли,

приученных потакать женским капризам! Как мне хотелось вырваться из лап этого безжалостного горианского самца!

Но внезапно помимо своей воли я почувствовала сумасшедшее желание принадлежать ему, принадлежать, как женщина может принадлежать мужчине.

— Значит, ты не узнаешь меня? — рассмеялся он.

— Нет,— едва слышно прошептала я.

Он пристегнул шлем к луке широкого седла и вытащил из сумки кусок мягкого кожаного ремня. Запрокинув голову, он, словно бинтом, перевязал кожаной повязкой левый глаз.

Мне вспомнились невольничьи бараки в Ко-ро-ба и стоящий в проходе между клетками высокий человек в желто-синем одеянии работорговца; левый глаз у него закрывала такая же повязка.

— Сорон из Ара! — воскликнула я.

Он рассмеялся, снял повязку и бросил ее в сумку.

— Вы — работорговец! — запинаясь, произнесла я.— Сорон из Ара!

Я вспомнила, как стояла перед ним на коленях и как он потребовал дважды повторить ему традиционную фразу выставляемой на продажу невольницы: «Пожалуйста, купите меня, хозяин!», которую он оборвал своим коротким «Нет!», так оскорбившим меня и вызвавшим у меня такое негодование.

А еще я вспомнила, как он после этого, остановившись в проходе между невольничьими клетями, обернулся и посмотрел на меня, а я демонстративно вскинула голову и отвернулась, всем своим видом давая понять, что заслуживаю внимания более достойного человека. Однако когда я снова выглянула в проход, он все еще не спускал с меня, стоящей за железной решеткой обнаженной невольницы, изучающего, оценивающего взгляда, под которым я почувствовала себя ранимой и беспомощной, испуганной и подвластной чужой воле.

Вспомнился мне и сон накануне отъезда из Ко-ро-ба. Мне приснилось, будто я снова умоляю этого человека купить меня, а он отвечает мне своим коротким, отры-

вистым «Нет!». Он и во сне имел надо мной огромную власть, и я проснулась вся в слезах, дрожа от страха.

И вот теперь я лежу перед ним на широком тарнском седле — его беспомощная, связанная по рукам и ногам пленница.

— Еще когда я увидел тебя в первый раз,— сказал мой похититель,— я решил, что ты будешь принадлежать только мне. Уже когда ты опустилась передо мной на колени и произнесла: «Пожалуйста, купите меня, хозяин!», я решил удовлетворить твою просьбу,— усмехнулся он.— А позднее, когда ты под моим взглядом вскинула голову и отвернулась с видом оскорбленного высокомерия, я понял, что не найду себе покоя, пока ты не окажешься в моих объятиях.— Он снова рассмеялся.— Так что, моя дорогая, тебе придется сполна заплатить за свое чрезмерное самомнение!

— Что вы собираетесь со мной сделать? — прошептала я.

Он пожал плечами.

— На какое-то время я оставлю тебя у себя. Ты будешь меня развлекать, а когда мне это надоест, я тебя продам.

— Пожалуйста,— взмолилась я,— выставьте меня на продажу в Аре!

— Думаю, что, скорее всего, я продам тебя в деревне самому небогатому крестьянину,— возразил похитивший меня человек.

При одном воспоминании о крестьянах с их длинными розгами и злобным выражением на лицах я почувствовала, как меня прошибло холодным потом. Я знала, что эти люди заставляют своих невольниц работать наравне с домашним скотом, запрягая в плуг девушек вместе с босками, когда им нужно вспахать землю. На ночь невольниц, как правило, приковывали цепями в хлеву или каких-нибудь грязных сараях.

— Я могу принести вам много денег,— жалобно пробормотала я.— Пожалуйста, продайте меня в Аре!

— Я поступлю с тобой так, как сочту нужным,— отрезал воин.

— Да, хозяин,— прошептала я.

Он окинул меня холодным взглядом.

— А почему вы не купили меня у Тарго? — не удержалась я.

— Я не покупаю женщин,— ответил похитивший меня человек.

— Почему? Ведь вы же работорговец!

— Нет.

— Но Тарго сказал, что вы — Сорон из Ара, работорговец!

— Сорона из Ара не существует.

Меня начал охватывать леденящий сердце ужас.

— Кто же вы? — замирая от страха, спросила я.

— Я — Раск Рариус, гражданин Трева,— ответил мой похититель.— Я воин, а не работорговец!

14

УЧАСТЬ РАБЫНИ — СЛУЖИТЬ ПОВЕЛИТЕЛЮ

Шел второй день моего пребывания в военном лагере Раска из Трева, разбитом в ложбине между поросшими густым лесом холмами, в укромном месте, вдалеке от людских глаз.

Едва лишь накануне наш тарн, хлопая крыльями, опустился на поляну среди окруженных высоким частоколом палаток, как отовсюду раздались громкие приветственные крики.

Я догадалась, что люди Раска из Трева относятся к своему предводителю с большой теплотой и привязанностью.

Среди окруживших нас воинов я заметила нескольких девушек в железных ошейниках и коротких туниках из репсовой материи. Они тоже казались обрадованными. Глаза у них сияли.

Раск со смехом поднял руки над головой, отвечая на раздающиеся со всех сторон приветствия.

Легкий ветерок донес откуда-то запах жареного боска. Приближалось время ужина.

Раск развязал мне ноги и выдернул из кольца на седле ремень, стягивавший мне запястья, однако руки мне развязывать не стал. После этого он без малейших уси-

лий поднял меня на руки и опустил на землю рядом с тарном. Он не швырнул меня, как вещь, не пнул ногой и не заставил опуститься перед ним на колени, но я все равно не осмеливалась поднять на него глаза.

— Хорошенькая штучка,— раздался рядом женский голос.

Я не удержалась и посмотрела на его обладательницу. Она оказалась невероятно красива. На ней было легкое белое платье, оставлявшее открытыми ее шею и плечи. Я заметила также у этой женщины узкий металлический ошейник. Ее одежда разительно отличалась от коротких грубых туник других невольниц, и я догадалась, что она — старшая в лагере над женщинами и что мне с остальными девушками следует ей подчиняться. Нет ничего удивительного в том, что почти везде, где есть несколько невольниц, или, как их называют на Горе, кейджер, над ними, как правило, назначают старшую женщину — кейджерону. Мужчины вовсе не желают утруждать себя указаниями по поводу наших повседневных обязанностей; они лишь хотят, чтобы все было сделано точно и в срок.

Как я их ненавидела — и за все, что они мне сделали, и за то, что они вообще есть на свете!

— На колени! — приказала кейджерона.

Я послушно опустилась на колени в позе рабыни для наслаждений.

По рядам мужчин пробежал ропот одобрения.

— Я вижу, она прошла обучение,— заметила женщина.

Я залилась краской стыда. Я ненавидела этих собравшихся вокруг меня мужчин, но мое прошедшее сложную тренировку тело непроизвольно двигалось таким образом, чтобы лицезрение его доставляло мужчинам удовольствие.

— Она рабыня для наслаждений, притом весьма посредственная,— объявил Раск.— Ее зовут Эли-нор. Она хитрая, лицемерная девчонка, лгунья и воровка.

Такая рекомендация была мне, конечно, не на пользу.

Кейджерона взяла меня за подбородок и приподняла мне голову.

— У нее проколоты уши,— фыркнула она, всем своим видом выражая глубочайшее презрение.

Мужчины рассмеялись. Их смех был мне безразличен. Меня пугало другое: я догадалась, что мои проколотые уши, по обычаю, разрешают для них большую свободу в обращении со мной.

— Мужчины такие животные,— не понятно, с укоризной или с одобрением произнесла кейджерона.

Раск из Трева запрокинул свою гривастую, как у ларла, голову и громко расхохотался.

— А ты, Раск Красавчик, самое большое животное! — заметила женщина.

Я поразилась ее дерзости. Неужели ее не накажут плетьми?

Раск, однако, не выразил никакого неудовольствия. Наоборот, он снова громко расхохотался и даже смахнул рукой выступившие из глаз слезы.

Женщина обернулась ко мне.

— Так, значит, ты, моя милая,— лгунья и воровка,— произнесла она с нескрываемым сарказмом.

Я поспешно опустила голову. Я не в силах была смотреть ей в глаза.

— Смотри на меня! — приказала женщина.

Я испуганно подняла голову и взглянула ей в лицо.

— В этом лагере ты также собираешься заниматься воровством и кого-то обманывать? — поинтересовалась она.

Я отчаянно замотала головой.

Мужчины рассмеялись.

— Если ты только попытаешься это сделать, тебя накажут,— пообещала кейджерона.— И уверяю тебя, наказание будет суровым!

— Тебя изобьют розгами и поместят в ящик для провинившихся невольниц! — подхватила одна из стоящих поблизости девушек.

В чем бы ни заключалось это наказание, желания проверить его на себе у меня не появилось.

— Нет, госпожа,— поспешила заверить я женщину,— я не буду ни лгать, ни воровать!

— Это хорошо,— кивнула она.

Я почувствовала некоторое облегчение.

— Она вся грязная,— поморщился Раск.— Вымой ее и приведи в порядок.

— Вы наденете на нее свой ошейник? — поинтересовалась кейджерона.

Раск помедлил с ответом и окинул меня оценивающим взглядом. Я вся сжалась и опустила голову.

— Да,— услышала я его ответ.

Он развернулся и вместе с остальными направился к центру лагерной стоянки.

— Пойдем со мной в палатку для женщин,— сказала старшая женщина.

Я вскочила на ноги и, со связанными за спиной руками, поспешила за ней.

Молодая невольница легким прикосновением пальцев помазала мне за ушами каким-то ароматическим веществом, очень похожим на туалетную воду.

Солнце уже поднялось. Шел второй день моего пребывания в лагере воина и разбойника Раска из Трева.

Сегодня на меня должны будут надеть его ошейник.

Девушки-невольницы расчесывали и укладывали мне волосы, а я стояла на коленях в глубине палатки для женщин и наблюдала за тем, что происходит снаружи.

День выдался ясным и солнечным. Легкий ветерок перебирал стебли травы и играл отброшенным пологом полотняной палатки.

Сегодня на Элеонору Бринтон наденут ошейник.

Ена, старшая среди женщин, кейджерона, быстро ознакомила меня с принятой в Треве нехитрой церемонией получения невольницей ошейника. Она была очень недовольна тем, что я не знаю собственной кастовой принадлежности и не могу назвать местом своего рождения хоть какой-нибудь известный горианский город или село.

— Но ведь без этого нельзя! — возмущенно заявила она.

Подумав, я решила местом своего рождения назвать мой родной город, а в качестве полного, данного при рождении имени сообщить свое настоящее имя. Тогда на

церемонии принятия невольничьего ошейника меня будут называть мисс Элеонора Бринтон из города Нью-Йорк!

Я рассмеялась. Интересно, как часто в этом варварском мире будут ко мне обращаться подобным образом? Сейчас прежняя гордая и неприступная мисс Элеонора Бринтон из этого самого города Нью-Йорка казалась мне абсолютно ничем не похожей на ту девушку, которой я в данный момент являлась. Они словно были двумя совершенно разными людьми: одна, богатая и высокомерная, продолжала купаться в роскоши в своем пентхаузе на крыше небоскреба и разъезжать на спортивном «Мазератти», а вторая, бесправная, всеми помыкаемая невольница, готовилась к процедуре надевания на нее железного ошейника.

Тем не менее суровая действительность говорила мне, что все это не сон, не плод больного воображения, что я, Элеонора Бринтон, стою сейчас в этой убогой палатке, затерянной в бескрайних просторах чуждого мне, непонятного мира, жителей которого, очевидно, нисколько не удивляет тот факт, что мой родной город, Нью-Йорк, находится на Земле — планете, название которой ничего не говорит их далекому от подобных мыслей сознанию. Их всецело занимает сейчас процедура надевания на меня ошейника и то, какой город я назову в качестве места своего рождения.

Вчера девушки под руководством Ены меня выкупали, причесали и дали поесть. Пища была очень хорошей: свежий хлеб, кусок жареного мяса, сыр и плоды ларма. Изголодавшись за время своих скитаний, я съела все, что мне предложили. Меня даже угостили глотком изумительно вкусного каланского вина, которого я не пробовала с той ночи, когда разбойницы Вьерны похитили меня по заданию таинственного человека, хозяина мохнатого чудовища.

Первое время я очень всего боялась, но обращались со мной неплохо. Заводить с девушками какие-либо разговоры я не осмеливалась.

После того как меня вымыли, причесали и накормили, Ена сказала:

— В лагере тебе предоставляется полная свобода передвижений.

Это меня озадачило. Я ожидала, что мне придется сидеть на цепи под тщательным присмотром охранников.

Ену позабавило мое недоумение.

— Тебе отсюда все равно не убежать,— рассмеялась она.

— Да, госпожа,— ответила я и смущенно опустила глаза: мне не хотелось выходить из палатки для женщин.

Ена догадалась о том, что меня волнует. Она подошла к большому сундуку, откинула крышку и вытащила прямоугольный отрез репсовой материи размером два на четыре фута.

— Ну-ка, встань,— приказала она.— И подними руки.

Я поспешно выполнила ее указания, и она ловко обмотала материю у меня вокруг тела, закрепив ее концы большой булавкой.

— Опусти руки,— сказала она и окинула меня критическим взглядом.

Я стояла, во всем повинуясь ее приказам.

— А ты хорошенькая,— заметила она и махнула рукой: — Иди посмотри лагерь.

— Благодарю вас, госпожа! — воскликнула я и выбежала из палатки.

Лагерь был разбит между несколькими прилегающими друг к другу густо поросшими лесом холмами. Я думаю, сейчас мы находились где-то в северо-западной части владений Ара, у самого подножия Валтайских гор. Это был типичный горианский военный лагерь, хотя и небольшой. Здесь были оборудованы насесты и взлетные площадки для тарнов, отведены места для стирки одежды и приготовления пищи. В лагере находилось не меньше сотни воинов Раска из Трева и около двадцати девушек, довольно хорошеньких, в грубых невольничьих туниках и ошейниках, занимающихся обычными для рабыни повседневными делами — приготовлением пищи, приведением в порядок тарнской сбруи и уборкой территории.

Трев, насколько мне было известно, находился в состоянии войны сразу с несколькими странами. Для политики горианских государств, с их стремлением к безраздельному господству над крупными территориями и одновременно — к независимости, довольно характерно недоверие и подозрительность как к ближним, так и дальним соседям. Они в любой момент готовы дать отпор агрессору, даже если никакие объективные причины не дают им повода для беспокойства.

В отличие от затаившихся в ожидании неприятеля крупных городов, Трев руками Раска и подобных ему предводителей разбойничьих формирований вел непрекращающиеся боевые действия. Тарнсмены совершали дерзкие налеты на небольшие селения. Так, например, разбойники Раска совсем недавно уничтожили посевы на полях во владениях Ко-ро-ба и подвергли ограблению несколько торговых караванов, державших путь по коробанским степям.

Теперь Раск обосновался во владениях Ара. Он был, несомненно, дерзким разбойником, если решился развязать боевые действия против самого Марленуса — верховного правителя, или убара, Ара, называемого горианами не иначе как Убаром всех убаров.

Мне нравились запахи военного лагеря и наполнявшие его звуки.

Я остановилась у квадратной, засыпанной песком площадки и некоторое время с интересом наблюдала за учебным поединком двух воинов. Они сражались на боевых мечах и бились с такой яростью, словно речь между ними шла о жизни и смерти. Какими, подумалось мне, нужно быть храбрыми людьми, чтобы сойтись в таком поединке лицом к лицу с противником, не знающим пощады, чтобы не испугаться направленного в тебя острого клинка, сверкающего в воздухе подобно неуловимой молнии. Нет, я бы так не смогла. Я бы тут же бросила меч и убежала. Чем может быть женщина в руках таких мужчин? Только их невольницей, их добычей!

На секунду мне снова захотелось оказаться в окружении земных мужчин, большинство из которых на моем месте поступили бы точно так же, как я. Однако посте-

пенно, пока я наблюдала за поединком горианских воинов, это мимолетное желание исчезло. Что-то таившееся в глубине моего сознания, примитивное и необъяснимое, заставляющее меня почувствовать себя беспомощной и ранимой, стало подниматься на поверхность, заглушило желание возвращаться на Землю и породило стремление остаться здесь, на Горе, где есть такие мужчины.

Внезапно я почувствовала страх. Руки и ноги у меня стали ватными. А что, если эти мужчины сейчас прекратят поединок и прикажут мне прислуживать им? Что они могут от меня потребовать? И чем я, женщина, смогу ответить им, как не полным и безоговорочным повиновением? Когда отдают приказания такие мужчины, что остается делать женщине?

— Хоу! — крикнул один из воинов, и они немедленно прекратили поединок.

Я не стала дожидаться, что за этим последует, и поскорее убежала от казавшегося для меня опасным места.

Мне захотелось поближе осмотреть огораживающий лагерь частокол. Составляющие его колья — которые из-за их толщины скорее можно было назвать бревнами — были футов двадцати высотой; концы их были заострены.

Я подошла к забору и потрогала колья рукой. Они оказались гладкими и были плотно подогнаны друг к другу. Я запрокинула голову: до заостренных концов кольев не дотянуться, не допрыгнуть. Да, через такую стену мне не перебраться. Я надежно заперта внутри лагеря.

Я двинулась вдоль стены, обходя примыкающие к ней взлетные площадки для тарнов, и вскоре подошла к воротам. Они также были бревенчатыми, но состояли не из целых бревен, а из двух частей: нижней, представляющей собой открывающиеся створки ворот, и верхней, являющейся продолжением частокола. Ворота были заперты на два толстых, прочных бруса, которые покоились в расположенных по краям двери широких железных скобах и удерживались на месте тяжелыми цепями. На цепях висел замок сложной конструкции.

Ничего другого ждать, конечно, не приходилось, и, тяжело вздохнув от постигшего меня разочарования, я уже собралась было отойти от забора, когда внезапно заметила снаружи еще одни ворота. Оказалось, что лагерь обнесен двумя стенами частокола. У наружной стены, такой же высокой и прочной, как внутренняя, был насыпан бруствер, чтобы защитникам было удобнее оборонять лагерь от нападения. У внутренней стены бруствера не было.

Ну еще бы! — разозлилась я. Внешняя стена им нужна, чтобы отражать нападение врагов, а внутренняя, без бруствера — чтобы не дать разбежаться невольницам! Не зря Ена предупреждала, что отсюда не убежишь.

— Девушкам запрещено прогуливаться возле ворот,— заметил стоящий рядом часовой.

— Да, хозяин,— пробормотала я и поскорее отошла прочь, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

Я продолжала идти вдоль внутренней стороны частокола.

В одном конце я обнаружила крохотную дверь, не больше восемнадцати дюймов высотой, через которую мог с трудом пролезть взрослый человек. Дверь, естественно, также была заперта толстым брусом, удерживаемым тяжелыми цепями. Рядом с дверью стоял часовой.

Я заметила, что, даже взобравшись на брус и поднявшись на цыпочки, не могу дотянуться до верхнего, заостренного края частокола. Он был так недосягаемо далек от меня!

Я была пленницей внутри лагеря, настоящей пленницей, хотя вместо потолка у меня над головой синело бездонное небо.

— Проваливай отсюда! — рявкнул воин у двери, и я поспешно удалилась.

Ена права: отсюда не убежишь.

Завтра на меня, Элеонору Бринтон, наденут ошейник!

Я стала бродить по лагерю. Повсюду были разбиты палатки, разведены костры, у которых расположились мирно беседующие мужчины. Девушки прислуживали им или занимались своими повседневными делами.

Меня снова захлестнула ненависть к мужчинам. Почему они заставляют нас работать? Почему они сами не готовят себе пищу, не стирают свои туники и не начищают сандалии? Они этого не делают, потому что не хотят. Они заставляют нас, женщин, выполнять за них всю грязную работу. Они помыкают нами, эксплуатируют нас! Как я их всех ненавидела!

В одном месте на невысокой насыпи я увидела глубоко вкопанный в землю каменный столб, в верхней части которого было прикреплено большое железное кольцо.

Чуть поодаль я заметила длинный, горизонтально расположенный на двух опорах шест, на каких обычно развешивают мясо для вяления. Однако меня поразило, что в землю как раз под центральной частью шеста был вкопан такой же каменный столб с прикрепленным к нему железным кольцом. Я стала было размышлять о его предназначении, но тут мне на глаза попался стоящий на открытом месте маленький железный ящик, основание которого занимало площадь не больше трех квадратных футов. Высотой ящик был в рост человека. В передней его части находилась железная дверь с двумя прорезями: одной, расположенной вверху, шириной в семь и высотой в полдюйма, и второй — внизу, у самого основания железного ящика — шириной не меньше фута и высотой дюйма в два. С краю двери виднелись два железных засова с отверстиями, предназначенными для навешивания замков.

«Интересно,— подумала я, продолжая бродить по лагерю,— что можно держать в таком ящике?»

Неподалеку от забора я заметила длинное бревенчатое строение без окон и с одной-единственной дверью, закрытой на два мощных железных засова. Склад для провизии, решила я.

Ноги привели меня к центральной части лагеря, и я остановилась у широкого низкого шатра из темно-красной ткани, натянутой на восемь вкопанных в землю шестов. Заглянув за отброшенный полог, я увидела, что внутри шатер отделан тончайшими шелками. Он был довольно низким: лишь в его центральной части человек мог выпрямиться в полный рост.

На земляном полу шатра, прямо напротив входа, стояла плоская медная жаровня, в которой тлели раскаленные угли. Над жаровней на треноге был установлен небольшой железный бочонок для вина: я слышала, что воины Трева предпочитают пить вино подогретым. Очевидно, и в условиях затерянного в лесах временного лагеря разбойники Раска не хотели отказываться от своих привычек. Мне даже показалось странным, что такие грубые люди, тарнсмены, могут иметь свои маленькие слабости.

Рассказывают также, что многим из них нравится расчесывать волосы своих невольниц. Горианские земли и живущие в них люди такие странные, так не похожи друг на друга. И все же не думаю, чтобы среди этих диких, свирепых разбойников, держащих в страхе многие города Гора, нашлось бы много любителей насладиться тонким вкусом подогретого вина или получить маленькое удовольствие от такого незатейливого занятия, как расчесывание волос своей девушки.

Внутри шатер был убран толстыми, на вид очень мягкими коврами из Тора или из Ара — несомненно, добычей из какого-нибудь разграбленного каравана торговцев. С подпирающих шатер шестов на тонких цепях свисали заправленные тарларионовым жиром светильники. Спускались сумерки, и некоторые светильники горели, заливая шатер теплым желтоватым светом.

Я сразу представила себе, что лежу в этом шатре на мягких коврах, утопая в кружевных подушках, заботливо подложенных под меня рукой моего хозяина, и наблюдаю за тенями, отбрасываемыми на затянутые шелками стены тлеющими в медной жаровне углями.

Едва ли все это возможно на самом деле. Если я когда-нибудь и окажусь в этом шатре, то только для того, чтобы прислуживать своему возлежащему на подушках хозяину, подносить ему подогретое вино и всячески ублажать его.

По обеим сторонам шатра стояли огромные, окованные железом сундуки, наполненные, очевидно, награбленным разбойниками добром: всевозможными золотыми и серебряными украшениями, жемчужными ожe-

рельями и усыпанными драгоценными каменьями браслетами, которым предназначено обнимать руки и шеи невольниц, делать их красоту еще более изысканной и утонченной. Да и я сама такой же трофей, как каждая из наполняющих эти сундуки золотых монет или дорогих безделушек. Да, напомнила я себе, я такая же вещь, которую по желанию владельца можно купить, продать или распорядиться по своему усмотрению.

Мне стало грустно.

Интересно, есть ли в этих сундуках ненавистные мне колечки для носа и пожелает ли мой хозяин украсить меня подобным образом?

При одной мысли об этом настроение у меня окончательно упало.

— Чей это шатер? — поинтересовалась я у проходившей мимо невольницы.

— Неужели не догадываешься? — фыркнула она.— Конечно, Раска!

Действительно, догадаться было нетрудно.

У входа в шатер на траве развалились двое охранников. Они лениво опирались на свои копья и не спускали с меня полусонных глаз.

Я снова заглянула в шатер. Интересно, а где сам Раск? Он так до сих пор и не пожелал меня увидеть.

— Уходи отсюда,— лениво бросил один из охранников.

Я услышала за спиной мелодичный перезвон колокольчиков и, обернувшись, увидела молодую темноволосую девушку в развевающемся одеянии из тончайшего полупрозрачного алого шелка. На щиколотке левой ноги у девушки был надет узкий золотой ножной браслет с подвязанными к нему крохотными колокольчиками. Девушка бросила на меня изучающий взгляд и быстро скрылась за пологом шатра.

Разговаривавший со мной охранник сделал вид, будто собирается подняться с земли. Не желая испытывать его терпение, я поскорее отошла от шатра и побежала в палатку для женщин.

Спрятавшись за ее толстыми матерчатыми стенами, я опустилась на пол и заплакала.

Ена, занятая вышиванием на пяльцах нарукавной повязки, которую тарнсмены надевают на спортивных гонках тарнов, оставила работу и подошла ко мне.

— Что случилось? — участливо поинтересовалась она.

— Я не хочу быть рабыней! — воскликнула я.— Не хочу!

Ена обняла меня за плечи.

— Быть невольницей нелегко,— согласилась она.

Я выпрямилась и посмотрела ей в глаза.

— Мужчины такие жестокие! — всхлипнула я.

— Это верно,— согласилась старшая среди женщин.

— Я их ненавижу! — рыдала я.— Я их терпеть не могу!

Она ласково меня поцеловала. Глаза у нее смеялись.

— Можно мне говорить? — спросила я.

— Конечно,— ответила она.— В этой палатке ты можешь говорить, когда захочешь.

Я опустила глаза.

— Говорят... я слышала...— нерешительно начала я,— что Раск из Трева очень суровый и требовательный хозяин...

Ена рассмеялась.

— Это верно,— сказала она.

— Еще говорят... что он, как никакой другой мужчина, может унизить и оскорбить женщину...

— Я не была ни унижена им, ни оскорблена. Хотя, конечно, если он пожелает унизить или оскорбить женщину, я думаю, он сумеет сделать это наилучшим образом.

— А если девушка позволила себе держаться с ним дерзко и высокомерно?

— Такая девушка, вне сомнения, будет унижена и наказана.— Ена рассмеялась.— Раск из Трева покажет ей, что такое настоящая невольничья жизнь.

Ее слова меня, естественно, нисколько не приободрили.

Я подняла на Ену заплаканные глаза.

— Говорят еще, что он использует женщину только один раз, а потом, взяв от нее все, что можно, ставит на ее теле свое клеймо и удаляет от себя.

— Меня он ласкал довольно часто,— ответила Ена и с усмешкой добавила: — Раск вовсе не какой-нибудь безумец.

— Но он поставил на вашем теле свое клеймо? — допытывалась я.

— Нет,— ответила Ена.— У меня на теле стоит клеймо города Трева.— Она улыбнулась.— Когда Раск похитил меня, я была свободной женщиной. Естественно, он произвел церемонию моего обращения в рабство и поставил на мне клеймо.

— Он собственноручно обратил вас в рабство?

— Да, я признала себя его рабыней.— Она снова рассмеялась.— Сомневаюсь, чтобы рядом с таким мужчиной любая женщина не почувствовала себя невольницей!

— Только не я! — с уверенностью воскликнула я.

Ена рассмеялась.

— Но если на теле девушки уже стоит клеймо,— продолжала я расспрашивать старшую невольницу,— ее ведь вторично не станут подвергать процедуре клеймения, не правда ли?

— Обычно нет. Хотя иногда на теле девушки ставят и второе клеймо. В городе Трев такое случается.— Она многозначительно посмотрела на меня.— Чаще всего это клеймо ставится в качестве наказания и предупреждения о том, что с такой невольницей следует держаться настороже.

Ее слова меня озадачили.

— А есть еще так называемые обличительные клейма,— продолжала Ена.— Они маленькие, но хорошо заметны. У них довольно много разновидностей. Есть, например, обличительное клеймо для воровки, для лгуньи и для многих других нарушительниц, совершивших преступление или серьезный проступок.

— Я не лгу и не ворую!

— Это хорошо.

— Мне никогда не приходилось видеть клеймо Трева,— призналась я.

— Это очень красивое клеймо,— с гордостью заметила Ена.

— А можно мне его посмотреть? — попросила я, сгорая от любопытства.

— Конечно,— согласилась Ена.

Она поднялась с пола и распахнула свое длинное белое одеяние.

На стройном, словно выточенном из слоновой кости бедре женщины стояло удивительно изящное клеймо, подчеркивающее нежность и белизну ее кожи и провозглашающее ее тем, кем только она и могла быть в этом суровом, безжалостном мире — невольницей.

— Красиво,— прошептала я.

Лицо Ены осветилось довольной улыбкой.

— Ты умеешь читать? — спросила она.

— Нет,— призналась я.

Она коснулась рукой невольничьего клейма.

— Это выполненная курсивом первая буква названия города Трева,— пояснила она.

— Очень красивое клеймо,— похвалила я.

— Мне тоже оно нравится,— призналась Ена.

Она окинула меня мимолетным изучающим взглядом и неожиданно приняла позу рабыни для наслаждений.

Я не смогла сдержать своего восхищения.

— Мне кажется, оно только подчеркивает мою красоту,— заметила Ена.— Ты не находишь?

— Да! Да! — воскликнула я.

В глубине души я надеялась — хотя не желала в том себе признаваться,— что клеймо у меня на теле выглядит не менее привлекательно.

Ена пошире распахнула свое одеяние, любуясь темнеющей у нее на бедре отметиной.

Она взглянула на меня и рассмеялась.

— Это клеймо поставил на мне мужчина!

Я улыбнулась в ответ, но тут же почувствовала глубокое раздражение. Какое право имеют эти грубые существа ставить свое клеймо на наши тела? Надевать на нас свои ошейники? Разве справедливо утвердившееся на Горе право сильного по своему желанию и усмотрению отмечать тех, кто слабее его?

Я почувствовала, как меня снова захлестывает злость и ощущение своей полной беспомощности. Я испыты-

вала ненависть к человеку, державшему меня в своем лагере бесправной пленницей. Мне захотелось побольше узнать о моем похитителе, чей ошейник мне придется принять на завтрашней церемонии.

— Говорят,— заметила я,— что у Раска из Трева большой аппетит на женщин. Что он коллекционирует свои победы над ними и относится к своим жертвам с презрением.

— Он нас любит,— рассмеялась Ена.— Это верно.

— Но ведь он нас презирает! — воскликнула я, чувствуя, как в этом крике выплескивается все переполнявшее меня отчаяние, возмущение и бессильная ярость.

— Раск из Трева — мужчина, воин,— пожала плечами старшая невольница.— Такие, как он, нередко рассматривают женщин всего лишь как объект охоты и удовольствий.

— Но это оскорбительно! — не выдержала я.

Ена опустилась рядом со мной на пол, откинулась на пятки и весело рассмеялась.

— Возможно,— согласилась она.

— Меня такое обращение не устраивает! — воскликнула я.

— Бедная маленькая кейджера! — улыбнулась Ена.

Злость и разочарование навалились на меня с новой силой. Я не желала быть просто объектом чьих-то сексуальных притязаний! Но завтра... завтра мне на шею наденут какую-то дурацкую железку. Чем еще может быть девушка, носящая ошейник, как не вещью, как не предметом, которым можно распоряжаться по своему усмотрению?!

— Я ненавижу мужчин! — упрямо воскликнула я.

Ена посмотрела на меня с иронией.

— Интересно,— задумчиво произнесла она,— понравишься ли ты Раску из Трева?

Она отстегнула булавку, удерживавшую у меня на плече нехитрое одеяние, и сбросила мое покрывало на пол.

— Может, и понравишься,— подняла она брови.

— А я не хочу ему нравиться! — закричала я.

— Он заставит тебя захотеть,— со знанием дела сказала старшая невольница.— Ты будешь отчаянно ста-

раться ему понравиться, вот только не знаю, насколько тебе это удастся. Раск настоящий воин. У него было много женщин, и еще больше претенденток добиваются его внимания. Он большой знаток женщин, и поэтому угодить ему очень трудно. Думаю, тебе не удастся ему понравиться.

— Если я захочу — удастся! — заверила я кейджерону.

— Может быть...— с сомнением пожала она плечами.

— Но я этого не хочу! Я буду оказывать ему сопротивление... Я буду бороться. Ему не добиться от меня покорности! Ему меня не приручить!

Ена не сводила с меня внимательных глаз.

— Во мне нет слабостей, свойственных остальным женщинам,— сказала я, вспомнив Вьерну с ее разбойницами, Ингу, Рену и Юту.— Все женщины слабы. Но я — не такая, как все. Я сильная и гордая.

— Непокорности тебе не занимать,— согласилась Ена.

Я хмуро посмотрела на нее.

— А теперь давай-ка спать,— сказала она, поднимаясь на ноги, чтобы погасить освещавший палатку медный светильник.

— Почему так рано? — спросила я.

— Потому что утром ты должна выглядеть свежей и привлекательной. Завтра на тебя наденут ошейник.

Я улеглась, но вскоре опять нетерпеливо приподнялась на локте.

— А разве на ночь на меня не будут надевать цепи? — удивилась я.

— Нет,— донесся до меня из темноты голос старшей невольницы.— Ты и так не убежишь.

Я натянула на себя толстую мягкую шкуру ларла и долго лежала, сжимая от злости кулаки и глотая подступающие к горлу слезы.

Наконец я опять не выдержала.

— Ена,— позвала я старшую невольницу.— Вот вы — уже давно рабыня. Неужели вы не испытываете ненависти к мужчинам?

— Нет,— ответила она.

Меня снова захлестнула волна глухой обиды.

— Я нахожу мужчин волнующими,— продолжала старшая невольница.— Очень часто мне хочется отдать им всю себя, отдать все, что у меня есть.

Я с ужасом слушала ее слова. Как она может так говорить? Неужели у нее нет никакой гордости? Если ей и приходят в голову такие чудовищные мысли, что само по себе уже просто неприлично, она должна хранить в полной тайне этот унижающий чувство собственного достоинства каждой женщины недостаток!

Уж я-то, по крайней мере, искренне ненавижу мужчин. Им не добиться моего расположения!

Но завтра... завтра я буду принадлежать одному из них! Он будет владеть мной, согласно всем законам этой чудовищной планеты! Он будет приказывать мне, а я — выполнять все его желания.

И главное — мне никуда отсюда не деться!

На меня не надели на ночь цепей, но это ничего не меняло: я была надежно заперта, замурована в этом лагере, обнесенном высоким частоколом.

«Тебе не убежать»,— сказала Ена.

Она права.

Завтра на меня, Элеонору Бринтон, наденут ошейник. Впервые за все время моего пребывания на Горе я буду носить на шее узкую полоску металла, официально объявляющую меня чьей-то собственностью!

«Ты очень хорошенькая»,— заметила Ена.

Обнаженная, я стояла на коленях на устилающем пол палатки толстом мягком ковре. Я была умыта, волосы у меня — тщательно причесаны. Молодая невольница, державшая в руках маленький флакончик, украшенный изящным горианским орнаментом, снова омочила пальцы в ароматной, с терпковатым запахом туалетной воде и помазала ею у меня за ушами.

Остальные стоящие рядом с Еной девушки, их было трое, не сводили с меня критического взгляда. Одна из них наклонилась и — в который уже раз — принялась поправлять мне волосы.

— Да она уже причесана! — рассмеялась вторая девушка.

— Неужели ты не волнуешься, Эли-нор? — удивилась молодая невольница.

Я промолчала.

— Ты хорошо помнишь, что тебе нужно делать на церемонии? — спросила Ена.

Я кивнула.

Меня занимали совсем другие мысли.

Не может быть, чтобы все происходящее вокруг меня было реальностью! Чтобы я, Элеонора Бринтон, стояла сейчас на коленях в этой палатке, затерянной в бесконечных просторах дикой, варварской планеты, готовясь принять невольничий ошейник!

Одна из девушек подбежала к пологу палатки, откинула его и выглянула наружу. Там уже толпились в ожидании церемонии воины и рабыни.

Светило солнце. Легкий ветерок неторопливо перебирал листья деревьев.

Я ощутила тревогу и, чтобы отвлечься, стала принюхиваться к обволакивающему меня запаху туалетной воды, напоминающему нежнейшие французские духи. Запах был изумительным. Никогда прежде на Земле я, считавшая себя знатоком в парфюмерии, не встречала ничего равного по утонченной изысканности этой ароматической жидкости, которой надушили меня, простую рабыню, представительницы этого варварского мира! Тут было чему удивляться!

Однако избавиться от беспокойства мне не удалось.

Стоя на коленях на толстом ковре, я ждала. Прошло, наверное, не меньше четверти часа.

— Может быть, он не станет надевать на нее ошейник сегодня? — высказала предположение одна из невольниц.

Вдруг выглядывавшая из-за отброшенного полога палатки девушка обернулась и взволнованно замахала рукой.

— Приготовьте ее! — прошептала она.— Скорее!

— Встань! — приказала Ена.

Я поднялась на ноги... и застыла от изумления.

Девушки вытащили из плотного чехла длинное, с капюшоном, восхитительное одеяние из тончайшего, переливающегося всеми оттенками алого шелка.

Одна из невольниц поспешно подошла, накинула мне на волосы тонкую сеточку и подобрала их к затылку, закрепив длинными шпильками. Эти шпильки, я знала, должен будет вытащить у меня из волос сам Раск.

Девушки набросили шелковое одеяние мне на плечи. Оно напоминало легчайший, невесомый плащ с прорезями для рук, но без рукавов. Капюшон надевать на голову мне не стали.

— Заведи руки за спину,— распорядилась Ена; она принесла откуда-то узкий кожаный ремень, усыпанный драгоценными камнями.

Я послушно выполнила приказ и почувствовала, как руки у меня за спиной связали — не крепко, не для того, чтобы по-настоящему обезопасить невольницу.

После этого Ена кивнула молодой невольнице с флаконом, отделанным изящным горианским орнаментом. Девушка снова омочила пальцы в ароматической жидкости и коснулась ими у меня за ушами и на груди. Я с новой силой почувствовала терпковатый, изысканный запах туалетной воды.

Сердце у меня тревожно забилось.

Тут ко мне опять подошла Ена. В руках у нее была длинная грубая веревка — самая обычная, какие применяются, например, для установки лагерных палаток. Ена приподняла мне волосы и завязала конец веревки у меня на шее — довольно туго. Большой узел у меня под подбородком мешал дышать и говорить. Странно, подумалось мне: руки у меня связаны усеянным драгоценными каменьями ремнем, а вести меня будут за наброшенную на шею грубую веревку!

— Ты хорошенькая,— одобрительно заметила Ена.

— Хорошенькое животное на поводке! — проворчала я.

— Да, животное,— подтвердила Ена.— Но животное очень и очень привлекательное!

Я с ужасом посмотрела на нее, но тут же поняла, что она совершенно права: я, Элеонора Бринтон, действительно мало чем отличалась от какого-нибудь животного, поскольку была всего лишь рабыней. Нет поэтому ничего удивительного в том, что ее и ведут за собой на грубой, обтрепанной веревке, которой наверняка стрено-

живали прежде на ночь толстого боска или вечно грязного, ленивого верра.

Я закусила губу и отвернулась.

Ена накинула мне на голову прозрачный капюшон.

— Они готовы! — взволнованным шепотом сообщила выглядывающая из палатки девушка.

— Выводите ее! — приказала Ена.

Девушки взяли у нее из рук веревку и повели за собой. К нам присоединились несколько находившихся у палатки мужчин и невольниц.

Меня подвели к небольшой площадке, расчищенной у шатра Раска из Трева. Он дожидался, прогуливаясь у откинутого полога. Меня поставили прямо перед ним. Я с трудом подняла на него испуганный взгляд.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга.

— Развяжите веревку,— распорядился наконец Раск.

Шедшая позади меня Ена развязала давивший мне горло узел и отдала веревку одной из сопровождавших меня девушек.

Я стояла перед Раском со связанными за спиной руками, в прозрачном шелковом одеянии и в скрывавшем мои волосы капюшоне.

— Развяжите ей руки,— приказал Раск.

Он вытащил из-за пояса жесткий, грубой выделки ремень, которым тарнсмены обычно связывают своих пленниц. Он не был украшен драгоценными каменьями.

Ена развязала мне руки.

Мы с Раском продолжали смотреть друг на друга.

Он медленно подошел ко мне и откинул удерживающий мои волосы прозрачный капюшон. Я стояла не шевелясь, выпрямив спину.

Неторопливо, одну за другой он вытащил четыре шпильки, закалывающие у меня на волосах тонкую сеточку, и отдал их стоящей рядом девушке.

Освободившись от неволи, волосы густым каскадом хлынули мне на спину и разметались по плечам. Ко мне тут же подскочила молоденькая невольница и быстро расчесала их деревянным гребнем.

— Она хорошенькая,— долетели до меня слова обменивавшихся впечатлениями невольниц.

Раск отошел от меня на пару шагов и остановился, все так же не спуская с меня глаз.

— Снимите с нее накидку,— распорядился он.

Ена распахнула на мне полы накидки, и алые шелка скользнули к моим ногам.

Девушки из рядов зрителей от восхищения затаили дыхание. Некоторые из воинов в знак одобрения ударили древками своих копий о щиты.

— Подойди ко мне,— приказал Раск из Трева.

Мы стояли друг против друга: он — с мечом на поясе и грубым кожаным ремнем в руке, и я — полностью обнаженная по его приказу.

— Подчинись мне! — потребовал он.

Я не могла, не в силах была выразить какого-либо неповиновения.

Я опустилась перед ним на колени, низко склонила голову и протянула к нему руки, скрещенные в запястьях.

Ясным, громким голосом я произнесла:

— Я, мисс Элеонора Бринтон из Нью-Йорка, выказываю свое полное повиновение воину Раску Рариусу из славного города Трева и признаю себя его рабыней. Из его рук я принимаю даруемую мне жизнь и имя и отдаю себя в его полное распоряжение.

Внезапно я почувствовала, как кожаный ремень стягивает мне запястья. Я машинально потянула руки к себе, но они уже были связаны!

За какое-то мгновение запястья у меня оказались туго перехваченными ремнем, затянутым умелой рукой воина-тарнсмена! Я в страхе подняла на него глаза.

Раск взял из рук стоящего рядом воина отливающий металлическим блеском предмет, в котором я узнала разомкнутый с одной стороны железный невольничий ошейник.

Он протянул его ко мне.

— Прочти, что здесь написано,— потребовал он.

— Я не могу,— пробормотала я.— Я не умею читать.

— Она неграмотная,— подтвердила Ена.

— Дикарка! — услышала я короткий презрительный смешок какой-то невольницы.

Я почувствовала себя пристыженной. Я смотрела на узкую полоску металла, по центральной части которой бежала выгравированная курсивом надпись, но не могла ничего разобрать.

— Прочти ей,— протянул Раск ошейник Ене.

— Здесь написано,— прочла Ена: — «Я являюсь собственностью Раска из Трева».

Я молчала.

— Ты все поняла? — спросила старшая невольница.

— Да,— ответила я.— Поняла.

Раск завел мне за шею обе соединенные перемычкой половинки железного ошейника, но не торопился их защелкивать. Он стоял, пристально глядя мне в лицо. Наши глаза встретились. Его взгляд был твердым и суровым, мой же — молил о пощаде. Никакого снисхождения я не получила. Ошейник защелкнулся на мне с сухим металлическим треском. По рядам девушек пробежали возгласы удовлетворения. Воины ударили древками копий о кожаные щиты.

Я закрыла глаза. По щекам у меня побежали слезы. Я стояла преклонив колени, опустив голову и глядя невидящим взглядом на пыль у меня под ногами и кожаные сандалии Раска из Трева.

Тут мне вспомнилось, что я должна произнести еще одну ритуальную фразу.

Я с трудом подняла глаза на своего повелителя.

— Я полностью в вашем распоряжении, хозяин,— пробормотала я.

Раск протянул мне руки и поднял меня с земли. Запястья у меня были туго связаны кожаным ремнем. Горло обнимал узкий железный ошейник. Взяв за подбородок, Раск привлек меня к себе, с удовольствием втянул носом исходящий от меня запах туалетной воды и заглянул в мои глаза. Его суровое, непреклонное лицо было совсем рядом. Я была не в силах отвести от него зачарованных глаз. Губы у меня сами собой раскрылись. Я приподнялась на цыпочки и потянулась к нему, чтобы коснуться губ моего хозяина.

Он рукой отстранил меня от себя.

— Надеть на нее рабочую тунику,— распорядился он,— и отправить в барак.

15

МОЙ ПОВЕЛИТЕЛЬ ЖАЖДЕТ НАСЛАЖДЕНИЙ

— Юта! — с удивлением воскликнула я.

Охранник отпустил мои волосы и толкнул меня на землю, к ее ногам. Я в ужасе подняла взгляд на Юту. В левой части лба у нее, над виском, там, где я ударила ее камнем, все еще виднелся большой синяк.

— А я думала...— пробормотала я и тут же запнулась.

Юта стояла у длинного низкого барака, который я уже видела, когда знакомилась с лагерем. Тяжелая, прочная дверь барака была открыта. Из его мрачных глубин показалась молоденькая невольница и направилась к центральной части лагерной стоянки.

Когда я впервые увидела это длинное приземистое строение, без окон, сложенное из неотесанных толстых бревен, я решила, что это какое-нибудь складское помещение, настолько оно показалось мне неприспособленным для жилья. Теперь же я начала понимать, что оно служит спальным помещением для невольниц, выполняющих тяжелые работы. Но еще хуже — я с ужасом осознала, что сама являюсь такой же невольницей.

— Ты носишь ошейник,— заметила Юта.

— Да,— прошептала я, опускаясь перед ней на колени и смущенно отводя глаза.

На Юте тоже был ошейник, но главное — на ее голове была узкая, коричневая, под цвет рабочей туники, матерчатая повязка, которая на затылке схватывала волосы в пучок. Я знала, что она символизирует признание ее авторитета среди невольниц. Очевидно, Ена была старшей среди всех находившихся в лагере женщин, а Юта — старшей среди невольниц, предназначенных для выполнения тяжелых работ.

Для меня это не предвещало ничего хорошего.

Я почувствовала, как по телу у меня пробежала крупная дрожь.

— Она кажется напуганной,— заметил приведший меня охранник.— Она тебя знает? — спросил он у Юты.

— Я ее знаю,— ответила она.

Я уронила голову к ее ногам. Руки у меня все еще были связаны ремнем, умело затянутым Раском. Я была обнажена. На мне не было ничего, кроме невольничьего ошейника и стягивающего руки кожаного ремня.

— Вы можете нас оставить,— обратилась Юта к охраннику.— Вы доставили рабыню. Теперь я за нее отвечаю.

Охранник отошел от барака.

Я не осмеливалась поднять на Юту глаза. Я была очень напугана.

— В тот же день,— тихим голосом начала Юта,— когда меня поймали в лесу шедшие по нашему следу воины Хаакона, меня отнял у них Раск. По дороге в свой лагерь они посадили тарнов на полянке, чтобы изнасиловать меня. И тут словно тень Раск вырос из темноты. «Отдайте мне эту невольницу»,— потребовал он. Люди Хаакона схватились за мечи. «Я — Раск из Трева»,— представился разбойник. Воины вложили мечи в ножны. Они уступили ему не только меня, но даже своих тарнов. Он привязал их длинными поводьями к лапе своей птицы. «Благодарю вас за рабыню»,— сказал Раск на прощание хааконовским воинам. «Спасибо тебе, Раск, что ты оставил нам наши жизни»,— ответил ему один из наемников. Им предстоял долгий путь пешком в лагерь Хаакона со Скинджера, но они не выглядели убитыми горем: для них все могло кончиться гораздо хуже. Раск доставил меня в этот лагерь и сделал своей рабыней.

Я решилась поднять на Юту глаза.

— Ты носишь повязку первой кейджеры.

— Старшая из рабочих невольниц была продана незадолго до того, как я оказалась в руках Раска,— пояснила Юта.— Здесь среди девушек много разных группировок, и каждая из партий хотела продвинуть на место старшей невольницы свою представительницу. Я была новенькой, союзниц у меня не было, но Раск Рариус по каким-то своим соображениям пожелал сделать старшей среди рабочих невольниц именно меня. Возможно, он мне просто больше доверяет.

— Я тоже буду рабочей невольницей? — спросила я.

— А ты рассчитывала жить в палатке рабынь для наслаждений? — усмехнулась Юта.

— Да,— призналась я.

Конечно, я ожидала, что меня поместят среди женщин, украшающих лагерь своим присутствием, а не направят в этот мрачный барак для рабочих невольниц!

Юта рассмеялась.

— Нет,— сказала она.— Ты останешься грязной рабыней и будешь делать самую грязную работу!

Я уронила голову на грудь.

— Как я понимаю,— продолжала Юта,— тебя поймали неподалеку отсюда?

Я промолчала.

— Значит, ты продолжала самостоятельно добираться до моей деревни, до Равира.

— Нет! — воскликнула я.

— Оттуда ты рассчитывала добраться до острова Телетус.

— Нет! — кричала я.— Нет!

— А на острове ты отыскала бы моих приемных родителей и представилась бы им как моя подруга.

Меня одолевал страх.

— Нет,— отчаянно замотала я головой,— нет! Все это не так!

— Возможно, они приняли бы тебя как свою дочь, ты заняла бы в их сердцах место, которое прежде занимала я.

— Да нет же, Юта! — кричала я.— Нет!

— Тогда твоя жизнь была бы легкой и беззаботной, считала ты. Полной одних только удовольствий.

Охваченная ужасом, я распростерлась у ее ног в позе покорности.

Юта схватила меня за волосы и подняла на колени.

— Кто меня предал? А ну, отвечай! — потребовала она.

Я испуганно покачала головой. Юта продолжала трепать меня за волосы.

— Кто? Говори! — требовала она.

Я была настолько испугана, что не могла выдавить из себя ни слова. Я лишь смотрела на Юту умоляющим

взглядом, однако она продолжала беспощадно драть меня за волосы.

— Кто?! — кричала она.

— Я! Я тебя предала! — выдохнула я.

— Отвечай так, как положено рабыне! — настаивала Юта.

— Я, Эли-нор, предала Юту,— пробормотала я.— Элинор предала Юту!

— Ничтожная рабыня,— произнес у нас за спиной чей-то голос.

Я испуганно повернулась, насколько позволяли вцепившиеся в мои волосы руки Юты, и с ужасом увидела стоящего рядом Раска.

Я закрыла глаза и разрыдалась.

— Ты была права,— обратился Раск к державшей меня за волосы Юте.— Она действительно ничтожная рабыня.

Юта отпустила мои волосы, и я упала к ее ногам.

— Она не только лгунья и воровка,— продолжал Раск,— но и предательница. Она в высшей степени ничтожное существо!

— Ничего! Здесь, в лагере, найдется немало унизительных работ, которых только она и достойна,— с презрением произнесла Юта.

— Смотри, чтобы она работала как следует,— распорядился Раск.

— Я прослежу, хозяин,— ответила Юта.

С хмурым выражением на лице Раск отошел от невольничьего барака, оставив нас с Ютой одних.

Слезы застилали мне глаза.

— Ты ему все рассказала? — прошептала я.

— Он приказал говорить, и мне, как рабыне, пришлось подчиниться.

Из груди у меня вырвался глухой стон.

— Твой хозяин многое знает о тебе, рабыня,— усмехнулась Юта.

Я захлебывалась от душивших меня рыданий.

— Часовой! — позвала Юта.

К нам подошел один из воинов, охранявших невольничий барак.

— Развяжите эту рабыню,— попросила Юта.

Я протянула ему руки, и он распутал стягивающие кожаный ремень сложные узлы. Я продолжала стоять на коленях, опустив глаза к земле.

— Спасибо,— сказала Юта охраннику.— Теперь я займусь ею как следует.

— Я действительно буду здесь только рабочей невольницей? — с дрожью в голосе спросила я.

— Да,— ответила Юта.

— И ты будешь моей надсмотрщицей?

— Да.

— Юта! — воскликнула я.— Я вовсе не думала тебя предавать! Я этого не хотела. Я просто испугалась. Прости меня. Я не хотела тебя предавать!

— Иди в барак,— распорядилась Юта.— Сегодня вечером тебе предстоит работа на кухне. И поторапливайся, иначе утром останешься без завтрака!

— Пожалуйста, Юта...— пробормотала я.

— Иди в барак! — приказала Юта.

Я поднялась на ноги и вошла в барак. Юта закрыла у меня за спиной дверь, и я очутилась в полной темноте. Я слышала, как тяжелые засовы один за другим с глухим скрежетом входят в железные скобы, прочно запирая дверь снаружи.

Пол барака покрывал толстый слой грязи, сквозь который я случайно нащупала ногой металлический прут. Я опустилась на колени и обнаружила, что прут тянется через весь барак, местами совершенно утопая в грязи, а местами на дюйм-другой выступая над ее поверхностью. Очевидно, девушек на ночь приковывают к нему цепями, чтобы, даже решившись на подкоп, они не смогли вырваться за стены барака.

Итак, убежать отсюда нет возможности.

Запертая в мрачных стенах барака, одна в густой, беспросветной темноте, я почувствовала, как меня начинает охватывать панический ужас.

Я судорожно принялась ощупывать бревенчатые стены барака и, отыскав дверь, изо всех сил забарабанила в нее кулаками.

— Юта! — закричала я, захлебываясь слезами.— Открой! Выпусти меня отсюда!

Снаружи не доносилось ни звука.

Я разрыдалась и обессиленно опустилась на земляной пол, подтянув согнутые колени к груди и уперев в них подбородок. Я чувствовала себя одинокой и несчастной. Железный ошейник был таким холодным и тесным!

Откуда-то из темноты до меня донесся писк крохотного полевого урта. Я невольно вскрикнула. Постоянно мечтая об улучшении своего положения, я получила только ухудшение его.

Я сидела в темноте совершенно одна, с отвращением ощущая обволакивающий меня тончайший терпковатый запах духов...

Юта не проявляла ко мне особой жестокости, как я того ожидала. Она обращалась со мной строго, но справедливо, как со всеми остальными девушками, находившимися у нее в подчинении. Можно было даже подумать, что это не я ее предала, выдав наемникам Хаакона.

Мне приходилось много работать, однако нельзя сказать, что я была загружена больше остальных. Юта просто не позволяла мне отлынивать от дел, как и любой другой девушке.

Когда я открыла, что она не старается мне отомстить за мое предательство, я, откровенно говоря, даже начала испытывать некоторое раздражение от того, что она не отдает мне никакого предпочтения перед остальными невольницами. Как бы там ни было, мы знали друг друга уже много месяцев, познакомившись еще в то время, когда Тарго только направлялся в Лаурис. Она обязана была принимать это во внимание. Я не была для Юты незнакомкой, как все остальные. Однако несмотря на это, она ничем не выделяла меня среди прочих невольниц.

Мало того, я заметила, что с девушками, пытавшимися снискать ее расположение, она обращалась с подчеркнутой холодностью. Она никого не подпускала к себе и даже во время еды или коротких минут отдыха держалась отдельно от всех остальных, за исключением

того времени, когда нас приковывали на ночь общей цепью.

Мы уважали ее и побаивались. Мы всегда выполняли то, что она требовала. Она представляла собой для нас власть и силу стоящих за ней мужчин. И все же мы не любили ее, поскольку она стояла над всеми нами надсмотрщицей. Нам было приятно, что она не отдает никому предпочтения в ущерб остальным невольницам, но, с другой стороны, каждую из нас раздражало, что именно она не пользуется у Юты никакими привилегиями по сравнению с кем-то другим. По крайней мере, меня-то уж она могла бы как-то выделить среди остальных! Все-таки мы не первый месяц знакомы и раньше даже были подругами. Ничуть не бывало: она обращалась со мной точно так же, как с девчонками, которых впервые увидела уже в этом бараке! Было от чего разозлиться.

Когда удавалось, я, конечно, старалась увильнуть от работы или делала вид, будто усердно тружусь, предоставляя другим поработать за меня. Юта не могла наблюдать за мной постоянно.

Тем не менее один раз она поймала меня, обнаружив плохо вычищенный медный таз, который я во время работы на кухне, вместо того чтобы отдраить песком, засунула в гору чистой посуды. Юта приказала мне взять этот оставшийся жирным таз и повела с собой. Мы остановились у длинного шеста, укрепленного в горизонтальном положении на двух деревянных опорах. Помню, когда я впервые его увидела, я решила, что он предназначен для просушивания мяса. Меня еще удивило, что как раз под центральной частью шеста в землю был глубоко вкопан невысокий каменный столб, в верхней части которого было прикреплено большое железное кольцо.

Я стояла у шеста, неловко переминаясь с ноги на ногу и держа в руках грязный медный таз.

— Провинившуюся девушку привязывают к этому шесту за руки, а наброшенную ей на ноги веревку прикрепляют к железному кольцу, так что она не может даже пошевелиться,— пояснила Юта.— После этого ее на-

казывают плетьми или просто оставляют повисеть, пока она не наберется ума-разума.

Я почувствовала, как все внутри меня похолодело.

— Надеюсь, ты все поняла, Эли-нор,— сказала Юта.— Теперь можешь идти.

Я поскорее отправилась на кухню и вычистила таз до блеска. После этого я редко увиливала от работы, стараясь выполнять все, как нужно. Мне вовсе не хотелось испробовать на себе все имеющиеся в лагере приспособления для наказаний.

Только впоследствии я поняла, что Юта просто не захотела в тот раз подвергать меня избиению плетьми.

Тарнсмены тем временем были заняты своим делом. Почти ежедневно, а то и на несколько дней кряду они отправлялись в полет — грабить караваны торговцев, деревни и уводить в рабство всех, кто попадется им под руку. С их отлетом в лагере воцарялась тишина. Девушки встречали возвращающихся из полета воинов радостными криками и бежали к центральной части лагерной стоянки, где тарнсмены сажали на землю своих птиц.

Сама я никогда не выказывала подобного ликования, однако также ощущала некоторое волнение, наблюдая за возвращающимися воинами. Они выглядели такими мужественными, такими величественными. Я, конечно, их всех ненавидела, но, как и все остальные девушки, с нетерпением ожидала их возвращения.

И больше всего меня охватывало волнение, когда я видела возвращение предводителя тарнсменов — могучего, неизменно улыбающегося Раска из Трева, своего хозяина, доставившего меня в этот лагерь и надевшего на меня свой ошейник. С каким удовольствием я наблюдала, как он высаживает из седла очередную похищенную им девушку, которую мы, остальные невольницы, немедленно окидывали внимательными, оценивающими, ревнивыми взглядами.

Как-то раз, опустившись на землю, Раск, еще в седле, посмотрел прямо на меня, отыскав меня глазами среди толпившихся вокруг невольниц. Едва лишь наши взгляды встретились, я почувствовала невероятное волнение, ноги у меня стали словно ватные, а сердце учащенно за-

билось. Он казался таким величественным, таким сильным, свирепым — настоящим лидером среди окружавших его воинов.

Многие девушки с сияющими от счастья глазами спешили к своим хозяевам, тарнсменам, чтобы поскорее прикоснуться рукой к их плечу, прижаться щекой к их груди. Я видела, как некоторые воины поднимали их на руки, усаживали рядом с собой в седло, целовали и только потом сами спускались на землю.

Когда тарнсмены возвращались с богатой добычей, в лагере устраивался праздничный ужин.

Вместе с остальными девушками я прислуживала за ужином, но когда наступало время плясок и невольницы доставали их сундуков шелковые накидки и ножные браслеты с колокольчиками, меня отправляли в барак, закрывали там и я оставалась в полном одиночестве.

— Почему мне никогда не позволяют надеть браслет с колокольчиками и шелковую накидку? — спрашивала я у Юты.— Почему мне не разрешают прислуживать мужчинам в их палатках, когда праздничный ужин подходит к концу?

Мне было так обидно испытывать подобные притеснения, так грустно оставаться одной в грязном, мрачном бараке.

— Никто из мужчин не зовет тебя к себе,— отвечала Юта.

Вот почему каждый вечер с меня снимали рабочую тунику и приковывали на ночь цепями к железному, тянущемуся через весь барак пруту.

Я лежала на земляном полу и прислушивалась к доносящимся сквозь запертую на засовы дверь звукам музыки, веселым голосам, кокетливо протестующим крикам девушек и громкому хохоту мужчин.

Но ни один из этих мужчин не звал меня к себе. Никто из них не хотел разделить со мной свой ужин и свое веселье.

«Ну и пусть! — твердила я про себя.— Меня это даже радует! Я довольна тем, что не обречена на позорное использование мужчиной, которому подвергаются мои подруги по несчастью, не выказывающие, впрочем, по

этому поводу ни малейшего неудовольствия. Несчастные! Они лишены всякого чувства собственного достоинства! Их привязанность к мужчинам, эта унизительная женская слабость, способна вызвать к ним только жалость! Как я рада, что мне не пришлось разделить их судьбу. Как я рада!» — твердила я, лежа в полном одиночестве и в отчаянии барабаня кулаками в толстые бревенчатые стены.

В третьем-четвертом часу ночи одна за другой начинали возвращаться в барак девушки. Они смеялись и весело переговаривались. Несмотря на бессонную ночь, они не казались утомленными. А ведь завтра им предстоит работать! Неужели им не хочется спать? То одна, то другая из них начинала вдруг потихоньку напевать или бормотала имя своего любимого. «Ах, Римми,— шептала она, ворочаясь с боку на бок.— Я твоя, твоя рабыня!»

От злости я стискивала зубы, сжимала кулаки.

Какими же они будут выглядеть уставшими завтра утром! Какими жалкими, потрепанными! Завтра Юте придется не одну из них подгонять плетью!

«Хорошо, что ни один мужчина не захотел позвать меня к себе на эту ночь! Очень хорошо!» — думала я, глотая обидные слезы.

Иногда в лагере Раска появлялись незнакомые люди, пользовавшиеся, как можно было догадаться, доверием Трева. В основном это были торговцы. Некоторые из них приносили вино и продукты, другие скупали у тарнсменов награбленную добычу. Они же приобретали захваченных разбойниками пленников-мужчин, чтобы выставить их на продажу на каких-нибудь невольничьих рынках.

Когда у меня появлялась возможность, я старалась пройти поближе к шатру Раска, установленному в самом центре военного лагеря и заметному из любой его точки. Его яркие красные стены манили меня как магнит.

Пробегая мимо шатра, я чаще всего видела за откинутым пологом уже знакомую мне черноволосую девушку в алых шелках и с колокольчиками на щиколотке

левой ноги. Иногда вместо нее в шатре находились другие девушки, а один или два раза я заметила там светловолосую невольницу в серебристо-желтых прозрачных шелках. Раск из Трева всегда выбирал для себя самых красивых женщин.

Как я его ненавидела!

Как-то вечером, на исходе третьей недели моего пребывания в военном лагере, Раск вместе со своими тарнсменами вернулся из длительного полета. Это оказалось особенно удачное нападение на имущество и невольниц давнего врага Раска — Хаакона со Скинджера. Среди невольниц, привезенных ими в качестве боевых трофеев, оказались мои давние знакомые — Инга и Рена. Только Лана не была захвачена ими. Инга и Рена сильно удивились, увидев меня здесь.

На следующее утро я видела, как на них надели ошейники. Ночь накануне этой процедуры они, как в свое время и я сама, провели в палатке для привилегированных рабынь, однако после того, как ошейники были на них надеты, их также поместили в барак для рабочих невольниц.

Когда Раск надевал ошейник на Ингу, он погладил ладонью ее светлые, очевидно понравившиеся ему, волосы, и эта девчонка, набравшись наглости, осмелилась прикоснуться щекой к его руке. Я даже фыркнула от негодования! Она стала совершенно бесстыжей! Бывшая книжница превратилась в самую обычную распутницу. Я почувствовала непреодолимое желание выдрать у нее все эти волосы! Как я была рада и как она была поражена, когда Раск отправил ее вместе с остальными привезенными из рейда девушками в барак для невольниц, выполняющих в лагере грязную работу!

И какое негодование испытывали Инга и Рена, когда им пришлось преклонить колени перед Ютой! Они едва не лопнули от злости.

Однако Юта не позволила им подняться с земли.

— Я — Юта,— сказала она.— Я старшая среди рабочих невольниц. Все они находятся в моем подчинении. Вам также придется выполнять все мои указания. Я буду обращаться с вами так же, как со всеми остальными девушками, не лучше и не хуже. Если какие-то мои распо-

ряжения не будут выполнены вами в точности и в срок, вы будете наказаны плетьми.

Они смотрели на Юту, едва осознавая, о чем она говорит.

— Все понятно? — спросила старшая невольница.

— Д... да...— пробормотала Инга.

— Да,— ответила Рена.

— Рабыня Эли-нор, выйди ко мне! — скомандовала Юта.

Подчиняясь ее приказу, я, прятавшаяся за спинами девушек, неохотно вышла вперед.

Инга и Рена, я заметила, обменялись довольными взглядами. Я испугалась.

— Это обыкновенная рабыня,— сказала Юта.— Такая же, как вы. Вам запрещается проявлять к ней жестокость.

— Но, Юта! — попыталась было возразить Инга.

— Иначе вас ждет наказание плетьми! — отрезала Юта.

Инга посмотрела на нее, с трудом сдерживая переполняющую ее злость.

— Вам все понятно? — спросила Юта.

— Да,— процедила сквозь зубы Инга.

— Понятно,— ответила Рена.

— Эли-нор,— распорядилась Юта,— выдай этим новым невольницам рабочие туники и потом снова приведи их ко мне. Я расскажу им об их повседневных обязанностях.

Я подвела Ингу, Рену и остальных новых девушек к стоящему в дальнем конце барака большому сундуку и выдала каждой из них по грубой короткой рубахе, в которых им придется выполнять все работы в военном лагере Раска из Трева. Все рубахи были выстиранными, тщательно залатанными и отутюженными. Некоторые из них я сама стирала и гладила небольшими горианскими, нагреваемыми на огне утюгами.

Девушки выстроились в очередь. Все они были обнажены. На каждой из них был только недавно надетый на шею ошейник.

Я доставала из сундука рубаху и бросала ее очередной невольнице.

— Но ведь я прошла обучение рабыни для наслаждений! — возразила Инга, с презрением вертя в руках грубую, короткую невольничью тунику.

— Надевай,— отмахнулась я от нее.

— Я принадлежала к высшей касте! — с негодованием воскликнула Рена.

— Надевай! — настойчиво повторила я.

С потемневшими от злости лицами Инга и Рена натянули на себя грубые рубахи.

— Из тебя получится хорошая невольница для грязных работ,— наблюдая за Ингой, не удержалась я от замечания.

Инга сжала кулаки в бессильной ярости.

— Из тебя тоже,— бросила я Рене.

Та только закусила губу.

Я оглядела остальных девушек, с презрительными минами вертящих в руках туники для грязных работ.

— А ну, надевайте их быстрее! — прикрикнула я.

Девушки поспешно натянули на себя рубахи, и я повела их к Юте для прохождения дальнейшего инструктажа.

На четвертый день после появления в военном лагере Инги, Рены и прибывших с ними девушек тарнсмены Раска вернулись из очередного полета.

Лагерь охватило обычное связанное с их возвращением радостное волнение.

Я тоже вскочила на ноги, услышав возбужденные голоса.

— Заканчивай свою работу,— остановила меня Юта.

— Юта! — воскликнула я.— Ну, пожалуйста!

— Продолжай работать! — отрезала старшая невольница.

Я безропотно опустилась на землю перед гладильной доской и снова взяла в руки утюг. Рядом лежала гора выстиранных мной рано утром рабочих туник, которые мне еще предстояло погладить. Я взяла очередную тунику, положила ее на гладильную доску, установленную на двух больших плоских камнях, и придавила ее утюгом. Тунику обволокли клубы пара. Второй утюг разогревался над огнем, разведенным в медной жаровне.

Из-за бревенчатых стен кухонного барака, где мы обычно гладили белье, доносилось хлопанье крыльев опускающихся на землю тарнов и возбужденные голоса девушек, встречающих возвращающихся тарнсменов. За толстыми стенами мне не было их видно; я слышала только их радостные крики.

— Какая она красивая! — донесся до меня восхищенный возглас какой-то невольницы.

Очевидно, в лагерь привезли новую пленницу. А я даже не могла посмотреть на нее вместе со всеми. Такая несправедливость!

Я сильнее придавила утюгом разглаживаемую тунику.

Я должна оставаться здесь, на кухне, гладить эти рубахи, пока остальные девушки встречают вернувшихся воинов и рассматривают их добычу. Мне нельзя даже издали поприветствовать тарнсменов.

Интересно, а Инга тоже там? Наверное, улыбается сейчас и машет рукой Раску, нашему хозяину.

Мне было очень обидно, но я тут же напомнила себе, что ненавижу Раска из Трева и что все это мне совершенно безразлично.

Возбужденные возгласы девушек стали стихать, и я поняла, что тарнсмены сейчас спускаются с седел на землю и ведут, наверное, своих захваченных в рейде пленниц в палатку для женщин. Встречавшие воинов девушки начали снова приниматься за работу.

Я продолжала гладить рубахи.

Через четверть часа, все еще стоя склонившись над гладильной доской, я поймала себя на странном ощущении, будто за мной кто-то наблюдает. Я бросила взгляд на дверь и увидела прямо перед собой длинные стройные ноги. Словно зачарованная, я подняла глаза выше, и из груди у меня вырвался сдавленный крик.

Передо мной стояла женщина в одеянии из шкур лесных пантер. С широкого пояса женщины свисал длинный охотничий нож. Руки и шею ее унизывали простые золотые украшения.

Я уронила голову и застонала от отчаяния.

— Вы, кажется, знакомы? — раздался за спиной голос Раска.

Я отрицательно покачала головой. Нет! Нет! Я не хотела в этом признаваться.

— Подними голову, рабыня,— приказала Вьерна.

Я подняла на нее испуганные глаза.

— Кто это такая? — повернулась она к Раску из Трева.

— Одна из моих невольниц,— неопределенно пожал он плечами.

Вьерна бросила на меня презрительный взгляд. Ее губы растянулись в улыбке.

— Разве ты меня не узнаешь? — язвительно поинтересовалась она.

Я покачала головой.

На ней не было ошейника. На поясе у нее висел охотничий нож. Мой хозяин, Раск из Трева, стоял рядом с Вьерной, опершись плечом о косяк двери. Она, совершенно очевидно, была теперь свободной. Судя по всему, она не была даже пленницей Раска. По тому, как держался с ней мой хозяин, я поняла, что она по неизвестной мне причине является гостьей в нашем лагере.

— Впервые мы встретились с этой красавицей на северной окраине Лауриса возле невольничьих бараков, которые арендовал ее владелец — Тарго,— говорила Вьерна, обращаясь к Раску из Трева, но громко, так, чтобы я все хорошо слышала.— Вторая наша встреча произошла на улицах Ко-ро-ба, где она, по ее собственным словам, поощряла местных невольниц наброситься на меня с палками и камнями, в то время как меня везли в железной клетке. В третий раз мы увиделись в одном из торговых фортов к югу от Ко-ро-ба, где охотники Марленуса остановились на ночлег и выставили меня в клетке среди остальной захваченной ими добычи. Вместе со второй невольницей, Ланой, эта девчонка осыпала меня оскорблениями и швырялась камнями.

Я уронила голову.

— Подними глаза,— сказала Вьерна.

Я без особого удовольствия выполнила ее приказание.

— Ну так что, ты меня узнаешь? — спросила она.

— Нет! — покачала я головой.

— Ваша рабыня, оказывается, лгунья,— заметила лесная разбойница.

— Хотите, чтобы ее наказали плетьми? — спросил Раск из Трева.

— Нет,— ответила Вьерна и снова посмотрела на меня.— Она ведь всего лишь рабыня!

Я опустила глаза.

— Значит, ты продолжаешь лгать и здесь? — суровым голосом поинтересовался Раск.

— Нет, хозяин,— пролепетала я.

— Я постепенно начинаю терять с тобой терпение, Эли-нор,— нахмурился мой хозяин.

Я боялась поднять на него глаза.

— Я мало что понимаю в твоей работе, рабыня, но мне кажется, ты сейчас спалишь утюгом тунику,— усмехнулась Вьерна.

Я поспешно убрала оставленный мной на рубахе утюг, о котором совершенно забыла. К счастью, он еще не прожег тунику, иначе не миновать бы мне сегодня наказания.

— Позвольте мне показать вам остальную часть лагеря,— любезно предложил Вьерне Раск.

Вьерна бросила на меня насмешливый взгляд.

— Продолжай свою работу, рабыня,— сказала она.

— Да, госпожа,— пробормотала я.

Раск и Вьерна ушли, оставив меня одну. Смахивая с глаз катящиеся слезы, я снова принялась гладить невольничьи рубахи.

В тот вечер, выкроив минутку между ужином и дальнейшей работой на кухне, я осторожно пробралась к палатке для женщин.

— Ена! — шепотом позвала я старшую невольницу.

Ена показалась из-за отброшенного полога палатки, и я, будучи всего лишь самой бесправной рабыней, опустилась перед ней на колени.

— Можно мне говорить? — с мольбой в голосе попросила я.

Ена опустилась рядом со мной на землю и взяла меня за руку.

— Конечно, Эли-нор, говори,— разрешила она.— Что случилось?

Я с благодарностью посмотрела на нее.

— У нас в лагере появилась новая женщина,— сказала я.— Свободная женщина!

— Да,— подтвердила Ена.— Это Вьерна, женщина-пантера из северных лесов.

— Простите мне мое любопытство, госпожа,— взмолилась я,— но как она здесь оказалась и что делает в нашем лагере?

Ена улыбнулась.

— Пошли со мной,— сказала она.

Старшая невольница провела меня через весь лагерь к разбитой в его противоположном конце маленькой низкой палатке. У разведенного рядом с палаткой костра сидели двое крепких, величественного вида мужчин.

— Это охотники из свиты Марленуса. Я узнала их,— прошептала я.

Они мне хорошо запомнились во время торжественного шествия охотников Марленуса по улицам Ко-ро-ба и в торговом форте, расположенном на пути в Ар, где мы с Ланой осыпали оскорблениями выставленную в невольничьей клетке Вьерну.

Возлежащим у костра мужчинам прислуживали Инга с Реной, все еще одетые в свои короткие рабочие туники. Обе девушки старательно выполняли свои обязанности и, я видела, были очень взволнованы тем, что их оставили наедине с такими видными мужчинами.

Я даже поморщилась: у этих девчонок напрочь отсутствует чувство собственного достоинства!

— Это Рафф и Прон, охотники из Трева. В своих охотничьих вылазках они нередко добираются и до северных лесов,— вполголоса пояснила Ена.— По приказу Раска эти парни выдали себя за жителей Муниса — небольшого селения, находящегося под властью Ара, и подали прошение принять их в состав охотничьей команды Марленуса, заявив, что почтут для себя за большую честь охотиться вместе с самим великим убаром. Кое-кто из ближайшей свиты убара уверил Марленуса в том, что Рафф и Прон славятся своим мастерством, бесконечно преданы делу процветания славного Ара, и порекомендовал великому убару включить их в состав своей экспедиции в северные леса.— Ена усмехнулась и

заговорщически мне подмигнула: — У Трева везде свои люди!

— И они помогли Вьерне бежать,— догадалась я.

— Да, вместе с ней они добрались до заранее условленного места, где дождались Раска и его воинов. Они и доставили их в наш лагерь.

— Но какое дело Раску до Вьерны?

— Вьерна хорошо известна по всему Гору как предводительница лесных разбойниц. Когда Раск узнал, что Марленус готовит поход в северные леса, чтобы под видом охоты заполучить Вьерну в свои руки, он немедленно отдал приказ Раффу и Прону войти в состав отправляющейся с убаром свиты охотников.

— Но зачем?

— Затем, чтобы, если Марленусу повезет схватить Вьерну, иметь возможность ее освободить.

— Но для чего все это? — недоумевала я.

— Поимка такой разбойницы, несомненно, возвеличила бы славу Марленуса, а ее бегство лишь еще раз подчеркнет неспособность убара удержать в руках даже то, что он уже имеет!

— Значит, ее отпустили на свободу только для того, чтобы лишить Марленуса части его добычи? Чтобы лишний раз ему досадить?

— Ну конечно! — воскликнула Ена.— Ведь Трев и Ар — противники! — Глаза у нее сияли от удовольствия. Я нисколько не сомневалась в том, какой из сторон она отдает свои симпатии.— Разве это не удар по славе Марленуса, убара Ара?

— Еще какой! — согласилась я.

— А разве не достойна восхищения дерзость моего хозяина Раска, разбившего свой военный лагерь во владениях могучего Ара, под носом у Марленуса, чтобы обчищать его поля и грабить идущие в Ар караваны торговцев?!

— Да,— прошептала я.

Я действительно на мгновение почувствовала нечто вроде гордости за этих отчаянно дерзких и храбрых воинов и, прежде всего, за своего хозяина — приводившего меня в трепет Раска из Трева, но тут же вспомнила, что

он с презрением относится ко всем женщинам, включая меня, и что я его ненавижу.

— А что с остальными разбойницами из банды Вьерны? — спросила я.

Меня особенно беспокоило то, что на свободе могла оказаться и та светловолосая девушка, которая во время моего похищения у Тарго вела меня за собой по ночному лесу. Я сильно ее оскорбила, швыряя в нее куски грязи и пытаясь ударить палкой. Я очень ее боялась. Если ей удалось вырваться на свободу, она могла сделать со мной что угодно!

— Остальные разбойницы остались в руках охотников Марленуса,— ответила Ена.

Я вздохнула с облегчением.

Инга тем временем наполняла вином кубок одного из охотников. Она, я видела, наклонялась к нему значительно ближе, чем это было необходимо. Губы у нее были приоткрыты, глаза сияли, а руки, державшие кувшин с вином, дрожали. Рядом на коленях стояла Рена. Она не отрывая глаз смотрела на своего обгладывающего мясо с кости охотника, готовая по малейшему знаку вскочить на ноги и исполнить все его желания.

Что за бесстыжие девчонки! У них нет никакого уважения к себе!

— Наш хозяин люто ненавидит Марленуса из Ара,— продолжала Ена.

Я понимающе кивнула.

— А ты обратила внимание на темноволосую девушку, которая иногда убирает в его шатре? — поинтересовалась она.

— Да,— ответила я.

Еще бы мне не обратить на нее внимание! Это была невероятно красивая невольница. Она, пожалуй, затмевала своей красотой даже Ену — одну из самых красивых женщин, которых мне довелось увидеть в жизни. Она была само совершенство. Ее изящная хрупкая фигурка казалась выточенной из белого мрамора рукой непревзойденного мастера, а миндалевидные зеленые глаза и струящиеся по плечам густые волнистые волосы дарили девушке неповторимую привлекательность. Она

всегда была одета в алые короткие прозрачные шелка и носила на щиколотке левой ноги два браслета с колокольчиками.

— Ты знаешь, кто она такая? — спросила Ена.

— Нет,— ответила я.— А кто она?

Ена загадочно усмехнулась.

— Эли-нор! — раздался у меня за спиной окрик Юты.— А ну, немедленно в барак!

Я испуганно вскочила на ноги и, кляня вездесущую Юту на чем свет стоит, поспешила в барак, чтобы быть прикованной на ночь цепями.

Вскоре я узнала, кем была эта темноволосая красавица...

У Вьерны в лагере Раска была отдельная палатка, но когда он не отправлялся в рейд, она ужинала вместе с ним. Иногда она выходила и за пределы лагеря, чтобы прогуляться по лесу и поохотиться.

Мне довольно часто выпадало заниматься уборкой в палатке Вьерны, готовить ей пищу и прислуживать за ужином. Я очень ее боялась, но она вела себя со мной не жестче, чем с остальными невольницами, выполняющими ту же работу. Прислуживая ей за столом, я старалась держаться как можно незаметнее, чтобы ничем не привлечь ее внимание и лишний раз не напомнить о том, что было между нами. Сама Вьерна не делала никаких различий между мной и любой другой невольницей; я же старалась угодить ей во всем, поскольку меня не оставлял страх перед этой женщиной.

Однажды ночью, когда Раск со своими тарнсменами вернулся с богатой добычей и новыми пленницами, Вьерна отмечала эту победу в своей палатке и, к моему немалому удивлению, распорядилась, чтобы прислуживала ей за столом именно я. Блюда для праздничного ужина, как и прежде, готовили другие девушки, больше, чем я, разбирающиеся в этом деле.

Приготовлению пищи в лагере Раска уделялось большое внимание, а среди запасов находящейся в лагере провизии были даже такие деликатесы, как, скажем, устрицы из дельты Воска, захваченные тарнсменами в качестве трофея после совершенного ими налета на следу-

ющий в Ар караван торговцев. Следует отметить, что пиршества в воинском лагере проходили на славу, а многие изысканные блюда были достойны стола самого Марленуса — великого убара Ара! Мне же в таких мероприятиях отводилась весьма скромная роль: я только подносила блюда, наполняла вином кубки пирующих да выполняла их небольшие поручения, стараясь не привлекать к себе внимания мужчин.

А они разговаривали об охоте, о войне и о своих рейдах в северные леса так, словно меня рядом с ними не было.

Иногда Вьерна или Раск жестом подзывали меня к себе, и я со словами «Да, госпожа!» или «Да, хозяин!» спешила наполнить вином их кубки.

Вьерна сидела за низким столом, по-мужски скрестив перед собой ноги. Наполняя ее кубок, я опускалась перед ней на колени.

Когдя я подошла к ней в очередной раз, она бросила мне устрицу.

— Ешь, рабыня! — сказала она.

Таким образом она, гость на этом празднике, давала понять, что теперь меня тоже можно кормить. В рамках горианских традиций прислуживающих за столом невольниц не кормят до тех пор, пока этого не позволит кто-либо из гостей или сам хозяин дома.

— Благодарю вас, госпожа,— пробормотала я, запихивая в рот пропитанную винным соусом устрицу.

Раск бросил мне кусок мяса, и я с удовольствием принялась утолять мучивший меня голод. Отойдя в глубь шатра и спрятавшись за спины пирующих, я с жадностью вонзала зубы в хорошо прожаренное, сочное мясо, жир из которого стекал у меня по подбородку и заливал ладони.

Внезапно Раск щелкнул пальцами.

— Подойди сюда, Эли-нор,— позвал он.

Я с сожалением отложила недоеденный кусок мяса и поспешила на зов хозяина. Подойдя к его низкому столику, я опустилась на колени.

Он протянул мне свой кубок.

— Пей,— сказал он.

Я посмотрела на кубок и испуганно покачала головой.

— Рабыня никогда не посмеет пить из кубка, к которому прикасались губы ее хозяина,— прошептала я.

— Отлично,— кивнула головой Вьерна.

— Она прошла обучение в невольничьей школе в Коро-ба,— пояснил Раск из Трева.

Из своего кубка он отлил немного вина в небольшую, стоящую рядом с ним чашу и протянул ее мне.

— Благодарю вас, хозяин,— одними губами прошептала я.

Он жестом показал, что я могу быть свободна, и я поспешно вернулась на свое место в глубине шатра. Здесь я опустилась на колени и с наслаждением выпила изумительное, так потрясшее меня вначале каланское вино.

— У меня есть для вас сюрприз,— обращаясь к Вьерне, заметил Раск.

— Вот как? — с любопытством откликнулась она.

Я с сожалением отставила слишком быстро опустевшую чашу.

Раск посмотрел на меня и улыбнулся. Он был в хорошем расположении духа. Заметив мой обращенный к его столу голодный взгляд, он отрезал большой кусок жареного мяса. При одном виде его истекающей соком розовой мякоти я почувствовала, как у меня снова потекли слюнки. Раск усмехнулся и бросил мне мясо. Я поймала его на лету и тут же впилась в него зубами.

— Что же это за сюрприз? — напомнила Вьерна.

Раск хлопнул в ладоши, и дожидавшиеся его сигнала музыканты вошли в шатер и заняли место у откинутого полога. У них было два небольших барабана, флейта и какой-то незнакомый мне струнный инструмент.

Раск еще дважды хлопнул в ладоши. В шатер вошла черноволосая зеленоглазая девушка и остановилась перед его столом.

— Наденьте на нее колокольчики,— приказал Раск музыкантам.

Те быстро вытащили из принесенной с собой кожаной сумки несколько комплектов колокольчиков и привязали их к щиколоткам и запястьям девушки.

— Пожалуйста, хозяин, только не перед женщиной! — взмолилась девушка, имея в виду, конечно, Вьерну: я-то была всего лишь невольницей.

Раск бросил ей одну из лежавших перед ним на серебряном блюде устриц.

— Ешь,— приказал он.

Сопровождая каждое свое движение мелодичным перезвоном колокольчиков, девушка взяла брошенную ей устрицу.

— Такая еда достойна стола Марленуса из Ара, не правда ли? — поинтересовался Раск.

— Да, хозяин,— ответила девушка.

Она стояла, глядя ему в лицо.

Мы с Вьерной молча наблюдали за этой сценой.

— Сними с себя накидку,— распорядился Раск из Трева.

— Прошу вас, хозяин! — взмолилась девушка.

— Снимай! — приказал Раск.

Шелковая накидка соскользнула к ногам девушки.

— А теперь танцуй, Талена! — приказал Раск.

Секунду помедлив, девушка поплыла в мягком кружении танца.

— Неплохо,— с удовлетворением заметила Вьерна.

— Знаете, кто она такая? — поинтересовался Раск.

— Нет,— ответила Вьерна.

— Дочь убара Марленуса, Талена,— усмехнулся Раск, расправляясь с очередным куском мяса.

Вьерна на мгновение обомлела от неожиданности и тут же громогласно расхохоталась.

— Великолепно! — воскликнула она, хлопая себя по коленям.— Это просто великолепно!

Она вскочила на ноги и вплотную подошла к девушке, плывущей в медленном ритме танца, сопровождающемся перезвоном ее колокольчиков.

— Потрясающе! — не удержалась она.

Мелодия начала набирать темп, и, подчиняясь ей, быстрее закружилась черноволосая девушка.

— Отдайте ее мне! — воскликнула Вьерна.

— Может, и отдам,— усмехнулся Раск.

— Я — враг Марленуса! Отдайте мне его дочь! — упрашивала Вьерна хозяина лагеря.

— Я тоже его враг,— заметил Раск, протягивая мне опустевший кубок, который я немедленно наполнила вином.

— Я покажу ей, что значит быть рабыней в северных лесах! — предавалась сладостным мечтам женщина-пантера.

Ужас промелькнул в глазах девушки, но она не оборвала свой танец. Кружась перед своими врагами, она выглядела особенно беспомощной и беззащитной. При каждом повороте ее головы надетый на нее ошейник отливал металлическим блеском в тусклом свете ламп на тарларионовом жире. Однако я не испытывала к ней большой жалости. Мне не было до нее никакого дела. Эта девчонка — всего лишь одна из множества ежедневно встречающихся мне рабынь.

— Кое-чему из жизни в неволе я ее уже научил,— похвастался Раск.

Глаза танцующей девушки округлились от ужаса.

— И как она? — полюбопытствовала Вьерна.

— Великолепна,— кивнул Раск.

Не прерывая танца, девушка съежилась под устремленными на нее взглядами.

— Как она к вам попала? — поинтересовалась Вьерна.

— Наверное, с год назад мне уступил ее один торговец. Причем совершенно бесплатно! Очевидно, он был настолько тронут просьбой, с которой к нему обратились люди из города Трева, что решил подарить мне эту девчонку в честь нашего знакомства.

Вьерна расхохоталась, сочтя шутку Раска весьма удачной.

— Вы ведь знаете, я не покупаю женщин,— напомнил Раск Рариус.

Я вздрогнула при воспоминании о том, как я сама попала к нему в руки.

— Это просто замечательно! — воскликнула Вьерна.— Представить только: ваш военный лагерь находится в пределах владений самого Ара! И в этом лагере для вас танцует рабыня — родная дочь Марленуса, великого убара Ара! Потрясающе!

Я смотрела на танцующую девушку.

Раск дважды отрывисто хлопнул в ладоши. Музыка оборвалась. Девушка застыла, уронив руки вдоль тела.

— Достаточно,— сказал ей Раск.

Девушка поклонилась и побежала к выходу из шатра.

— Не забудь свою накидку,— бросила ей вдогонку Вьерна.

Девушка вернулась с полдороги, смущенно подобрала лежащую на полу шелковую накидку и опрометью выскочила из шатра.

Раск и Вьерна проводили ее звучным хохотом.

Они снова потребовали наполнить им кубки, и я поднесла им кувшин с вином.

— Мы вернулись сегодня с богатой добычей и новыми пленницами,— сказал мне хозяин.— Поэтому сегодняшняя ночь будет ночью веселья и удовольствий.

— Да, хозяин,— сказала я и вопросительно посмотрела на него.

— А ты отправляйся к Юте, и пусть она запрет тебя в бараке,— распорядился он.

— Да, хозяин,— ответила я и уныло поплелась к выходу из шатра.

— Почему бы вам не отдать Талену мне? — продолжала наседать на Раска Вьерна.

— Может, и отдам. Мне нужно над этим подумать,— долетели до меня его слова.

Я вышла из шатра и отправилась искать Юту, чтобы она, как обычно, заперла меня в бараке.

На следующий день, впервые за все время моего пребывания в военном лагере, мне с Тейшей, девушкой с острова Кос, позволили выйти за пределы лагеря, чтобы под присмотром охранника насобирать в лесу ягод ирра. Нас с Тейшей привязали друг к другу длинным кожаным ремнем и дали большие корзины.

Ягоды ирра в изобилии росли в здешних местах. По вкусу они очень напоминают обычную сливу, только косточка у них поменьше и растут они на невысоких кустах. Впервые попав на Гор, еще до моей встречи с караваном Тарго, я, как оказалось, рвала именно эти ягоды.

Я была очень рада возможности выйти за высокий частокол лагеря и хоть немного побыть в лесу, тем более

что процесс сбора ягод был для меня делом знакомым и привычным.

Я часто просила Юту, чтобы она позволила мне отправиться в лес для сбора ягод, но она всегда отказывала и посылала других девушек.

— Я не убегу,— клятвенно обещала я.

— Я знаю,— отвечала Юта, каждый раз отправляя в лес кого-нибудь из моих соседок по бараку.

Я никак не могла понять причины ее возражений. Наконец сегодня она, очевидно сжалившись надо мной, разрешила мне идти собирать ягоды вместе с Тейшей.

Как славно было оказаться на свободе — пусть даже ненадолго, пусть даже привязанной ремнем к другой девушке! У меня было чудесное настроение.

К тому же сегодня утром в лагерь доставили двух новых пленниц, убежавших из дому от ненавистных им браков, устроенных их родителями. Наши тарнсмены обнаружили беглянок в лесу, поймали их, и по этому поводу сегодня вечером снова, как и вчера, будет организован праздничный ужин. Однако на этот раз Юта сказала, что, если сбор ягод у нас с Тейшей пройдет без замечаний, меня не отправят в барак рано вечером, а позволят остаться до конца праздничного ужина, чтобы прислуживать пирующим.

— Это значит, что на меня наденут прозрачные шелка? — поинтересовалась я у Юты.

— Да,— ответила она.— И ножные браслеты с колокольчиками.

Я разозлилась.

— Я не желаю прислуживать мужчинам! — сказала я.— Тем более я не желаю прислуживать им в напяленном на меня огрызке шелка и клоунских колокольчиках, как какая-нибудь дешевая шлюха!

— Ну что ж, тогда сиди в бараке одна,— согласилась Юта.

— Я не думаю, что это справедливо по отношению к остальным девушкам,— возразила я.— Я себе отдыхаю в бараке, а их заставляют прислуживать пирующим...

— Так ты будешь прислуживать на праздничном ужине или останешься в бараке? — теряя терпение, спросила Юта.

— Я буду прислуживать,— ответила я с видом мученицы, приносящей себя в жертву.

— Тогда тебе придется надеть на себя шелка и ножной браслет с колокольчиками.

— Ну что ж делать...— обреченно развела я руками.

На самом деле в глубине души я с нетерпением ждала сегодняшнего вечера. Я была уверена, что в шелковых одеяниях буду одной из самых красивых девушек. Может быть, в шелках и колокольчиках я произведу на Раска большее впечатление?

Как я его ненавидела!

— Однако если кто-нибудь из мужчин обратит на тебя внимание, не спеши падать в его объятия,— предупредила Юта.— Помни, что ты — девушка белого шелка!

Я почувствовала, как во мне закипает холодная ярость.

— Значит, я обречена оберегать свою товарную стоимость? — иронически усмехнулась я.— Следить за тем, чтобы она не понизилась?

— Вот именно,— сухо ответила Юта.— Хотя, на месте мужчины, я заплатила бы гораздо больше за девушку красного шелка.

— Таким образом, мне запрещается делать все, что может уменьшить капиталовложения Раска? — продолжала я веселиться.

— Да,— отрезала Юта.

— А как же мне быть, если кто-нибудь из пирующих схватит меня в объятия и не захочет выслушивать никаких отговорок?

Юта рассмеялась; это было в первый раз, когда я увидела ее смеющейся в лагере Раска.

— Кричи погромче,— посоветовала она,— и тебя освободят от этого, а ему дадут девушку красного шелка!

— Ладно,— согласилась я.

Юта подозвала охранника.

— Свяжите их парой,— попросила она.

Охранник привязал нас с Тейшей друг к другу кожаным ремнем и повел к выходу из лагеря.

— Будь осторожна, Эли-нор! — крикнула мне вслед Юта.

Я не поняла, что она хотела сказать своим предупреждением.

— Хорошо,— ответила я, оборачиваясь и вопросительно глядя на нее.

Кожаный ремень у меня на шее натянулся.

— Пойдем скорее, Эли-нор,— поторопила меня Тейша.— Нам отвели немного времени.

Я разозлилась на нее. Такая молодая, совсем недавно носит ошейник, а туда же — указывать мне!

Солнце светило ярко. Его лучи, казалось, пронизывали меня насквозь, и вскоре настроение у меня улучшилось.

Когда ни охранник, ни Тейша не смотрели в мою сторону, я потихоньку подкрадывалась к корзине девушки и пригоршнями воровала собранные ею ягоды, пересыпая их в свой кузовок. Она — новенькая среди нас невольница. Почему я должна работать наравне с ней? Пусть потрудится!

Когда я знала, что меня не видят, я бросала в рот ягодку-другую, внимательно следя за тем, чтобы не вымазать соком губы. Я и прежде себе в этом не отказывала, еще когда собирала ягоды для Тарго, чего же бояться сейчас? Ни Юта, ни охранник никогда не ловили меня за руку. Я всегда умела их провести. Куда им! Я гораздо умнее их всех, вместе взятых!

Наконец обе корзинки у нас были наполнены, и мы вернулись в лагерь.

Охранник передал наши корзины другим девушкам, чтобы те отнесли их на кухню, и отвязал удерживающий нас с Тейшей друг рядом с другом кожаный ремень.

— Эли-нор, Тейша, следуйте за мной,— приказала подошедшая к нам Юта.

Она подвела нас к длинному шесту, закрепленному в горизонтальном положении на двух деревянных опорах — к тому самому, который предназначался, как я раньше считала, для развешивания вяленого мяса. Рядом с шестом Юта приказала нам опуститься на колени.

У одной из деревянных опор стояла медная жаровня, наполненная раскаленными добела углями. Из жаровни выступали рукояти четырех тавродержателей для проставления невольничьего клейма. Судя по раскаленным

углям, огонь в жаровне поддерживали не меньше двух-трех часов — то есть в течение всего времени, пока мы с Тейшей занимались сбором ягод.

Я почувствовала смутное беспокойство.

Вокруг собралось несколько охранников и выполнивших свою работу невольниц. Здесь же находился и охранник, сопровождавший нас с Тейшей во время сбора ягод.

Тейша тревожно оглядывалась по сторонам. Она казалась до предела напуганной. Мне тоже все происходящее не доставляло большого удовольствия, но я изо всех сил старалась держать себя в руках.

— Тейша,— строгим голосом обратилась к девушке Юта.

Моя напарница подняла на нее наполненные ужасом глаза.

— Ты воровала ягоды из корзины Эли-нор? — спросила Юта.

— Нет! Нет! — воскликнула моя напарница.

— А ты, Эли-нор,— посмотрела на меня Юта,— ты воровала ягоды у Тейши?

— Нет! — не моргнув глазом ответила я.

Юта обернулась к сопровождавшему нас в лесу охраннику.

— Первая говорит правду, вторая — лжет,— сказал охранник.

Юта посмотрела на меня.

— Это нетрудно определить, Эли-нор,— сказала она.— Иногда охранник успевает заметить твои движения, иногда — обо всем можно догадаться даже по твоей тени. Он может определить, воруешь ты или нет, по быстро изменяющемуся количеству ягод в твоей корзине.

— Нет,— застонала я.— Нет, я этого не делала!

— Ты часто воровала ягоды и из моей корзины,— продолжала Юта,— но я просила охранника, который тоже был в курсе дела, чтобы он молчал об этом.

Я уронила голову.

— Я никогда больше не буду воровать ягоды,— пробормотала я.

— Я тоже так думаю,— кивнула Юта.

Я подняла на нее удивленный взгляд.

— Но на этот раз ты обворовала Тейшу, девушку честную и наивную, и этого так оставить нельзя.

— Я ничего у нее не воровала! — воскликнула я.

Юта снова взглянула на охранника.

— Лжет,— отрезал охранник, пожимая плечами.

— Ну я не буду, больше никогда не буду у нее ничего воровать! — закричала я.

Юта нахмурила брови и обернулась к Тейше.

— Ты ела ягоды, когда их собирала? — спросила она.

— Нет, не ела! — испуганно замотала головой девушка.

Юта подошла ко мне.

— А ты, Эли-нор, ела ягоды?

— Нет, Юта, не ела! — ответила я.

Юта нахмурилась еще больше и повернулась к Тейше.

— Открой рот,— приказала она,— и покажи язык!

Я застонала. Я поняла, чем это мне грозит.

Юта проверила язык Тейши.

— Хорошо,— сказала она.

Я со страхом ждала своей судьбы.

— Теперь ты, Эли-нор, открой рот,— потребовала Юта.

— Пожалуйста, Юта, прошу тебя! — взмолилась я.

— Открой рот и покажи язык! — приказала Юта.

Мне оставалось только повиноваться.

По рядам зрителей пробежал взрыв довольного хохота.

— Ты можешь идти, Тейша,— распорядилась Юта.

Молодая невольница вскочила на ноги и поскорее убежала прочь от опасного места.

Я также начала подниматься с земли.

— А ты, Эли-нор, оставайся там, где стоишь,— остановила меня Юта.

Я снова преклонила колени. Теперь уже я испугалась не на шутку.

— Сними свою тунику,— приказала Юта.

Не понимая, что происходит, я дрожащими руками стянула с себя короткую грубую рубаху. На мне остался только ошейник.

— Теперь проси охранника, чтобы он поставил клеймо на твоем теле и наказал тебя плетьми! — скомандовала Юта.

— Нет! — закричала я.— Нет! Нет-нет-нет!

— Я сам поставлю клеймо на ее теле,— произнес у меня за спиной до боли знакомый голос.

Я обернулась и посмотрела в глаза Раску.

— Хозяин! — разрыдалась я, уронив голову к его ногам.

— Держите ее,— приказал он четверым охранникам.

— Пожалуйста, хозяин, не надо! — взмолилась я.— Прошу вас!

Охранники схватили меня за руки и ноги и прижали к земле у пылающей медной жаровни. Угли в ней были раскалены так, что я за два фута ощущала исходящий от нее жар.

— Пожалуйста,— рыдала я,— не надо!

Раск надел на руку толстую, плотную рукавицу и вытащил из жаровни один из тавродержателей. Длинный металлический прут оканчивался крохотной, не больше четверти дюйма, буквой, раскалившейся в жаровне добела.

— Это обличающее клеймо,— сообщил Раск.— Оно пометит тебя как неисправимую лгунью.

— Пожалуйста, хозяин! — бормотала я, задыхаясь от слез.

— Я потерял с тобой всякое терпение,— сказал Раск.— Получай то, что ты заслужила!

Он прижал клеймо к моему телу, и я зашлась в душераздирающем вопле. Через две-три секунды он отнял клеймо от моего бедра. Жуткая боль раздирала мое тело. Я не могла остановиться и продолжала кричать. В воздухе запахло горелым мясом. Я задыхалась. Меня била крупная дрожь. Четверо мужчин еще сильнее навалились мне на грудь, прижали к земле мои ноги.

— А это клеймо,— сказал Раск, вытаскивая из жаровни другой тавродержатель,— будет всем говорить о том, кто ты есть на самом деле — воровка!

— Ну, пожалуйста, хозяин, не надо! — бормотала я.

Под тяжестью навалившихся на меня мужчин я не могла пошевелить ни одним мускулом. Мне оставалось

только ждать, пока моего левого бедра не коснется второй раскаленный прут.

Новая вспышка боли ворвалась в мое сознание, ударила по обнаженным нервам. Я застонала.

На теле у меня теперь стояло и клеймо воровки.

— Это третье клеймо,— словно издалека донесся до меня голос Раска,— также является обличающим. Оно будет поставлено на твоем теле за преступление перед Ютой.

Сквозь застилающие мне глаза слезы я с трудом рассмотрела крохотную, добела раскаленную букву на конце толстого металлического прута.

— Это клеймо отметит тебя как предательницу,— сказал Раск.— Пусть все знают, что ты собой представляешь! — Голос у него звенел от справедливого гнева.

Он прижал клеймо к моему телу. Сквозь волны боли, застилающей мое сознание, я непроизвольно бросила взгляд на Юту. На ее лице не отразилось никаких эмоций. Это поразило меня больше всего, и я дала волю слезам и зашлась в душераздирающем крике.

Мужчины продолжали прижимать меня к земле.

Раск вытащил из жаровни последний тавродержатель. Он был самым толстым из всех предыдущих, и буква на конце железного прута была никак не меньше полудюйма высотой. Она также была раскалена добела. Я узнала это клеймо. Я уже видела его на ноге у Ены. Это было клеймо города Трева. Раск решил, что с сегодняшнего дня я буду носить на своем теле еще и это клеймо.

— Не надо, хозяин, пожалуйста! — умоляла я его.

— Надо, никчемная рабыня,— отвечал он.— Когда кто-нибудь из мужчин спросит тебя, кто поставил на твоем теле клейма лгуньи, воровки и предательницы, ты покажешь ему это клеймо и ответишь, что это сделал один из граждан Трева.

— Не нужно подвергать меня такому наказанию,— взмолилась я.— Прошу вас!

Руки мужчин удерживали меня плотно прижатой к земле. Я не могла пошевелиться. Раскаленный конец прута замер в каком-нибудь дюйме от моего беспомощно распластанного тела.

— Нет! — бормотала я.— Не надо!

Я поймала на себе взгляд Раска из Трева и по выражению его лица поняла, что пощады мне не будет. Он был воином, предводителем тарнсменов.

— Этим клеймом города Трева,— суровым голосом произнес он,— я объявляю тебя своей рабыней!

Раскаленный конец прута с яростным шипением впился в мое тело.

Пытка продолжалась не менее пяти секунд.

Захлебываясь рыданиями, я почувствовала, что сознание начинает меня оставлять. Я ощутила головокружение. К горлу подкатила тошнота.

Когда перед глазами у меня прояснилось, я поняла, что руки у меня связаны и меня поднимают с земли стягивающим их ремнем. Ремень был переброшен через проходящий над моей головой укрепленный в горизонтальном положении шест. Мои ноги оторвались от земли. Конец связывающего мои руки ремня закрепили на поддерживающей шест деревянной опоре.

Зрители отступили назад.

— Принесите плеть,— приказал Раск.

Я висела, наверное, в футе над землей. Ноги мне стянули вторым кожаным ремнем, конец которого привязали к металлическому кольцу, прикрепленному к верхней части вкопанного в землю каменного столба. Распятая таким образом, я не могла уворачиваться от наносимых мне ударов.

Как-то очень давно мне уже пришлось испытать на себе наказание плетьми. Меня била Лана. Я навсегда это запомнила. Я была слишком утонченной, нежной и не могла выносить подобных истязаний. Я не какая-нибудь простая горианка! Мне даже страшно было представить себя под настоящей рабовладельческой плетью-семихвосткой, находящейся в руках мужчины.

— Пожалуйста, хозяин! — взмолилась я.— Не подвергайте меня наказанию плетью! Я не вынесу боли! Это убьет меня! Я из города Нью-Йорка! У меня слишком нежная кожа, чтобы выдержать удары плетьми!

Собравшиеся вокруг зрители рассмеялись.

Я была подвешена над землей. Руки и ноги у меня были связаны. Левое бедро горело от нестерпимой боли.

Из глаз ручьем катились слезы. Я задыхалась. Словно сквозь густую пелену до меня доносился суровый голос Раска.

— Для начала,— говорил он,— ты получишь по одному удару плетью за каждую букву в слове «лгунья», затем по одному удару за каждую букву в слове «воровка», а после этого — по одному удару за каждую букву в слове «предательница»! Ты сама будешь считать удары.

Я разрыдалась.

— Считай! — приказал Раск.

— Я не могу! — воскликнула я.— Я неграмотная! Я не знаю, сколько букв в каждом из этих слов!

— В первом — шесть, во втором — семь, а в третьем — тринадцать,— подсказала Инга.

Я в ужасе посмотрела на нее. До сих пор я не замечала ее среди собравшихся. Мне не хотелось, чтобы она видела, как меня избивают плетьми. Я невольно обвела глазами присутствующих и заметила стоящую рядом Рену. Лучше бы они обе были сейчас где-нибудь подальше!

— Ну и орала же ты, когда на тебе ставили обличающие клейма,— заметила Инга.

— Это верно,— покачала головой Рена.

— Считай! — скомандовал Раск.

— Один! — в отчаянии воскликнула я.

Спина у меня буквально взорвалась от боли. Я пыталась закричать, но из груди у меня не вырвалось ни звука. Я не могла даже вздохнуть. Перед глазами у меня все поплыло. Снова раздался свист рассекаемого плетью воздуха, боль накрыла меня второй волной. Я едва не потеряла сознание.

Я не в силах была этого выдержать.

— Счет! — вонзился в мое ускользающее сознание чей-то требовательный голос.

— Нет, я не могу,— простонала я.

— Считай! — крикнула Инга.— Иначе тебя будут бить без счета.

— Веди счет, не думай ни о чем,— настаивала Рена.— Эти плети не изуродуют твое тело. Они для этого слишком широкие. Главное — не сбейся со счета!

— Два,— выдавила я из себя.

Боль обрушилась на меня с новой силой.

— Счет! — потребовал Раск.

— Я не могу,— пробормотала я.— Не могу!

— Три,— сказала за меня Юта.— Я буду считать вместо нее.

Плеть снова опустилась на мои плечи.

— Четыре,— ухватило голос Юты ускользающее сознание.

На меня обрушился поток ледяной воды. Я с трудом открыла глаза, возвращаясь в мир сжигающей мое тело боли.

— Пять...— механически отметило сознание очередной удар плетью, сопровождающийся доносящимся издалека приглушенным голосом Юты.

Я потеряла сознание, и меня немедленно облили холодной водой.

Наконец прозвучало спасительное:

— Шесть!

Окончательно обессиленная, я висела на кожаном ремне, стягивающем мои руки, и даже не пыталась поднять упавшую на грудь голову.

— А теперь,— объявил Раск,— я буду бить тебя, пока сам не сочту, что с тебя достаточно.

Еще десять ударов плетью нанес он беспомощно висящей на шесте невольнице. Еще дважды я теряла сознание, и меня дважды приводили в чувство, обливая холодной водой. И лишь после этого, уже прощаясь с жизнью, я каким-то образом сквозь сплошную пелену боли сумела разобрать его слова:

— Спустите ее на землю!

Я почувствовала, как натяжение стягивающего мои руки ремня ослабло. Меня опустили на землю, развязали мне ноги и защелкнули на запястьях соединенные цепью металлические наручники. После этого меня, еле передвигающую ноги, потащили за волосы к находящемуся неподалеку железному ящику, втолкнули в него и закрыли дверь.

Я слышала, как задвигаются снаружи железные засовы и как на них навешивают тяжелые замки.

Ящик был прямоугольным, очень маленьким, площадью не более квадратного ярда и высотой чуть больше моего роста. Он раскалился на солнце, в нем было

темно и душно. На уровне моих плеч в двери ящика была сделана прорезь шириной в семь и высотой в полдюйма. Такая же щель, но высотой дюйма в два и шириной, наверное, в фут, находилась у самого пола.

Мне вспомнилось, как одна из невольниц в первый день моего пребывания в лагере Раска предупредила, что, если меня поймают на лжи или на воровстве, меня подвергнут наказанию плетьми и посадят в железный ящик.

Я застонала и без сил опустилась на пол, обняв колени руками и уперевшись в них подбородком. Сожженное клеймами левое бедро у меня горело огнем, но еще сильнее давала себя знать исполосованная плетью спина.

Подумать только: с этой минуты Элеонора Бринтон с нью-йоркской Парк-авеню носила на себе клейма лгуньи, воровки и предательницы, а какой-то воин из далекого, варварского мира, объявивший себя ее хозяином, поставил у нее на теле знак своего города! Мало того что он изуродовал ее тело, так он еще безо всякой жалости, как какое-нибудь животное, избил ее плетьми и засунул в железный ящик! Разве может позволить себе настоящий хозяин так обращаться с тем, что ему принадлежит? Мне трудно было в это поверить.

Напряжение последнего часа и нечеловеческая боль наконец сломили меня, и я, кое-как свернувшись на полу железного ящика, забылась сном.

Пришла в себя я только поздно вечером. Каждая клеточка моего тела все еще стонала от боли. Снаружи доносились звуки музыки, хохот мужчин и возбужденные, радостные голоса девушек: праздничный ужин, посвященный пленению двух беглянок, оставивших родительский дом из-за нежелания соединиться брачными узами с найденными для них претендентами, был в самом разгаре.

Я оставалась в ящике для невольниц в течение нескольких дней. Железная дверь открывалась только на те короткие мгновения, которых хватало, чтобы накормить меня и дать мне напиться. Все это время на мне были надеты наручники, и я не могла даже прикоснуться к зудящим ожогам от проставленных у меня на бедре

клейм. На пятый день наручники с меня сняли, но из ящика не выпустили. К этому времени ожоги у меня на теле начали подживать, но даже одно лишь пребывание в темном, тесном, раскаленном под солнечными лучами железном ящике уже само по себе было настоящей пыткой.

В первые дни, когда запястья у меня были скованы наручниками, я пинала дверь ногами, ругалась и умоляла выпустить меня из ящика. Позднее, когда цепи с меня сняли, двери ящика вообще перестали открывать и тарелки с едой подсовывались в щель, расположенную у самого пола. Я окончательно упала духом и только жалобными стонами пыталась привлечь к себе чье-то внимание. Я боялась сойти с ума, сидя в этом жутком ящике в полном одиночестве. Принося мне еду и подливая в чашку свежую воду, Юта никогда со мной не разговаривала. Лишь один раз в ответ на мои стенания она бросила:

— Хозяин выпустит тебя отсюда, когда сам сочтет нужным, не раньше!

В другой раз на мои рыдания откликнулись проходящие мимо Инга и Рена, но они сделали это только для того, чтобы меня подразнить.

— Раск давно забыл о твоем существовании,— презрительно фыркнула Инга.

— Да-да! — смеясь, подхватила Рена.— Хозяин и думать о тебе забыл!

На десятый день моего прозябания в железном ящике Юта вместо тарелки с обычным хлебом подсунула мне под дверь миску с совсем другой едой. Я даже вскрикнула от омерзения. В миске копошились, взбираясь один другому на спину, маленькие жирные насекомые. Я с воплями оттолкнула от себя миску, вышвырнув ее из своего ящика. Это были те самые насекомые, которых мне показывала Юта во время нашего с нею бегства и говорила, что они не только съедобные, но даже очень полезные для здоровья. Сама она довольно часто отыскивала этих жуков под корой деревьев и поедала их без промедления.

Днем позже она опять подсунула под двери ящика миску с зелеными насекомыми, и я снова вытолкнула

ее наружу. В верхнюю щель в двери я видела, как она подняла миску, выбрала одного жука, разломила его пополам и с нескрываемым удовольствием засунула в рот. Нет, решила я, лучше совсем умереть с голоду, чем есть такую мерзость, однако уже на следующий день, борясь с подступающей к горлу тошнотой, все же заставила себя съесть пять насекомых.

Горсть этих жуков и чашка питьевой воды составляли весь мой дневной рацион во время моего дальнейшего заключения в железном ящике.

Я целыми часами простаивала у проделанной в верхней части двери узкой щели в надежде, что мимо пройдет хоть кто-нибудь из девушек, кто осмелится перебросится со мной парой слов. Однако сколько бы я ни звала, ни одна из них так и не откликнулась, боясь нарушить запрет разговаривать с невольницей, посаженной в железный ящик. Потеряв всякую надежду на возможность общения, в последние дни я довольствовалась тем, что разглядывала пролетающих в небе птиц и колышущиеся под дуновением ветра листья деревьев.

Так я провела в ящике для невольниц полных семнадцать дней.

Вечером восемнадцатого дня к ящику подошли Юта с Ингой и Реной.

Я, как обычно, стояла, прижавшись лицом к узкой прорези в верхней части железной двери, и с тоской наблюдала за тем, что происходит вне стен моей крохотной тюрьмы.

— Хочет ли рабыня Эли-нор выйти из ящика для провинившихся невольниц? — официальным тоном поинтересовалась Юта, как старшая невольница.

Я едва не задохнулась от счастья.

— Да! Рабыня Эли-нор хочет выйти из ящика для невольниц! — прошептала я.

— Просит ли рабыня Эли-нор выпустить ее?

— Да! Да! — разрыдалась я.— Рабыня Эли-нор просит ее выпустить!

— Откройте двери! — распорядилась Юта, обернувшись к Инге и Рене.

С замирающим сердцем я услышала, как в тяжелых замках повернулись отмыкающие их ключи, как ото-

двинулись железные запоры, и наконец маленькая дверь моей темницы распахнулась.

Морщась от боли, разламывающей мое тело, я на четвереньках выбралась из ящика и тут же в изнеможении опустилась на траву.

Лица стоящих вокруг меня девушек не могли скрыть переполнившего их отвращения.

— Отмойте эту рабыню,— процедила сквозь зубы Юта.

Инга и Рена долго оттирали меня щетками, ополаскивали водой, вырывая у меня из груди глухие стоны при каждом прикосновении щетки к моему измученному телу.

После того как они меня отмыли и расчесали мне волосы, охранник, бормоча ругательства по поводу того, что на его долю выпало такое неприятное занятие, на руках отнес меня, совершенно беспомощную и обессилевшую, в барак для рабочих невольниц. Здесь с разрешения Юты Инга и Рена накормили меня свежим бульоном, который я с благодарностью выпила до последней капли, и тут же провалилась в глубокий сон.

На следующий день меня оставили в бараке, и Инга с Реной приносили мне еду. Днем позже я вернулась к своим обычным, повседневным обязанностям.

Моим первым заданием было вычистить после себя железный ящик. Покончив с этим малоприятным занятием, я снова тщательно вымылась и получила разрешение надеть свою рабочую тунику. Я была так рада снова облачиться в это нехитрое, грубое одеяние! В тот день я переделала еще много различных дел, а вечером меня вместе с Тейшей опять послали под присмотром охранника в лес собирать ягоды ирра. На этот раз я не воровала их из корзины моей напарницы и даже не пыталась потихоньку съесть хотя бы одну.

В лагере окружающие относились ко мне с нескрываемым презрением. Теперь у меня не только уши были проколоты, но на левом бедре стояли клейма, обличающие меня как лгунью, воровку и предательницу.

Недели через две после моего освобождения из железного ящика мимо меня прошли, разговаривая друг с другом, Раск и Вьерна, как обычно в своем одеянии из

шкур лесных пантер. Едва завидев их, я тут же опустилась на колени и низко склонила перед ними голову: я была простая рабыня, только что перенесшая тяжелое наказание и вовсе не застрахованная от него впредь.

Они прошли, не обратив на меня никакого внимания.

Шли дни, до предела заполненные работой и похожие один на другой как две капли воды.

Рейды тарнсменов теперь не приносили большой удачи, и налетчики нередко возвращались в лагерь без привычной для них богатой добычи и без хорошеньких пленниц, перекинутых через седла их тарнов.

Элеонора Бринтон, как и все остальные рабыни, вставала с рассветом и тут же погружалась в работу. Она убирала территорию лагеря, стирала и гладила, помогала на кухне, мыла посуду — и так с утра до вечера, когда ее вместе с другими рабынями запирали на ночь в бараке для рабочих невольниц, где им предоставлялось несколько часов отдыха перед началом следующего трудового дня.

Я научилась хорошо обращаться с утюгом, шить и готовить пищу. Вьерна, к примеру, не смогла бы справиться ни с одним из этих занятий. Она все дни проводила на охоте или беседах с мужчинами.

Кстати сказать, шитье одежды, стирка и приготовление пищи считаются у гориан занятиями не достойными свободной женщины, тем более принадлежащей к высшей касте. В высотных цилиндрах горианских городов непременно имеется целый штат общественных рабынь, по требованию знатных семейств выполняющих все работы по дому за мизерную, чаще всего символическую плату, отчисляемую работодателем в городскую казну. Услугами общественных рабынь, как правило, пользуются семьи, не имеющие возможности или попросту не желающие держать личных невольниц и нанимающие у городских властей так называемых временных, или приходящих, рабынь.

Кроме того, на содержании города находятся общественные прачечные и столовые, также обслуживаемые общественными рабынями. Здесь каждый горожанин имеет право заказать себе обед или ужин с доставкой на

дом либо отдать в стирку свое белье. Стоимость таких услуг доступна каждому.

Число общественных рабынь регулярно пополняется за счет девушек, захватываемых в плен в городах противника. Свободные женщины зачастую обращаются с такими невольницами с крайней жестокостью, и работодателю нередко достаточно одного слова или выражения своего неудовольствия по поводу присланной для выполнения домашних работ общественной рабыни, как девушку тут же наказывают плетьми. Стоит ли говорить, с каким рвением стремятся общественные невольницы удовлетворить все запросы свободных женщин?

К услугам девушек, также за символическую плату, могут обращаться и юноши, испытывающие потребность в женской ласке. И здесь от невольницы требуется большое умение и, прежде всего, старание, чтобы не вызвать неудовольствие клиента и избежать наказания. Жизнь у общественных рабынь незавидная — что и говорить!

Однако я, возможно, с некоторым удивлением для себя обнаружила, что больше не чураюсь обязанностей рабочей невольницы. Я пришла к заключению, что главное в данном вопросе — это выполнить порученную работу, и выполнить ее хорошо, а не мучить себя вопросами, зачем это нужно и почему это должна делать именно я.

Кроме того, я поймала себя на мысли, что пренебрежительному отношению горианского мужчины к выполнению определенного рода работ, кажущихся ему низменными и недостойными, есть свое вполне обоснованное оправдание. Вообразите себе, к примеру, царственного льва с метлой в лапах. Я еще могу представить себе мужчину Земли, вычищающего пылесосом ковры в своей квартире, но горианина — никогда! Он в корне отличается от земного мужчины и своей решительностью, и бескомпромиссностью, и мужеством. Рядом с ним невозможно чувствовать себя кем-то иным, чем женщиной, признающей свою слабость, беспомощность и, как следствие, предуготовленность самой судьбой выполнять все его требования.

В соответствии с таким подходом к делу горианская свободная женщина стремится отдалить от себя любое кажущееся ей недостойным занятие, и прежде всего — работу по дому. Она для этого слишком горда, слишком независима. Невольнице с ошейником на шее трудно даже посмотреть в глаза такой женщине. Кто же должен выполнять грязную работу? Ответ напрашивается сам собой. Легкая, неприятная работа ложится на плечи невольницы, тяжелая, трудновыполнимая — на крупный домашний скот или на рабов-мужчин. Неужели чем-то подобным должны заниматься свободные люди? У них есть для этого целый сонм рабов! А я уже привыкла осознавать себя рабыней и считала вполне естественным для себя и своих сестер по невольничьему ошейнику заниматься тем, чем нам прикажут. Кто еще сделает это за нас?

— Поторапливайся, рабыня! Старайся! — покрикивала на нас Юта.

И я старалась.

Я старалась выполнить свою работу качественно и редко отвлекалась на разговоры с другими девушками, как, впрочем, и они — на беседы со мной. Хотя зачастую мы работали вместе, я всегда чувствовала себя одинокой. Если они затягивали во время работы песню, перебрасывались шутками или смеялись, я никогда не присоединялась к ним в этих маленьких удовольствиях.

Работала я хорошо. Я думаю, со временем я стала одной из лучших работниц Юты. Иногда, управившись с собственным заданием, я помогала закончить его остальным девушкам.

Я больше не испытывала желания лгать или увиливать от работы, перекладывая ее выполнение на плечи остальных. Возможно, в какой-то степени это объяснялось моим страхом перед наказанием. Я так и не смогла забыть ужас и боль, испытанные мной при избиении плетью и проставлении обличающих клейм. Я больше не могла без содрогания бросить взгляд на плеть в руке охранника; внутри меня тут же все сжималось, и я чувствовала, как меня начинает колотить нервная дрожь. Я готова была сделать все, что от меня требовалось, без малейших возражений или колебаний.

Не спешите меня осуждать, пока на себе не испробуете наказание плетьми или пытку прикосновением к вашему телу раскаленного железа.

Каким-то странным, необъяснимым образом ложь и воровство начали казаться мне вещами низменными, жалкими и недостойными. Я больше не рассматривала свои прежние уловки как проявление ловкости и сообразительности; наоборот, они воспринимались мной как демонстрация никчемности и недалекости человека, вне зависимости от того, был он пойман на месте преступления или нет.

Сидя в железном ящике для провинившихся невольниц, я о многом передумала. Я была недовольна тем, что представляла собой прежде. Я теперь твердо запомнила, что являюсь невольницей, собственностью своего хозяина, всецело зависящей от его желания подвергнуть меня какому-либо наказанию или простить.

К тому же я осознавала, что в соответствии с горианскими законами вполне заслужила и избиения плетьми, и клеймения, и заточения в железный ящик. Я не желала пройти через это снова, и не только из-за страха перед болью, но и потому, что мне казалось бессмысленным и недостойным делать вещи, за которые я могу понести заслуженное наказание. Сидя в железном ящике, я открыла для себя, что больше не желаю быть тем, чем была прежде. Для меня оказалось мучительным остаться наедине с собой и посмотреть на себя со стороны.

К мужчинам я также утратила всякий интерес; к тому же теперь, когда мое тело украшало столько отметин, свидетельствующих о весьма неблаговидных чертах моего характера, их отношение ко мне в корне изменилось.

Как-то один из проходивших мимо охранников еще издали заметил меня и скомандовал:

— А ну, на колени, рабыня-воровка с проколотыми ушами!

Я послушно опустилась на землю прямо перед ним. Он, не говоря ни слова, пнул меня ногой, отшвыривая с тропинки, и, весело напевая, зашагал дальше.

Не отставали от них и девушки, особенно любившие подставить подножку, когда я несла какую-то поклажу,

или вытворявшие что-нибудь такое, отчего выполненная мной работа шла насмарку и мне приходилось все переделывать заново.

Одни шутки отличались изощренностью, другие — глупостью, но в каждом случае в них неизменно присутствовала жестокость.

Однажды двое подвыпивших воинов, желая повеселиться, связали мне ноги ремнями и, подвесив меня вниз головой на укрепленном горизонтально шесте, стали раскачивать из стороны в сторону, пока у меня не закружилась голова и не начались позывы к рвоте. Дождавшись, когда они вволю натешились и ушли, Юта с Ингой и Реной отвязали меня от шеста.

— Какие они все безжалостные! — вырвалось у Юты.

Обливаясь слезами, я бессильно опустилась перед ней на траву.

У меня пропало желание прислуживать за столом даже в дни празднеств. Я хотела только выполнять свою черную работу и чтобы меня при этом никто не трогал. Вечерами я не могла дождаться часа, когда окажусь в спасительной темноте и безмолвии наглухо запертого невольничьего барака.

— Примите к себе Эли-нор,— сначала просила Юта, завидев разыгравшихся девушек.

— Да ну ее! — неизменно отвечали они.

— Я сказала — принять! — приказывала наша начальница.

— Пожалуйста, Юта, не надо,— просила я ее.— Позволь мне уйти в барак.

— Ну что ж, иди,— отвечала Юта.

И я уходила, торопясь поскорее остаться одной.

Сопровождавшее меня по всему лагерю презрительное отношение и насмешки заставили меня уйти в себя, отрезали от окружающего мира. Теперь я не хотела никого видеть и слышать, не хотела праздничных ужинов и веселья. Мне нужна была только моя работа и молчаливое одиночество темного невольничьего барака. Я с нетерпением ожидала момента, когда его дверь отгородит меня от внешнего мира.

Единственное, что у меня еще осталось, что подпитывало мою гордость и чувство собственного достоинст-

ва, это мысль о том, что я не похожа на остальных женщин. Пусть мое тело обезображено позорными клеймами, обличающими меня во лжи, воровстве и предательстве, пусть я прошла публичное наказание плетьми и длительное заточение в железном ящике, зато я была лишена свойственных всем остальным девушкам женских слабостей.

Я вспоминала далекие северные леса, круглую поляну, залитую мертвенным лунным светом, и беснующихся в диком танце лесных разбойниц во главе с Вьерной — с самой Вьерной! — стремящихся обмануть свою природу, освободиться от терзающего их неутолимого желания мужской ласки. Какие они жалкие, слабые и беспомощные, несмотря на весь их лицемерный фарс! Сколько в них женского, ранимого — достойного презрения! Какое счастье, что я не похожа на них!

Постепенно в качестве компенсации за перенесенные мной унижения, за изуродовавшие мое тело позорные клейма, выставляющие меня в наименее выгодном свете по сравнению с остальными невольницами, во мне развилось чувство глубокой ненависти ко всему, что меня окружало.

Я ненавидела всех, с кем мне приходилось сталкиваться. Я знала, что я — лучше их! Должна быть лучше! Я начала выполнять свою работу с глубочайшим старанием, стремясь довести все, что мне поручалось, до совершенства.

Я стала обращать большое внимание на то, как я говорю, как выражаю свои мысли, направленные в основном на критику окружающих. Несмотря на позорные клейма, я утвердилась во мнении, что превосхожу всех остальных по своим внутренним качествам, остающимся для окружающих невидимыми, тайными, глубоко скрытыми. Эта высокая внутренняя самооценка придала мне уверенности в себе, изменила весь мой облик, позволила держаться гордо и надменно.

Мое высокомерие вызывало раздражение у остальных девушек, но мне это было безразлично: ведь я была лучше их! Я, конечно, теперь не лгала, не воровала и не увиливала от работы, поскольку воспринимала с некоторых пор подобное поведение унизительным для такого

человека, как я. Это было ниже моего достоинства. Я была слишком хороша, чтобы вести себя подобным образом. Осознание собственного превосходства,— открыла я для себя,— вот верный способ возвыситься самой и принизить тех, кто тебя окружает! Я начала использовать свою понятливость, неизменную вежливость и пунктуальность, чтобы подчеркнуть свое превосходство над остальными девушками — над всеми! Но наибольшую гордость во мне вызывала уверенность в том, что я, к счастью, избавлена от ненавистных мне женских слабостей, от женской тоски по вниманию мужчин.

— Сегодня вечером вы все будете прислуживать за праздничными столами! — радостно сообщила Юта.

На лицах девушек отразилось явное удовольствие.

В этот день, впервые за несколько последних недель, рейд тарнсменов Раска оказался удачным. Они привезли с собой одиннадцать пленниц и много других трофеев. Седла их тарнов были увешаны нанизанными на ремни кубками, а сумки раздувались от драгоценностей и золотых монет. Кружась низко над землей, они бросали нитки жемчуга на головы встречающих их радостными криками невольниц.

В лагере воцарилась праздничная атмосфера. Еще накануне заезжие торговцы доставили в лагерь Раска туши разделанных для жарки босков, корзины с фруктами и сыром, хлеб, шелка, вино, цветы и сладости. Всех охватило нетерпеливое ожидание вечера и предвкушение большого праздника. Занятые приготовлениями девушки суетились и, сгибаясь под тяжестью награбленных трофеев, помогали перетаскивать их в палатки воинов. Пленниц отвели в палатку для женщин, где они немедленно разбрелись по углам, со страхом дожидаясь приближения завтрашнего утра, когда на них должны будут надеть невольничьи ошейники.

— Сегодня,— не вставая с седла, объявил Раск,— у нас будет праздничный ужин! — Его щит был обильно покрыт следами засохшей крови, а глаза все еще горели возбуждением выигранного сражения.

Мужчины дружно загрохотали мечами и древками копий по своим щитам, а девушки с радостными воз-

гласами разбежались, чтобы заняться приготовлениями к празднику.

Я, конечно, решила, что не буду прислуживать на этом праздничном ужине. Юта, как обычно, позволит мне уйти. Она знала, что я не такая, как все.

Сидя в темном бараке, я мрачно наблюдала за приготовлениями девушек к праздничному пиршеству. Они возбужденно переговаривались, смеялись и обменивались шутками. Такие, конечно, будут изо всех сил стараться услужить мужчинам!

По приказу Юты девушки с радостными лицами выскочили из барака и побежали получать шелка и ножные браслеты с колокольчиками.

Как я презирала этих жалких, слабых созданий!

Я осталась в бараке. Мне украшения не понадобятся. Я сегодня лягу спать пораньше. Мне нужно хорошенько отдохнуть и набраться сил. Завтра предстоит обычный рабочий день.

— Эли-нор, иди сюда! — услышала я голос Юты.

Это меня озадачило.

Я поднялась с пола и вышла из барака. У дверей стоял сундук с шелковыми накидками, колокольчиками и косметикой. К крышке сундука было прикреплено большое зеркало. Мужчин рядом не было. Никто не мешал девушкам делать последние приготовления.

Я удивленно посмотрела на Юту.

— Раздевайся,— приказала она.

Меня пронзила страшная догадка.

— Нет! — воскликнула я.— Только не это!

Но под строгим взглядом старшей невольницы я сняла с себя рубаху. Юта бросила мне шелковую накидку и завернутые в нее ножные браслеты с колокольчиками.

— Ну пожалуйста, Юта! Может, не надо? — пробормотала я, чувствуя, как слезы наворачиваются мне на глаза.

Девушки прыснули со смеху. Они перестали вертеться перед зеркалом и уставились на меня.

— Пожалуйста, Юта! — разрыдалась я.— Я тебя очень прошу!

Юта была неумолима.

— Приводи себя в порядок,— отрезала она.— Да постарайся выглядеть как можно привлекательнее!

Я обернула вокруг плеч шелковую накидку. Бросив на себя взгляд в зеркало, я невольно содрогнулась. Мне много раз приходилось стоять обнаженной перед мужчинами, но я еще никогда не чувствовала себя настолько голой, как в этом прозрачном одеянии. Это были горианские шелка для наслаждений. Даже одетая, я выглядела в них более чем обнаженной — если такое вообще возможно.

Я дождалась своей очереди перед зеркалом и по приказу Юты наложила на себя тонкий слой косметики, как того требует от невольницы горианская традиция. Я хорошо умела пользоваться тенями и румянами, поскольку на занятиях в Ко-ро-ба этому искусству уделялось довольно много времени.

Затем я привязала к щиколоткам ножные браслеты с колокольчиками и снова подошла к Юте.

— Пожалуйста, Юта,— попросила я.

Она посмотрела на меня и рассмеялась.

— Ты хочешь, чтобы я помогла надеть тебе колокольчики на руки. Я правильно поняла? — поинтересовалась она, словно не замечая моего состояния.

Я уронила голову.

— Да,— прошептала я.

Юта взяла два узких кожаных браслета с колокольчиками и завязала их у меня на запястьях.

При каждом моем движении, как бы я ни старалась этого избежать, колокольчики издавали нежный, мелодичный перезвон.

Я беспомощно оглянулась.

Девушки прихорашивались перед зеркалом, заканчивая последние приготовления. В своих шелках, с колокольчиками и умело наложенной косметикой они выглядели нарядными и весьма привлекательными.

— Ты довольно хорошенькая,— заметила мне Юта.

Я промолчала. Я чувствовала себя подавленной.

Через несколько минут Юта, остававшаяся в рабочей тунике, поскольку была освобождена от прислуживания за столами, начала проверку приготовившихся к празднеству невольниц. Она давала советы, делала замечания

и говорила, что где кому из нас нужно подправить. Она за нас отвечала и хотела, чтобы мы выглядели как следует.

Вскоре очередь дошла и до меня.

— А ну выпрямись,— сказала она.

Сдерживая раздражение, я выполнила ее приказ.

Она подошла к сундуку, вытащила из него еще пять маленьких колокольчиков и привязала их к моему ошейнику.

— Чего-то не хватает,— заметила она, окидывая меня скептическим взглядом.

Я решила молчать.

Она снова направилась к сундуку. Девушки раскрыли рты от изумления.

Юта достала из сундука громадные золотые серьги и вдела их мне в уши.

Слезы градом покатились у меня по щекам.

— Это, конечно, не оставит мужчин равнодушными,— усмехнулась она.— Нужно чем-то их поразить.

Девушки дружно рассмеялись.

Юта взяла белую шелковую ленточку и несколько раз, не завязывая, обернула ее вокруг моего ошейника.

Этим она подчеркнула, что я была девушкой белого шелка.

Инга с Реной рассмеялись.

— А вы не смейтесь,— остановила их Юта.— Вы будете помечены точно так же, иначе как бы Рафф и Прон, эти охотники из Трева, в самый неподходящий момент не забыли о том, что и вы — девушки белого шелка!

Теперь расхохотались остальные невольницы.

Я с возмущением заметила, что Инга и Рена проявили явное неудовольствие по поводу того, что и их ошейники обмотали белыми лентами. Я не могла этого понять. Неужели они хотели почувствовать себя беспомощными рабынями в объятиях Раффа и Прона? Очевидно, все обстояло именно так, и я снова почувствовала глубокое презрение к их женской слабости. А ведь Инга некогда принадлежала к касте книжников, а Рена прежде вообще была свободной женщиной! Ее даже величали госпожой Реной из Лидиса. Впрочем, стоит ли удивляться: все они рабыни по самой своей природе.

Мне было приятно сознавать, что у меня нет с ними ничего общего.

Но как же унизительно мне, Элеоноре Бринтон из Нью-Йорка, будет предстать перед мужчинами и тем более прислуживать им в подобном одеянии, с колокольчиками на руках и ногах!

Юта сбрызнула каждую из нас туалетной водой.

— Ну, вперед, рабыни! — хлопнула она в ладоши, и девушки побежали к центральной части лагеря, где их встретили радостные, полные восхищения крики мужчин.

Мы с Ютой остались вдвоем.

— Ты тоже иди,— сказала Юта.

Со сжатыми от злости кулаками, надушенная, в прозрачной шелковой накидке, с колокольчиками, мелодично перезванивающимися при каждом моем движении, я угрюмо побрела к центру лагеря, где возвышался пламенеющий шелками шатер Раска из Трева.

— Вина, Эли-нор! Принеси мне вина! — крикнул молодой воин.

Сопровождаемая перезвоном колокольчиков, я поспешила его обслужить.

Опустившись перед ним на колени, я наполнила его кубок.

Аккорды разливающейся по всему лагерю музыки были такими же знойными и пьянящими, как подогретое вино. Повсюду слышались крики, смех и стоны удовольствия, вырывающиеся из груди девушек, попадавших в объятия мужчин.

Праздник был в самом разгаре. Вино лилось рекой.

В центре, на посыпанной песком площадке, в алой шелковой накидке перед воинами танцевала Талена. Они осыпали ее обидными словами и швыряли в нее обглоданные кости и куски мяса.

Я уже хотела было подняться на ноги, но молодой воин, кубок которого я наполняла, схватил меня за волосы и пригнул к земле.

— Так, значит, ты — лгунья, воровка и предательница? — поинтересовался он.

— Да,— испуганно пробормотала я.

Он развернул меня к себе и присмотрелся к моим серьгам. Воин был пьян, и я чувствовала, что он возбужден. Одним махом он опрокинул в себя целый кубок и снова протянул его ко мне.

— Еще вина! — потребовал он.

Я вторично наполнила его кубок подогретым вином.

— Уши у тебя проколоты,— заметил он, стараясь сосредоточить на мне свой помутневший взгляд.

— Чтобы было приятнее моему хозяину,— прошептала я.

— Вина! — снова раздался его требовательный голос.

Я поднялась на ноги и побежала наполнить опустевший кувшин.

Талена покинула посыпанную песком площадку, и ее место заняла другая танцовщица.

Пиршество возглавлял величественно восседающий на коврах Раск. Это был его день, его победа. Рядом с ним, по-мужски скрестив перед собой ноги, сидела Вьерна, которой девушки-невольницы прислуживали так, словно она была одним из воинов. Как я сейчас позавидовала ее свободе, ее красоте, гордости и одеянию из шкур лесных пантер! Она не была одета в прозрачные шелка, не гремела при каждом движении трекляты-ми колокольчиками!

Воин, которому я наполнила кубок, неуклюже потянулся ко мне руками.

— Я девушка белого шелка! — испуганно отшатнулась я.

— Вина! — потребовал другой мужчина, постарше, за моей спиной.

Я стала подниматься на ноги, но тут почувствовала, что молодой воин держит меня рукой за накидку. Если я встану, накидка или порвется, или соскользнет у меня с плеч.

Тут рядом с нами на траву опустилась еще одна девушка. Она протиснулась к самому лицу молодого воина и обольстительно ему улыбнулась.

— А я — девушка красного шелка,— проворковала она.— Притронься ко мне! Ты увидишь, что я того стою!

Рука парня отпустила мою накидку, и я вскочила на ноги.

Не теряя времени, я переместилась к требовавшему вина другому мужчине и обслужила его.

— Вина! — воскликнула Вьерна.

Я поспешила к ней и наполнила ее кубок.

— Вина! — подвинул ко мне свой кубок Раск.

Все во мне затрепетало. Я не осмеливалась поднять на него глаза. Когда я наполняла его кубок, руки у меня дрожали.

— А она хорошенькая,— прозвучал надо мной голос Вьерны.

Под насмешливое глумление зрителей очередная танцовщица покинула посыпанную песком площадку, и ее место заняла следующая девушка.

— Вина! — крикнул воин из первого ряда наблюдающих за танцами зрителей.

Я вскочила на ноги и под перезвон своих колокольчиков поспешила к нему. Когда я опрокинула кувшин над его кубком, оказалось, что кувшин пуст. Мне нужно будет снова бежать к подогретому котлу на кухне, чтобы наполнить кувшин.

— Давай беги быстрее! — недовольно поморщился подозвавший меня воин.

— Я сейчас, хозяин,— пообещала я.

Я отбежала от пылающего костра и тут же об кого-то споткнулась в темноте. Мужской голос выругался. Я отпрянула в сторону и в отблеске костра увидела лежащую на траве Тейшу. Счастливое лицо девушки было залито лунным светом, волосы разметались, а раскрытые влажные губы все еще тянулись к мужчине в страстном поцелуе. Я поскорее нырнула в темноту и поспешила к кухне.

У самой кухни меня вдруг рванули в сторону, и я утонула в мужских объятиях. Волосатая рука воина потянулась к потаенным складкам моей невесомой накидки.

— Нет! — испуганно закричала я.

Мужчина приблизил к себе мое лицо.

— А-а! Ты — Эли-нор,— пьяным голосом протянул мужчина.— Маленькая лгунья, воровка и предательница!

Я стала выворачиваться из его рук. Он заметил серьги у меня в ушах и сильнее прижал меня к себе.

— Я девушка белого шелка! — воскликнула я.

Он покачал головой и попытался задержать свой пьяный взгляд на белой ленте, обвивающей мой ошейник. На лице у мужчины отразилось разочарование.

— Пожалуйста,— прошептала я,— отпустите меня!

— А что с тобой еще делать? — презрительно усмехнулся он.

Под улюлюканье зрителей посыпанную песком площадку у костра покинула очередная танцовщица. За весь вечер лишь две девушки добились аплодисментов, остальных рабынь выпроваживали с арены объедками фруктов и обглоданными костями.

— Я хочу увидеть, как ты танцуешь, маленькая предательница,— решил схвативший меня воин.

— Я должна приносить вино пирующим,— вывернулась я из ослабевших объятий потерявшего ко мне интерес воина и поспешила к кухонному бараку.

У дверей барака стояла Юта и следила за выдачей вина.

— Юта, не посылай меня назад к столам! — взмолилась я.

— Наливай вино и возвращайся,— скомандовала старшая невольница.

Я наполнила свой кувшин вином и снова подошла к ней.

— Ну пожалуйста, Юта! Прошу тебя! — обращалась я к ней, едва удерживая подступающие к глазам слезы.

Крики у костра зазвучали громче; зрители желали смотреть новые танцы, но никто из девушек не решался выйти на площадку.

— Где Эли-нор? — услышала я чей-то крик.— Элинор, предательница!

Я вздрогнула.

— Тебя зовут,— кивнула Юта в сторону костра.

— Иди сюда, рабыня! Танцуй! — В голосе кричавшего человека — того бородатого воина, который только что сжимал меня в объятиях,— слышалось нетерпение.

— Поторапливайся, рабыня! — подтолкнула меня Юта.

Сдерживая рыдания, расплескивая вино из кувшина, я побежала обратно к костру.

Едва лишь его пламя осветило меня, какая-то молодая невольница забрала у меня кувшин.

Меня грубым пинком вытолкнули на середину площадки для танцев. Чьи-то руки сорвали с меня шелковую накидку. Я упала на колени и закрыла лицо руками.

— Лгунья! Воровка! — посыпалось со всех сторон.— Предательница!

Музыканты заиграли снова. Я не могла даже пошевелиться.

Девушки принялись осыпать меня оскорблениями. Послышались возмущенные крики мужчин.

— Принести плеть! — приказал чей-то начальственный голос.

— Давай, рабыня! Потанцуй для своих хозяев! — крикнула Вьерна.

Стоя на коленях в самой середине посыпанной песком площадки, я оторвала руки от лица и протянула их к величественно восседающему на коврах Раску. У меня за спиной раздались шаги приближающегося к арене воина. Я заметила у него в руках длинную плеть-семихвостку. Я застонала и снова с мольбой в глазах посмотрела на Раска. Он должен, должен проявить ко мне жалость и понимание! Он обязан это сделать!

Однако напрасно я ждала от него сочувствия. На лице Раска не дрогнул ни один мускул.

— Танцуй, рабыня,— властным голосом произнес он.

Я вскочила на ноги и застыла с поднятыми над головой руками.

Музыканты снова ударили в свои инструменты.

Элеонора Бринтон из Нью-Йорка, бывшая там богатой женщиной, закружилась в варварском танце перед воинами этого жестокого, грубого мира.

Над лагерем поплыла тихая, наполненная глубокой чувственностью мелодия.

Внезапно на лицах зрителей я заметила восхищение, граничащее с каким-то благоговейным ужасом. Глаза их пылали. Мускулы напряглись. Мужчины подались вперед. Рабыни замерли в напряженном безмолвии.

Не зря я проходила столь долгий курс обучения в невольничьей школе в Ко-ро-ба, и не напрасно нас с Ланой считали одними из самых лучших учениц.

Пляшущие в такт музыке языки костра бросали на меня кровавый отсвет. Сладострастно стонала флейта. В медленную ритмичную дробь барабанов вплетался трепетный перезвон колокольчиков. Обволакивающий меня запах духов обострял чувства зрителей, пьянил разум. Колдовской отблеск золотых серег у меня в ушах зажигал устремленные ко мне взгляды. Пылающая на губах помада будоражила кровь.

Музыканты наращивали темп. Мелодия стала как-то жестче, ее аккорды зазвучали отрывисто.

Я продолжала плыть в ее бурных, поглощающих все вокруг переливах.

Внезапно я осознала ту колоссальную, невероятную власть, которую имеет над мужчинами моя красота, зажигающая их кровь, туманящая разум, сводящая с ума — пробуждающая в них желание.

— Она великолепна! — услышала я восхищенный шепот.

Я заметила произнесшего эти слова воина и в танцевальном движении потянулась к нему всем телом. Он рванулся ко мне, и только схватившим его за руки товарищам удалось удержать его на месте. Я медленно и плавно отошла в другой конец площадки, протягивая к нему ладони, словно изнемогая от боли разлуки с ним — моим возлюбленным.

Парень заскрипел зубами. По рядам зрителей пронесся стон. Я видела, что даже девушки пожирают меня восхищенными взглядами. Мужчины изнемогали от бушующего в их крови желания.

Я отбросила голову назад и отдалась пронизывающей все мое тело разбушевавшейся варварской мелодии.

Из каких-то потаенных глубин моего сознания выплеснулось неведомое мне прежде стремление покорить мужчину своей чувственностью, красотой, женской силой. Да, у меня есть над ними власть — безграничная, не знающая пределов. Я заставлю их страдать! Заставлю умирать от желания!

И я сделаю это совершенно безболезненно для себя, потому что я — девушка белого шелка!

Я могла танцевать перед ними как угодно, пытать их своей соблазнительной красотой и абсолютной раскрепощенностью.

Потрясенные зрители разражались дикими криками, стонали от неутоленного желания и восхищения. Они все были у меня в руках! И я знала, что это доставляет им наслаждение.

Ритм музыки непрестанно менялся. Он требовал от танцовщицы перерождения в дрожащую от страха молодую невольницу, впервые познавшую плеть и ошейник, превращал ее в томящуюся в одиночестве рабыню, изнывающую от тоски по покинувшему ее хозяину, дарил черты гордой, сознающей свою силу и власть женщины, презирающей всякие оковы и находящей удовольствие в подчинении себе мужчин, наделял горечью опытной рабыни красного шелка, сходящей с ума по рукам своего хозяина.

И все эти черты воплощала в себе я, то робко приближаясь к выбранному мною воину и каждым своим жестом умоляя его о защите и прощении, то удаляясь от него и заламывая руки в безысходной тоске, словно не в силах перенести разлуку с любимым, то проходя мимо, бросая высокомерный взгляд царственной особы, знающей себе цену, а то корчась в беззвучном стоне изнывающей от тоски покинутой женщины.

Зрители бурно реагировали на каждое мое движение. Они вскакивали на ноги, потрясали кулаками и разражались глухими стонами, но я лишь бросала каждому из них мимолетную, дразнящую улыбку и тут же переходила к следующему участнику моего маленького представления. Затем, когда музыка в бушующей ярости аккордов достигла своего апогея, я обратила все свое мастерство на моего хозяина — Раска.

Возлежа на пламенеющих в свете костра толстых коврах, он равнодушно потягивал из кубка подогретое вино. Взгляд его холодных глаз на каменном лице оставался безучастным.

Я танцевала, каждым своим движением стремясь передать всю мою ненависть к нему — ненависть и презрение. Я стремилась заставить его кровь закипеть в жилах, затуманить сознание, взорваться диким желанием, которое я своей властью оставила бы неразделенным, безответным, потому что я способна была дер-

жать себя в руках, потому что я была лишена женских слабостей и именно в этом заключалось мое могущество, моя сила. Я могла терзать его и даровать помилование. Я могла уничтожить его — похитившего меня, обратившего в рабство, изувечившего мое тело рабскими клеймами и плетьми, унизившего заточением в железном ящике. Теперь настал мой час. Я заставлю его страдать.

Мой танец превратился в поединок с этим каменным изваянием. Все во мне сконцентрировалось, напряглось и выплеснулось в этом акте моего отмщения.

Я отчаянно старалась пробудить в нем желание, но взгляд его оставался все таким же безучастным. Наблюдая за мной с холодной отрешенностью многоопытного ценителя, он время от времени поднимал свой кубок и отхлебывал подогретое вино. Постепенно я начала ловить себя на мысли, что его взгляд приобретает надо мной все большую власть, что каждое мое движение уже порождено не волей моего разума и моих стремлений, а каким-то странным, непонятным образом подчинено власти, безоговорочному диктату этих холодных глаз. Я почувствовала страх и с переходящей в остервенение настойчивостью выплеснула на него всю свою ненависть и презрение.

Он, казалось, забавлялся всем происходящим, не более того.

Я задохнулась от ярости.

Последние аккорды музыки угасли.

Я опустилась перед ним на колени, покорно склонив голову к его ногам.

Зрители на мгновение замерли и затем разразились бурей аплодисментов. Даже девушки, я видела, неистово колотили ладонью правой руки по левому плечу.

К Раску приблизился один из его воинов.

— Наказать ее плетьми? — спросил он.

Я покрылась холодным потом.

— Нет,— покачал головой Раск и жестом показал, что я могу оставить площадку.— Пусть танцуют другие невольницы.

Я подняла с земли свою шелковую накидку и отошла от костра.

Все во мне дрожало от возбуждения. Я была мокрой от пота и едва держалась на ногах.

Рафф и Прон вытолкали на песочную площадку Ингу с Реной, требуя, чтобы те продемонстрировали свое мастерство в танце.

Зрители шумно переговаривались, делясь впечатлениями.

Я поспешила укрыться в темноте и тут же наткнулась на поджидающую меня Юту.

— Ты очень красивая, Эли-нор,— заметила она.

Я промолчала и пошла за ней к кухонному бараку.

Здесь Юта омыла меня водой и протянула полотенце. Я насухо вытерлась и собралась отправляться в барак для рабочих невольниц.

— Нет,— остановила меня Юта.

Я с удивлением посмотрела на нее.

— Приведи себя в порядок,— сказала она,— и снова наложи косметику.

— Зачем? — спросила я.

— Делай то, что я тебе говорю,— приказала она.

Я послушно наложила тени на веки и накрасила губы. Юта привязала мне к рукам колокольчики.

— А теперь сиди здесь и жди,— сказала она.

Больше двух часов мы просидели с ней на кухне. Наконец праздничный шум начал стихать, и воины, прихватив с собой понравившихся им невольниц, стали расходиться по своим палаткам.

Юта подошла и помазала меня за ушами и на груди туалетной водой.

Меня пронзила страшная догадка.

— Нет! — воскликнула я.— Только не это!

Лицо Юты оставалось непроницаемым.

— Отправляйся в шатер Раска,— приказала она.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться...

— Входи,— сказал Раск.

Я вошла в его шатер.

В этот момент я с наибольшей остротой ощущала свою беспомощность и полнейшее одиночество.

— Опусти полог шатра,— распорядился Раск из Трева.

Я задернула полог и стянула его края кожаными ремнями, отделяя себя и моего повелителя от всего внешнего мира.

Обреченно уронив руки вдоль негнущегося тела, я повернулась к нему.

Над полной пылающих углей жаровней стояла тренога, предназначенная для установки железного бочонка и подогрева в нем вина.

Изнутри шатер был обтянут красным шелком. С поддерживающих полотняные стены шестов на толстых цепях свисали изящные, заправленные тарларионовым жиром светильники. По краям помещения стояло множество мешков, сундуков и баулов, наполненных сокровищами, награбленными тарнсменами во время своих разбойничьих рейдов и нападений на караваны торговцев. Горловины некоторых мешков были развязаны, и доверху наполняющие их золотые монеты отбрасывали на стены шатра яркие блики. Под откинутой крышкой ближайшего ко мне сундука я увидела целые россыпи украшений из благородных металлов, усыпанных жемчугом и драгоценными камнями.

Что и говорить: Раск из Трева владел большими богатствами.

— Подойди сюда,— приказал он.

Сопровождаемая перезвоном колокольчиков, я шагнула к нему.

Ноги мои утопали в толстых коврах, устилающих полы шатра. Их мягкий ворс приятно ласкал мои ступни.

В нескольких футах от своего повелителя я остановилась.

— Подойди ближе,— распорядился он.

Еще несколько шагов в полной тишине, нарушаемой только перезвоном колокольчиков.

— Подними голову,— сказал мой повелитель.

Я посмотрела ему в глаза.

На мне был надетый им ошейник, поставленные его рукой невольничьи клейма.

Я не могла выдержать его взгляд.

Я почувствовала, как он потянулся к моей накидке и через мгновение белые шелка соскользнули к моим ногам.

Он отвернулся, отошел к пылающей жаровне и опустился на ковер, скрестив перед собой ноги.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга.

— Приготовь мне вино,— наконец сказал он.

Я выбрала в углу шатра бутылку каланского вина — наверняка из винных погребов Ара, хорошего качества, как и все остальное, попавшее к Раску из рук какого-нибудь ограбленного им торговца. Затем я отыскала небольшой медный бочонок, перелила в него вино и установила на треногу над пылающей жаровней.

Раск, скрестив ноги, сидел рядом и не спускал с меня задумчивого взгляда.

Через пару минут я сняла бочонок с треноги и прижалась к нему щекой; но он, как оказалось, еще недостаточно нагрелся. Я снова поставила его на огонь.

Напряженная тишина в шатре производила на меня гнетущее впечатление. Мне стало страшно.

— Не бойся,— словно почувствовав мое состояние, сказал Раск.

— Хозяин...— умоляющим голосом начала я.

— Я не давал тебе разрешения говорить,— оборвал меня мой повелитель.

Я послушно замолчала.

Мучительно медленно протекла еще минута-другая. Бочонок уже впитал в себя жар раскаленных углей, но не настолько, чтобы его нельзя было держать в руках. Я сняла его с огня и перелила вино в изящный, тонкой работы кувшин с узким вытянутым горлышком. На гладких стенках кувшина, покрытых искусной чеканкой, плясало искаженное до неузнаваемости отражение склонившейся над ним светловолосой невольницы с увешанным колокольчиками металлическим ошейником на шее.

Подогретое вино уже успело подарить часть своего тепла тонкостенному кувшину. Прикосновение к нему щекой подтвердило, что вино не перегрелось.

— Готово? — спросил Раск.

Моего повелителя не интересовало, что мне известно о его вкусах; он желал услышать только утвердительный ответ.

— Да, хозяин,— прошептала я.

Я не знала, какой температуры вино он предпочитает. Некоторым воинам нравилось вино, обжигающее горло, другие пили его слегка подогретым. Попробуй тут угадай! А если не угадаешь...

— Налей,— приказал Раск.

Я поспешно подхватила тонкостенный кувшин, вскочила на ноги и, сопровождаемая мелодичным перезвоном колокольчиков, подбежала к своему хозяину. Опустившись перед ним на колени и низко склонив голову в позе рабыни для наслаждений, я осторожно наполнила вином большой золоченый кубок.

— Позвольте, хозяин, предложить вам вина,— пробормотала я обязательную в данном случае фразу.

Он взял кубок, и я замерла от страха, не зная, что меня ожидает. Он коснулся губами края кубка, сделал маленький глоток, и на лице у него заиграла удовлетворенная улыбка. У меня будто гора свалилась с плеч: меня не ждало наказание за ошибку.

Я продолжала оставаться на коленях, пока он не торопясь, с наслаждением потягивал вино.

Когда в его кубке оставалось несколько глотков, он знаком приказал мне подойти поближе. Я опустилась на колени рядом с ним. Он взял меня рукой за волосы и запрокинул мне голову назад.

— Открой рот,— приказал он.

Я разжала плотно сомкнутые губы, и он стал поить меня вином из собственных рук. Я чувствовала, как оно течет мне по щекам, стекает по подбородку, капает на ошейник и на грудь. Вино было приятно теплым, хотя последние его капли, со дна кубка, показались мне обжигающими. Вкус вина был изумительным, но я не могла им насладиться из-за сковывающего меня напряжения. Я глотала его, закрыв глаза и чувствуя, как по телу у меня разливается дурманящее тепло.

Раск вложил мне в руки опустевший кубок.

— Отнеси его, Эли-нор, и возвращайся ко мне,— приказал он.

Я вскочила на ноги, отнесла кувшин туда, где в шатре складывалась пустая посуда, и снова вернулась к моему хозяину.

Перед глазами у меня все поплыло. В голове застучали сотни крохотных молоточков. Жар подогретого вина обволакивал каждую клеточку моего тела, делал его ватным, невесомым.

Он специально заставил меня пробежаться, чтобы ускорить пьянящее действие вина. Ноги у меня подкашивались.

И внезапно во мне проснулась злость.

— Я вас ненавижу! — гневно бросила я Раску и тут же прикусила язык, не в силах понять, как я на такое осмелилась. Это все, конечно, вино тому причина.

Мой повелитель не казался разгневанным. Он продолжал все так же неподвижно восседать на коврах, не спуская глаз с моего лица.

Это меня приободрило.

Внезапно я вспомнила про серьги, вдетые мне в уши. Он смотрел именно на них. Это разозлило меня еще больше.

— Я вас ненавижу! — снова воскликнула я.

Он не проронил ни слова. А я уже не могла себя сдержать.

— Вы похитили меня! — кричала я ему, борясь с подступающими к горлу рыданиями.— Вы надели на меня ошейник! — Словно в доказательство, я рванула стягивающую мне горло узкую полоску металла, на которой было выгравировано имя хозяина. Привязанные к ней колокольчики жалобно застонали.

На лице Раска не дрогнул ни один мускул.

— Вы изуродовали мое тело невольничьими клеймами! — продолжала я бушевать.— Вы исхлестали меня плетьми и держали в железном ящике!

Раск продолжал хранить молчание.

Это завело меня еще сильнее.

— Вы даже не знаете и не хотите поверить, что я вовсе не с этой планеты! Что я не какая-нибудь горианка, с

которой вы можете поступать, как вам заблагорассудится. Я рождена свободной, я не рабыня. Я не вещь, которой можно поиграть и выбросить за ненадобностью! Я не хорошенькое домашнее животное, которое можно покупать и продавать по желанию хозяина. Я — Элеонора Бринтон! Женщина с планеты Земля! Я жила в крупнейшем цивилизованном городе, Нью-Йорке, в небоскребе на Парк-авеню. Вы хотя бы знаете, что такое небоскреб? Не знаете? А я в нем жила. Я была богата. Я получила хорошее образование. В своем городе я была не последним человеком. Я из другого мира! Я — с Земли, понимаете, с Земли! Вы не можете обращаться со мной как с простой рабыней!

Я не в силах была больше сдерживать рыдания. Ну что может понимать этот дикарь в вещах, о которых я ему говорю! Он, должно быть, вообще считал, что я сошла с ума.

Я бессильно уронила голову и закрыла лицо руками.

И тут я, к своему ужасу, заметила, что он поднялся на ноги. Я как-то не отдавала себе отчет в том, что он такой громадный, такой сильный. Рядом с ним я почувствовала себя маленькой и беспомощной.

— Я принадлежу к касте воинов — к высшей гориан-ской касте,— внезапно заговорил Раск.— Я получил знания второй ступени и знаю о существовании вашего мира. Твое произношение выдает в тебе дикарку, попавшую сюда с планеты, которую вы называете «Земля».

Я онемела от изумления и почувствовала, что мои глаза невольно округлились, а брови поднялись.

— Женщины Земли годятся лишь на то, чтобы быть невольницами мужчин Гора.

Он опустил руки мне на плечи.

— Вот почему ты — моя рабыня!

Я лишилась дара речи.

Внезапно он грубым рывком оттолкнул меня. Я не удержалась на ногах и упала на устилающие пол толстые ковры. Не осмеливаясь пошевелиться, я робко подняла на него наполненные ужасом глаза.

— У тебя на теле стоит клеймо лгуньи,— суровым голосом продолжал мой повелитель.— Ты носишь клеймо воровки и предательницы!

— Пожалуйста, пощадите мою честь,— пробормотала я.— Рабыня белого шелка принесет вам хороший доход...

— У тебя проколоты уши! — с презрением бросил он.

Руки у меня непроизвольно потянулись к золотым серьгам.

Сквозь пелену слез я с ужасом смотрела, как он вытащил из-за сундуков свернутые шкуры ларла и бросил их на ковры, к пылающей жаровне.

У меня вырвался глухой стон.

Он решительным жестом указал на разложенные шкуры.

— Пожалуйста! — прошептала я.— Прошу вас!

Он оставался неумолим.

Я поднялась на ноги и с грустным перезвоном колокольчиков подошла к нему.

Его тяжелые руки легли мне на плечи.

— Ты явилась сюда из мира, женщины которого по самой своей природе не могут быть ничем другим, кроме как невольницами мужчин Гора,— сказал он.

Я не смела поднять на него глаза.

— А кроме того, ты — лгунья, воровка и предательница.

Я чувствовала на своей щеке его дыхание.

— Ты знаешь, чем от тебя пахнет? — спросил он.

Я отрицательно покачала головой.

— Это духи для невольниц,— сказал Раск.

Плечи у меня обреченно поникли. Его ладони приподняли мне подбородок. Я старательно отводила глаза.

— Девушка с проколотыми ушами,— насмешливо произнес он.

Я не могла выдавить из себя ни слова. Я только стояла, чувствуя, как меня бьет крупная дрожь.

Внезапно его пальцы потянулись к белой шелковой ленточке, опоясывающей мой ошейник, сорвали ее и отбросили в сторону.

— Нет! — испуганно прошептала я.

— С тобой будут обращаться так, как ты того заслуживаешь,— сказал он.— Как с самой ничтожной, презренной горианской рабыней!

Я не смела, не могла найти в себе сил посмотреть ему в лицо.

— Подними голову,— приказал мой повелитель.

Я робко приподняла подбородок, и колокольчики на моем ошейнике ответили мне понимающим, печальным звоном.

Я на миг заглянула в его глаза и тут же беспомощно уронила голову. По телу моему пробежала конвульсивная дрожь. Никогда еще я не видела таких глаз — темных, бездонных, пугающих и пронизывающих насквозь глаз воина.

Ноги у меня подкосились, и я утонула в его объятиях, чувствуя, как мое тело все глубже погружается в длинный ворс брошенных на пол шкур.

16

ПОД СВЕТОМ ЛУН ЗАКОВАННАЯ В ЦЕПИ

— Оставьте ее одну под лунным небом,— предложила Вьерна.

Раск рассмеялся.

Цепь от моей левой ноги тянулась к железному кольцу, укрепленному на верхней части закопанного в землю каменного столба. Этот невысокий холм, на котором я сейчас находилась, я заметила еще при первом своем знакомстве с лагерем Раска. Я сидела на его вершине совсем одна и с тоской смотрела на крыши темнеющих невдалеке палаток и упирающуюся в ночное небо стену огораживающего лагерь частокола.

Луны еще не взошли.

Я была вне себя от злости. Сидя на траве, я приподняла левую ногу и подергала тяжелую, сковывающую мои движения цепь.

Еще пару часов назад, выполнив в срок дневное задание, я в глубине души таила надежду, что меня снова отправят в шатер Раска. Я даже успела помочь выполнить задание еще нескольким девушкам. Я была так счастлива сегодня, что мне хотелось петь и смеяться, и я потихоньку мурлыкала себе под нос какую-то простенькую мелодию.

Впервые за последние несколько недель я охотно поддерживала разговор с другими девушками и даже приняла участие в их нехитрых развлечениях. С сегодняшнего дня Элеонора Бринтон, горианская невольница, стала совсем другим человеком. Другие девушки сразу заметили происшедшую со мной перемену и с удовольствием стали брать меня в свои игры, принимая меня как равную — не лучшую и не худшую среди остальных.

Когда однажды мы остались с Ютой наедине, я упала перед ней на колени и со слезами на глазах попросила у нее прощения за все обиды и неприятности, которые я ей доставила прежде. Она рассмеялась и подняла меня с пола. Глаза ее также были мокрыми от слез.

— Давай работай, маленькая рабыня,— усмехнулась она, целуя меня в щеку.

Я почувствовала к ней беспредельную признательность. Она меня простила! Эта девушка из касты мастеров по выделке кож оказалась самым добрым и благородным человеком, которого я знала. Мне было стыдно перед ней. Я ненавидела себя за то, как подло и низко когда-то с ней поступила! Инга и Рена, я чувствовала, тоже стали относиться ко мне совершенно иначе.

— Несчастная рабыня! — увидев меня, добродушно усмехнулись они.

— Нет, счастливая рабыня,— призналась я и подарила им дружеский поцелуй.

Они проводили меня понимающим взглядом, испытывая ко мне легкую зависть. Я даже пожалела их в душе — ничего не знающих девушек белого шелка.

Я стала рабыней красного шелка!

Но почему же меня бросили здесь, на этом холме?

Почему?

— Оставьте ее одну под лунным небом,— предложила Вьерна, и Раск из Трева, смеясь, выполнил ее просьбу.

Почему?

Я снова потрогала цепи у себя на ноге.

Луны еще не взошли. Ночь была душной, безветренной.

В течение всего дня, едва лишь выпадала возможность, я старалась пройти мимо шатра Раска в надежде, что он посмотрит на меня.

Но он, казалось, совершенно забыл о моем существовании.

В прошлую ночь все было совершенно иначе!

Я поудобнее улеглась на траве и улыбнулась своим приятным воспоминаниям. Я помнила каждое мгновение из тех коротких часов, что провела в его шатре.

Я лежала, прижавшись щекой к его плечу, и слушала его дыхание. Он спал, но я так и не смогла сомкнуть глаз до самого рассвета, боясь пошевелиться и тем самым нарушить все волшебство этой ночи.

С восходом солнца он отправил меня в барак для рабочих невольниц. Я вынуждена была уйти.

Сегодня вечером Раск ужинал с Вьерной, и я прислуживала им за столом, как самая обычная, ничем не отличающаяся от остальных невольница. Раск смотрел на меня, как и прежде, словно в прошлую ночь ничего не случилось. Я прислуживала ему, стараясь держаться с полным безразличием.

«Позовут ли меня снова в его шатер?» — мучила меня неотступная мысль.

После ужина он вызвал к себе охранника.

— Слушаю вас, командир,— сказал охранник, откидывая полог шатра.

— Сегодня вечером пришли ко мне Талену,— даже не глядя в мою сторону, распорядился Раск.

— Да, капитан,— ответил охранник и снова занял свой пост.

Перед глазами у меня все потемнело. Я почувствовала, как кровь приливает к вискам, и едва удержалась на ногах. Меня охватила такая злость, такое отчаяние, что, казалось, еще мгновение — и я просто взорвусь от ярости!

— Вина! — потребовал Раск.

Я поспешила наполнить его кубок.

— Вина,— протянула свой кубок Вьерна.

Я налила вина и ей.

Ноги меня не слушались. Я отошла к краю низкого столика и опустилась там на колени.

Как я ненавидела сейчас эту Талену! Как мне хотелось наброситься на нее, вцепиться ей в волосы и пинками гонять по всему лагерю, пока она не зарыдает, не завоет, не уберется из нашего лагеря с глаз долой. Подумаешь — дочка великого убара! Да она — обычная рабыня. Я в сто раз лучше ее!

— Ваша рабыня, кажется, о чем-то задумалась,— с усмешкой заметила Вьерна.

Я опустила голову.

— Ты меня слышишь, рабыня? — окликнула меня она.

— Да, госпожа,— откликнулась я.

— Мне стало известно, будто ты говорила девушкам, что ты не такая, как они, что лишена женских слабостей. Это верно?

Мне вспомнилось, что однажды в приступе гнева я действительно имела глупость заявить об этом.

Я посмотрела Вьерне в глаза. Во мне снова закипела ненависть к этой женщине. Она знала, что я помню о ее безумных плясках в лесу, о ее бессилии перед сжигающим ее желанием. Она не могла ни сама забыть об этом, ни рассчитывать на то, что моя память окажется слишком короткой. Я усмехнулась. Раск, конечно, подарил мне несколько незабываемых минут, но я продолжала считать себя не похожей на остальных женщин. Во мне нет их слабости, их безволия, их непреходящей тоски по объятиям мужчин.

— Я такая, какая есть,— почтительно опустив глаза, сказала я Вьерне,— и ничего не могу с этим поделать.

Раск рассмеялся.

— Оставьте ее одну под лунами,— тогда-то и предложила Вьерна.

Как я ее ненавидела! Раск расхохотался.

— Охранник! — позвал он.

Стоявший на посту у его шатра охранник откинул полог.

— Надень на нее цепи,— кивнул на меня Раск,— и прикуй на холме к каменному столбу.

— Пойдем,— приказал охранник.

Я последовала за ним.

Три луны начали медленно выплывать из-за стены ограждающего лагерь частокола.

Какое мне, собственно, дело до того, будет сегодня эта девчонка, Талена, ночевать в шатре Раска или нет? Он мне вообще безразличен...

Нет, не безразличен! Он мне ненавистен! Да, я ненавижу его! Ненавижу самой лютой ненавистью.

Жаль только, что охранник заставил меня снять с себя тунику и забрал ее с собой.

Интересно, чего они от меня хотят?

Я заложила руки под голову и вытянулась на траве. Губы у меня сами собой сложились в улыбку.

Я, конечно, была вне себя от ярости за то, как он поступал со мной, но не могла теперь относиться к нему так, как относилась прежде. Он был жесток со мной, безжалостен, вел себя совершенно неподобающим образом, он исчерпал меня всю до дна, до тех фантастических глубин, которые для меня самой оставались загадкой. Прикосновения его рук находили отклик в каждой клеточке моего тела, наполняли его трепетом, глушили волю, опьяняли разум. Я чувствовала себя послушным воском в руках умелого ваятеля — в руках хозяина. Возможно, я изменила сама себе, своим убеждениям, но даже в глубине души я не могла называть Раска иначе как «хозяин». Но думаю, что любая земная женщина, оказавшись в один прекрасный день в далеком, чужом мире, в ошейнике, испытав прикосновение такого человека, признала бы себя самой последней из рабынь.

Я открыла глаза.

Луны поднялись над зубчатыми вершинами частокола и продолжали свой неспешный путь по черному ночному небу.

Горло у меня стягивал узкий невольничий ошейник; и мне было хорошо известно, что несет с собой эта надетая на шею женщины полоска металла. Помню, как безумное количество лет тому назад, в одном из земных мотелей, обнаженная, с клеймом на теле, рассматривая себя в зеркало, я с ужасом предположила: неужели это значит быть рабыней в каком-то варварском мире? И каково это? Теперь я это знала! Ох, как хорошо знала!

Я застонала от отчаяния и вырвала из земли пучок травы.

Но почему Раск не послал за мной в этот вечер? Я ему не понравилась? Но я сделала все, все, что могла!

Луны стояли высоко в ночном небе, пристально вглядываясь в расстилающуюся под ними землю.

Разметавшись на траве, обнаженная, закованная в цепи, я беспомощно плыла в их холодном мерцающем свете.

Сердце у меня сжалось от тоски. К горлу подкатили рыдания.

Ну почему... почему?..

— Позови меня к себе, Раск из Трева! — застонала я.— Позови! Я хочу быть рядом с тобой, хочу служить тебе!

Сквозь застилающую мне глаза пелену слез я неотрывно следила за сияющими в черном небе лунами. Их густой желтый свет затопил весь лагерь, и уже хорошо были видны расположенные неподалеку палатки воинов, окрашенные изнутри легким отблеском пылающих жаровен, и остатки догорающих костров, и бревенчатые стены уснувшего барака для рабочих невольниц...

Я одна не спала в эту жаркую, наполненную тяжелой духотой летнюю ночь, нарушаемую лишь мерным стрекотом насекомых да редкими криками тарнов на взлетной площадке.

Прикованная цепями на вершине небольшого холма, я исполненным безысходной тоски взглядом обводила мирно дремлющий лагерь.

Я была совсем одна...

Если бы только не эти цепи, я побежала бы к Раску! Я умоляла бы его подарить мне еще хоть одно прикосновение! Пусть бы он только посмотрел на меня!

Я потрогала цепи у себя на ногах. Нет, слишком прочны... Я не смогу ни снять их с ноги, ни отсоединить от кольца, прикрепленного к верхушке каменного столба. Слезы брызнули у меня из глаз.

Я встала на четвереньки и, насколько позволяли кандалы, поползла к шатру Раска. Пусть я хоть на несколько шагов буду ближе к нему!

Цепь натянулась, и я со стоном опустилась на траву.

Я перевернулась на спину, и снова мне в глаза устремился свет трех нависших над землей горианских лун — огромных, величественных, волнующих и одновременно безразличных ко всему живому.

Я почувствовала неодолимую власть над собой этих трех немигающих желтых холодных глаз — пристальных, таинственных, всезнающих. Их взгляд проникал в мое сознание, требовал какого-то ответа.

Что я могла — одинокая невольница, оставленная на вершине холма в полном распоряжении этих всевластных хозяев ночного горианского неба? Куда мне скрыться от их взгляда, знающего все мои желания, все мои тайные помыслы? Куда мне уйти от себя самой?

Тоска и отчаяние захлестнули меня с новой силой.

Я вскочила на ноги. Я выкрикивала проклятия и грозила кулаком этому трехглазому чудовищу. Почему оно мучит меня? Почему не оставит в покое? Почему своим проницательным взглядом увеличивает мои страдания, иссушающие мозг, изматывающие душу? Почему? Почему?..

Я рвала траву у себя под ногами и швыряла ее в небо. Я кричала и рыдала, раздираемая одиночеством, тоской и переполнявшим меня желанием. Я топала ногами и рвала сковывающие меня цепи. Я потрясала кулаками перед трехоким ликом горианского чудовища и молила его о пощаде.

Все это напоминало какой-то безумный танец, сотрясавший мое тело помимо моей воли, помимо моего желания. Он изматывал меня, мучил, уносил все силы, все мысли.

Я упала на землю и залилась слезами.

Я больше не могла вынести этого томления, этого отчаяния и тоски. Я окинула обезумевшим взглядом уснувший лагерь и вдруг, к своему ужасу, заметила наблюдающую за мной из-за палаток у подножия холма Вьерну, предводительницу женщин-пантер.

— Ты вертишься и рыдаешь, как брошенная хозяином кейджера,— усмехнулась она и подошла ко мне поближе.

— Я и есть кейджера,— прошептала я.

— Не может быть,— возразила Вьерна.— Ведь ты не такая, как остальные девушки. Ты сильная. В твоем сердце нет места обычным женским слабостям!

Я опустилась перед ней на колени.

— Сжальтесь надо мной, госпожа,— пробормотала я.

Глаза лесной разбойницы смотрели твердо и сурово.

Я уронила голову.

— Я не сильная,— призналась я.— Мое сердце открыто всем женским слабостям. Я такая же, как остальные девушки. Может быть, я даже слабее их...

— Ты права, Эли-нор,— не без участия заметила предводительница разбойниц.— Иногда требуется такой мужчина, как Раск, чтобы женщина почувствовала себя слабой и беспомощной — осознала себя женщиной.

— Он дал мне это понимание.

— Сама я постаралась убить в себе подобную слабость.

— А я не хочу с ней бороться. Я готова ее признать.

— Раск просто не оставил тебе выбора,— усмехнулась предводительница разбойниц.

— Это верно,— согласилась я.

Раск, мой хозяин, мой повелитель, не оставил мне возможности почувствовать себя кем-то иным, кроме как беспомощным исполнителем его воли.

— Он покорил тебя,— сказала Вьерна.

— Да,— ответила я.— Он полностью покорил меня.

Я опустила глаза.

— Сегодня ночью я уезжаю отсюда,— внезапно, без всякого перехода, сказала Вьерна.

Я изумленно посмотрела на нее.

Она кивком указала мне на темную фигуру, стоящую на коленях в нескольких ярдах от холма боком ко мне. Руки у девушки были связаны. На шее тускло мерцала в сиянии лун узкая полоска железного ошейника. Из-под длинных черных волос спускался на землю привязанный к ошейнику ремень.

— Я забираю Талену с собой,— сообщила Вьерна.— Раск из Трева отдал ее мне. Я уведу ее в северные леса.

— Но она ведь была любимой невольницей Раска! — удивилась я.

— Нет,— покачала головой предводительница лесных разбойниц.

— А вы сами разве не остаетесь с Раском в качестве его свободной спутницы или боевой соратницы? — спросила я.

Она только рассмеялась.

— Нет, мое место — в северных лесах.

Я кивнула. Мне, кейджере, было трудно понять свободную женщину.

— Приятно быть покоренной мужчиной? — поинтересовалась Вьерна.

Я смущенно опустила глаза.

— Все понятно,— усмехнулась Вьерна; в ее голосе зазвучала не свойственная разбойнице мягкость.— Однажды, много лет назад, в Аре я увидела мужчину и впервые в жизни испугалась, что он, если пожелает, может сделать со мной то же, что сделал с тобой Раск — покорит меня! Никогда прежде я этого не боялась, считала, что это невозможно.

Не ожидая от нее подобных признаний, я смотрела на нее со всевозрастающим интересом.

— Я возненавидела этого человека. Я решила, что мы с ним еще потягаемся, посмотрим, кто из нас будет покорен.

— Как его имя? — спросила я.

— Марленус.

Я была настолько поражена, что не могла вымолвить ни слова.

Она кивнула на стоящую у подножия холма связанную девушку.

— Эта девчонка — приманка для него,— сказала Вьерна.

Она еще раз посмотрела на меня и пошла прочь. Пройдя несколько шагов, она обернулась.

— Прощай, рабыня,— бросила она.— Если я увижу Раска, я скажу ему, что здесь, на этом холме, под светом горианских лун стоит прикованная цепями невольница, которая жаждет его прикосновения.

— Желаю вам удачи, госпожа! — крикнула я ей вслед.— Желаю вам всего хорошего!

Вьерна не обернулась.

Она подошла к покорно ожидающей ее девушке, развязала ей ноги, подняла с земли и за привязанный к ее ошейнику ремень повела за собой. Когда они огибали ближайшую палатку, я заметила, что рот девушки заткнут кляпом. У меня не было сомнений, что этой отважной женщине, предводительнице разбойниц, без труда удастся доставить свою пленницу в северные леса.

Я снова осталась в полном одиночестве, прикованная цепями под безмолвно плывущими над землей огромными горианскими лунами.

Внезапно я ощутила чье-то присутствие. Я вскинула голову и заметила стоящего неподалеку человека.

Стон вырвался у меня из груди. Я протянула руки и рванулась к нему.

Раск не стал снимать с меня цепи. Но он утопил меня в своих объятиях и прижал рыдающую от счастья рабыню к теплой сырой земле.

Близился рассвет. Мы лежали на вершине поросшего травой холма, завернутые в его длинный плащ.

Внутренним чутьем осознавая, что не вызову его неудовольствия, я робко прикоснулась губами к его щеке и плотнее прижалась к его лежащему у меня под головой плечу. Мне хотелось кричать от счастья и смеяться, не скрывая текущих по щекам слез радости.

Мы долго лежали молча.

На траву выпала предутренняя роса и пропитала накрывающий нас плащ. Небо на востоке посветлело, и в сером полумраке уже можно было различить отдельные былинки травы, сгибающиеся под тяжестью тускло мерцающих капель росы.

Элеонора Бринтон, бывшая жительница Земли, некогда богатая, высокомерная и избалованная девушка с нью-йоркской Парк-авеню, зябко кутаясь под грубым плащом воина, лежала на вершине поросшего травой холма и сладострастно прижималась щекой к плечу горианского разбойника — своего повелителя и полновластного хозяина.

Я приподняла голову и заглянула в глаза Раску. Он ответил мне долгим, внимательным взглядом.

— Как получилось, что я так привязался к тебе? — задумчиво сказал он.

— Я люблю вас, хозяин,— прошептала я.— Люблю!

— А я тебя презираю,— ответил он.

Я рассмеялась; слезы снова навернулись мне на глаза.

— И тем не менее,— продолжал он,— с тех пор как я впервые увидел тебя в невольничьей клетке в Ко-ро-ба, я не мог тебя забыть. Меня неотступно преследовало желание ощутить тебя в своих объятиях.

— Я — ваша, хозяин,— пробормотала я.— Я полностью принадлежу вам. Полностью и безоговорочно. Я — ваша рабыня. Ваша беспомощная, во всем подвластная рабыня!

— Как только я тебя увидел, сразу понял, что ты никогда не сможешь стать обычной рабыней,— возразил мне Раск.

Я плотнее прижалась к его плечу и обвила рукою широкую грудь.

Он казался чем-то озадаченным, даже обеспокоенным. Он приподнялся на локте и нежным движением убрал волосы с моего лица.

— Неужели это возможно,— с удивлением произнес он,— чтобы я, Раск из Трева, мог привязаться к простой рабыне?

— Я люблю вас, хозяин! — воскликнула я, потянувшись к нему.— Люблю больше всего на свете!

Он не дал мне прикоснуться губами к своим губам; он отстранился и, улыбаясь, посмотрел на меня сверху вниз.

— Не будет ли тебе любопытно узнать, почему я никогда не позволял тебе прислуживать мужчинам, как это делали остальные девушки? — спросил Раск.

— Очень любопытно,— с ответной улыбкой призналась я.

— Я берег тебя для себя,— признался он.

Я рассмеялась.

— Я старался держаться вдали от тебя как можно дольше. Но когда увидел, как ты танцуешь, я не сдержался.

Слезы снова потекли у меня по щекам. Я прижалась к нему губами.

Внезапно его руки легли мне на плечи и отстранили меня.

— Твой танец выражал такую дерзость, такую гордость и презрительное высокомерие, что я не мог оставить это без ответа.

Я подняла на него смеющиеся глаза.

— Во мне больше не осталось ни дерзости, ни высокомерия, хозяин,— прошептала я.— Во мне не осталось даже гордости, не говоря уже о презрении.— Я снова потянулась к нему губами.

— Что же наполняет тебя теперь? — поинтересовался он.

— Теперь,— ответила я,— меня наполняет только глубокая покорность моему повелителю. Покорность и осознание моей глубокой, всецелой принадлежности ему, моему хозяину.

Он посмотрел на меня и усмехнулся.

Я тоже рассмеялась.

— А я слышал, что в нашем лагере есть дерзкая рабыня, гордая и непокорная.

— Ее больше нет, хозяин.

— Разве ей удалось убежать?

— Нет, хозяин, убежать ей не удалось.

— Ее, кажется, звали Эли-нор. Это имя тебе знакомо?

— Знакомо, хозяин. Ей не удалось убежать. От Раска еще не убежала ни одна невольница.

На его лице заиграла самодовольная усмешка.

— Это верно.

Раск был доволен собой, этот дикарь, это чудовище. Но что говорить: он был прав!

— Что же с ней произошло? — поинтересовался он.

— Она стала покорной рабыней.

— Чьей рабыней?

— Раска из Трева.

— Так говоришь, ей все-таки не удалось от него убежать?

— Не удалось, хозяин!

— И что — она любит его?

— Любит, хозяин! — Я потянулась к нему губами.— Любит отчаянно, до самозабвения!

— Занятные вещи ты рассказываешь, рабыня. Интересно только, откуда тебе самой это известно.

Голова у меня покоилась у него на локте. Я держала в руках его ладонь и прижималась к ней щекой.

— Вы позволите мне говорить, хозяин? — продолжала я игру.

— Говори,— царственным кивком соблаговолил он дать свое высочайшее позволение.

— Я должна говорить правду?

— Только правду. Иначе тебя накажут плетьми и заточат в железный ящик.— В его голосе неожиданно зазвучал металл.

Я была поражена. Внезапно я поняла, что, несмотря на всю игривость прежних фраз, если я сейчас солгу, он, вполне возможно, действительно накажет меня плетьми и, чего доброго, снова бросит в ненавистный мне железный ящик. Он был настоящим горианином — хозяином, повелителем. Я всецело зависела от его милости.

Но если я до такой степени ощущала себя подвластной ему, то, вероятно, я сама вручила ему право распоряжаться моей свободой, моей жизнью. Я была его собственностью, и у меня не было ни малейшего желания понести наказание от его рук. Единственное, чего мне хотелось, это доставить ему удовольствие.

Кроме того, я сознавала себя его рабыней, а рабыня обязана говорить правду своему хозяину и не скрывать от него своих чувств.

Я смело посмотрела ему в глаза.

— Вам самому хорошо известно, кого любит рабыня Эли-нор,— ответила я.

— Тогда тем более скажи мне об этом,— настаивал он.

— Она любит своего хозяина, Раска из Трева!

— Меня то есть?

— Вас, хозяин! Конечно, вас!

— А кто же она такая, эта Эли-нор?

— Это я, хозяин! Я люблю вас! Люблю!

Он наклонился и подарил мне легкий поцелуй.

— Значит, она покорена мною? — старался продлить он удовольствие.

— Покорена, хозяин! И ждет не дождется, когда вы снова захотите ее покорить.

Он прижался губами к моим губам в долгом сладостном поцелуе.

Я застонала. Счастливые слезы покатились у меня по щекам.

Забрезжил рассвет. Лагерь начал просыпаться. Где-то далеко слышался голос Юты, созывающей своих девушек и дающей им указания на день. Со взлетной площадки доносились крики тарнов. На кухне загремели медными тазами и чашками. Кое-где вспыхнули первые костры.

— В твоем танце,— заговорил Раск после долгого молчания,— мне показалось, я заметил не только высокомерное презрение, но и кое-что еще.

— Вы правы,— ответила я, осыпая его поцелуями.

Теперь и я осознавала, что уже с первых мгновений моего танца на посыпанной песком площадке перед воинами у костра мое тело, не подвластное сознанию, каждой своей клеточкой, каждым движением выражало любовь к моему повелителю, сжигающее меня желание и готовность воспринять его объятия.

В те секунды, когда я стремилась выплеснуть в своем танце переполнявшую меня ненависть, гордость и презрение, я непроизвольно, подсознательно, не отдавая в том себе отчета, просила моего повелителя подарить мне свою любовь и ласку.

Он почувствовал это и призвал меня в свой шатер.

И вот я лежу у него на плече и прислушиваюсь к первым звукам просыпающегося лагеря. Он нежно убирает волосы с моего лица, а я плотнее прижимаюсь к его руке щекой.

— Тебе пора возвращаться к своей работе, невольница,— говорит он.

— Да, хозяин,— шепчу я.

Из кожаной сумки на своем поясе он вытаскивает ключ и открывает замок, удерживающий цепи у меня на ноге.

Мы поднимаемся с земли, и он набрасывает мне на плечи свой плащ.

— Иди в барак,— говорит он,— и надень рабочую тунику.

Я чувствую, как он постепенно отдаляется от меня.

Я опускаюсь перед ним на колени и протягиваю к нему руки, скрещенные в запястьях, словно для того, чтобы он надел на них невольничьи цепи. Он стоит надо мной и ласково смотрит на меня.

— Я у ваших ног, хозяин,— произношу я ритуальную фразу, выражающую чувства покоренной невольницы к своему повелителю.

— Я вижу,— с нежностью говорит он.

— Я люблю вас! — кричу я и непроизвольно склоняю голову к его ногам. Слезы ручьем катятся у меня по щекам.— Не продавайте меня,— бормочу я сквозь захлестывающие меня рыдания.— Не продавайте! Оставьте меня для себя! Оставьте навсегда!

Мне даже страшно себе представить, что меня могут разлучить с этим человеком. Это равносильно тому, что вырвать сердце у меня из груди. Сама мысль о такой возможности приносит мне невыносимые страдания. Меня переполняет безумный страх. Я наконец начинаю понимать весь ужас, всю трагедию невольничьей жизни: каждый неверный шаг может разлучить девушку-невольницу с ее возлюбленным. А что, если я не дала ему всего, на что он рассчитывал?

— Пожалуйста, не продавайте меня! — просит бедная рабыня.— Я сделаю для вас все, что могу. Я научусь! Я научусь всему! Я сделаю все, что вы пожелаете! Не продавайте меня, хозяин. Я люблю вас! Люблю! — Я стараюсь выдавить из себя слабую улыбку и снова тяну к нему руки, словно для того, чтобы он опутал их цепями.— Я у ваших ног, хозяин! — бормочу я сквозь слезы.

— Неужели гордая Эли-нор просит, чтобы я оставил ее у себя рабыней? — усмехнулся он.

— Да, я прошу вас! — кричу я.— Умоляю!

— Иди работай! — смеется он.

Я вскакиваю на ноги и снова утопаю в его объятиях. Губы наши сливаются в бесконечно долгом поцелуе.

— Я люблю вас, хозяин,— шепчу я, чувствуя, как сердце у меня наполняется беспредельной радостью.

Он тоже не может расстаться со мной. Мы снова опускаемся на траву.

Плащ уже давно промок от покрывающей землю росы, но ни он, ни я этого не замечаем.

Он ласково треплет мои волосы, и я плачу от счастья. Как мне хочется, чтобы эти мгновения никогда не кончались!

Но вот он встает, поднимает меня на ноги и укутывает плащом, чтобы я не продрогла, пока добегу до барака для невольниц.

Это такая честь для меня, простой рабыни,— вернуться в его плаще! Девушки, я знаю, застонут от зависти, увидев на моих плечах плащ самого Раска!

Но я не хочу это надевать, не хочу возвращаться в его плаще, потому что всем сразу станет ясно, что он, мой хозяин, столь суровый и требовательный в обычной жизни, отнесся с неожиданной любовью и нежностью к девушке, носящей на шее невольничий ошейник. Что подумают его воины? К тому же у меня на теле стоит столько обличающих клейм... Такая невольница, как я, не достойна ничьей привязанности. Она заслуживает лишь грубости и презрения со стороны своего повелителя. Нет, я не хочу открывать, что мой хозяин отнесся с любовью и нежностью к ничтожной, презренной рабыне!

Я смеюсь и возвращаю ему плащ.

— Девушке с ошейником на шее непозволительно носить такое благородное одеяние! — говорю я.

— Тем более девушке с проколотыми ушами! — подхватывает он.

— Вот именно,— соглашаюсь я.

Я целую его на прощание и бегом спускаюсь с холма. Я спешу к своему невольничьему бараку. Я буквально умираю от голода. Ничего, Юта, несомненно, оставит мне что-нибудь от завтрака. Как я ее люблю! И ведь, несмотря ни на что, она, конечно, загрузит меня сегодня работой по самые уши! У нее нет любимчиков. Мы все — ее подчиненные, и она никому из нас не отдает никакого

предпочтения. Я знаю это и все равно ее люблю. А может быть, именно поэтому и люблю?

Но больше всех я люблю своего хозяина!

Я обернулась.

Он стоял на холме и смотрел мне вслед. Я рассмеялась и помахала ему рукой. Он поднял руку и на мгновение замер в традиционном горианском приветствии.

У барака для рабочих невольниц я на секунду остановилась, поцеловала кончики пальцев и прижала их к тому месту на ошейнике, где было выгравировано его имя — имя моего владельца, имя моего полноправного и безраздельного хозяина, имя моего возлюбленного — Раска из Трева!

Я нисколько не жалела, что он оставил меня ночью на холме закованной в цепи под светом горианских лун.

С трудом переводя дыхание, я вошла в барак.

— Я тебе оставила поесть,— встретила меня Юта.

— Спасибо тебе,— поблагодарила я старшую невольницу.

— Давай быстрее,— поторопила она меня.— У тебя сегодня много работы.

Ну, что я говорила?

— Да, Юта, я сейчас,— рассмеялась я, целуя ее в щеку.— Я все успею сделать! Все!

17

ПОРТ-КАР

Последние несколько недель были для меня самыми счастливыми в жизни. Теперь все это осталось позади.

— Руки назад! — приказал незнакомый мужчина.

Я сделала так, как он велел.

Запястья мне стянули кожаными ремнями. Я ощущала ладонями жесткие ивовые прутья у себя за спиной. В подвешенной к огромному тарну корзине для транспортировки невольниц нас было пятеро. Мы были обнажены и лежали в тесноте так, что ноги одних девушек почти касались лица находящихся напротив.

— Еще до наступления ночи их выставят на продажу в Аре,— сообщил мужчина.

У меня вырвался тяжелый вздох, скорее похожий на стон.

Я ни о чем не жалела, поскольку в последние недели была по-настоящему счастлива. К тому же я осталась в живых, а в жизни еще всякое может случиться.

Никогда мне не забыть лица Раска, его прикосновений и наших разговоров во время долгих прогулок вдоль ограждающего лагерь частокола.

— Их будут продавать на Курулеанском невольничьем рынке? — спросил один из воинов.

— Да,— ответил работорговец.

Две из лежащих рядом со мной в корзине девушек радостно вскрикнули.

После моего покорения Раском меня каждую ночь вызывали в его обтянутый алым полотнищем шатер. К нашему общему удовольствию, я прислуживала ему со страстью любящего сердца и опытом прошедшей хорошую тренировку рабыни. Я опасалась лишь того, что у меня не хватит воображения для поиска новых ласк, способных доставить ему наивысшее удовольствие.

В первые дни он — к моей несказанной ярости — еще вызывал в свой шатер других невольниц, но неизменно очень скоро отправлял их обратно и снова посылал за мной. Я бежала к нему со всех ног и за отброшенным пологом шатра тут же попадала в его объятия.

Вскоре он перестал вызывать к себе других женщин, и я прочно заняла место на его ложе, а несколькими днями позже почти официально стала его фавориткой.

Готовивший нас к полету человек завел в отверстие в днище корзины широкий кожаный ремень, прихватил им мою шею и вывел его конец в другое отверстие. Затылок у меня оказался плотно прижатым к жестким ивовым прутьям. Вторым ремнем человек притянул нас к днищу корзины за ноги.

Ни Инги, ни Рены с нами не было: их отдали охотникам — Раффу и Прону. По традиции горианских охотников, обеих девушек выпустили на свободу, в лес, и дали им четыре часа, чтобы они попытались убежать от своих будущих хозяев — если, конечно, такое вообще возможно. По прошествии четырех часов Рафф и Прон вышли по их следу, неся на плече моток веревки для связывания пленниц. К утру они вернулись в лагерь, ведя за собой Ингу и Рену. Ноги девушек были разбиты в кровь, колени оцарапаны, однако все их старания уйти от преследовавших охотников и вновь обрести свободу оказались напрасными: Рафф и Прон не зря считались мастерами своего дела.

— Я вижу, вам попались хорошенькие птички,— заметил, приветствуя возвращающихся охотников, Раск.

Вскоре на шее у девушек уже красовались железные ошейники с именами их новых владельцев.

Хозяином Инги стал человек не из касты книжников, а жестокий, не гнушающийся разбоем охотник Рафф из Трева, да и Рене не суждено было достаться заплатившему за ее похищение капитану с Тироса: теперь она принадлежала Прону, жителю все того же пользующегося дурной славой Трева. Уже на следующий день оба охотника со своими невольницами оставили лагерь.

Мы обнялись на прощание.

— Я люблю тебя, Эли-нор,— всплакнула Инга.

— Я тоже,— сказала Рена.

— И я вас очень-очень люблю! — воскликнула я.— Всего вам хорошего!

В коротких туниках, с небольшой поклажей на голове, обе девушки вслед за своими новыми хозяевами вышли за ограждающий лагерную стоянку частокол.

Жизнь их, я думаю, будет не сладкой, но девушки не выглядели разочарованными или несчастными. Горианские охотники, как правило, ведут привольную жизнь в лесах, под открытым небом. Они ставят капканы или выслеживают дичь, и рабыни, сопровождающие их, не проводят ночи взаперти в тесных бараках. Они ведут ту же жизнь, что и охотники, а это не может не сблизить хозяина и невольницу. Инге и Рене предстояло узнать

много нового о жизни леса, о видах и повадках диких животных, о пригодных в пищу растениях, научиться ориентироваться по звездам и ветвям деревьев.

Не знаю, по каким тропам бредут сейчас охотники из Трева, но уверена: они не пожалеют о том, что их сопровождают в пути Инга и Рена — прошедшие курс обучения в невольничьей школе девушки, испытывающие искреннюю любовь к молодым людям и делающие все возможное, чтобы снискать к себе ответное чувство и расположение.

Корзину, в которой мы лежали, накрыли сплетенной из ивовых прутьев крышкой. Все вокруг сразу погрузилось в полумрак, сквозь который кое-где продолжали настойчиво пробиваться яркие солнечные лучи.

Удрать из подвешенной к тарну корзины абсолютно невозможно: я слышала, как крышку надежно прикрепили к корзине широкими ремнями.

Готовивший нас к перелету мужчина в последний раз проверил надежность крепления и отправился на кухню, чтобы пообедать.

Я старалась всеми возможными способами доставить удовольствие Раску и поймала себя на том, что и сама испытываю от этого громадное наслаждение. Я стремилась заменить ему всех остальных женщин и старалась сделать так, чтобы он об этом не пожалел.

Мужчина странное существо — он стремится обладать всеми женщинами сразу и при этом тяготеет к одной, единственной, в которой бы сочеталось для него разнообразие всех остальных. Мне кажется, я сумела этого добиться.

Чтобы не наскучить ему, я иногда становилась молодой испуганной девушкой, какой могла бы быть, например, Тейша. В другой раз я вела себя как образованная книжница, мудрая, с философским стоицизмом воспринимающая все превратности судьбы,— словом, как Инга. Умела я держаться и с утонченностью Рены — девушки знатного рода, некогда принадлежавшей к высшей касте,

но обреченной по воле рока носить невольничий ошейник. Удавалось мне выглядеть и многоопытной рабыней красного шелка, способной истощить, иссушить силы своего хозяина, и томящейся от одиночества робкой невольницей, живущей воспоминаниями о возлюбленном, с которым разлучила ее судьба, и хитрой, коварной рабыней, безудержной страстью стремящейся покорить своего хозяина и оказывающейся в конце концов покоренной им самим.

Но во всех этих превращениях я умела не растерять черты собственной индивидуальности, что отличали меня от всех остальных.

Нередко после бурных ласк Раск не засыпал, а изредка, целуя меня и не разжимая объятий, просто подолгу лежал рядом. Мы могли лежать так часами.

Я ничего не знала ни о нем самом, ни о его прошлой жизни, да меня это в первое время и не интересовало: я лишь наслаждалась его близостью и минутой абсолютного счастья. Затем однажды ночью, лежа на толстых шкурах в тусклом свете тлеющей жаровни, я подумала, что могла бы узнать о нем побольше, понять его как человека. «Расскажи мне о себе»,— попросил он в ту ночь, и я рассказала ему о своем детстве, о юности, о родителях, учебе в колледже, Нью-Йорке, о Земле, о том, как меня похитили и доставили сюда — обо всей моей жизни до и после того, как на меня надели невольничий ошейник.

Я не смела его просить, но он сам в течение многих ночей рассказывал мне о себе, о смерти своих родителей и о детских годах жизни в Треве, о длительном обучении мастерству тарнсмена и владению различными видами оружия.

Он любил цветы, но никогда не смел в том признаться. Мне показалось тогда странным, чтобы такой человек, как он, мог быть неравнодушным к цветам. Однако я старалась не выказать своих сомнений, чтобы не прервать ту ниточку, которая нас связала. Не думаю, чтобы он еще хоть кому-нибудь осмелился открыть вещи, ставшие мне известными в те долгие ночи.

Рука в руке, мы совершали длительные прогулки по периметру ограждающего лагерь частокола. Мы разгова-

ривали, целовались и снова говорили, говорили... Все выглядело так, словно я не была его рабыней. Мы были так близки, что меня начали терзать смутные опасения: наша связь зашла слишком далеко, она становится обременительной для Раска и недопустимой в глазах его воинов. Я начала бояться, что он захочет от меня избавиться — что он меня продаст.

Перепады настроений неизменно накладывали отпечаток и на минуты нашей близости. Сжигаемый страстью, он набрасывался на меня и вел себя самым деспотичным образом, как настоящий хозяин со своей во всем подвластной ему рабыней. В такие минуты и я поддавалась его настроению, чувствуя себя маленькой и беззащитной, что, надо сказать, доставляло мне своеобразное удовольствие. Иногда я сама провоцировала его на подобное обращение, чтобы снова и снова ощутить на себе его стремление добиться моей покорности.

Однако в другие моменты между нами возникало нечто, о чем я не осмеливаюсь даже упоминать, но именно оно и наполняло меня уверенностью в скоротечности наших отношений и их обременительности для Раска. Я занимала слишком двойственное положение среди невольниц в воинском лагере и недопустимо большое место в жизни предводителя тарнсменов. Это не могло продолжаться бесконечно.

Не в силах изменить создавшееся положение вещей, я старалась не думать о том, что ждет меня впереди, отогнать тревожащие меня мысли и отдаться незнакомому мне прежде ощущению безграничного счастья.

Наверное, мы оба старались закрыть глаза на последствия нашей неподвластной рассудку любви и в оставшийся нам недолгий срок в полной мере вкусить ее неповторимую прелесть.

Как-то я попросила Раска вдеть мне в нос золотое тачакское колечко и всю неделю прислуживала ему, как подобает рабыне народов фургонов, ведя себя сдержанно, предупредительно и по-деловому. Включившись в игру, он позволил мне надеть и традиционное для невольниц диких степей одеяние — короткий калмак, кожаную чатку и курлу, а волосы подвязать малиновой сурой.

Потом мы сняли колечко, и в последующие дни я представляла собой то утонченную сладострастную тарианскую невольницу, то простую девушку из Лауриса, затерянную среди суровых северных лесов, а то избалованную вниманием и роскошью рабыню из великого Ара.

В последние дни перед расставанием мы почти все время проводили вместе в долгих разговорах у пылающей жаровни или даря друг другу неведомую ни одному из нас прежде нежность и ласку. Раск выглядел озабоченным и удрученным. Я уже тогда догадалась, что он решил со мной расстаться, но все оттягивает этот, очевидно болезненный для нас обоих, момент.

Наконец однажды утром, когда я уже вернулась в барак для рабочих невольниц, он снова вызвал меня в свой шатер.

Он выглядел сдержанным и решительным.

— На колени! — приказал он, едва я вошла.

Я, как положено рабыне, опустилась перед ним на колени, стараясь ничем не подчеркивать наших отношений. Прежде всего я — его рабыня, он — мой хозяин.

— Ты мне надоела,— произнес он с неожиданной злостью.

Я покорно опустила голову.

— Я решил тебя продать,— хмуро сообщил он.

— Я об этом догадывалась,— сказала я.

— Вот и хорошо. А сейчас уходи отсюда. Я хочу остаться один.

— Да, хозяин.

Мне удалось не расплакаться, пока я не добралась до невольничьего барака. Здесь в окружении своих охранников меня дожидался какой-то незнакомец — рослый и плечистый. Прежде в лагере я его не видела. Рядом стояли четыре наших девушки. Руки у них были связаны. Охранники стянули и мне запястья кожаным ремнем и повели нас на взлетную площадку. Девушки казались напуганными. Мне все было безразлично.

Прежде чем залезть в прикрепленную к тарну плетеную корзину, я посмотрела на стоящего рядом Раска.

— Подарите Юте свободу,— попросила я его на прощание.

Он хмуро взглянул на меня, и в его глазах промелькнуло легкое удивление.

— Хорошо, я это сделаю,— помолчав, сказал он.

Теперь, я знала, Юта будет свободной. Она сможет делать все, что пожелает. Скорее всего, она отправится в Равир или на Телетус, но, куда бы ни забросила ее судьба, она, конечно, будет стремиться отыскать Баруса — человека из касты мастеров по выделке кож, имя которого она так часто повторяла во сне.

Мне стало совсем грустно.

— В корзину! — єкомандовал незнакомец.

Я больше не принадлежала Раску из Трева. Теперь я была рабыней этого человека, который с настоящей минуты приобретал полное право распоряжаться моей жизнью и смертью. На меня уже был надет железный ошейник с его именем.

Человек еще раз проверил узлы на ремнях, привязывающих крышку к плетеной корзине. Ремни держали надежно. Не менее надежно они удерживали на месте и нас, его рабынь.

Работорговец был доволен. Я обошлась ему в девять золотых монет.

Человек забрался на спину тарна, устроился в седле и натянул поводья. Взмахнув широкими крыльями, громадная птица оторвалась от земли и, сделав круг над воинским лагерем Раска из Трева, стала медленно набирать высоту.

Она понесла меня навстречу моей судьбе.

С деревянного помоста Курулеанского невольничьего рынка в Аре я была продана за двенадцать золотых монет одному владельцу пага-таверны, решившему, очевидно, позабавить своих посетителей невольницей, на теле которой стояло столько обличающих клейм.

В течение нескольких месяцев я прислуживала в его пага-таверне.

Среди посетителей таверны встречались и охранники, некогда сопровождавшие караван Тарго. Все они бы-

ли добры ко мне. Сюда частенько захаживал и молодой парень, которому я, помню, оказывала в свое время отчаянное сопротивление у прощального костра, в ночь накануне отъезда из Лауриса. Заходя в таверну, он уделял мне особенно пристальное внимание. Появлялся в таверне и охранник, сопровождавший меня в Лаурисе в дом медицины, которого я спровоцировала на улицах города на необдуманные действия и счастливо избежала способных кончиться трагически последствий. Заходил сюда и воин, поймавший меня в северных лесах и доставивший к месту стоянки невольничьего каравана Тарго. Появлялись здесь и другие оставшиеся в живых после нападения отряда Хаакона охранники, те, кто сопровождали фургон, в котором я так часто была прикована цепями. Встретила я и воина, первым связавшего меня на этой планете, когда я наткнулась на караван Тарго.

Обслужив этих гостей, я нередко расспрашивала их о Тарго и судьбе знакомых рабынь. Они, как правило, охотно мне все рассказывали.

Так я узнала, что Тарго удалось после нападения тарнсменов разыскать в лесу большую часть разбежавшихся девушек, которых он благополучно доставил в Ар и распродал с несомненной выгодой для себя. За это время он успел сделать еще одно путешествие в северные регионы, но на этот раз не имел никаких дел с Хааконом со Скинджера. Теперь Тарго был очень богат и, не сомневаюсь, доволен жизнью.

Мужчинам, которых я обслуживала и которым мои ласки обходились в стоимость кружки паги, я старалась доставить максимальное удовольствие и не меньшее удовольствие получала от них самих. И все же ни один из них не мог сравниться с Раском. Предводитель тарнсменов навсегда завоевал сердце рабыни Эли-нор. Я была не в силах вычеркнуть его из своей памяти.

Однажды вечером я услышала, как кто-то из посетителей разговаривает с владельцем нашей пага-таверны. «Я покупаю ее»,— заявил незнакомец. Я невольно вздрогнула. Почему-то сразу я догадалась, что речь идет обо мне.

Человек, произнесший эти слова, неслышно подошел ко мне сзади и за волосы развернул меня к себе. Все во мне оборвалось. Это оказался тот самый низкорослый мужчина, которого я уже встречала в своей жизни в облике бродячего артиста и которого я считала хозяином странного, ужасного косматого чудовища. Это был тот человек, который хотел, чтобы я кого-то где-то отравила.

— Я ее покупаю! — настойчиво повторил он, крепко держа меня за руку.

Я обошлась низкорослому мужчине в четырнадцать золотых монет. Он выложил их не торгуясь.

В тот же день меня, связанную, в глухом колпаке на голове, доставили на тарне в Порт-Кар, расположенный в долине могучего Воска.

Меня завели в небольшое складское помещение неподалеку от пирса и поставили на колени.

— Я не буду вам служить,— сразу же заявила я.

Помимо низкорослого человека, в помещении находилось то самое странное косматое чудовище и — что меня удивило — Хаакон со Скинджера.

— Я знаю, что такое прикосновение к телу раскаленного клейма,— спокойно сказала я.— Знаю, что такое плеть. Вам не удастся меня заставить. Я не стану никого убивать ради ваших прихотей. Вы сами можете меня убить, но я убивать никого не буду.

Сказав это, я даже глаза закрыла от страха перед собственной дерзостью.

Они не стали ни избивать меня, ни запугивать какими-то угрозами. Они схватили меня за руки и потащили в глубину комнаты.

Я вскрикнула.

В углу, бессильно уронив голову на грудь, стоял привязанный ко ввинченным в стену железным кольцам человек. Он весь истекал кровью. Его одежда была разорвана, и сам он, казалось, доживал последние часы.

— Одиннадцать человек, что были с ним, погибли,— кивнул на пленника Хаакон,— но этот еще живой!

Человек неимоверным усилием воли приподнял голову и с трудом открыл глаза.

— Эли-нор? — с удивлением прошептал он запекшимися губами.

— Хозяин! — воскликнула я. Слезы градом покатились у меня из глаз.

Я прижалась к его груди.

Он окинул присутствующих сумрачным взглядом.

— Я — из Трева,— пробормотал он мне.— Не запятнай мою честь...

Меня за волосы оторвали от него и отвели на прежнее место.

Раск из Трева бессильно уронил голову на грудь.

— Ты получишь пакет с ядом,— снова произнес низкорослый человек.

Я кивнула. Меня сковало какое-то оцепенение.

«Раск не должен умереть! — билась во мне единственная мысль.— Все что угодно, только не это!»

— Тебя отправят в дом Боска, адмирала Порт-Кара,— сухо продолжал низкорослый.— В этом доме ты будешь работать на кухне и прислуживать за столом.

— Я не смогу, не смогу никого убить! — разрыдалась я.

— Тебе все равно придется это сделать,— пожал плечами низкорослый.— Либо умрет тот, кто нам нужен, либо — Раск из Трева. Выбирай!

Хаакон весело расхохотался. Низкорослый протянул мне крохотный пакетик.

— Это яд, приготовленный из слизи болотных устриц. Возьми его!

По телу у меня пробежала нервная дрожь. Устричный яд, я знала, несет человеку страшную, мучительную смерть. Как же они должны были ненавидеть этого Боска, чтобы обрекать его на такие мучения!

— Ну, что? — спросил низкорослый.— Ты согласна?

Я обреченно кивнула.

— Вино, Эли-нор! — крикнул Публиус, выполнявший в доме Боска из Порт-Кара обязанности старшего кухонного мастера.— Неси его на стол!

Дрожащими руками я взяла кувшин с вином и, пошатываясь, понесла его по коридору, ведущему в обе-

денный зал. У высоких резных дверей я остановилась, чтобы хоть немного отдышаться и успокоиться.

Проникнуть в дом — чего я так боялась — оказалось не так уж сложно.

За пятнадцать золотых меня продали старшему распорядителю дома Самоса, крупного работорговца из Порт-Кара. Сам владелец дома находился в это время где-то в море и возглавлял организованную им экспедицию, целью которой являлись пиратские нападения на купеческие суда и захват невольников.

Выждав удобный момент, организаторы готовящегося покушения отыскали в одной из пага-таверн города старшего кухонного мастера дома Боска — Публиуса, любителя, кстати сказать, хорошо выпить и поиграть в кости, и весь вечер нашептывали ему о том, что в доме Самоса появилась новая интересная рабыня, прошедшая курс обучения в невольничьей школе в Ко-ро-ба, носящая на теле клеймо Трева, и к тому же очень хорошенькая.

Публиус, которому, как оказалось, была нужна новая невольница для работы на кухне, заинтересовался этим сообщением. Я думаю, ему не часто доводилось видеть в стенах своей кухни рабыню для наслаждений, прошедшую специальный курс обучения в Ко-ро-ба. Именно это, как я подозреваю, и явилось основной причиной его потребности в новой помощнице.

Желая угодить находящемуся в отъезде главе дома, в котором он служил, старший распорядитель дома Самоса уступил меня Публиусу за те же деньги — пятнадцать золотых монет,— которые он сам заплатил за мое приобретение. Я, таким образом, послужила своеобразным подарком дому Боска от дома Самоса, поддерживающих между собой дружеские отношения. И Самос, и Боск являлись, как я узнала впоследствии, самыми авторитетными членами Совета капитанов Порт-Кара — высшего органа городской власти.

Дом Боска мне сразу понравился. Он был хорошо укрепленным, просторным и чистым. Обращались со мной неплохо, следили за добросовестным выполнением порученной работы.

Боск, мой хозяин — крупный, широкоплечий, по-видимому, очень сильный молодой мужчина — не использовал меня в постельных целях. У него была своя женщина, Телима — поразительная, потрясающая воображение горианская красавица, рядом с которой я чувствовала себя всего лишь земной женщиной — неповоротливой и неуклюжей, мужеподобной рабыней.

В доме проживали и несколько других, не менее привлекательных девушек: темноволосая, очень стройная Мидис — женщина капитана Таба, рослая, со светлыми волосами и небесно-голубыми глазами Тура — женщина широкоплечего гиганта Турнока — крестьянина, непревзойденного мастера в обращении с длинным луком, и, наконец, маленькая хрупкая черноглазая Ула — женщина молчаливого, сдержанного красавца Клинтуса, рыбачившего прежде на острове Кос.

В одной из комнат дома жила также молоденькая симпатичная девушка Вина, ни на миг не расстававшаяся со стройным юношей, матросом по имени Генрис, по общему утверждению — великолепным мастером меча. Среди остальных девушек выделялась свободная танцовщица Сандра — писаная красавица с тонким, изящным лицом, вызывавшая восхищение у всех мужчин дома Боска своим искусством и зарабатывающая на этом немалые деньги. Грамоте ее обучала другая, проживающая в комнате рядом с ней, также свободная девушка из касты книжников — Лума, управлявшая большинством дел этого громадного торгового дома.

Судя по количеству хорошеньких невольниц, Боск, хозяин дома, понимал толк в женской красоте, что вызывало во мне некоторую тревогу. Однако, несмотря на мои опасения, он, повторяю, не звал меня в постель. Все его внимание было отдано Телиме. Я даже не представляю себе, какой нужно быть женщиной, чтобы завоевать привязанность мужчины, окруженного такими девушками. Горианской женщине, стремящейся добиться расположения мужчины столь высокого ранга и желающей удержаться рядом с ним, нужно приложить для этого немало усилий: горианка никогда не сдается без борьбы, а вокруг всегда находится слишком много женщин, стремящихся занять ее место.

— Неси скорее вино! — крикнул Публиус, выглянув в коридор и увидев меня у дверей обеденного зала.

Он махнул мне рукой и снова скрылся на кухне.

Я вытащила из-за пазухи красной рабочей туники крохотный пакет и всыпала яд в кувшин с вином. Мне сказали, что яда в пакете достаточно, чтобы предать страшной смерти не менее ста человек.

Я взболтнула вино в кувшине и спрятала пустой пакет под тунику. Все было готово.

— Вина! — потребовали из-за двери.

Я поспешила в обеденный зал и подбежала к длинному столу.

Я решила налить вина только Боску, и больше никому: я не хотела, чтобы на моей совести лежала еще чья-то смерть.

На полпути к столу я невольно остановилась. Взгляды присутствующих обратились ко мне.

«Раск из Трева должен жить!» — убеждала я себя.

Мне вспомнилось, как Хаакон насмехался над своим пленником, подвергал его унижениям. Отпустит ли на свободу такой человек, как он, своего смертельного врага — Раска из Трева,— даже если я выполню все его указания?

Боюсь, что нет.

Но я уже сделала выбор. Я вынуждена полагаться на слово Хаакона. Отступать мне некуда. Слишком поздно!

Я не хотела никого отравлять. Меня, конечно, вряд ли можно назвать примерным человеком, но я вовсе не убийца.

И тем не менее я должна убить человека!

Мне вспомнилось, как очень давно, в прошлой жизни, моя мать отравила мою маленькую собачку, разорвавшую ее ночную рубашку. Я была очень привязана к этому, пожалуй, единственному искренне любящему меня крохотному существу, с которым я всегда игралась, когда родители меня наказывали или были слишком заняты, чтобы обращать на меня внимание. Она умерла в темном сыром подвале под лестницей, куда уползла с началом первых судорог. Собака выла и стонала, как ребенок, и укусила меня за руку, когда я, вторя

ей и обливаясь горючими слезами, попыталась ее погладить.

Теперь нечто подобное я собиралась сделать собственными руками.

— Ну что там, Элеонора? — удивился сидящий во главе стола Боск.— Я хочу вина! — Он единственный из гориан произносил мое имя так, как оно звучит на Земле.

Я медленно направилась к нему.

— Вина! — нетерпеливо потребовал Турнок.

Нет, ему вина я не налью.

— И мне вина! — крикнул Таб.

Нет, капитан, твой кубок я тоже не стану наполнять.

Я подошла к Боску. Вот сейчас я налью ему вина, он выпьет, умрет, а меня тут же схватят и еще до наступления ночи подвергнут жесточайшим пыткам или покалечат.

Он протянул мне свой кубок. Сидевшая рядом с ним Телима не сводила с меня удивленных глаз.

Я стала наливать вино.

«Я — из Трева,— вспомнились мне слова Раска.— Не запятнай мою честь...»

Слезы потекли у меня по щекам.

— Что с тобой, Элеонора? — спросил Боск.— Что случилось?

— Ничего, хозяин, все в порядке,— ответила я.

«Я — из Трева,— настойчиво звучал во мне голос Раска.— Не запятнай мою честь!»

Черт бы побрал этих мужчин с их войнами, их жестокостью, с их дурацкими представлениями о чести! Вечно нам, женщинам, приходится расплачиваться за их глупости!

Нет, Раск из Трева никогда не согласился бы заплатить за свою жизнь цену, которую согласилась заплатить я. Но это было не его решение, а мое — мое! — а я слишком его любила, чтобы позволить ему умереть!

«Не запятнай мою честь!» — приказал он.

Боск поднес к губам отравленный кубок.

Я уронила голову и закрыла глаза.

— Не пейте вино, хозяин,— пробормотала я.— Оно отравлено...

Я закрыла лицо руками.

Вокруг началось что-то страшное! Все всполошились, поднялся невообразимый крик, люди выскочили из-за стола и бросились ко мне. На пол падали перевернутые кубки, блюда с яствами, полилось вино.

Всех опередил Турнок. Он подскочил ко мне, вырвал из рук кувшин и оттолкнул от стола так, что я растянулась на мозаичных плитках пола.

— Казнить ее! — слышалось со всех сторон.

— Пытать!

— На дыбу!

Двери распахнулись, и в зал ворвался человек с седыми, коротко подстриженными волосами и серьгами в ушах.

— Самос! — встретили его встревоженные крики.

— Я только что сошел на берег! — сообщил запыхавшийся человек.— Мне стало известно, что без моего ведома в мой дом проникла какая-то женщина. А теперь она у вас. Будьте осторожны!

Тут он увидел меня. Я стояла на коленях на мраморном полу в центре зала. Руки у меня были связаны, а по бокам находились двое охранников.

В зал вбежал Публиус. Он был бледен как мел. В руках у него был обнаженный меч.

Боск медленно вылил на стол вино из кубка. Кувшин, который я принесла, валялся на полу, а вокруг него расплывалась кроваво-красная лужа смертельно опасного напитка.

— Продолжайте обедать,— призвал к спокойствию Боск присутствующих.— А вас, Таб, Турнок, Клинтус, Генрис и Самос, я попрошу пройти в мои апартаменты.

В руках у Телимы я увидела кинжал. Она, безусловно, тут же вонзит мне его в горло, как только ей удастся ко мне приблизиться.

— Турнок, развяжи рабыню,— приказал Боск.

Крестьянин снял с меня ремни.

Я поднялась с пола.

— Нам нужно поговорить с тобой, Элеонора,— сказал Боск и положил руку на плечо Телиме, давая понять, что она тоже может пойти вместе с ним.

Дрожа от страха, я на негнущихся ногах поплелась за ними вслед.

В этот вечер мужчины рано покинули дом Боска. Я рассказала им все, что знаю. Я думала, меня тут же вздернут на дыбу и подвергнут нечеловеческим мучениям.

Когда я закончила говорить, Боск сказал:

— Иди на кухню. Там у тебя еще много работы.

Я вернулась на кухню. Публиус, удивленный не меньше меня, поручил мне вымыть посуду. В эту ночь он приковал меня к стене двойными цепями.

— Нам не удалось спасти Раска,— сообщил мне Боск на следующий день.

Я обреченно уронила голову. Я знала, что этим все и закончится. Слезы потекли у меня по щекам.

Мой хозяин, Боск, взглянул на меня и рассмеялся.

— Нам не удалось его спасти потому, что он убежал сам,— добавил он.

Я посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Эти парни из Трева — настоящие герои,— заметил он.

Я слушала его, не веря своим ушам.

— Ему каким-то образом удалось вырваться на свободу,— продолжал мой хозяин.— Когда мы прибыли на место, он уже убежал.

— А что с остальными? — спросила я дрожащим голосом.

— В помещении, которое ты нам описала, мы обнаружили три тела. Труп мужчины с пустыми ножнами от меча принадлежит, очевидно, Хаакону со Скинджера, второй труп — низкорослому, имени которого никто не знает, а третий — какому-то странному косматому чудовищу.

Я не знала, что мне делать — плакать или смеяться от счастья, а глупые слезы все текли и текли по щекам.

— Тела были разрублены на части, а отделенные от них головы выставлены на шестах на берегу канала, и на каждом шесте был вырезан знак города Трева.

Ноги не держали меня; я сползла на пол.

— Да, эти парни из Трева,— задумчиво протянул Боск,— настоящие герои.

По его интонации я поняла, что он находится с жителями Трева во враждебных отношениях.

— А что будет со мной? — с дрожью в голосе поинтересовалась я.

— Я сделаю так, что в лагере Теренса, командира отряда наемников из Трева, станет известно о находящейся в моем доме невольнице по имени Эли-нор.

— Я больше не нужна Раску,— пробормотала я.— Он меня продал.

Боск пожал плечами.

— А Самос, у которого повсюду есть свои люди, сказал мне, что Раск в одиночку пришел в Порт-Кар и здесь его поймали. Как ты думаешь, что он здесь искал?

— Не знаю,— ответила я.

— Поговаривают, что он хотел найти девушку по имени Эли-нор.

— Это невозможно,— возразила я,— потому что, когда меня привезли в Порт-Кар, Раск уже находился в руках у тех людей.

— Да нет, это очень даже возможно,— сказал Боск.— Я думаю, в лагере Раска кто-то специально распространил слух о том, что ты находишься в Порт-Каре. А согласно планам некоторых моих врагов, было бы предпочтительнее, чтобы тебя еще не было в нашем городе, когда здесь появится Раск. В противном случае он мог бы отыскать и увезти тебя прежде, чем его поймают.— Он окинул меня внимательным взглядом.— Вспомни, не находилась ли ты все это время в таком месте, где они могли бы следить за тобой без риска быть тобой опознанными, пока не придет нужный момент?

— В течение нескольких месяцев я прислуживала в одной из городских пага-таверн в Аре,— ответила я.

— Они даже могли видеть, как тебя продавали на невольничьих торгах,— размышлял Боск.— Ведь это происходило на Курулеанском невольничьем рынке, не так ли?

— Да,— прошептала я.

— Это наиболее посещаемое покупателями место.— Он задумчиво посмотрел на меня и с грустью добавил: — Когда-то я наблюдал, как с помоста этого рынка продавали самую красивую в мире женщину...

— Как ее звали? — спросила я.

— Велла,— ответил он.— Ее звали Велла...

Как бы мне хотелось услышать о себе то же самое!

— Я полагаю,— продолжал Боск,— что только после того, как Раск из Трева оказался у них в руках, тебя забрали из пага-таверны и доставили сюда, чтобы ты могла увидеть его собственными глазами.

— Раск продал меня. Я ему больше не нужна.

Боск пожал плечами.

— Иди на кухню,— сказал он.— Принимайся за работу.

Я отправилась на кухню, в распоряжение Публиуса. Он был настолько поражен тем, что по незнанию, приобретая меня, едва не послужил причиной развала целого торгового дома, что собирался было оставить службу у Боска. Но тот даже слушать об этом не захотел и убедил Публиуса остаться. «Ну подумай сам: где я еще найду такого кухонного мастера, как ты?» — уговаривал его Боск и в конце концов уговорил. Публиус остался. Но теперь он меня и близко не подпускал к приготовлению пищи. В течение дня он пристально следил за каждым моим шагом, а на ночь непременно заковывал в цепи.

Это, однако, не могло испортить моего настроения, поскольку я знала, что Раск жив. К тому же люди, пытавшиеся использовать меня в своих черных целях, уже уничтожены. Это наполняло мое сердце радостью.

Мне, конечно, было немножко грустно: ведь что ни говори, а Раск продал меня, но я, по крайней мере, успокаивала себя тем, что он жив. Я не особенно поверила в верность рассуждений моего хозяина, Боска, о том, что воин из Трева, тарнсмен, специально пришел в Порт-Кар, чтобы отыскать меня после того, как сам меня продал. Я думаю, информаторы Боска ошибались в своих выводах или были введены в заблуждение.

Я часто пыталась забыть о Раске из Трева, выбросить из головы воспоминания о нем, но у меня ничего не получалось. Иногда девушки по ночам будили меня, потому что я мешала им спать, бормоча во сне его имя. Раск не хотел видеть меня рядом с собой, но я... я хотела его, я жаждала его прикосновения всем своим измученным сердцем.

Ну что ж, по крайней мере — он жив. Без него я не смогу быть счастливой. Я всегда буду чувствовать себя одинокой, покинутой, умирать от желания поцеловать его, слышать его слова, прижаться щекой к его плечу. Но главное — он живой, и это не даст мне умереть от безысходной тоски. Как я могу сходить с ума от отчаяния, когда он все так же продолжает ходить по земле — гордый и свободный, дерзкий до безрассудства и умеющий дарить любовь, суровый, беспощадный воин и щедрый хозяин, неизменно окруженный множеством красивейших рабынь?

— Продайте меня, хозяин,— попросила я как-то Боска, не в силах оставаться в доме, где я едва не совершила тягчайшее преступление. Я хотела уйти отсюда, оказаться в каком-нибудь месте, где меня никто не знает, где я буду обычной рабыней в железном ошейнике — безликой и безымянной, как остальные невольницы.

— Иди на кухню,— ответил мне Боск.— У тебя есть там чем заняться.

И я вернулась на кухню.

Мое повествование подходит к концу.

Я написала его по распоряжению своего хозяина — Боска из Порт-Кара, крупного торговца, некогда принадлежавшего, как я подозреваю, к касте воинов. Я не могу до конца объяснить все происшедшее со мной, но пусть этим занимаются те, кто располагает более полной информацией. Я рассказала все, что знаю, и, как мне кажется, достаточно откровенно — именно так, как приказал мой хозяин. Будучи горианской рабыней, я не осмелилась пойти вопреки его воле — что-либо утаить или покривить душой, да у меня и не было такого желания. К тому же он потребовал от меня рассказать о моих чувствах и переживаниях, по доброте своей, очевидно, считая, что мне это будет приятно и пойдет на пользу. Я постаралась сделать так, как он хотел.

Сейчас я чувствую себя более спокойной и даже счастливой, хотя иногда все еще прошу своего хозяина продать меня и дать мне возможность покинуть дом, где я едва не совершила чудовищное преступление. Мне стало известно, что Раск действительно появился в

Порт-Каре, чтобы отыскать меня, и сознание этого наполняет мое сердце невыразимой радостью и одновременно глубокой печалью, поскольку мне не суждено больше его увидеть.

На площади перед зданием Совета капитанов Раск из Трева встретился с Боском из Порт-Кара и потребовал, чтобы тот отдал меня ему. Боск, как мне говорили, назначил за меня цену в двадцать золотых монет, чтобы, как подобает торговцу, выручить за меня какую-то прибыль. Однако Раск, по традиции жителей Трева, не покупал женщин. Назначенная за меня цена могла равняться даже наконечнику стрелы или медной монете — он и тогда не стал бы ее платить. Он не покупал женщин. Он брал их силой.

Но отдать меня Боск не мог; для него это означало бы отступление от собственных принципов. По утверждениям всех, кто его знал, он был настоящим мастером во владении оружием, а дом его насчитывал несколько сотен верных ему людей, каждый из которых готов был жизнь за него положить.

Его дом, представляющий собой настоящую крепость, выдержал длительную осаду тысяч захватчиков и расправился с объединенной флотилией островов Тирос и Кос, пытавшихся разрушить Порт-Кар два года назад — двадцать пятого числа месяца се'кара в 10120 году от основания Ара. Тягаться с таким противником, рассчитывая только на своих тарнсменов, Раск, конечно, не мог и тем более никогда не позволил бы себе подвергать своих людей опасности из-за какой-то рабыни. Это привело бы к началу кровопролитной войны между двумя крупнейшими городами. Повод для ее развязывания был, безусловно, неоправданно мал.

Я, к сожалению, была в полной безопасности в этом доме — моей тюрьме. Когда Раск потребовал у Боска отдать меня ему, мой хозяин — общепризнанный мастер в искусстве владения оружием и первый меченосец в Порт-Каре — обнажил свой клинок и предложил Раску разрешить этот спорный вопрос с мечом в руках, на площади у здания городского Совета капитанов. Раск побледнел от ярости и, круто развернувшись, зашагал прочь.

По приказу Боска мне снова разрешили прислуживать за столами в обеденном зале, однако на ночь Публиус непременно приковывает меня цепью к стене. Он хороший кухонный мастер и беззаветно любит своего командира — Боска. Я понимаю его и нисколько не возражаю против предпринимаемых им мер предосторожности.

Мой рассказ подходит к концу. Каждый вечер к девятнадцати часам я возвращаюсь в комнату для работающих при кухне невольниц, и Публиус надевает на меня цепи. До этого времени, после выполнения моей работы, я практически свободна и могу передвигаться по дому Боска без каких-либо препятствий. Чаще всего я поднимаюсь на стену, ограждающую его владения, с той стороны, где она выходит на заболоченную дельту реки, и подолгу смотрю на залитые лунным светом болота.

Я вспоминаю о Раске из Трева.

18

ЭПИЛОГ, НАПИСАННЫЙ БОСКОМ ИЗ ПОРТ-КАРА

Теперь пишу я, Боск из Порт-Кара.

Я хочу добавить несколько строк к этому повествованию, которое собираюсь передать в Сардар.

Прошло много времени с тех пор, как я находился на службе у Царствующих Жрецов. Мы с Самосом часто беседовали на эту тему, но я остался непреклонен в своем решении не возвращаться на эту службу. И тем не менее по моей команде полуслепой безумный проектировщик парусных судов Терситус продолжает строить на судоверфи Арсенала странный корабль, на котором самый отважный из капитанов когда-нибудь отправится исследовать неизвестную часть Гора.

Я не желаю служить кому бы то ни было. Я хочу быть свободным от обязательств. Я богат и пользуюсь всеобщим уважением. У меня есть все, что может пожелать себе человек: красавица Телима, немалые богатства и громадный дом, в подвалах которого достаточно припасов и вина; за столом у меня сидят верные мне люди,

а у стен моего дома плещутся воды блистательной Тассы. Я не хочу знать ни Других, ни Царствующих Жрецов. Не желаю принимать участия в их темных делах. Пусть спасением мира занимается кто-нибудь другой; я внес в это дело свою лепту и теперь хочу только покоя.

Однако Другие не забыли обо мне. Они знают о моем местонахождении и уже пытались меня убить. Я подвергаю опасности всех, с кем поддерживаю какие-либо отношения. Что мне делать? И что я вообще могу сделать? Мой старый меч, носящий следы сражений еще времен осады Ара, покоится в ножнах на почетном месте в оружейной комнате, и я не горю желанием снова брать его в руки.

Тем не менее из рассказа этой девочки, Эли-нор, я узнал, что Талена, бывшая некогда моей свободной спутницей, может находиться сейчас в северных лесах. До меня также дошли сведения, что в Аре помогли вырваться на свободу лесным разбойницам Вьерны. Женщинам-пантерам удалось ускользнуть от Марленуса, и они, как полагают, отправились на север. Думаю, это дело рук Раска из Трева, а может быть, здесь не обошлось и без участия Вьерны — самой удивительной из женщин Гора. Мысли об этом долго не давали мне покоя. Иногда я позволял разделить их Телиме.

Мы поднимались на стены, выходящие к дельте Воска, и наш взгляд сам собой устремлялся туда, где находился Лаурис. Марленус готовил вторую экспедицию в северные леса, чтобы снова поймать Вьерну и наказать ее за дерзость. Не могли не дойти до него и слухи о том, что в руках у нее, возможно, находится и его дочь, Талена. Он должен был чувствовать себя посрамленным за дочь, превращенную в рабыню, стремился вырвать ее из рук поработителей и без излишней помпы возвратить в Ар, чтобы известие о ее падении не становилось достоянием широкой общественности. Никогда больше дочь великого убара не сможет гордо держать голову и смотреть в глаза людям после того, как носила ошейник воина из Трева.

— Отыщи ее,— говорила мне Телима.— Ты, наверное, все еще ее любишь.

— Я люблю тебя,— отвечал я.

— Найди ее, привези сюда в качестве своей рабыни и сделай между нами окончательный выбор. Если хочешь, мы сами поможем тебе принять решение и сразимся на ножах на берегу Воска,— как-то предложила Телима.

— Она была моей свободной спутницей,— напомнил я.

— Теперь это осталось в прошлом. С тех пор минуло больше года, и ваши отношения утратили силу, поскольку в нужное время вы их не возобновили.

— Это верно.

По законам Гора отношения свободных спутников должны ежегодно подтверждаться, или, как говорится, освежаться вином любви. В противном случае они считаются прерванными.

— А кроме того,— напомнила Телима,— вы оба в свое время были обращены в рабство, что разрушает саму суть отношений свободного спутничества. Рабы не могут иметь спутника в жизни.

Ее напоминания вызвали у меня глухое раздражение.

— Ты ведь еще не забыл, что произошло в дельте Воска? — поинтересовалась она; когда у Телимы начинались приступы ревности, она умела говорить гадости.

— Я помню об этом,— сухо ответил я.

Я действительно никогда не забывал о том, что произошло со мной в дельте Воска, о своем низком падении и нарушении священных принципов свободного человека. Я знал, что являюсь существом презренным, который некогда предпочел позорное рабство возможности умереть с честью и достоинством.

— Прости меня, мой убар,— прошептала Телима.

— Прощаю,— ответил я.

Глаза мои снова устремились к северным лесам.

Прошло уже так много времени, но я никак не мог забыть Талену. Она осталась для меня не воспоминанием, а, скорее, светлой мечтой, некогда вошедшей в мою жизнь. В этой женщине для меня воплотилась мечта о первой юношеской любви, осветившей все мое дальнейшее существование.

Я помнил каждое мгновение наших встреч, я снова и снова видел ее в топких лесах к югу от Ара, в зарослях ка-ла-на, где освободил ее из крепких челюстей паука

Нара; видел ее в караване Минтара, торговца, рядом с Казраком, моим братом по оружию; видел ее танцующей в своей палатке и во Дворце правосудия в Аре, где она ожидала сурового наказания и, возможно, смерти. Я помнил каждый час наших отношений свободного спутничества в Ко-ро-ба и свое пробуждение от этого волшебного сна. Я не мог выбросить ее из памяти. Это было выше моих сил.

— Я пойду с тобой,— предложила Телима.— Я знаю, как обращаться с рабынями.

— Если я решу идти,— сказал я,— я пойду один.

— Как пожелает мой убар,— пробормотала она и ушла, оставив меня одного на вершине крепостной стены.

Я стоял и смотрел на заболоченную дельту Воска и набегающие на берег волны блистательной Тассы, залитой густым лунным светом. Мне было грустно и одиноко.

По каменным ступеням на стену поднялся Турнок. Через плечо у него был перекинут длинный лук и колчан со стрелами.

— К рассвету «Дорна» и «Тела» будут готовы к осмотру и выходу в море,— доложил он.

— Я чувствую себя таким одиноким, Турнок,— признался я; повседневные дела казались мне сейчас такими мелкими и далекими.

— Все люди время от времени чувствуют себя одинокими,— сказал Турнок.

— Я совсем один.

— Каждый мужчина, за исключением коротких моментов близости с женщиной, идет по жизни в одиночку.

Я посмотрел на дальний конец крепостной стены, выходившей на болота. Там, как обычно в этот вечерний час, стояла моя новая рабыня, Эли-нор, и смотрела на протянувшуюся по поверхности болота лунную дорожку. Она тоже была одинокой.

— Пора заковывать ее в цепи,— напомнил Турнок.

— Еще нет девятнадцати часов,— возразил я.

— Не хочет ли мой капитан выпить со мной по кружечке паги?

— Да, Турнок, наверное.

— Утром нам придется рано вставать.

— Да, нужно будет встать пораньше.

Я смотрел на одинокую фигурку девушки, устремившей неподвижный взгляд в неведомую даль теряющихся за горизонтом болот.

— Самые одинокие из людей те, кто познал однажды прикосновение любви и был оставлен своим возлюбленным,— внезапно родились у меня слова.

В эту секунду из-за низко плывущих облаков вынырнул тарн и у самой воды расправил широкие крылья. Вот уже несколько дней я ожидал, когда это произойдет. Черной тенью, со скоростью выпущенной стрелы птица скользнула над замершей поверхностью воды и на мгновение застыла над крепостной стеной.

Часовые подняли тревогу. На стену выскочили охранники.

Тарн вцепился когтями в ограждение крепостной стены и, запрокинув голову, издал пронзительный крик. В свете факелов я различил фигуру сидящего в седле воина, голову которого скрывал глухой железный шлем. Воин наклонился в седле и протянул руку к стоящей на стене девушке, Эли-нор. Она вскрикнула, бросилась к нему и через секунду уже лежала в тарнском седле, поднятая сильными руками воина.

Турнок сорвал с плеча лук со стрелами и натянул тетиву.

— Нет! — приказал я, удерживая его руку.

Он ошеломленно посмотрел на меня. Глаза его пылали яростью.

— Нет! — настойчиво повторил я.

Человек в глухом шлеме величественным жестом бросил за ограждение крепостной стены какой-то предмет. У самой его головы просвистели две выпущенные охранниками стрелы. Со всех сторон по крепостной стене к нему бежали люди. Я слышал их крики и грохот оружия. Еще две стрелы со свистом ушли в ночное небо; одна из них зацепила крыло тарна. Птица пронзительно вскрикнула, оторвалась от стены и стала медленно набирать высоту, уходя от града провожающих ее стрел. Ее черный силуэт ясно вырисовывался в свете горианских лун.

— Я мог бы уложить его на месте! — воскликнул Турнок.

— Именно этого мне и не хотелось,— признался я.

— Преследовать его, капитан? — крикнул снизу один из охранников.

— Нет,— ответил я.— Все спокойно. Продолжайте отдыхать.

— Вы потеряли девчонку! — не мог успокоиться Турнок.— Он забрал ее с собой!

— Принеси мне предмет, который он бросил на стену,— попросил я.

Турнок направился к месту, где только что находился дерзкий похититель, и вскоре вернулся, неся в руках кожаную сумку. Это оказался большой кошель, доверху набитый золотом. При свете факелов мы насчитали сотню золотых монет. На каждой из них стоял герб Трева.

— Ну вот, Турнок,— сказал я.— Теперь мы можем пропустить по кружечке паги и — спать! Утром мы должны встать пораньше. Нам нужно будет осмотреть «Дорну» и «Телу».

— Да, мой капитан,— ответил Турнок.— Да!

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

ДЖОН НОРМАН (Джон Фредерик Лендж-младший) — американский фантаст и ученый-философ. Родился в Чикаго в 1931 году, окончил университет штата Небраска в Линкольне и университет Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе, защитил диссертацию в Принстонском университете. Служил в армии, работал в киноиндустрии, в настоящее время преподает философию в Нью-Йоркском Куинс-колледже. Живет в Нью-Йорке.

Известность Норману принесла серия «героической фэнтези» о приключениях героя Тэрла Кэбота на планете Гор, «вращающейся на орбите Земли, но по другую сторону от Солнца». Серия Джона Нормана замечательна своими героями. Это, как правило, сильная личность, преодолевающая любые преграды. Романы Джона Нормана продолжают традиции классика фантастического боевика Э. Берроуза.

Единственный достойный внимания внесерийный роман Нормана — «Раб времени», герой которого попадает в доисторическое прошлое Земли, где снова разыгрываются приключения в духе фантастики «меча и волшебства».

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Клеймо 5
2. Ошейник 12
3. Путы из шелковых веревок 17
4. Транспортировочная капсула 36
5. Три луны на звездном небе 45
6. Я сталкиваюсь с Тарго, оказывающимся работорговцем 54
7. Меня с другими девушками отправляют на север . . . 73
8. Как разворачивались события на северной окраине Лауриса 96
9. Одинокая хижина в лесу 148
10. Что происходило в хижине 169
11. Сорон из Ара 187
12. Я собираю ягоды 242
13. В седле на тарне, парящем в небе 268
14. Участь рабыни — служить повелителю 311
15. Мой повелитель жаждет наслаждений 334
16. Под светом лун закованная в цепи 398
17. Порт-Кар 414
18. Эпилог, написанный Боском из Порт-Кара 435

Коротко об авторе 441

К ЧИТАТЕЛЯМ!
Издательство просит отзывы об этой книге и Ваши предложения по серии «Фантастический боевик» присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бул., 37б
Издательство АРМАДА

Норман Дж.
Н 83 Пленница Гора: Фантастический роман / Пер. с англ.— М.: АРМАДА, 1996.— 442 с.: ил.— (Фантастический боевик).
ISBN 5-7632-0109-4

Очередной роман Джона Нормана о планете Гор написан от лица героини Элеоноры Бринтон. Богатая бездельница из Нью-Йорка похищается пришельцами и оказывается в рабстве на Горе. Там она проходит тяжелый путь, полный невзгод и опасных приключений. Но в завершение его встречает свою первую и настоящую любовь.

Н $\frac{4703040100\text{-}34}{9С3(03)\text{-}96}$ **Без объявл.** **ББК 84.7США**

РЕДАКЦИЯ
ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Фантастический боевик

Джон Норман

ПЛЕННИЦА ГОРА

Фантастический роман

Заведующий редакцией
К. А. Залесов

Ответственный редактор
А. В. Саломатов

Редактор
П. В. Кузьменко

Художественный редактор
Л. П. Копачева

Технический редактор
Л. А. Глубокова

Корректоры
Т. Г. Люборец, М. Г. Курносенкова

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Сдано в набор 21.10.95. Подписано в печать 25.01.96. Формат 84 × 108 1/32. Бум. кн.-журн. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52. Тираж 65 000 экз. Заказ № 401.

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бул., 37б

Отпечатано в типографии издательства
«Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА СЕРИИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ЕКАТЕРИНА КОРНЮХИНА

СУПЕРПРЕДАТЕЛЬ

Фантастические романы

Пройдут века, и женщины научатся запросто обращаться с космическими кораблями и лазерным оружием. Но все равно они останутся женщинами. А это значит, что потребность покорять и покоряться будет определять их судьбу. Что и происходит с героинями Екатерины Корнюхиной. Одну из них судьба забрасывает на одичавшую планету, полную загадок, монстров и чудовищ. Душа другой оказывается переселенной в тело инопланетной кошки – римлы. И неизвестно, чем бы закончились эти опасные приключения, если бы не любовь. Именно она заставляет агента космической разведки и офицера службы безопасности забыть о военных операциях и галактических преступниках. Но спастись и спасти от уничтожения целые планеты и расы помогла тоже любовь.

Издательство **АРМАДА** *представляет*

НОВУЮ СЕРИЮ!

Дух захватывает,
когда представляешь их всех рядом:

Эрик Расселл,
Гарри Гаррисон,
Роберт Хайнлайн,
Эдмонд Гамильтон...

Впервые в отечественной литературе созвездие ярких имен — авторов всемирно известных фантастических боевиков — в одной серии!

Невероятно, но это уже не фантастика, а реальность!

В серию войдут лучшие из лучших произведений корифеев боевой фантастики, завоевавшие признательность среди отечественных и зарубежных поклонников этого замечательного жанра.

Первые книги серии:

Э.Гамильтон	«ЗВЕЗДНЫЙ ВОЛК»
Л.Брэккетт	«САГА О СКЕЙТЕ»
Г.Гаррисон	«МИР СМЕРТИ»
С.Снегов	«ЛЮДИ КАК БОГИ»

Любителям острых сюжетов

Издательство
АРМАДА
представляет

Сериал
ТАГГЕРТ

Инспектор шотландской полиции Джеймс Таггерт уже доказал свою компетентность миллионам телезрителей одноименного сериала. Для знатоков и любителей отличного детектива – литературная версия

ПИТЕРА КЕЙВА

КЛАССИКА АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

Размеренную жизнь шотландской "провинции" взрывает череда загадочных убийств респектабельных бизнесменов. Они не были знакомы друг с другом, но все имели несчастье остановиться в одном уединенном коттедже... При загадочных обстоятельствах гибнут сотрудники фармакологического центра, который накануне подвергся ограблению... Расследование этих дел ведет инспектор Джеймс Таггерт со своими помощниками – сержантом Майком Джардином и констеблем Джеки Рэйд. А это значит, что героев ждут смертельные опасности, головокружительные погони, жестокие поединки с изворотливыми преступниками и блестящие победы. А читателей – чудесные мгновения захватывающего чтения!

В первую книгу сериала «ТАГГЕРТ» войдут повести «Пряничные человечки» и «Змеиное гнездо».

УВАЖАЕМЫЕ ЛЮБИТЕЛИ ФАНТАСТИКИ!

Для вас — библиотека увлекательной фантастики и остросюжетного детектива в сериях:

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК — Произведения отечественных и зарубежных мастеров современной остросюжетной фантастики

БОЕВЫЕ РОБОТЫ. BATTLETECH® — Звездные войны, боевые машины будущего в фантастическом суперсериале корпорации FASA

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ — Новые детективы современных российских писателей

ЗАМОК ЧУДЕС — Сказочные повести и детская фантастика

Кроме того, издательство АРМАДА предлагает книги следующих серий:

«РЮРИКОВИЧИ» «РОМАНОВЫ. Династия в романах»
«СМУТНОЕ ВРЕМЯ» «СПОДВИЖНИКИ И ФАВОРИТЫ»
«РУССКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ» «РОССИЯ. История в романах»
«ВЕЛИКИЕ ВЛАСТИТЕЛИ» «ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ»

Оптовые партии книг вы можете приобрести по ценам издательства у наших региональных представителей:

Москва:			**Новосибирск:**		
"Демалыс"	(095)	150-07-82	"Элпис"	(3832)	24-52-67
"Полина"	(095)	261-93-05	**Омск:**		
"Стрела"	(095)	306-62-15	"Сиббук"	(381-2)	65-36-64
"Тригон"	(095)	138-44-62	**Пермь:**		
ТОО "Пресня"	(095)	252-32-19	"Тигр"	(3422)	44-73-54
С.-Петербург:			**Ростов-на-Дону:**		
"Русский Север"	(812)	530-05-36	"Тандем"	(8632)	65-76-59
Воронеж:			**Самара:**		
"Амиталь"	(0732)	23-00-02	"Милан"	(8462)	41-87-30
Н. Новгород:			**Челябинск:**		
"Логос"	(8312)	36-25-80	"Корвет"	(3512)	36-75-10

ВНИМАНИЕ! "Книга – почтой"! Ждем ваших заявок по адресу: 125499, Москва, Кронштадтский б-р, д. 37б, издательство АРМАДА, с пометкой "Книга – почтой" на конверте. Оформить подписку и приобрести отдельные книги издательства вы также можете по адресу: Москва, ул. Новый Арбат, д. 30.

ПЛЕНИЦА ГОРА